

МОНОГРАФИЯ В ЖУРНАЛЕ

Гудкова А.В.

**I — IV ВВ. В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ.
(КУЛЬТУРА ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ)****Gudkova A.V. The I-IV centuries A.D. in the Northwest Pontic region: the culture of sedentary population.**

The monograph is dedicated to the studying of various ethnic and various cultural sedentary population that dwelled in the steppes of the Northern-Western Black Sea region in the course of the first half of the I millennium A.D. There are distinguished three stage groups: late Scythians, Venedae (Etolia type) in the lower reaches of Danube and bearers of the Chernyakhov culture. The research is mostly devoted to the problems of ethnical and cultural genesis.

Accordingly, for each group of the population there are considered three categories of records: habitation, ceramics and the burial rite. In the concluding part through the comparison of the results of the archaeological research with the data of the written records there is suggested a reconstruction of the historical processes in the region. A considerable part of the archaeological material that is being considered is the result of field researches of the author. Materials of other researchers are often interpreted in a new way.

ВВЕДЕНИЕ

Степи Северо-Западного Причерноморья являются в истории Восточной Европы зоной, в которой в широчайших масштабах происходило взаимодействие разных этнических, культурных, экономических и политических миров. Эту специфику региона породили в первую очередь его географическое положение и особенности природных условий. Прибрежье Черного моря, берега рек и лиманов представляли прекрасные условия для развития земледелия и обмена. Со времени возникновения присваивающего хозяйства эта территория, по крайней мере дважды, была густо заселена оседлыми земледельцами: в эпоху поздней бронзы и в римское время. Другой постоянный полюс развития представляли скотоводы, кочевники. В степях процветали, а при неблагоприятном стечении обстоятельств и гибли, культуры и общества кочевников. Именно природная среда обусловила здесь большую подвижность населения, для которого постоянное перемещение на значительные, а подчас и огромные, расстояния было условием ведения хозяйства и формой жизни. Западная часть степей, особенно Заднепровье, исторически была оконечностью трансевразийской степной полосы, где кочевники в своем движении с востока упирались в чуждую им географическую зону и плотные исконные массивы оседлого населения, а в римское время — еще и в лимес. На западе региона проходила историческая граница фракийского и иранского миров. Во время существования Римской империи здесь пришли в столкновение рабовладельчес-

кое общество, стоявшее на высочайшей для того времени ступени цивилизации и одновременно на финальной стадии своего развития, и варварский мир, находившийся на разных уровнях разложения первобытных отношений, становления классов и возникновения народностей. Благоприятные жизненные условия юга и римское пограничье стали местом притяжения для варваров Восточной Европы. Сюда в зону обмена, возможного грабежа и грабительских войн устремлялись, с одной стороны, кочевники-степняки, а с другой, — обитатели более северных лесостепных и лесных областей, где так легко возникало скрытое перенаселение. Спорадическое движение кочевников по степям с востока на запад — явление давно и хорошо известное. Но, очевидно, в историческом процессе, по крайней мере в римское время, было весьма значимым и такое же спорадическое перемещение населения с севера на юг. И если его апогей в эпоху великого переселения народов очевиден, то предыстория этого процесса известна значительно меньше. В первой половине I тыс. н.э. степной регион стал ареной бурных исторических событий. Здесь появляются различные варварские племена, обрушившиеся на границы Римской империи. При изучении археологических памятников этого времени возникает удивление, как именно в эту эпоху с ее бурными политическими и военными событиями, массовыми перемещениями разноязычного населения мог сложиться большой и временами явно процветающий массив оседлого зем-

ледельческого черняховского населения, существованием которого заканчивается античный период в степях Восточной Европы.

Несмотря на историческую значимость всех этих событий, цельного представления, даже на археологическом уровне, об истории степного Причерноморья в первой половине I тыс. н.э. не существует. За последние два десятилетия усилиями многих исследователей накоплено такое количество археологического материала, что, с одной стороны, назрела необходимость его источниковедческого упорядочения, а с другой, – возникла возможность создать первую связную картину развития земледельческого населения в этом регионе. Это позволяет заглянуть внутрь того варварского мира, который сыграл роль могильщика античной цивилизации. Острая потребность в такой работе усиливается тем, что неизученность степного Причерноморья в римское время разрывает цепь осмысления исторических взаимосвязей между степями Евразии и зоной, прилегающей к римскому лимесу. Этот разрыв остро проявляется при изучении Нижнего Подунавья. Румынскими и венгерскими археологами накоплены большие и чрезвычайно важные археологические материалы, активно ведется их обобщение. Однако их истолкование не может быть достаточно полным и верным без обращения к древностям степного Причерноморья. Малое число обобщающих работ по этому региону затрудняет решение ряда проблем и порождает возможность ошибочных заключений. Все это позволяет считать, что назрела необходимость совокупного изучения всего археологического материала по степному Причерноморью в римское время.

В настоящей работе рассматриваются южно-украинские степи между Днестром, Прутом и низовьями Дуная и степи на юге Молдавии. На этой территории в первой половине I тыс. н.э. существовал массив земледельческого населения. Северным пределом этой области является граница степи и лесостепи. Нами сознательно опущен район Порожистого Днестра (Днепровская Лука). Для первой четверти I тысячелетия здесь не известно постоянного оседлого населения. Черняховские же памятники второй четверти тысячелетия представляют собой своеобразное и обособленное единство, отличающееся от других частей черняховского ареала (Кухаренко 1955: 152; Тиханова 1957: 171, 174-178), в том числе и степного.

Для скифского времени доказана методическая целесообразность разделения степи и лесостепи как двух особых историко-этнографических областей, имеющих существенные различия (Шрамко 1971: 92). Нет оснований с иной меркой подходить и к римскому времени, тем более, что выделение только приморской зоны сужает историческую перспективу и разрывает цельность восприятия. Установление территориальных и хронологических границ должно

быть адекватным сути рассматриваемых явлений. Только в этом случае ограничения, неминуемо расчленяющие исторический процесс, становятся инструментом познания.

Хронологические рамки настоящего исследования продиктованы логикой исторического процесса. Она требует, учитывая общую ситуацию в Причерноморье, начать исследование с I в. до н.э. Именно в это время происходят события, оказавшие в дальнейшем большое влияние на развитие рассматриваемого региона: появление к западу от Днестра сарматов, начало возрождения Ольвии с ее хорой после гетского разгрома, возникновение в низовьях Дуная на его левом берегу римских военных форпостов. Однако археологических свидетельств этих событий, особенно за пределами античных городов, весьма мало. Земледельческое население в это время существовало в регионе лишь на крайнем востоке – это нижнеднепровские позднескифские городища. Поселения хоры Ольвии возникли в I в. н.э. Возможно, оседлое население появилось на восточном берегу Днестровского лимана, но его памятники известны только по разведкам. У с. Надлиманское VI обнаружено поселение с обломками амфор II в. до н.э. – первых веков н.э. (Охотников 1983). При раскопках черняховского поселения у с. Мирное в урочище Гайдолина установлено наличие под черняховским слоем более раннего – с амфорами II-I вв. до н.э. (Кравченко 1971: 42). На восточном берегу Днестровского лимана возле с. Роксоланы на развалинах древнегреческого Никония в I-III вв. н.э. существовало земледельческое поселение, именуемое тоже Никоний.

Сельская округа Тиры мало известна. Жизнь на поселении Молога-II начинается, возможно, во второй половине I в. н.э. Степи между Днестром и Дунаем не обжиты. Страбон называет их пустыней гетов (Латышев 1947: 258), что соответствует отсутствию археологических памятников после прекращения жизни на поселениях типа Пивденного в III в. до н.э. Раннее появление сарматов в степях к западу от Днестра, известное по письменным источникам, археологически документируется пока только несколькими памятниками. Могильник I-II вв. Усть-Каменка возник у переправы через Днепр на его правом берегу (Махно 1960 а). Сарматское погребение середины – второй половины I в. до н.э. обнаружено у с. Холмское в Буджакской степи (Гудкова, Фокеев 1984: 21-24). Захоронения I в. н.э. раскопаны на правом берегу Южного Буга у с. Ковалевка (Ковпаненко 1986: 168-183), у с. Ново-Петровка в устье Буга (Вязьмитина 1986: 194) и у с. Михайловка в Буджаке (Сорокина и др. 1986). Таким образом реально обеспеченным материалом для археологического изучения оказался период, примерно, с середины I в. н.э. и до гуннского вторжения.

Этот период целесообразно разделить на

три исторических этапа. Первый, примерно, равен первой четверти тысячелетия. Оседлое население этого времени, поздние скифы, состояло из отдельных групп, не представляющих прочного единства. Их объединяет общность происхождения, связанного с земледельцами Причерноморья предшествующего времени, и в основном одинаковая материальная культура. К этому времени относится проникновение на юг населения из более северных областей. Возможно, именно в самом конце периода в Буджаке появляется южная группа венедов, оставившая памятники типа Этулия. Оседлое население взаимодействует с кочевниками — сарматами. Их памятники в первой четверти I тыс. н.э. наиболее массовы в Буджакской степи между низовьями Днестра и Дуная. На этом этапе велика экономическая, политическая и культурная роль античных городов, Тиры и Ольвии, переживавших свой последний расцвет. Важнейшим историческим фактором является укрепление в Северном Причерноморье военно-политического присутствия Римской империи.

Второй этап — это полстолетия «скифских» или «готских» войн варваров с Римской империей в III в. Не смотря на свою краткость, он имеет очень большое значение, являясь переломным в истории региона. Эволюционное развитие местного оседлого населения было полностью нарушено. В Причерноморье из лесостепи хлынули массы этнически неоднородного населения, ранее в степи не обитавшего. Античным авторам оно известно под собирательным названием готы, которые действительно составляли часть этого конгломерата. В него входило также аборигенное население лесостепи междуречья Днепра и Днестра. Археологическое движение этих мигрантов на юг фиксируется появлением в Причерноморье черняховской культуры, включающей часто памятники с вельбаркскими (собственно готскими) чертами. В совместной борьбе против Рима и военных походах двух поколений людей интегрировалось пришлое и местное население, включая сарматов, и выкристаллизовался южный степной вариант черняховской культуры. Власть Римской империи в Причерноморье была ликвидирована, античные города разгромлены. Образ жизни людей в это время чрезвычайно нестабилен. Этот период почти не представлен археологическими памятниками. Их отсутствие является его особенностью.

Третий этап — последняя треть III в. — IV в. до гуннского вторжения. В регионе господствовала черняховская культура. С востока появляется новая позднейшая группа сарматов-аланов, просуществовавшая в Буджаке почти до середины IV в. Оседлое население бурно развивается. Римская империя прямого военного и политического воздействия на Причерноморье не оказывала. На развалинах Тиры и Ольвии продолжалась какая-то жизнь, но крупными цент-

рами они уже не являлись. Гунны смели носителей черняховской культуры. Степи надолго обезлюдели, а оседлое население появилось в них вновь много лет спустя в новое время.

Цель настоящего исследования — проследить возникновение, этнокультурное развитие и исчезновение групп оседлого населения в степях Украины в первой половине I тыс. н.э. Есть основание полагать, что в это время определяющим фактором исторического развития в регионе являлись не только социально-экономические сдвиги, но и массовые перемещения значительных групп разнородного населения и вызванные ими последствия. Развитие черняховской культуры в степях, с которым связан максимальный расцвет оседлого населения в этом регионе в I тыс. н.э., нельзя понять без изучения этнокультурных процессов.

Настоящее исследование базируется на археологических материалах, что определило и методы, и структуру работы. Ее большая по объему часть посвящена упорядочению и анализу археологических источников, в последней главе предлагается реконструкция исторического процесса.

Одной из основных методических посылок работы является представление о соответствии этноса археологической культуре, естественно, с поправкой на особенности соответствия в условиях распада первобытных отношений, зарождения раннеклассовых структур и непосредственного контакта с античными государствами. В этих условиях не было прямого и полного совпадения археологической культуры и этнической общности, а культуры могут выступать в качестве полиэтничных.

Цель работы определила отбор археологических материалов и подход к их анализу. Для решения вопросов культурогенеза и этнокультурных проблем наиболее информативными и показательными являются особенности поселений и жилищ, лепная посуда, а также по отдельным проблемам гончарная и погребальный обряд. Такой отбор категорий источников не нов для решения поставленных задач и его доброкачественность многократно проверена археологами на опыте. В жилище наиболее показательными с этнокультурной точки зрения являются его тип, традиционные строительные материалы, планировка, отопительные устройства и организация интерьера.

Лепная керамика, поскольку она всегда была продукцией домашнего производства и использовалась только на месте, оказывается своеобразным ступком традиций, весьма устойчивым к внешним изменениям. Значение гончарной керамики в римское время с точки зрения целей и задач настоящего исследования значительно меньше. Однако полностью отказаться от ее анализа нельзя, поскольку, например, сероглиняная гончарная посуда представляет собой в римское время особый феномен, важный

для изучения этнокультурных процессов. За этой посудой, часто без учета ее связи с конкретными археологическими культурами, закрепилось определение «провинциально-римская», что действительно выражает реальное положение вещей, поскольку провинциально-римская вауль, а в более глубинном пласте и латенская, сильнейшим образом нивелирует облик этой ремесленной продукции. Однако даже при значительной степени унификации не исчезают полностью черты своеобразия, связанного с различиями в истоках культур, которым присуща сероглиняная керамика.

В материалах Северного Причерноморья удалось разграничить сероглиняную керамику античных центров и черняховской культуры, выделить новый ингредиент в сероглиняной посуде позднескифских памятников (Гудкова 1979, 1990; Гудкова, Крапивина 1988, 1990; Gudkova, Kravivina 1997; Гудкова, Малюкевич 1994). И хотя ко всем этим группам керамики приложимо определение «провинциально-римская», тем не менее они отличаются друг от друга. Не меньшее значение в некоторых случаях имеет изучение орнамента керамики и отделки ее поверхности. Провинциально-римская мода, хотя и затемнила этнические истоки отдельных явлений в этой сфере, но не уничтожила их полностью.

Что касается погребального обряда, то он во всем своем материальном воплощении служит надежным источником для изучения этнокультурных и этногенетических проблем. Степень его насыщенности человеческими представлениями и эмоциями столь велика, что обеспечивает ему чрезвычайный консерватизм и устойчивость при передаче от поколения к поколению. Под инновациями в нем можно обнаружить глубокие пласты, давно ушедшие из прямого осознания людей, но продолжающие сохранять традиции предшествующих поколений. При всей веротерпимости древнего мира сохранение погребального обряда предков было обычным и в иноэтничной и инокультурной среде.

Накопление археологических данных о земледельческом населении Причерноморья осуществлено практически целиком в советское время. Объем имеющихся на сегодня источников уже позволяет дать классификацию памятников и предложить этнокультурную атрибуцию их групп.

История изучения нижнеднепровских городищ подробно изложена в работе Н.Н.Погребовой (1958: 103-108). Итогам ее собственных больших раскопок на Знаменском и Гавриловском городищах посвящена указанная работа. Результаты исследования городища и могильника Золотая Балка изданы М.И.Вязьмитиной (1952, 1962). Работы этих исследовательниц и по сей день являются базой современных знаний об этих памятниках. В то же время на их материалах работали и другие исследователи,

углубляя и уточняя сведения о них, а раскопки на этих городищах ведутся и в настоящее время (Бреде 1960: 191-203; Ветштейн 1960: 204-209; Дмитров та ін. 1961: 78-100; Добровольский 1960: 141-165; Выезжев 1960: 166-175; Фурманська 1960: 180-190; Шапошникова 1960: 176-179; Сымонович 1967 г, 1969 б, 1971, 1977 б; Сымонович, Гей 1978 б; Гей 1987; Гей, Бажан 1993; Гаврилюк, Абикулова 1991, I, II). Неукрепленные же позднескифские поселения остаются мало изученными (Елагина 1953, 1958; Славин 1954, 1955; Брайчевская 1955; Белановская 1960; Вязьмитина 1960; Махно, Мізін 1961).

В результате масштабных раскопок на нижнеднепровских памятниках в 50-60-х годах сложилось представление о том, что эти городища являются позднескифскими. Культура оставившего их населения рассматривалась как сложившаяся на местной основе. Это положение доказывалось по материалам жилища, керамики и погребальному обряду (Граков 1954: 173; Погребова 1958: 132-136, 141, 204-207; Вязьмитина 1962: 112, 122-144; Вязьмитина 1972: 182). В настоящее время на основании новых раскопок и разработки ранее накопленных материалов Н.Г.Гаврилюк и М.И.Абикулова предлагают новую трактовку ряда коренных этнокультурных вопросов (Гаврилюк 1991; Гаврилюк, Абикулова 1991, вып. I и II). Высказано мнение о том, что между нижнеднепровскими материалами IV в. до н.э. и II в. до н.э. - II в. н.э. существует принципиальная разница, наблюдается изменение всех характерных признаков. «Не только материальная культура, но и структура поселений, домостроительство, способы ведения хозяйства мало чем отличаются от античных. Следовательно «позднескифскими» эти памятники можно назвать весьма условно, имея в виду лишь время их существования и сложившуюся историческую традицию» (Гаврилюк 1991: 20-21). Дальнейшее развитие эта мысль нашла в утверждении о том, что нижнеднепровские городища не были позднескифскими в прямом смысле этого слова, а их «основное население состояло из переселившихся в силу многих причин, вытекающих из сложной политической ситуации в Ольвии во II в. до н.э., обитателей Ольвии, приспособившихся к более суровым степным условиям» (Гаврилюк, Абикулова 1991, II: 30). Насколько справедливо это мнение, пока судить трудно, так как материалы новых раскопок опубликованы в небольшом объеме, как и разработки конкретных групп источников, приведшие к изложенным взглядам. Однако надо отметить, что исследователи Ольвии тоже допускают переселение части городского населения к поздне скифам на Нижний Днепр. В.В.Крапивина пишет, что часть ольвиополитов могла укрыться там во время гетского разгрома (Крапивина 1993: 141).

Принципиально новым является мнение Н.Е.Берлизова (Берлизов 1993: 211-213). Он

пишет: «...могильники появляются сразу или почти сразу после разрушения «своих» городищ и считать их памятниками одного населения (по крайней мере до I в. н.э.) ...не представляется возможным. Создается впечатление, что население, оставившее могильники, участвовало в разрушении городищ, а затем в их возрождении». Н.Е.Берлизов склонен связывать пришедшее население на основе сходства катакомбных грунтовых могильников с обитателями Центрального Кавказа, известными по могильникам Нижний Джулат, Чегем II, Подкумок, Мостовой. Изложенная точка зрения представляет значительный интерес, но, поскольку она выражена лишь в тезисной форме, приходится воздержаться от ее подробного анализа.

Хора Ольвии к настоящему времени изучена весьма основательно. Это позволило создать ее археологическую карту, в которой отдельный раздел посвящен памятникам первых веков н.э. (Крыжицкий и др. 1990: 77-97). На Бугском лимане раскопки производились на Козырке I (Бураков 1962, 1966, 1976; Крыжицкий, Бураков 1975), Старой Богдановке I (Славин, Бондарь 1957: 125; Буйских 1979: 88-92), на поселении Радсад (Славин 1955: 130-132), Дидова хата 3 (Рубан, Буйских 1976), Скелька I (Славин 1952: 56-57; Бураков, Буйских 1979; Бураков 1980), Золотой Мыс (Славин 1952: 56; Буйских 1979: 92-95; Абикулова, Былкова 1985). К югу от Ольвии исследования производились на Днепровском 2 (Славин 1955: 137) и Петуховке 2 (Фабрициус 1925: 74-77; Славин 1955: 137-139; Синицын 1952, 1959 а: 13-34; Есипенко 1951). Исследовались также городища Мыс (Буйских, Бураков 1977), Сиверсов Маяк, Семенов Рог и Станислав. Накопленные материалы легли в основу первого обобщающего исследования по истории развития хоры (Крыжицкий и др. 1989: 156-219). В изучении сельской округи Ольвии на сегодня слабым местом является отсутствие раскопанных могильников римского времени.

Ученные памятники представлены несколькими типами. Таковы: 1) городища с плотной застройкой внутри; 2) убежища, в которых имелась свободная незастроенная площадь с собственной линией укреплений (Днепровское 2); 3) римские военные лагеря (Дидова Хата 3). Зафиксированы также временные пастушеские стоянки (Аджигольская Балка, Кинбурн) (Крыжицкий и др. 1989: 160) и стоянки рыбацких. Исследователи хоры Ольвии полагают, что «...основу населения укрепленных поселений составляли потомки тех греков, которые жили в Ольвии еще до гетского разгрома... Вместе с тем, на хоре проживала какая-то часть и негреческого населения — скифы, сарматы, фракийцы, возможно, варварский компонент римских войск из района Паннонии» (Крыжицкий и др. 1989: 216).

Хора Ольвии всегда воспринималась — да и сейчас еще воспринимается антиковедами — в

основном с точки зрения развития античного мира и его влияния. Но ведь возможен и необходимый и другой взгляд — с точки зрения истории развития варварского мира. Только объединение обоих ракурсов восприятия даст возможность наиболее полного постижения сути процессов.

Сельскохозяйственная округа Тиры первых веков н.э. изучена очень слабо. По берегам Днестровского лимана учтено около двух десятков поселений первой четверти I тыс. н.э. (Малюкевич 1991: рис. 1). На западном берегу согласно карте, составленной С.Б.Охотниковым (1983), это — Шабо, Сухолужье, Пивденное 2, Веселое 3, Удобное; на восточном берегу — Беляевка 3, Николаевка 4, Овидиополь 5, Роксоланы 1, 5, 6, 10, Бугаз 3. Кроме того, известны места обнаружения монетных кладов, содержащих римские денарии и монеты Тиры, что может указывать на существование в этих местах усадеб зажиточных граждан города (Карышковский, Клейман 1985: 106). П.О.Карышковский и И.Б.Клейман полагают, что сельская округа Тиры охватывала только западный берег Днестровского лимана и побережье Будацкого лимана от с. Удобное на севере до с. Приморское на юге (Карышковский, Клейман 1985: 106). При такой постановке вопроса остается неясным политический статус поселений на восточном берегу Днестра и его лимана. Кроме того, на Будацком лимане поселений этого времени разведками не зарегистрировано.

В 1975-1978 гг. нами были проведены раскопки поселения могильника Молога 2 (Гудкова 1976, 1977; Гудкова, Руссова 1980; Гудкова, Фокеев 1982). После 1978 г. работы продолжены А.Е.Малюкевичем. Их результаты опубликованы лишь частично и в основном в тезисной форме (Малюкевич 1988, 1988 а, 1988 б, 1989 а, 1989 б, 1990, 1991, 1991 а, 1991 б, 1991 в, 1994 а, 1995). В течение одного полевого сезона раскапывалось поселение Веселое 3 (Малюкевич 1992 а; 1994). Материалы этих памятников свидетельствуют о существовании на Днепровском лимане в первой четверти I тыс. н.э. населения, материальная культура которого по основным признакам находит себе ближайшие аналогии на позднескифских памятниках Нижнего Днепра и на поселениях хоры Ольвии.

На восточном берегу лимана этому же населению принадлежит слой римского времени на Никонии. Раскопки городища античного Никония на восточном берегу Днестровского лимана были начаты в 1957 г. До 1966 г. ими руководил М.С.Синицын (1960 а, 1966). С 1968 г. исследование этого памятника вели Н.М.Секерская (Андрунина) (1975, 1976, 1977, 1978 а, 1978 б, 1984, 1993 б, 1995) и А.Г.Загинайло (1960, 1972, 1976, 1977). В последние годы в эту работу включился И.В.Бруяко. Материалы открытого и изучаемого им могильника римского времени (Секерская 1993) полностью совпадают с материала-

ми могильника Молога 2, что подтвердило наше мнение о принадлежности этих памятников одной группе населения.

Обобщенного исследования материалов римского времени на Никонии пока не имеется. Подвергнуты анализу отдельные категории источников — жилища (Кузьменко 1976), детские погребения в сосудах (Секерская 1978 б), краснолаковая керамика (Секерская 1984 а). В последнее время появилось сообщение о том, что здесь обнаружены остатки оборонительной стены римского времени (Секерская 1995: 58). Место этого памятника в системе древностей римского времени с точки зрения его отношения к Тире во многом неясно.

В целом материалы памятников первой четверти I тыс. н.э. на Днестровском лимане свидетельствуют о существовании населения, материальная культура которого по основным признакам находит себе ближайшие аналогии на позднескифских памятниках Нижнего Днепра и поселениях хоры Ольвии. Это позволяет утверждать, что на Днестровском лимане существовал локальный очаг позднескифской культуры (Гудкова, Фокеев 1982: 109; Гудкова 1987; 1989: 34-37).

Начало изучению черняховских памятников в степи положено довоенными раскопками А.В.Добровольского на Ингульце (Добровольский 1950) и А.К.Раевского на поселении Кисёлово под Одессой (Раевский 1955). После Второй мировой войны археологи Одессы начали систематическое изучение древностей Северо-Западного Причерноморья, естественно, первоначально в форме разведок. Организатором и руководителем этих работ был М.С.Синицын. Им было учтено большое количество памятников, в том числе римского времени, между низовьями Нижнего Буга и Днестра (Синицын 1949 а, 1949 б, 1955, 1959 а). К сожалению, использовать сейчас в полной мере результаты этих больших работ почти невозможно, так как полевые документы и коллекции не сохранились, а культурно-хронологическая атрибуция памятников, — «скифо-сарматских», по терминологии М.С.Синицына, — для современного уровня знаний в ряде случаев недостаточна. Кроме разведок, М.С.Синицын раскапывал в 1946 г. поселение черняховского типа Ильинка I (Синицын 1949 б: 151-155; 1950: 64-65).

В 60-х годах одесские археологи — ученики М.С.Синицына — вели разведки на Днестровском лимане и в Буджакской степи, в результате чего были обнаружены многочисленные памятники первой половины I тыс. н.э., часть которых принадлежит черняховской культуре. Их результаты в междуречье Днестра и Дуная обобщены И.Т.Черняковым (1967).

Систематическое изучение древностей первых веков нашей эры в Молдове связано, прежде всего, с деятельностью Г.Б.Федорова, Э.А.Рикмана и их сотрудников. Однако на край-

нем юге, в северной части Буджакской степи оказалось исследованным лишь небольшое количество памятников. У пограничья с лесостепью Э.А.Рикманом раскопано поселение Комрат (материалы изданы частично, см. Рикман 1975 б). Г.Б.Федоровым раскопан в Буджакской степи сарматский грунтовой могильник Криничное (1969).

Результаты учета и раскопок черняховских древностей в молдавской части Буджака были суммированы в 1975 г. в пяти выпусках археологической карты МССР (Рикман 1975 а: 32-148), а по Одесской области (по состоянию на 1980 г.) в «Справочнике археологических памятников» (Гудкова, Охотников, Субботин, Черняков 1983). Согласно этим сводкам число памятников первой половины I тыс. н.э. в Буджакской степи значительно больше, чем в междуречье Южного Буга и Днестра. Это, скорее всего, соответствует истинному положению вещей, а не состоянию наших знаний.

В изучении памятников черняховского типа на юге Украины большая заслуга принадлежит Э.А.Сымоновичу. Его работы в Причерноморье начинаются с разведок и раскопок поселения Капустино в низовьях Тилигульского лимана в 1950 г. (1956 а: 131-135). Затем им были открыты и исследованы в степи многочисленные поселения и могильники, в том числе наиболее значительные из них — Гавриловка, Каменка-Днепровская, Викторовка, Коблево, Ранжевое, Фурмановка, Бургунка (1955, 1956 а, 1960, 1966а, 1967 а, 1979 б, 1974, 1980, 1988; Сымонович, Яровой 1968). Им же были продолжены начатые до революции М.Эбертом раскопки могильника Николаевка Козацкая (1967 г). Б.В.Магомедовым раскопан могильник Каборга 4 (Магомедов 1979 б). Им же велись работы на городище Александровка, на могильнике Городок, на поселении и могильнике Каменка-Анчекрак и на ряде других объектов (1979 а, 1980, 1981, 1983 а, 1983б, 1984, 1987).

В 60-х годах в Буджакской степи развернулись археологические работы на ирригационных новостройках. Черняховский отряд в составе Днестро-Дунайской экспедиции ИА АН УССР, руководимой Н.М.Шмаглием, вел раскопки поселения Нерушай в Буджакской степи и Мирное в междуречье Днестра и Дуная, а также разведки (частично с шурфовкой) памятников римского времени (Кравченко 1967 б, 1971 а, 1971 б). С 1969 г. в их изучение включилась автор настоящих строк. Итоги наших полевых исследований излагаются ниже по ходу анализа фактического материала.

Обнаружение в степях памятников черняховского облика поставило перед исследователями задачу их культурной атрибуции (Гудкова, 1976). Первоначально их воздерживались относить к черняховской культуре, особенно поселения с каменным домостроительством. М.А.Тиханова на основе культуры Синтана де

Муреш в Румынии выделила «район Дунайского бассейна», включая Буджак (без морского побережья), а памятники Низового Днепра были ею оставлены вне черняховских вариантов (1957: рис. 1, с. 177). А.Т.Смиленко, анализируя материалы из зоны затопления Каховской ГЭС, пришла к выводу о том, что основная территория распространения черняховских памятников это – лесостепь, а в степи лишь в Надпорожье наблюдается их концентрация (Брайчевська 1957). Е.В.Махно однозначно отнесла к черняховской культуре поселения и могильники степного Поднепровья. Основная же масса памятников степи была причислена ею к черняховским условно, хотя она и допускала, что дальнейшее исследование может подтвердить их принадлежность к ней. В приморской зоне она выделила «поселения с каменным домостроительством» и черняховской керамикой, принадлежность которых к черняховской культуре представлялась ей весьма проблематичной (1960: 14 и карта). Однако Г.Б.Федоров рассматривал памятники степи как отдельную локальную группу черняховской культуры (1960: 70). На какое-то время утвердилось представление, что в степь проникали лишь небольшие группы черняховского населения, оставившие отдельные памятники (Тиханова 1957: 177-178; Федоров 1960: 162).

Пересмотреть это представление заставило обнаружение Э.А.Сымоновичем при поселениях с каменным домостроительством биритуальных могильников черняховского типа. Первый из них принадлежал поселению Викторовка II (Сымонович 1966 а). В результате изучения степных могильников Э.А.Сымонович пришел к выводу о единстве и сходстве памятников Причерноморья с лесостепной и степной черняховской культурой и о миграции ее носителей с севера на юг (1967 а: 234, 235, 237). После его итоговой в этом вопросе работы (1967 а) аргументация в пользу отнесения причерноморских памятников к числу черняховских практически более не разрабатывалась. Однако надо отметить, что до последнего времени ряд исследователей не считал причерноморские памятники черняховскими. Е.В.Махно отнесла к южностепному варианту черняховской культуры лишь часть памятников Нижнего Поднепровья, Побужья и Поднестровья (1970 а; 1970 б). А.Т.Смиленко выделяет черняховские памятники в степном Поднепровье, а культурная принадлежность поселений на Ингульце, по ее мнению, не ясна, ибо не известны их могильники. Остальные памятники Причерноморья она черняховскими не считает (1984). М.Б. Щукин предложил выделить поселения с каменными домами в особую группу, сочетающую позднескифские признаки с черняховскими (1979: 71).

Восприятие степных памятников как черняховских укрепилось в связи с развитием представления о полиэтничности черняховской куль-

туры и сейчас широко распространено (Баран 1981; Седов 1976; Кропоткин В. 1978; Кропоткин А. 1984 и др.). Ряд исследователей выделяет в Причерноморье местный вариант культуры (Магомедов 1979, 1981; Гей 1980 а, 1980 б, 1985; Баран 1981: 164). Именно с точки зрения признания причерноморских памятников черняховскими написаны работы Б.В.Магомедова, посвященные памятникам черняховского типа в основном с каменным домостроительством, в узкой полосе степей, непосредственно прилежащих к морскому побережью (1980, 1981, 1983 а, 1983 б, 1984, 1987). Он выделяет три варианта погребального обряда, за которыми различает три этнокультурные группы носителей черняховской культуры в Причерноморье. Б.В.Магомедов полагает, что в могилах с заплечиками погребало своих умерших эллинизированное местное население (в основном сарматского происхождения), а погребения с подбоями и в простых ямах он прямо связывает с сарматами украинских степей. Захоронения с кремацией и частично труположения в простых ямах, по мнению Б.В.Магомедова, принадлежат «германским племенам, переселившимся из Повисленья, но за время своего пребывания на территории северо-западной и центральной Украины усвоившим черняховскую культуру» (1980: 85). Исследователь полагает, что локальной особенностью рассматриваемых им памятников является преобладание в составе их населения представителей эллинизированных племен позднескифского происхождения. Другие его компоненты – оседлые сарматы и часть переселившихся с севера черняховских племен с примесью носителей вельбаркско-цецельских и пшеворских культурных традиций. Характерной особенностью взглядов В.Д.Барана и Б.В.Магомедова на степные черняховские памятники является представление о том, что через черняховское население степи из античных городов Причерноморья распространялось в черняховской культуре античное влияние (Баран и др. 1990: 66). Наиболее остро эта мысль выражена Б.В.Магомедовым, писавшим, что «синкретическая антично-варварская культура Северо-Западного Причерноморья... распространилась на Степь и Лесостепь, встретив благоприятную почву среди местных племен, достигавших к тому времени достаточно высокого уровня социально-экономического развития. Это привело к возникновению черняховской культуры в том виде, в котором она известна по своим лесостепным проявлениям, объединяющим северо-причерноморские, зарубинецкие и пшеворские элементы.» (1980: 87). В.Д.Баран и Б.В.Магомедов включают Нижнее Поднепровье в зону существования наиболее ранних памятников черняховской культуры (Баран 1981: 153, 154; Этнокультурная карта..., 1985: 47). О.А.Гей на основе картографирования черняховских памятников (Гей 1980 а: 45-50; 1993: карта 29 на с.

166) и сравнения погребального обряда среднеднепровской и причерноморской зон пришла к выводу о независимом генезисе черняховского населения в Причерноморье. Она полагает, что в Причерноморье скифо-сарматские племена имели первостепенное значение (1985 б: 344; 1993: 165). По ее представлению северопричерноморская зона неоднородна и распадается на две локальные группы – приднепровскую и причерноморскую. Погребальный обряд первой сложился под сильным влиянием пшеворской и вельбаркско-цецельской культур, а второй – на позднескифской основе.

Э.А.Рикман, сделавший так много для изучения и осмысления черняховской культуры междуречья Днестра и Прута, никогда не выделял степные памятники Буджака в особую группу. В своей обобщающей работе (1975 б) он распространил на них выводы, полученные на материалах молдавской лесостепи. В результате своеобразие степного района оказалось им не воспринятым.

Разработка систематики черняховского погребального обряда, выполненная Г.Ф.Никитиной (1985), создает возможность объективной, основанной на статистике оценки явлений в этой категории источников. Анализ систематизированных материалов потребует выработки соответствующих методов, что превращает такую работу в самостоятельное исследование, однако и на современном уровне разработки ряд наблюдений Г.Ф.Никитиной представляет для нас большой интерес, в частности проступающее в ее работе своеобразие степных памятников.

Накопление сведений о древностях римского времени в Буджакской степи имело особые результаты. Оно быстро привело к осознанию их неоднородности. Однако на первом этапе исследования все они воспринимались как относящиеся к черняховской культуре. И.Т.Черня-

ков в равной степени отнес к ней и поселения с керамическим комплексом черняховского типа, и поселения, на которых находили лишь обломки римских амфор и лепной посуды (1967), что неминуемо вызвало критику с методической точки зрения (Махно 1970 а: 61). Иначе воспринял это явление Н.М.Шмаглий, разграничивший памятники черняховского типа и «античные» (1965: 53). Н.М.Кравченко из 15 обследованных памятников римского времени отнесла к черняховской культуре всего шесть (1971 б)

Раскопки на подобных памятниках, начатые одновременно во второй половине 70-х годов в Молдове и в Одесской области работами Т.А.Щербаковой и автора, привели к обнаружению особой группы древностей, синхронных в основном черняховским, но составляющих самостоятельное этнокультурное единство. Они были названы памятниками типа Этулия и идентифицированы с южной группой венедов на Дунае, известных по Певтингеровым таблицам (Чеботаренко, Щербакова 1974; Щербакова 1980, 1981, 1982, 1982 б, 1987; Паламарчук 1982; Фокеев 1982; Гудкова 1987, 1989, 1990). Исследование этих памятников в настоящее время продолжает М.М.Фокеев (Фокеев 1997, 1998).

Подводя итоги историографическому обзору, следует констатировать, что памятники оседлого населения первой половины I тыс. н.э. в степях Причерноморья до сих пор не стали предметом специального исследования во всем их объеме и многообразии. Их материалы не упорядочены на источниковедческом уровне, а сами эти древности не воспринимаются как единая система взаимосвязанных и взаимообусловленных явлений. Настоящая работа и представляет собой попытку постановки и возможного решения этих задач, а так же создания истории этнокультурного развития населения Северного Причерноморья в первой половине I тыс. н.э.

Глава 1. ПОЗДНЕСКИФСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ

В первой четверти I тыс. н.э. в степях Украины оседлое земледельческое население обитало лишь на крайнем юге в приморской зоне. Здесь оно было распространено не повсеместно, а концентрировалось в трех районах: на Нижнем Днестре, на хоре Ольвии и по берегам Днестровского лимана (рис. 1), где оно, можно думать, составляло земледельческую округу Тиры. Территориальная разобщенность этих трех очагов сельской жизни требует для определения степени их сходства друг с другом сопоставления основных категорий археологических источников, имеющих выраженную этнокультурную «окраску». Без этого нельзя понять историю развития в припонтийских степях оседлого населения, представлявшего собой в первой четверти I тыс. н.э. варварский оаис вокруг античных центров. Значимость археологических источников для изучения этого явления

особенно велика, ибо письменные сведения об этом населении практически отсутствуют.

Нижнеднепровские городища возникли до нашей эры. Для данного исследования в их хронологии интерес представляет поздний период их существования и прекращения их жизни. Этому последнему аспекту посвящено специальное исследование (Щукин 1970). М.Б.Щукин установил, что Знаменка заустевает на рубеже эр, Золотая Балка в конце I в. н.э., Гавриловка на рубеже I и II вв. н.э., могильник Золотая Балка и Любимовское городище – в первой половине II в. н.э. Не переживает их и позднескифский могильник Николаевки Козацкой. Н.А.Гаврилюк и М.И.Абикулова относят верхний предел существования Знаменки ко II в. н.э. Анновское же городище, по их мнению, заустевает в III в. (1991, I: 22,25).

Три поселения – Берислав (Махно, Мізін

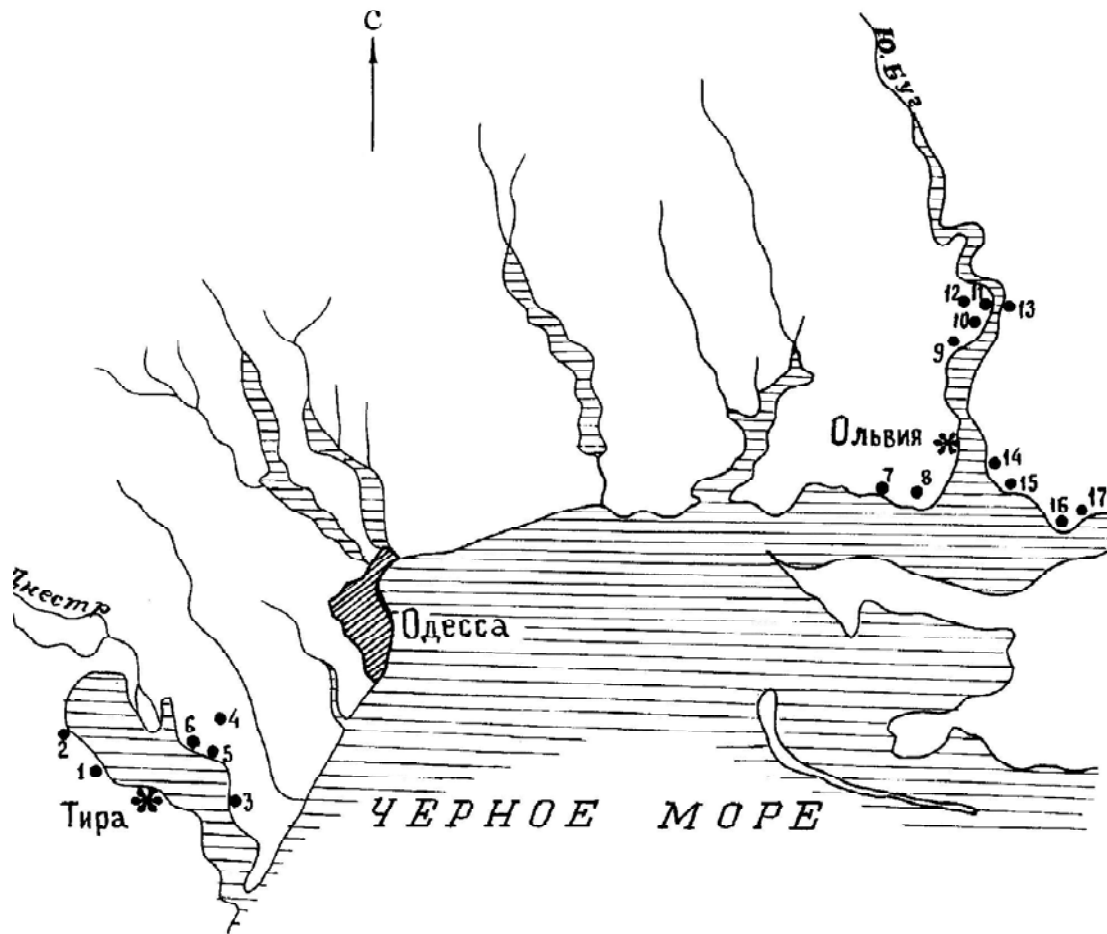

Рис. 1. Карта-схема позднескифских памятников первой четверти I тыс.н.э. на Буго-Днепровском и Днестровском лиманах.

1 – Молога II (Гудкова, Фокеев 1982); 2 – Удобное (Черняков 1960); 3 – Роксоланы (Синицын 1960 а; Секерская 1978 а); 4 – Мирное или Гайдолина (Кравченко 1971 а); 5 – Маяки III (Кравченко 1968); 6 – Надлиманское (Кравченко 1968); 7 – Петуховка (Синицын 1952; Буйских 1977); 8 – Днепровское (Крыжицкий и др. 1980); 9 – Козырка (Бураков 1976); 10 – Ст. Богдановка (Буйских 1977; Крыжицкий и др. 1980); 11 – Радсад (Славін 1955; Буйских 1977; Крыжицкий и др. 1980); 12 – Дидова хата III (Буйских 1977; Крыжицкий и др. 1980); 13 – Сиверсов Маяк (Крыжицкий и др. 1980); 14 – Семенов Рог (Крыжицкий и др. 1980); 15 – Скелька (Крыжицкий и др. 1980); 16 – Станислав (Крыжицкий и др. 1980); 17 – Золотой мыс (Крыжицкий и др. 1980; Абикулова, Былкова 1985; Гороховский и др. 1985).

1961), Дудчаны (Брайчевская 1955; Белановская 1960; Вязьмитина 1960) на правом берегу Днепра и Каиры – на левом (Махно 1960) – вскрыты на значительных площадях. Они датируются только керамикой, в которой нет целых форм. Берислав Е.В.Махно отнесла к концу I – IV вв., а Каиры – ко II – началу IV в. Дудчаны М.И.Вязьмитина датировала II – IV вв., но при этом поместила его в первые века, не исключая возможности более раннего возникновения этого поселения на основе находки двустольной амфорной ручки. А.Т.Смиленко отнесла этот памятник к III – IV вв., и даже середине I тыс. н.э. Т.Д.Белановская же поместила его в первые века нашей эры. Такое определение времени существования этих поселений указывает на возможность их хронологического соприкос-

новения и последовательности с позднескифскими городищами. Возникает предположение, что обитатели этих поселений могут быть остатком позднескифского населения, сохранившегося в Нижнем Поднепровье после прекращения жизни городищ в конце I – начале II вв. н.э. Культурная атрибуция этих памятников не проста. Присутствие на них, как и на городищах, сероглинной керамики, сопоставимой с черняховской (причем слой с ней стратиграфически нигде не выделен), породило их неоднозначную интерпретацию. Е.В.Махно, раскапывавшая Берислав и Каиры, полагала, что изначально эта керамика не присуща их обитателям и появляется лишь на последнем этапе их жизни. По материалам Берислава ее носителей она рассматривала как пришельцев. А.Т.Смиленко, как

указывалось выше, считает их позднескифскими (1975: 17, рис. 1, с. 20, 22), Б.В.Магомедов – «ближайшими наследниками культуры позднескифских городищ в черняховской культуре» (1981: 19). При этом он включил их в перечень черняховских памятников в Причерноморье (1987: 99). М.Б.Щукин объединил Берислав и Дудчан с черняховскими поселениями Кисёлово, Коблево, Ранжевое и поздней частью могильников Николаевка Козацкая и Бизюков Монастырь в одну «кисёловскую культуру» (1979: 71).

Таким образом большинство исследователей видит определенное отличие этих поселений от собственно черняховских. Такой же точки зрения придерживается и автор. Следует особо оговорить, что Бериславское поселение, давшее большое количество строительных остатков и керамики, требует переосмысления с точки зрения стратиграфии и хронологической, – а следовательно, и культурной, – атрибуции. Исследование Я.П.Гершковича показало, что на памятнике был вскрыт мощный культурный слой с большим содержанием керамики и строительными остатками сабастиновской культуры бронзового века (Гершкович 1993). Так, все строительные остатки на раскопе 1, по его мнению, относятся к бронзовому веку. До сих пор они интерпретировались как относящиеся к первым векам н.э. и их криволинейная планировка вызывала сильное недоумение. Наличие слоя бронзового века объясняет эти странные формы строений, совершенно не свойственные для культур римского времени.

В связи с этими памятниками часто рассматривают поселения с каменным домостроительством на р. Ингулец. Результаты раскопок на них опубликованы в общей форме (Добровольский 1950; Славин 1954; 1955). Датированный материал на них крайне ограничен. Л.М.Славин отнес их в целом к I–V вв. (1954: 58), но в датировке отдельных поселений у него имеются нюансы. Снигирёвка (Отбедо-Васильевка) – III–IV вв., Дарьевка – к III–IV вв., на Афонасьевке керамика в массе датирована II–IV вв. и отмечено существование двух горизонтов. При этом в нижнем преобладала лепная керамика, а в верхнем — сероглиняная кружальная черняховского типа. Создается впечатление, что нижний горизонт не вполне понят. Н.Г.Елагиной принадлежит мысль о том, что эти памятники связаны с позднескифским населением, а их хронологическое отличие от днепровских может быть объяснено перемещением населения с Днепра на Ингулец после появления на юге готов (1953: 15–19). А.Т.Смиленко рассматривает их как позднескифские (1975: 17, рис. 1). Б.В.Магомедов отнес эти памятники к числу черняховских (1987: 10, 99). Проработка полевых документов и коллекций Ингулецкой экспедиции привела нас к выводу о том, что большая часть материалов с ингулецких поселений принадлежит черняховской культуре. Однако нельзя сказать с опреде-

ленностью, нет ли в основе некоторых из них, в частности Афонасьевки, слоев более раннего времени. Пока эти поселения действительно следует считать черняховскими. Этой же культуре принадлежит и городище Александровка на Ингульце (Магомедов, 1987: 27–29).

Существование поселений на хоре Ольвии в римское время охватывает период от интервала между последней четвертью I в. до н.э. и первой четвертью I в. н.э. до середины III в. н.э. (Крыжицкий и др. 1989: 155; 1990: 96–97).

Поселения на Днестровском лимане датируются: Молога-I – от второй половины I в. н.э. до середины III в. н.э. (Гудкова, Фокеев 1982: 103), Весёлое — II–III вв. (Малюкевич 1992: 54–55). По материальной культуре они в основном однотипны и по основным характеристикам являются аналогами позднескифским памятникам Нижнего Днепра и хоры Ольвии (Гудкова, Фокеев 1982: 109; Гудкова 1989: 36–37). Поселение Никоний датируется I–III вв. н.э. на основе краснолаковой посуды (Секерская 1984) и монет (Загинайло 1960а: 201). Чрезвычайно обильные амфорные находки, на наш взгляд, тоже указывают на это же время. Однако нельзя не упомянуть, что первый исследователь этого памятника М.С.Синицын датировал его без специальных доказательств I–IV вв. (1960а: 201). Недавно эта мысль была снова высказана А.Е.Малюкевичем, который полагает, что жизнь на поселении «...не замерла в середине III в., а, как и в Тире, продолжалась во второй половине III и даже в первой половине IV в. н.э.» (Малюкевич 1987: 108). Однако и на сей раз этот тезис никакой разработки не получил. Поэтому мы придерживаемся той даты, которая к настоящему времени хорошо обоснована.

Жилище и домостроительное дело. В соответствии с принятым нами методом рассмотрим и сравним поселения и жилища трех районов бытования позднескифской культуры.

Нижнеднепровский регион. На нижнеднепровских городищах строительные остатки охарактеризованы, кроме указанных выше публикаций результатов раскопок, также в специальной работе С.Д.Крыжицкого (1982: 138–143).

Домостроительство на Нижнем Днестре прошло определенную эволюцию. На начальном этапе существования городищ, хотя строительные остатки в соответствующих слоях сохранились плохо, зафиксировано, в частности в Золотой Балке, существование каркасных жилых домов с очагами. Их стены с обеих сторон обмазаны глиной и побелены. План этих жилищ восстановить не удалось (Вязьмитина 1962: 109). На Гавриловском городище в нижнем строительном горизонте раскопок I и II также обнаружены остатки каркасных домов (Погребова 1958: 197). На этом же памятнике известны остатки глинобитных строений, стены которых поставлены на основании из одного ряда камней (Погребова 1958: 197). В них проявляется сочетание двух

строительных материалов. Применения сырцового кирпича не зафиксировано.

Со II в. до н.э. каменное домостроительство на памятниках Нижнего Днепра стало господствующим (Гаврилюк, Абикулова 1991, II: 29). Строительный камень – это рваные по слою полигональные плитки понтийского известняка, от крупных, 0,6-0,7 м в поперечнике, и до самых маленьких. Применялся также для заполнения пустот и бесформенный бутовый камень. Только в отдельных случаях фиксируется подтепка плит по фасаду. Употребление специально обработанного камня так же, как и каменотесных деталей – явление исключительное. В качестве раствора применяли замешанный грунт или глину. Обмазка (штукатурка) каменных стен почти не известна. Следов применения в конструкциях стен столбов практически не засвидетельствовано. Углубленные жилища, землянки и полуземлянки, на городищах не известны.

Строения ставили на древней дневной поверхности без заглубленного в землю фундамента. Строительную площадку часто нивелировали, подрезая склоны и неровности и настилая под стенами в необходимых местах битую глину. В результате нивелировки отдельные строения оказывались заглубленными в почву на 0,3-0,4 м, что не позволяет считать их полуземлянками. На склонах нивелировка иногда превращалась как бы в террасирование (Любимовка, Золотая Балка). Склон подрезали до получения горизонтальной поверхности. В результате одна сторона дома была значительно заглублена и соответствующая часть стен имеет однолицевую кладку, а противоположная часть дома оказывалась полностью наземной.

Стены возводили из камня либо на полную высоту, либо делали каменный цоколь под саманные (сырцовые) или глинокаменные стены. Кроме того, цоколь применялся и в каменных стенах. Его сооружали из крупных плит. Известен цоколь двух типов: двухпанцирный из орфостатных плит по обоим фасадам, заполненный внутри бутом и раствором, и реже выложенный по фасадам постелистыми плитами. Двухпанцирный цоколь обнаружен на Знаменском, Золотобалковском, Анновском и Любимовском городищах. Внешне похожа на панцирный цоколь облицовка внутреннего фасада стены по низу одним рядом орфостатных плит (Гавриловка, Золотая Балка). Такая облицовка характерна для заглубленных строений. В ряде случаев, когда конструктивно выделенный цоколь отсутствует, стены бывают поставлены на крупных постелистых плитах, положенных в 1-2 ряда. Такие плиты применялись также в углах и возле дверных проемов (Крыжицкий 1982: 146).

Кладки обычно иррегулярные или приближающиеся к однорядным, постелистые. Широко применялись трехслойные кладки с бутовым заполнением внутри. Разнотипные конструктивные приемы и разные по характеру кладки час-

то сочетаются не только в одном строении, но даже в одной стене.

Кровли домов были тростниковыми, обмазанными глиной. В Золотой Балке находили остатки кровли в виде комков глиняной обмазки с отпечатками прутьев (Вязьмитина 1962: 107). Опорные столбы внутри применялись чрезвычайно редко, они являются исключением из правила. В Золотой Балке такой столб обнаружен только в помещении 45 усадьбы 11 (Вязьмитина 1962: 107; рис. 32). Несколько чаще столбы применялись для сооружения навесов возле домов. Только на Знаменке известно неординарное здание (Н.Н. Погребова даже считает его дворцовым), кровля которого была крыта синопской черепицей.

Полы глинобитные, мазаные, иногда никак не оформлены и представляют собой утоптанную поверхность, на которой построен дом. В некоторых случаях глинобитные, мазаные. Иногда в глину специально добавляли пески или толченые раковины. Встречаются каменные вымостки, охватывающие всю площадь помещения или только ее часть.

Приспособления для разведения огня – очаги, жаровни, печи – очень традиционны и устойчивы в хронологическом и культурном отношении. Очаги-поды представляли собой специальную глинобитную площадку, иногда с включением в глину каменных плиток или черепков. Эти очаги могли иметь по части периметра каменный бортик. Такие очаги применялись очень широко. Они обнаружены в Золотой Балке (Вязьмитина 1962: 108), Петуховке (Синицын 1959 б: 19, 23), Золотом Мысе (Абикулова, Былкова 1985: 6). Жаровни применялись широчайшим образом, а установка их на специальном поду засвидетельствована в Золотой Балке (Вязьмитина 1962: 90, 93 и др.) и Любимовке (Дмитров и др. 1961: 87). Сводчатые каменные или глинобитные печи делали несколько реже, чем очаги, но они тоже известны на многих памятниках (Гавриловка, Золотая Балка, Любимовка, Петуховка, Знаменка и др.).

Обязательной принадлежностью жилища как внутри, так и снаружи были хозяйственные ямы самого разного назначения (Погребова 1958: 127, 198-200). Помимо многочисленных ям, использование которых связано с находившимися в них очагами и печами, широко применялись ямы-погребя, зерновые ямы и ямы для сброса мусора, в том числе ямы-золяники. Ямы могли иметь обмазку, каменную обкладку, глиняные крышки на прутяном каркасе. Глубина ям в среднем 1,7 м.

Во многих жилищах обнаружены каменные загородки, служившие яслями и закромами. Они известны в Золотой Балке, Знаменке, Гавриловке и Козацком.

Объемно-планировочные типы каменных домов на большинстве городищ восстанавливаются лишь частично или вообще не реконст-

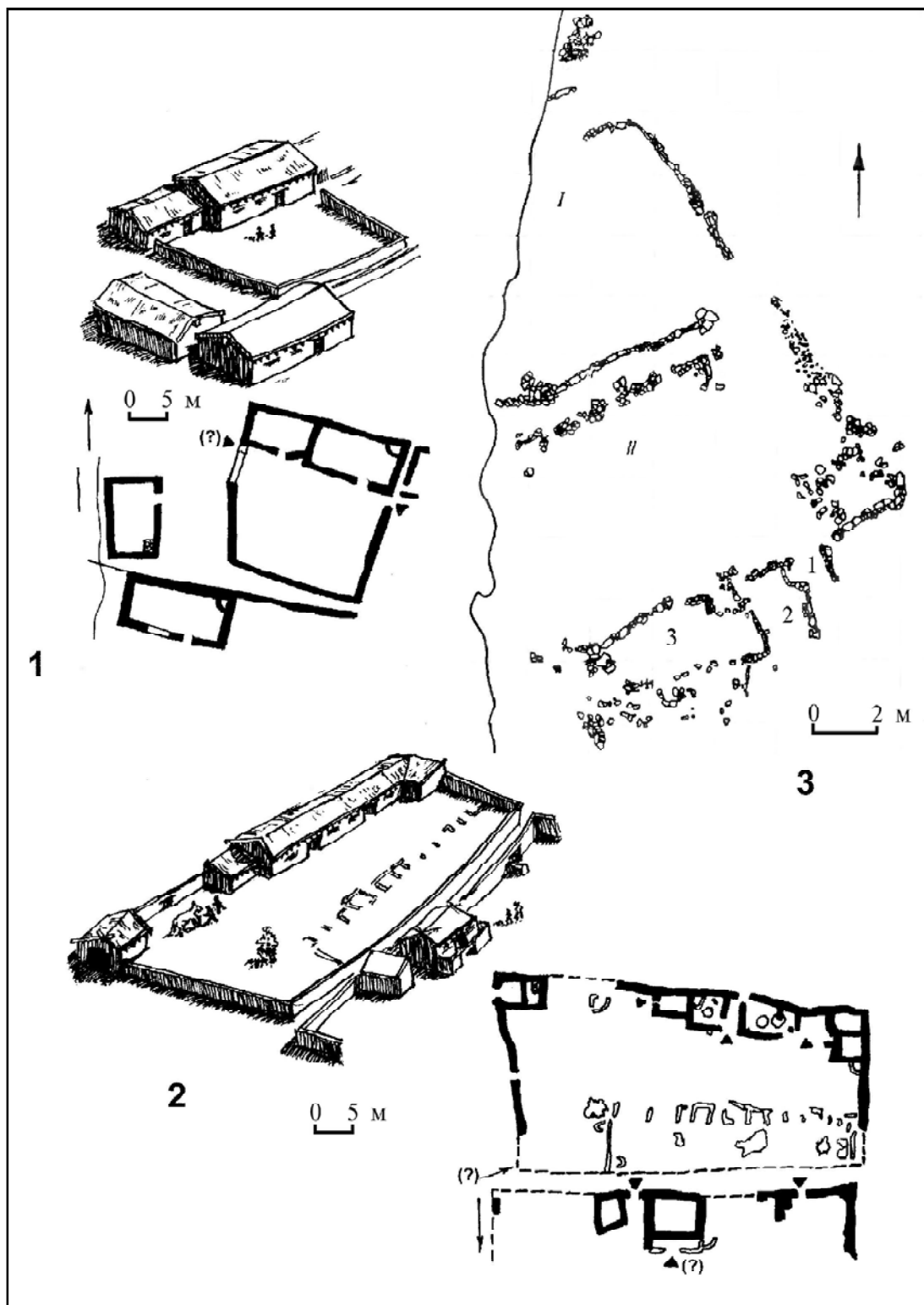

Рис.2. Реконструкция позднескифских усадеб и жилых домов по С.Д.Крыжицкому: городище Гавриловка (1), Золотая Балка (2) и план строительных остатков на поселении Каиры (3).

рируются. Наиболее обоснованные реконструкции С.Д.Крыжицкому удалось сделать по материалам Золотой Балки (Крыжицкий 1982: 140-143) и для одной усадьбы-квартала на Гавриловке (Крыжицкий 1982: 139) (рис. 2). Кроме того, с этой точки зрения значительный интерес

представляет план строительного комплекса на Козацком городище (Гошкевич 1913: № 47, с. 120 и сл.). Застройка городищ, по крайней мере в основной части, производилась кварталами. Их разделяли улицы, вымощенные каменными плитками. Кварталы представляли собой усадь-

бы, состоявшие из жилых и хозяйственных строений и большого огороженного каменной стеной двора (рис. 2). На Золотой Балке площадь кварталов составляет 800-900 кв. м (Крыжицкий 1982: 140). Крытые помещения располагались вдоль одной или двух стен двора, и их тыльные стены служили одновременно и оградой. Расположение помещений равнозначно-параллельное, и они самостоятельно сообщались с двором. С.Д.Крыжицкий полагает, что «размещение в одном и том же комплексе одинаковых по функциональному назначению и равнозначных по своим особенностям ячеек говорит об их независимости и, следовательно, о том, что основным типом жилища здесь являлись однокамерные (вариант двухкамерные, где одна из камер служила сенями), как изолированные в строительном отношении, так и неизолированные дома». Представление о существовании многокамерных домов является превратным, так как, по сути дела, «они представляют собой набор однокамерных, не связанных друг с другом функционально домов» (Крыжицкий 1982: 141, 142). В основе планировки домов лежал равнозначно-параллельный принцип. Последовательно-иерархический способ планировки встречается достаточно редко.

Естественно рассматривать вопрос о степени и формах влияния античной культуры на сложение каменного домостроительства нижнеднепровских городищ. Материалы тех из них, на которых выделены ранние и поздние слои, особенно Золотой Балки, позволяют проследить его эволюцию. На Золотой Балке стратиграфически хорошо определены два периода ее существования, ранний (II-I вв. до н.э.) и поздний (рубеж эр — I-II вв. н.э.) (Вязьмитина 1962: 25). Между ними прослеживается полная преемственность в технике строительства (Крыжицкий 1982: 143). Дома же первого периода как в планировочном отношении, так и в строительной технике являются результатом развития местных варварских традиций. Их «вряд ли можно связывать с традициями каменного домостроительства античных городов», а планировка застройки на Козацком и Гавриловском городищах стоит в одном ряду с ранней планировкой (Крыжицкий 1982: 140). Характер и приемы кладки стен явно не античные и имеют местное происхождение. Застройка городищ безордерная. Черепичная кровля — явление исключительное. Ее наличие в неординарном доме на Знаменке общей картины не меняет. В жилых строениях отсутствуют подвалы и внутренние дворы, но обычны каменные хозяйственные загородки, по своему происхождению никак не связанные с бытовыми навыками греческого населения. Античное влияние проявилось в основном в культуре строительства: четкая, более или менее прямоугольная разбивка на местности, затухание применения криволинейной планировки, усиление принципа регулярности (блокировка

домов в кварталы, развитие однотипности) (Крыжицкий 1982: 146), который возник однако самостоятельно. С.Д.Крыжицкий пишет о греко-варварском домостроительстве. Применительно к нижнеднепровским городищам представляется, что определяющей была варварская традиция.

Днепровские неукрепленные поселения Борислав, Дудчаны, Каиры многослойны и сооружения римского времени имеют перестройки. Они возведены из необработанного камня-плитняка. Часть стен была каменной на всю высоту, часть же глинобитной или глинокаменной на каменном цоколе. Обычно применение двухпанцирного цоколя с заглубленными орфостатными плитами по фасадам. На таком цоколе известны и каменные стены, выведенные из мелких плит, положенных постелью с относительным соблюдением рядности. Часть каменных стен облицована по низу плоскими камнями, поставленными на ребро. Разные приемы кладки сочетались не только в одном строении, но иногда и в одной стене. Кровля была тростниковой, полы глинобитными. Следы разведения огня сохранились в виде костроищ. Кроме того, применялись сооруженные на уровне пола очаги с каменным бортиком и купольные печи. В домах известны каменные вымостки.

Столбовые конструкции, очевидно, были исключением из правила. В Каирах предполагается навес на столбах с юго-восточной стороны помещения 3 (Махно 1961: 148; рис. 17).

В планировочном отношении дома характеризуются крупными прямоугольными помещениями с небольшими пристройками к ним, наличием коридоров. В Каирах план вскрытых строений позволяет выделить остатки двух усадеб с дворами (рис. 2, 3) (Махно 1961: рис. 17). Помещения I и II имеют соответственно размеры 7,2 × 9 (площадь 64,8 кв. м) и 7,6 × 13 м (площадь 98,8 кв. м). При таких пролетах и отсутствии каких-либо следов опор в этих помещениях вполне логично видеть открытые дворы. Тогда так называемый коридор между ними оказывается узким проулком. На юго-восточной стороне двора 11 расположены в ряд не сообщающиеся друг с другом, но открывающиеся во двор и наружу жилые и хозяйственные помещения. Вдоль северо-западной стороны двора 1 тоже могли располагаться помещения, но здесь от строительных остатков сохранились лишь слабые следы. Если предлагаемая нами реконструкция правильна, то получается тип застройки, аналогичный тому, что известен на Гавриловке и Золото-балковском городищах (Погребова 1958: рис. 38, 2; Вязьмитина 1962: рис. 8, 32, 35, 37).

В Дудчанах план очень плохо сохранившихся строений удовлетворительно истолкованию не поддается (Белановська 1960: рис. 2, с. 212).

В целом каменное домостроительство поселений вполне сопоставимо с возведением до-

мов на городищах.

Нижнебугский регион. На городищах хоры Ольвии раскопки производились на многих объектах. В результате к настоящему времени, кроме публикаций материалов раскопок, имеется обобщающая характеристика застройки и домостроительства на этих поселениях (Крыжицкий и др. 1989: 158, 162-179) и подробное описание строительных остатков на всех раскопывавшихся объектах (Крыжицкий и др. 1990: 77-97). Поскольку по уровню экономического и культурного развития поселения хоры были неоднородными, то они различаются и по характеру застройки, и по особенностям домостроительства, при общности их основных черт.

Особое место занимает Козырка, которую можно рассматривать как поселение городского типа. Городские традиции проявились здесь особенно ярко. Это – внутренние дворы, черепичные кровли, широкое применение в кладках жженого кирпича, регулярный характер кладок, штукатурка стен, фресковая роспись на них, известково-гипсовые фигурные карнизы, оконное стекло.

Такой концентрации городских черт на других памятниках не наблюдается. На них, если что-либо подобное и встречается, то не как норма, а как исключение из правила, связанное в частности с фортификацией, то есть государственным строительством. Так в жилом комплексе (караульне) раскопа №3 на Скельке, который представляет собой один строительный узел с башней и каменными оборонительными стенами (Крыжицкий и др. 1989: рис. 59, с. 169) была черепичная кровля и часть стен сложена из хорошо обработанного камня, а одна стена (№18) – из штучного, что близко к ольвийским эллинистическим кладкам,

Жилые дома были наземными. Их возводили из камня и сырца. Ни каркасных строений, ни широкого применения деревянных конструкций не засвидетельствовано. Строительный камень-плитняк (известняк и ракушечник) в основном использовался необработанным. В некоторых строениях видна его тщательная подгонка и иногда слабая подтеска, особенно по фасаду. Наиболее крупные плиты с максимальным перепадом 0,6-0,7 м применялись обычно в нижних, испытывавших наибольшее напряжение частях стен.

Все кладки выведены из полигонального известняка по однорядной постелистой, реже иррегулярной системе. Основанием сырцовых стен служил каменный цоколь. Ведущей системой сооружения как стен, так и цоколей на всех городищах была двусторонняя трехслойная постелистая кладка, у которой фасады выложены из крупных плит, а пространство между ними забито мелким бутом (Крыжицкий и др. 1989: 174). Частным редким случаем является двухпанцирный цоколь с применением орфостатных плит по фасадам и забутовкой между ними. Он от-

мечен на Козырском городище в доме 1 периода (Бураков 1976: 18) и Радсаде (Славин 1955: 130). На городище Золотой Мыс применялись обычные для Ольвии слоевые основания. Изредка стены, имеющие конструктивное основание, незначительно заглублены (например, в Петуховке). Разные приемы кладки часто сочетаются не только в пределах одного строения, но и одной стены. Все каменные и сырцовые кладки возводили на глиняном растворе. Штукатурка стен отмечена в Козырке. Широкого применения она не имела.

Каменные строительные детали, очевидно, представляли собой редкость. Только в Петуховке найден каменный тесаный порог и водосточный желоб. Порогами иногда служили крупные каменные плиты нижнего ряда кладки (Скелька). Кровли за редким исключением делали тростниковыми. Полы были глинобитные, покрытые обмазкой. Иногда в глину добавляли большое количество песка или толченые раковины (Петуховка). В жилых помещениях и дворах делали каменные вымостки, иногда дворы замаскивали сплошь хорошо подогнанными каменными плитками.

На некоторых поселениях в домах имелись пристенные хозяйственные загородки из вертикально поставленных плит (Петуховка, Радсад). Обычной принадлежностью быта были хозяйственные ямы разного назначения, встречающиеся в помещениях и дворах. Кроме того, известны комплексы зерновых ям на незастроенном пространстве (например, Золотой Мыс).

Для разведения огня использовали очаги-поды, круглые, овальные, четырехугольные, иногда с каменным бортиком, сводчатые печи, которые возводили из каменных плит и глины. В Петуховке известна внутренняя печь, отапливавшая сразу два помещения (Крыжицкий и др. 1989: 166, рис. 61 Б). Печи обнаружены также в Козырке, Радсаде и Скельке.

Застройка городищ была неодинаковой. Территорию одних сплошь занимали дома, сгруппированные в кварталы, которые были разделены улицами и переулками (например, Козырка), иногда замощенными черепками (Золотой Мыс). На других городищах часть внутреннего пространства оставалась незастроенной. На Золотом Мысе хозяйственные сооружения находились и снаружи крепостных стен. Существует мнение, что ряд городищ имел регулярный прямоугольный план, изменявшийся с течением жизни.

О планировке жилых домов наиболее уверенно можно судить только по материалам Козырки, ибо на ней раскопана достаточная для этого площадь. Поскольку же именно в Козырке наиболее сильно отразилось влияние Ольвии, то она не может быть использована в качестве эталона для других поселений. Жилой комплекс Скельки трактуется как караульня, то есть тоже представляет собой явление исключитель-

ное. Таким образом материалы для общих выводов довольно ограничены. Однако вряд ли будет ошибочным утверждение о том, что дома были по преимуществу многокамерными (правда, возможна и ложная многокамерность при равнозначно-параллельной планировке) и имели в большинстве случаев дворы.

Принцип планировки домов наиболее изучен на Козырке. Здесь С.Д.Крыжицкий выделяет, с одной стороны, дома (№ 2 и 4), по объемно-планировочному решению близкие эллинистическому домостроительству Ольвии, без заметного влияния домостроительных традиций окружающих племен. Для этих домов характерна равнозначно-параллельная планировка. С другой стороны, не являются исключением и дома (№ 3 и № 5) с последовательно-иерархическим принципом планировки при продольно-осевом расположении помещений, не типичном для античных городов Северного Причерноморья и в частности для Ольвии. В этом принципе планировки можно видеть проявление варварских традиций (Крыжицкий 1982: 93-94). Материалы других поселений не столь выразительны. Последовательно-иерархическое расположение помещений четко засвидетельствовано в Петуховке (Крыжицкий и др. 1989: рис. 61 Б). Дом, раскопанный на Скельке, характеризуется группировкой помещений с трех сторон двора. Часть из них расположена анфиладно. Такая же группировка помещений отмечена и на Золотом Мысе в раскопе IV, в домах № 1 и № 2 (Крыжицкий и др. 1989: 169-172, рис. 63, 1).

На нескольких поселениях известны полуземлянки, которые трактуются как хозяйственные строения (Крыжицкий и др. 1989: 177). Одна из них найдена на городище Старая Богдановка 1, две другие обнаружены на городище Золотой Мыс (Гаврилюк, Зубар 1983: 107). Одна из них включала также хозяйственную яму. Все эти полуземлянки не имели следов разведения огня внутри. Конструкция наземных частей их стен осталась неизвестной. Скорей всего, заглубленные строения на хоре Ольвии в качестве жилых помещений не использовались. Исключение представляет городище Станислав. Если подтвердится представление, что его оборонительные сооружения относятся к первым векам н.э., то это окажется единственный памятник на хоре Ольвии римского времени, застроенный исключительно заглубленными в землю комплексами (Виноградов 1993: 108).

Нижнеднепровский регион. Поселениям тоже присуще господство каменного домостроительства. Свидетельства о домах из другого материала немногочисленны. В Мологе на раскопе I обнаружены какие-то временные или легкие каркасные строения, а на раскопе III в первом периоде существования застройки в этом месте имеются остатки строения (возможно, навеса) на столбах. На поселении Молога изредка применялись в качестве жилища полузем-

лянки (Малюкевич 1992: 54). В одной имелись следы опорных столбов (Малюкевич 1990: 51; 1992 в). На поселении Веселое III обнаружены два каркасных дома и хозяйственная полуземлянка (Малюкевич 1992: 54).

Каменные строения в Мологе (Гудкова, Фокеев 1982: 58-69; Малюкевич 1990) возводили на древней дневной поверхности, неровности которой нивелировали отдельными каменными плитами, мелким камнем-дикарем или пластами битой глины. Для строительства применяли необработанный камень-плитняк и мелкий бут. Плитки иногда грубо подгоняли друг к другу, еще реже слабо подтесывали по месту. Кладки из более или менее хорошо обработанного камня – редкость. В Мологе имеется одна стена, нижняя часть которой в три ряда сложена из хорошо отесанных по фасаду блоков ракушечника. Выше она возведена из камня-дикаря с нарушением рядности (Гудкова, Фокеев 1981). Известен один случай находки каменного тесаного порога.

Стены делали каменными на всю высоту или глинобитными на каменном основании. Глинокаменными или саманными в Мологе чаще всего были внутренние перегородки. На Роксоланах на каменных цоколях ставили глинобитные стены, о чем свидетельствуют сохранившиеся местами на каменных цоколях скопления глины с примесью соломы. Структура этих слоев показывает, что глину укладывали лепешками. Применения сырцового кирпича не засвидетельствовано. Завалы глины находились и возле каменных цоколей стен. Двупанцирные цоколи обнаружены и в Мологе, и в Роксоланах так же, как и цоколи из крупных полигональных плит, положенных постелью в несколько рядов. Цоколь мог быть также в виде трехслойной кладки с откосительно упорядоченно положенными по фасадам плитками и заполнением из бута между ними. Рядность в кладках выдерживалась далеко не всегда. В Мологе на раскопе IV засвидетельствована облицовка стены по низу рядом подпрямоугольных орфостатных плит. Иногда в кладках Мологи встречаются большие обломки амфор. Раствором служил в основном замешанный грунт.

В Мологе на раскопе III дом построен на склоне, который для его сооружения был подрезан в среднем на глубину в 1,2 м. В результате получилась как бы терраса. Стены, прилегающие к ней, оказались однолицевыми, а с противоположной стороны дома они двулицевые. Особенностью этого дома во втором и третьем периоде его существования было оформление входа с верхней части склона в виде глиняного пандуса, покрытого обмазкой. Пандусы обнаружены и в других домах (Малюкевич 1990: 52).

Полы в домах глинобитные, покрытые обмазкой, в Роксоланах с примесью песка. Кровли тростниковые, обмазанные глиной, о чем свидетельствуют завалы такой кровли в Мологе и

на Роксоланах. Черепичные кровли не засвидетельствованы. В Мологе встречаются лишь отдельные черепицы, использовавшиеся, видимо, не по прямому назначению.

Очаги и печи, круглые и подковообразные, находились как в жилищах, так и возле них под открытым небом. Известны простые кострища, очаги в виде углубления, иногда с предочажной ямой, сводчатые печи с каменным основанием. Печь вне дома на раскопе III в Мологе сложена из хорошо обработанного камня. Многослойный под из чередующихся слоев камня, глины и черепков, а так же толстый глиняный «кожух» снаружи обеспечивали дополнительное сохранение в печи равномерной температуры. Перед тщательно оформленным устьем находилась каменная вымостка из крупных плит. Снаружи возле печи сделан глиняный «столик». Внутри печь тщательно обмазана. Другая каменная печь найдена на раскопе IV (Малюкевич 1990: 52). Подобные печи есть и в Роксоланах. На этом же поселении применялись очаги-поды. Их делали по уровню пола. Вымостку из гальки покрывали толстым слоем глины. Иногда по части периметра имеется бортик из вертикально поставленных плиток камня. Форма этих очагов круглая, у пристенных – полукруглая. На одном из таких очагов найдены обломки глиняной жаровни. Кроме того, их фрагменты встречаются на обоих поселениях в мусорных ямах.

Жаровни имела форму сковороды с вертикальными бортиками диаметром около 1 м. Бортик до 10 см высотой без выделенного венчика. Он представляет собой край стенки, истончающейся кверху. Толщина дна 5-8 см, оно сильно утолщено при переходе в стенку. Жаровни делали из грубой глины с большим содержанием крупно рубленой соломы, иногда с шамотом. Внутренняя поверхность грубо заглажена, внешняя не обработана. Обжиг жаровен при изготовлении слабый. Глиняной жаровне подобен очаг на раскопе I в Мологе в виде чашеобразного углубления, тщательно обмазанного глиной.

В домах и на придомной территории делали хозяйственные вымостки. Обычно они выложены из крупных хорошо подобранных по форме плит, изредка из мелкого необработанного камня.

Обычными сооружениями многопрофильного назначения в домах и возле них были хозяйственные ямы, служившие погребями, зернохранилищами и для сброса бытового мусора. Последнее использование могло быть и вторичным.

Планировка домов на Мологе и в Никонии может быть охарактеризована весьма приблизительно, так как они или сохранились неполностью (особенно в Никонии из-за глубокой распашки под виноградник), или же раскопаны частично. По строительным остаткам Никония создается впечатление, что на поселении были распространены двух- или трехкамерные дома,

вероятно, с равнозначно-параллельной планировкой и с поперечно-осевым расположением. По крайней мере при некоторых из них существовали дворы. Кроме того, раскопан многокамерный дом с двором общей площадью 120 кв. м. Помещения между собой не сообщались и открывались во двор (Секерская 1976: 392; 1977: 372). Сходная картина наблюдается и на Мологе (Гудкова, Фокеев 1981: 58-60; Малюкевич 1990: 51-53). Установлено существование больших усадеб, в которых жилые и хозяйственные помещения, иногда с маленькими дворами, располагались вокруг центрального двора обычно в ряд. Они имели одинаковую ширину и, как правило, друг с другом не сообщались. Оба поселения были, по крайней мере в центре, плотно застроены усадьбами, разделенными улицами, мощенными черепками или камнем.

Приведенные характеристики домостроительства по районам позволяют провести их сравнение. Остатки наземных каркасных строений в нижнем Поднепровье связаны с начальным периодом существования памятников в этом районе. На хоре Ольвии этот вид строений отсутствует. На Днестровском лимане обнаружено единственное поселение (Веселое III), где этот тип жилищ существует без каменного домостроительства. На Мологе известны отдельные каркасные строения, в том числе в раннем периоде. Полуземлянки как жилища применялись в Поднепровье, а на хоре Ольвии они служили хозяйственными помещениями. Возможные остатки стационарных юрт обнаружены только в Мологе. Они пока в достаточной мере не исследованы.

По поводу использования каркасных домов можно предположить, что они по легкости своего сооружения играли роль временных при обживании нового места, но в целом не соответствовали ни традиции, ни представлениям о комфорте. Поэтому они и не стали значимым видом жилища. Полуземлянки как форма дома оказались для позднескифского населения полностью чуждыми.

Повсеместно господствующая форма жилища – каменные и глинокаменные дома. На хоре Ольвии применяли сырцовый кирпич, а на нижнем Днепре и Днестре – битую глину, саман. Строительным камнем так же повсеместно служил необработанный или слабо подтесанный камень-плитняк. Использование более тщательно обработанного камня – явление исключительное и ни с каким определенным районом не связано. Каменотесные строительные детали редки. Их единичные находки известны только в Петуховке и Мологе. Применение каменного основания под глиняные или глино-каменные стены было обычным во всех трех районах. Его устойчивая форма – двухпанцирный цоколь. На хоре Ольвии он известен только в раннем периоде на Козырке и в последующее время не применялся, как и облицовка нижней части стен

внутри помещений вертикально поставленными плитами. Этот вид цоколя и облицовки обычен на Днепре и Днестре. На городищах Ольвийской периферии господствуют трехслойные постелистые рядовые кладки, положенные на глиняном растворе. На памятниках Днепра и Днестра кладки в подавляющем большинстве бессистемные с плохо выдержанной рядностью. Раствором служил замешанный грунт, реже глина. Штукатурка, как правило, нигде не применялась (исключение Козырка). Повсеместно нормой является сочетание в одном строении и даже в одной стене разных приемов выведения кладок. Нивелировка поверхности перед строительством глиной и камнями, террасирование на склоне и незначительное заглубление наземных жилищ засвидетельствованы на поселениях Днепра и Днестра. На хоре Ольвии как единичные явления известны слоевые основания. Полы везде были глинобитными, кровли тростниковыми с глиняной обмазкой. Черепичное покрытие является исключением. Для отопления и хозяйственных нужд использовали по преимуществу очаги-поды и купольные печи, но так же практически повсеместно известны очаги в углублениях и кострища. Жаровни на хоре Ольвии отмечены только на Козырке, на поселениях же других районов они обычная принадлежность быта. Хозяйственные загородки распространены на памятниках Нижнего Днепра и в меньшей мере на поселениях ольвийской периферии. На Днестре они не известны.

Итак, есть все основания полагать, что каменное домостроительство на городищах и поселениях Нижнего Днепра, на хоре Ольвии в низовьях Буга и по берегам Днестровского лимана вокруг Тиры было в основных чертах одинаковым. Мелкие различия не дают основания говорить о достаточно четких этнографических особенностях районов (возможное исключение — хозяйственные каменные загородки). Все характеристики каменных домов показывают, что во всех трех регионах их строительство являлось не ремеслом, а обычной формой хозяйственной деятельности. Для Нижнего Днепра это уже было отмечено исследователями (Погребова 1958: 228; Елагина, 1958: 46; Дашевская 1989: 132). Знаменательно, что И.Т.Кругликова отмечает то же самое для позднеантичных поселений Боспора (Кругликова 1966: 132). То же самое следует сказать и о строительстве жилищ в округе Ольвии и Тиры. На всех изученных поселениях только в неординарных домах присутствуют приемы строительства и отделки, требовавшие и специальных знаний и умения, и необычных строительных материалов (например, употребление на Козырском городище в кладках блоков из жженого кирпича на известковом растворе, применение росписи по штукатурке и лепных карнизов).

При изучении домостроительства естественно поставить вопрос о том, на каких истоках оно

сформировалось. По материалам нижнеднепровских городищ Н.Г.Погребова пришла к выводу о том, что наследие местного варварского домостроительства предшествующей поры проявляется в прямоугольной форме домов, двухпанцирном цоколе, применении крупных закругленных плит в углах зданий, широком распространении в быту хозяйственных загородок, существовании наряду с каменными домами каркасных и глинокаменных, применении очагов в виде глиняных площадок и широком использовании жаровен (Погребова 1958: 242-243). Н.Н.Погребова полагает, что эллинизация прослеживается в основном в быту аристократических обитателей Знаменки. То же, видимо, можно сказать и о Козырке, а точка зрения Н.Г.Погребовой вполне применима ко всем трем районам.

Традиционные истоки выявляются и в планировке поселений и жилищ. Всем поселениям присуща плотная застройка, естественным следствием которой оказалось возникновение кварталов, разделенных улицами. Судя по поселениям на Днестре, которые, как пока представляется, не имели укреплений, такая планировка диктовалась не только ограниченностью пространства, но и традицией.

Значительное внимание культурной интерпретации планировки жилищ уделил С.Д.Крыжицкий. Анализируя структуру домов № 3 и № 5 Козырки, он замечает, что «...последовательно-иерархический принцип планировки при продольно-осевом расположении помещений» не типичен для домостроительства античных городов Северного Причерноморья в целом и для Ольвии в частности. Появление этого принципа планировки «вряд ли могло обусловиться хозяйственной функцией. В этом представляется возможным усмотреть проявление здесь варварской традиции» (Крыжицкий 1982: 94). На наш взгляд, та же местная традиция проявляется и в равнозначно-параллельной схеме планировки, когда несколько помещений, иногда одинаковой ширины, расположены в ряд или Г-образно вдоль одной или двух сторон двора, как это наиболее ярко выражено в усадьбе Гавриловки и на усадьбах Золотой Балки. Тыльная сторона домов является при этом частью ограды двора. В такой планировке нет сходства с расположением помещений вокруг внутреннего двора в греческом доме.

Естественно поставить вопрос об античном влиянии в домостроительстве поселений. В строительном деле оно практически отсутствует. Приемы возведения стен не античные. Каменотесное ремесло не существовало. Единичное исключение — это неординарный дом на Козырке. Штукатурка стен, тем более настенная роспись, не применялись. В домах нет жилых подвалов. Вся застройка безордерная. Организация дворов в основном иная. Античное влияние совершенно очевидно в домах Козырского

городища. Однако они и на хоре Ольвии выглядят исключением из правила. Вопрос об античном влиянии подробно рассматривался С.Д.Крыжицким. Он пришел к заключению о том, что «греческое влияние нашло отражение в основном в культуре строительства: в четкой, относительно прямоугольной разбивке домов на местности, в отдельных приемах строительной техники, в усилении принципов регулярности, блокировке домов в кварталы, в развитии однотипности, в использовании элементов градостроительной науки, в уменьшении удельного веса или вообще исчезновении криволинейных в плане построек. Греческое влияние однако почти не коснулось основы – типологии жилых домов и массовых приемов строительной техники, хотя сам процесс эволюции местных неантичных типов домов проходил, естественно, значительно быстрее, чем это имело бы место при изолированном развитии» (Крыжицкий 1982: 148).

Лепная керамика Наше представление о существовании в Причерноморье трех зон обитания позднескифского населения ново и требует дальнейшей детальной разработки. Поэтому рассмотрение лепной керамики в настоящем исследовании затрагивает далеко не все ее потенциальные информационные возможности, а посвящено одной задаче – сопоставлению форм лепных сосудов для выяснения степени сходства этой категории находок на памятниках трех рассматриваемых районов.

На городищах Нижнего Днепра лепная керамика составляет значительную часть керамического комплекса, иногда конкурируя по количеству даже с обломками амфор. На наиболее широко исследованных памятниках картина следующая (Гаврилюк, Абикулова, 1991, II: 3): Гавриловка – 72,3%, Знаменка – 56%, Анновка – 46%, Любимовка – 26,5%, Козацкое – 24%. По усредненным данным, на городищах Ольвийской периферии, где амфоры составляют 78,49% всего керамического комплекса, а вся кружальная посуда – 13,1%, на долю лепной керамики приходится 6,4% (Крыжицкий и др. 1989: 184, табл. 3), то есть она составляет половину всей посуды без тары. На Днестровском лимане на поселении Молога II (раскопки 1975-1978 гг.) лепная керамика составляет 19% от всей массы фрагментов, а без учета амфор – 61%, то есть немногим более половины. На Веселом ее количество достигает 24,2% от общей массы (Малюкевич 1992 а: 55). Таким образом, очевидно, что лепная керамика широко применялась в быту и была весьма весомой составной частью керамического комплекса. Это позволяет думать, что мера ее значимости с этнической точки зрения весьма велика. Поскольку она изготовлялась в домашних условиях, как правило, женщинами-мастерицами, ее широкое распространение при сохранении устойчивого облика, часто восходящего к древним скифским прототипам, свидетельствует о сохра-

нении культурной преемственности и традиций. Появление в ней признаков, не связанных со скифским наследием, дает возможность уловить динамику этнокультурного процесса.

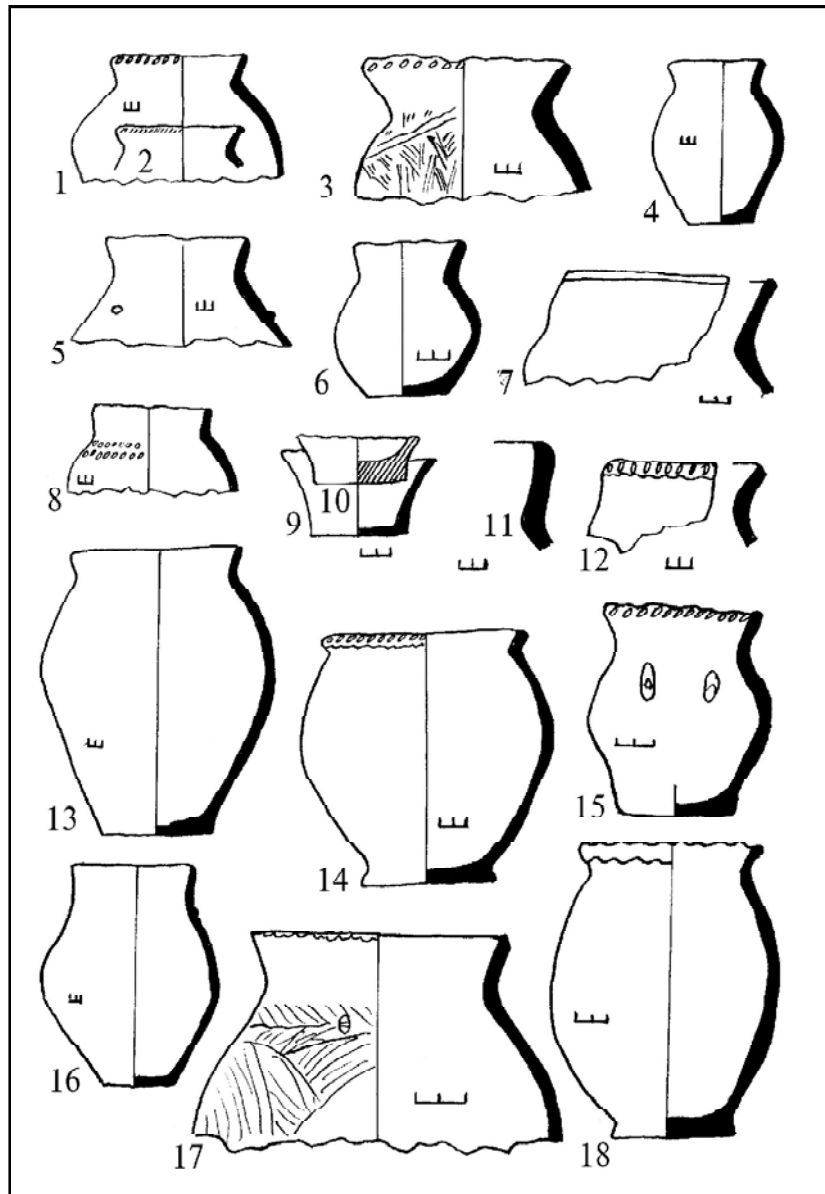
Исследование, проведенное Н.Г.Погребовой по керамике Знаменки и Гавриловки (1958: 131-142, 204-215), позволило ей сделать следующие выводы. Лепные комплексы этих городищ идентичны между собой и сходны с лепной керамикой других городищ Нижнего Днепра. В них явно видна скифская основа форм сосудов, связанная с материалами Каменского городища. Традиционно скифской является и технология изготовления посуды (1958: 31). В то же время появляются новые не свойственные скифам формы, методы отделки поверхности и орнамент. Часть этих инноваций находит себе аналогии в зарубинецкой культуре (это те признаки, которые имеют латенские корни), а часть – в керамике гето-дакийского населения Карпато-Дунайского региона.

Собственно скифскими по происхождению являются *горшки*, для которых характерны «...высокие округлые плечики и раздутое тулово с максимальным расширением в верхней части сосуда и с дном, более узким, чем венчик» (Погрехова 1958: 132). Венчики этих горшков часто украшены пальцевыми вдавлениями. К этой характеристике, на наш взгляд, следует добавить раструбообразную (воронковидную) горловину, часто с подчеркнuto узким угловатым перегибом места перехода шейки в плечико внутри сосуда. Кроме того, следует добавить, что максимальный диаметр сосуда может находиться как на уровне середины его высоты, так и выше. Такие сосуды известны практически на всех городищах: в Анновке (Гаврилюк, Абикулова 1991, II: рис. 1, 2, 9, 10, 13, 16), на Любимовке (Дмитров и др. 1961: табл. 1, 2). На Золотой Балке М.Г.Вязмитина выделила крупные сосуды такого типа до 0,5 м высотой и именует их корчагами (1962: рис. 62; 63, 1-3, 5-8, 7, 11, 12, 14). Та же форма повторяется здесь и в лепных горшках (1962: рис. 65, 1, 3, 7). Эту форму независимо выделил и В.П.Петров (1961: 169-170, группа 2 и 3, табл. IX), но не определил их генезиса.

Обычной орнаментацией для этих горшков и корчаг являются пальцевые вдавления или насечки по венчику, реже на плечах. На плечах же встречаются шишечки-выступы. Реже применялся накладной расчлененный валик.

Широкое распространение эта форма горшков имеет на хоре Ольвии. На Козырском городище такие горшки (тип 4 и тип 6 по А.В.Буракову) являются наиболее распространенными (Бураков 1976: 87; табл. V, 25; табл. VII, 1, 2). А.В.Бураков сравнивает многие лепные горшки Козырки с горшками Знаменки и Гавриловки (1976: 88). Рассматриваемые сосуды широко представлены в материалах Петуховки 2 (Синицын 1959: табл. IV, 18, 19, 24, 25) и найдены

Рис. 3. Лепная керамика поселений на Днестровском лимане. Горшки.

на городище Золотой Мыс (Крыжицкий и др. 1989: рис. 73, 1). Часть их на всех памятниках орнаментирована вдавлениями и насечками по венчику или имеет выступы-шишечки на плечах.

Такие же «скифоидные» горшки – массовая находка на поселениях Днестровского лимана. В Мологе это ведущая форма (рис. 3, 1, 2, 4-12). Она повторяется и у крупных, и у маленьких сосудов. Их форма чрезвычайно однотипна. Они округлобокие, с прямой воронковидной шейкой и резким переходом к плечам (рис. 3, 1, 2, 4, 5-12). Характерный элемент формы у многих из этих сосудов – вогнутая внутрь придонная часть стенок (рис. 3, 9, 10)). Простой переход ко дну встречается значительно реже. У большинства сосудов диаметр дна заметно меньше диаметра устья. Иные формы горшков с округло изогнутой S-видной шейкой, с дном малого диаметра распространены значительно меньше (рис. 3, 4, 6). Некоторое количество гор-

шков орнаментировано по венчику вдавлениями пальцем или штампом, или насечками (рис. 3, 1, 2, 8, 12). На плечах бывают такие же вдавления, изредка – шишечки (рис. 3, 8).

На поселении Веселое III широко представлены те же самые скифоидные горшки, находящие себе четкие аналогии на Городищах Нижнего Поднепровья. Сходство прослеживается как в форме сосудов, профилировке венчиков, так и орнаментации. Примерно, четвертая часть сосудов имеет углубления, насечки или пальцевые защипы по краю обычно плоско срезанного венчика. Орнамент бывает и на плечиках сосудов в виде косых углубленных полос и горизонтальной елочки. На крупных горшках встречается плоский валик с пальцевыми защипами (Малюкевич 1992 а: 55; 1994).

В лепной керамике поселения Никоний (Гудкова, Бруйко 1997: 72-76) ведущая форма – горшки. Абсолютно преобладают округлобокие со-

суды разного размера с хорошо выраженными плечами (рис. 3, 3, 13). Максимальный диаметр тулова расположен на середине высоты сосуда или в его верхней трети. Шейка в большинстве случаев высокая. Ее выгиб имеет три варианта. Массовы горшки с резко отогнутой воронковидной или раструбообразной горловиной (рис. 3, 3, 13, 17), менее распространенные – с округло изогнутой S-видной (рис. 3, 17) и редкие – с цилиндрической (рис. 3, 16). Венчик, как правило, имеет простой непрофилированный край, округлый, иногда срезанный горизонтально или с наклоном наружу. Утолщение венчика наблюдается редко. Горшки иных форм единичны. У большинства сосудов диаметр дна значительно меньше диаметра устья, близок к его половине. Корпус конически сужается ко дну, которое в большинстве случаев выделено. Орнамент на горшках и корчагах применялся довольно часто. Это косые насечки, защипы и вмятины пальцем или палочкой по краю венчика (рис. 3, 1-3, 12, 14, 15, 17). Такой орнамент бывает и на плечиках сосудов, иногда в два ряда

(рис. 3, 8). Здесь же могут находиться и налепы в виде конических шишечек или продолговатые с одной или двумя вмятинами, расположенные вертикально (рис. 3, 15, 17). На плечиках горшков известны и группы из трех вмятин пальцем, расположенные треугольником. Все эти виды орнамента могут сочетаться друг с другом и с гребенчатыми расчесами (рис. 3, 3, 17).

Значительная часть горшков употреблялась с крышками. На всех рассматриваемых нами памятниках без исключения на Днестре, Буге и Днестре они очень распространенная находка. Их форма коническая с вертикальной ручкой-выступом, плоской или углубленной сверху (рис. 4, 10, 13-15, 17) (Погребова 1958: 136, 207; рис. 16, 3, 4; 37, 11; 5, 11; Вязьмитина 1962: рис. 65, 42-44; Бураков 1976: 88-89, табл. VII, 12, 18, 19; Крыжицкий и др. 1989: рис. 73, 12, 17; Гудкова, Фокеев 1982: рис. 20, 14, 17, 20, 23; Малюкевич 1992а: 55; Гудкова, Бруяко 1997: рис. 1, 12-14). Крышки повсеместно орнаментировались, как и горшки, защипами и вдавлениями по краю, иногда наколами. Часть этих крышек в перевер-

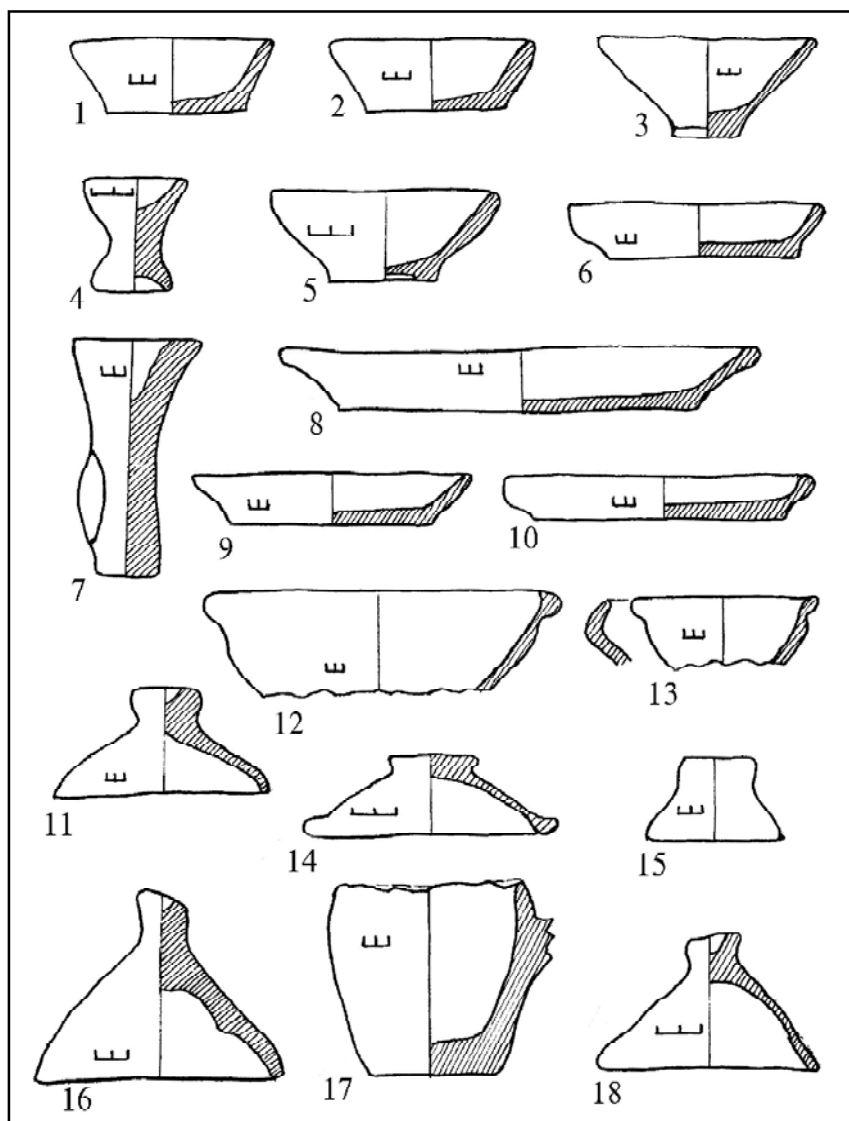

Рис. 4. Лепная керамика поселений на Днестровском лимане. Миски, крышки и др. изделия.

нудом виде (если ручка была достаточно широкой и могла служить как ножка) использовалась в качестве мисок.

Новой формой Н.Н.Погребова считает горшки с покатыми плечами и прямой шейкой (1958: 136; рис. 17, 7-9). Для округа Ольвии и Тире они почти не известны.

Так же новой формой являются горшки с ручкой (Погребова 1958: 139-140, 211; рис. 18, 1-4; 32, 4; Вязьмитина 1962: 133, рис. 66, 11, 14, 16, 19, 20). Они бывают лощеные и нелощеные. Для некоторых из них Н.Г.Погребова отмечает сходство с зарубинецкими формами. В Мологе и на Роксоланах встречаются обломки нелощеных горшков с ручками (рис. 4, 16).

Большие корчаги с отогнутым венчиком и рельефным орнаментом снаружи (в частности, в виде поднятых человеческих рук), иногда с лощением внутри, часто встречаются на Гавриловском городище, известны на Знаменке (Погребова 1958: 137 и рис. 18, 6; 208, рис. 31, 8; 32, 3; 44, 10-13; 37, 7, 8, 10). Подобные сосуды, в том числе и лощеные, найдены в Золотой Балке (Вязьмитина 1962: рис. 64, с. 122-130) и на памятниках периферии Ольвии (Бураков 1976: 85, табл. VI, 2; Крыжицкий и др. 1989: 188). И Н.Г.Погребова, и М.И.Вязьмитина связывают лощеные сложно орнаментированные корчаги с гето-дакийским миром и полагают, что они имели не только хозяйственное назначение. Посуда фракийского облика известна и на Мологе (Малюкевич 1992 б).

В связи с повсеместным широким распространением «скифоидного» горшка, являющегося одним из признаков, объединяющих все рассматриваемые памятники, значительный интерес представляет новое исследование лепной керамики нижнеднепровских городищ, выполненное Н.А.Гаврилюк (Гаврилюк, Абикулова 1991, 11: 2-10. 30, рис. 1-4). Она поставила себе задачу «... проследить эволюцию основных типов скифской керамики в позднескифское время, определить особенности развития форм, берущих свое начало в предшествующем периоде, проследить процесс возникновения новых видов керамики» (Гаврилюк, Абикулова 1991, II: 4). Для нас сейчас наибольший интерес представляют ее взгляды на историю развития и бытования «скифоидного» горшка. Типология лепной посуды позднескифских городищ разрабатывалась разными авторами на разном методическом уровне и на основе разных признаков. В результате созданные системы описания и классификации трудно сопоставимы друг с другом. Сравнение затрудняется еще и тем, что исследователи, как правило, вынуждены оперировать не полной формой сосуда, а лишь его верхней частью, особенно у горшков. Возникающие из этого сложности уже отмечал В.П.Петров (1961: 168) со ссылкой на Б.Н.Гракова и Т.М.Книпович. Поскольку Н.А.Гаврилюк не соотносила свою классификацию с ранее предложен-

ными системами, оценка ее выводов и затруднительна, и может оказаться в чем-то неточной. Мы исходим из того, что выделенный ею тип горшка «с горлом в виде раструба» в основном соответствует той форме, которую мы называем «скифоидной». Надо однако оговорить, что на рисунке, где ею подобраны горшки этой формы (Гаврилюк, Абикулова 1991, II: рис. 1), сосуды, изображенные под номерами 3, 12, 14 и 16 не соответствуют нашему представлению об этой форме, поскольку у этих сосудов или очень покатые плечи, или диаметр дна почти равен диаметру венчика. Вряд ли можно считать, что горшок № 3 имеет горловину в виде раструба.

По поводу горшков с горлом в виде раструба, скифское происхождение которых Н.А.Гаврилюк признает, она пишет, что в позднее скифское время «процент таких сосудов в собственном скифских памятниках невелик. Они распространяются на все Северное Причерноморье, теряя при этом роль этнического индикатора» (Гаврилюк, Абикулова 1991, II: 6). По материалам Гаврилюк, Любимовки и Анновки Н.А.Гаврилюк установила, что количество горшков этого типа весьма невелико (Гаврилюк, Абикулова, 1991, II: 5, табл. 2), соответственно 3,5; 9,1 и 16,1 %. В керамике нижнеднепровских городищ преобладают «слабопрофилированные» горшки. В изложенных утверждениях, поскольку они никак не соотношены ни с результатами исследований других авторов, ни с наблюдениями над лепной керамикой на поселениях ольвийской и тирской периферии, остается много неясного и спорного.

Положение Н.А.Гаврилюк о том, что эти горшки в силу своей распространенности в Северном Причерноморье не могут быть этническим индикатором, как минимум, требует специального доказательства. По нашему мнению, большое количество в быту лепной посуды в целом и любого типа таких сосудов в частности указывает на то, что за этими явлениями стоят реальные люди, значительная часть населения, сохранившего в своем сознании этнокультурные традиции, восходящие к скифскому миру предшествующего времени.

Вывод о малом количестве горшков с горлом в виде раструба на нижнеднепровских городищах никак не соотношен с утверждением Н.Г.Погребовой и М.И.Вязьмитиной о том, что горшки скифского облика массовы на Знаменке, Гаврилове и Золотой Балке. Тем более настаивает на том, что такая посуда многочисленна на памятниках ольвийской и тирской периферии. Да и сама Н.А.Гаврилюк пишет о широком распространении этой формы на памятниках Северного Причерноморья. Причина разнобоя в выводах лежит, может быть, в субъективности определения формы сосудов. Иного объяснения мы не видим и в нашей работе исходим пока из того, что «скифоидный» горшок вполне информативен и является своеобразным

«знаменем времени» для позднескифских памятников Северного Причерноморья.

Миски по количеству стоят на втором месте после горшков. Формой, продолжавшей скифскую традицию, Н.Н.Погребова считает округлые сосуды, иногда на поддоне, иногда с плоским краем, выступающим внутрь (1958: 134, рис. 15, 2, 7; 16, 5; с. 207). На приольвийских памятниках эти сосуды широкого распространения не имели. Немногочисленны они в Мологе и Николии. Конические миски, обычные на поселениях Нижнего Днепра (Погребова 1958: 137; рис. 16, 3; Гаврилюк, Абикулова 1991, II: 8, 9), в других районах пока не известны. На Мологе некоторое распространение имели невысокие миски значительного диаметра (рис. 4, 8). Подобные им изделия известны и в Козырке (Бураков 1976: табл. VII, 17).

Чрезвычайно интересной с исторической точки зрения новой формой являются лощеные миски зарубинецкого облика с ребристым или округлым профилем (Погребова 1958: 139, 211. рис. 32, 6, 7; рис. 45, 10; Петров 1961: 159, табл. II, III, IV; Вязьмитина 1962: 138, третий тип, рис. 68, с. 140). Это наиболее распространенный тип лощеных мисок на днепровских городищах. Их появление засвидетельствовано уже во II в. до н.э. Они светлых тонов, серые, желтоватые, желтовато-оранжеватые. Лощение, сплошное полосчатое (видны следы инструмента), нанесено снаружи и внутри. Небольшая часть сосудов сделана из грубого теста без лощения. Эта форма не имеет истоков в скифской керамике. Совершенно очевидно ее сходство с такими же, но черными и покрытыми зеркальным лощением зарубинецкими мисками. По их поводу М.И.Вязьмитина писала о латенских истоках, что, естественно, не исключает их передачу через зарубинецкую культуру. В.П.Петров выделил несколько модификаций этих сосудов, но отнес их к одному типу. Он видел аналогии им не только в зарубинецкой культуре, но и в мисках Лукашовского могильника. Ни на городищах хоры Ольвии, ни на поселениях Днестровского лимана таких лепных мисок не известно.

Напрашивается вывод о том, что лепные миски в отличие от горшков и крышек не имели столь устойчивых форм и подвергались модификациям в зависимости от времени и места.

В Знаменке, Гавриловке, Любимовке, Золотой Балке встречается сосуд, именуемый *дакийской чашей*, – усеченно-коническая чашка с массивной боковой ручкой (Погребова 1958: 140-141; рис. 16, 9-10, с. 213; рис. 42, 7; Вязьмитина 1969 б: 127-128; рис. 5, 5, 6; Вязьмитина 1962: 136-138; рис. 65, 26; рис. 67, 11). Такие сосуды известны и в Козырке (Бураков 1976: 116, табл. XII, 3-7). Появление этой формы считают результатом фракийского культурного воздействия.

К керамическим изделиям принадлежат *свечильники или курильницы*, которые М.И.Вязь-

митина называет «сосудами конической формы на ножке», сплошной или полый (1962: 141-142, рис. 65, 52-54, 56, 57). Они широко представлены в Золотой Балке, но не упоминаются в опубликованных материалах Знаменки и Гавриловки. Такие же сосуды известны в Козырке (Бураков 1976: табл. XII, 8, 10), Золотом Мысе, на поселении Старая Богдановка 1 (Крыжицкий и др. 1989: рис. 73, 26, 27), на Роксоланах (рис. 4, 4, 7) и в Мологе.

Своеобразным керамическим изделием являются *очажные подставки*, они же «рогатые кирпичи», они же «коньки». Такие изделия найдены в Гавриловке, Золотой Балке (Погребова 1958: 229-233), Мологе и Николии (Гудкова, Бруяко 1997: 73). Их обычно связывают с фракийским культурным влиянием.

В технологическом отношении лепная керамика нижнеднепровских городищ отличается тем, что она состоит из изделий двух родов: тщательно выделанной лощеной столовой посуды и грубоглиняных сосудов. Лощеная керамика появляется на Нижнем Днестре с III в. до н.э. Постепенно в первых веках нашей эры происходит огрубление столовой лепной посуды и ее количество сокращается (Погребова 1958: 142). Видимо она выходила из употребления. На приольвийских городищах лощение отмечено на небольшом количестве корчаг, украшенных врезным и рельефным орнаментом.

Нелощеная лепная посуда повсеместно сделана из керамической массы с крупнозернистыми примесями, делавшими поверхность сосудов грубой и неровной. Ее обжиг, судя по его неравномерности и непрочности черепка, повсеместно производился на очагах или в бытовых печах и кострах.

Итак, подводя итоги описанию лепной керамики, можно констатировать, что по основным характерным признакам она весьма сходна во всех трех районах (рис. 5). Сходство проявляется в широком применении лепной посуды, общих чертах технологии ее изготовления и обжига, применении одних и тех же типов керамических изделий, широком распространении древних традиционных скифских форм сосудов, особенно характерных горшков и конических крышек, и орнаментации защипами, вдавлениями, насечками (рис. 5). Инновации по отношению к скифской традиции делятся на две группы. Первая из них, известная только на Днестре и, скорей всего, наиболее ранняя – это реберчатые лощеные открытые миски зарубинецкого (латенского) типа. Вторая группа новых керамических форм – это корчаги и в меньшем количестве горшки, часто лощеные со сложным рельефным орнаментом, а так же дакийские чаши. Все исследователи единогласно связывают происхождение второй группы инноваций с гетодакийской традицией. Истоки распространения этой керамики в Северном Причерноморье во многом не ясны.

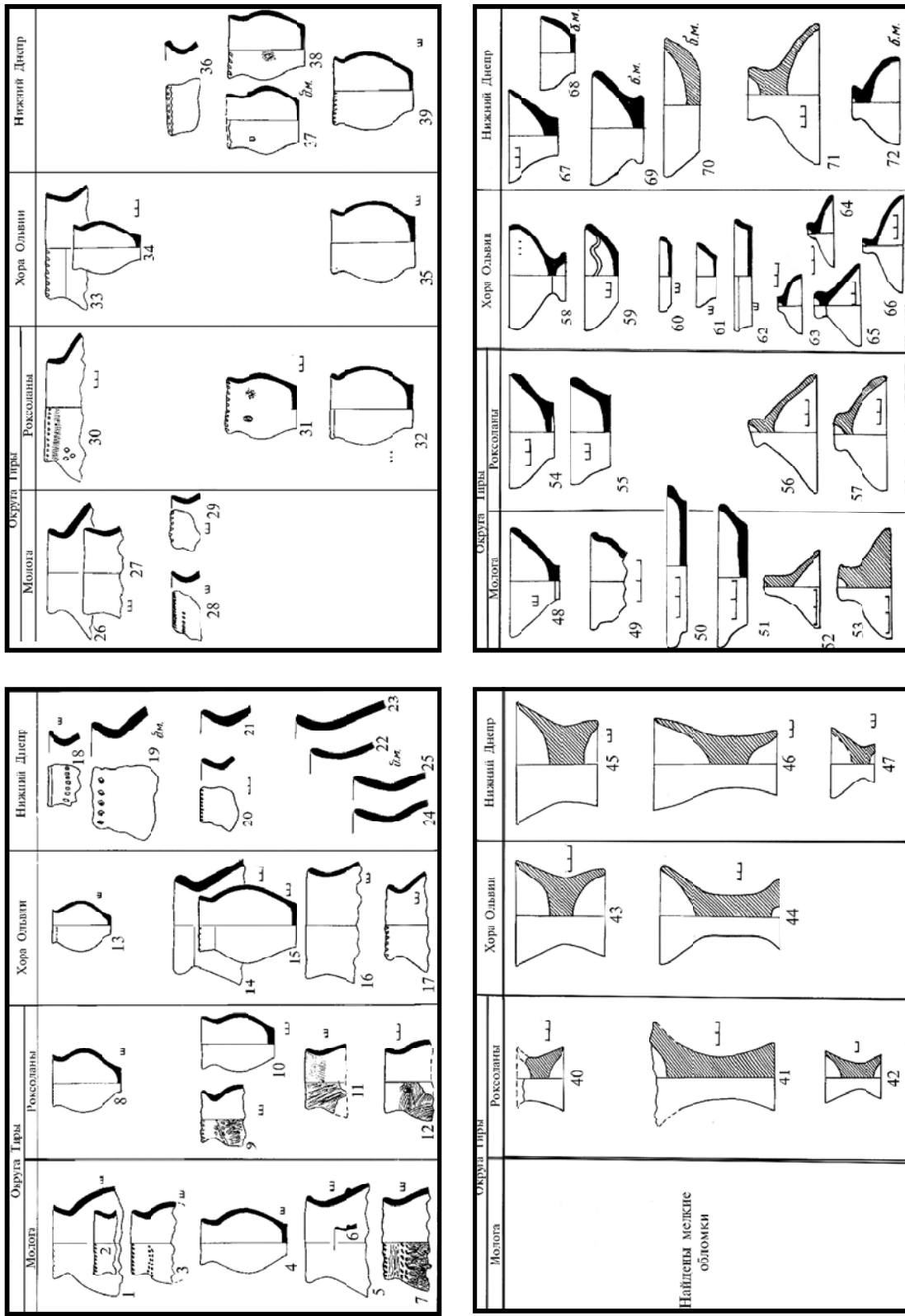

Рис. 5/1-4. Сопоставительная таблица позднескифской лепной керамики.

Погребальный обряд. Погребальный обряд нижнеднепровского населения известен по раскопкам трех крупных могильников, принадлежащих городищам Золотая Балка (Добровольский 1960; Вязьмитина 1972), Николаевка Козацкая (Ebert 1913; Сымонович 1967 г, 1969 б, 1971) и Красный Маяк (Сымонович 1977; Сымонович, Гей 1978; Гей 1987; Гей, Бажан 1993). Возле Красного Маяка (Бизюков Монастырь), кроме памятников, раскопанных археологами, существовал еще один могильник, уничтоженный до революции при сельскохозяйственных работах. Здесь было зафиксировано 136 могил с погребальным инвентарем I-III вв. н.э. Часть вещей из погребений была собрана, поступила в Херсонский музей и стала достоянием науки (Гошкевич 1913; Граков 1954: 154; Щукин 1970: 61). Кроме этих могильников, в курганах возле Белозерского городища открыты впускные могилы рубежа и первых веков нашей эры, которые М.И.Вязьмитина связывает с поздними скифами (Вязьмитина, 1971: 229).

Все могильники грунтовые. Погребальными сооружениями служили простые ямы, ямы с подбоями и грунтовые склепы-катакомбы. Характерно именно сочетание этих трех видов могил. По отдельности такие погребальные сооружения известны в римское время и у других групп населения Причерноморья. Количественно преобладают земляные склепы, за ними идут простые грунтовые ямы и затем ямы с подбоями. Редкой формой погребения являются каменные ящики и кремация.

Земляные склепы, именуемые так же катакомбами и камерными могилами, в целом однотипны, но в деталях имеют разные планировочно-конструктивные особенности, иногда приписывая только данному могильнику. Это может указывать на их местное этнографическое значение. По продольному или поперечному взаимному расположению погребальной камеры и входной ямы выделяют три типа склепов (Гей 1987: 54). Продольное расположение встречается довольно редко. Входные колодцы в основном подпрямоугольной формы, изредка – овалы. Погребальные камеры подпрямоугольные, овалы, округлые. Глубина залегания камер 2-3 м. Входную яму заполняли камнями, а вход в камеру заставляли каменной плитой или закладывали камнями. Ни погребальные сооружения, ни костяки в них устойчивой ориентировки не имеют.

Захоронения в склепах были одиночными, парными или коллективными. Умерших разного пола и возраста погребали совместно. При подзахоранивании более ранние скелеты могли быть нарушены и сдвинуты. Для погребения иногда применяли деревянные гробы. Кроме них, встречаются остатки досок. Известны войлочные и растительные подстилки, заворачивание умершего в бересту, подмазка дна в склепе зеленоватой глиной. Под голову, плечи и таз

погребенного часто клали плоские камни. Погребенный обычно лежал в вытянутой позе на спине. Иногда ноги скрещены. Обе кисти или одна могут находиться в области таза или на животе. Иные позы единичны. Отмечены случаи обожженности скелетов. В Золотой Балке установлено возле катакомб, в которых совершались повторные захоронения, наличие на поверхности земли опознавательных знаков. Это каменные вымостки или группы камней над могилами. Возле 12 катакомб найдены стелы в виде крупных необработанных камней удлиненной формы (Вязьмитина 1972: 105).

Погребения с подбоями имеют конструктивные варианты в зависимости от размера входной ямы. Ее форма, как и форма подбоя, округленно-овальная или подпрямоугольная. Ориентировка меридиональная, часто с отклонениями. Подбой чаще располагали с запада от входного колодца. Глубина погребений в среднем от 1 до 3 м. Вход в подбой часто заставляли камнями. Известны редкие случаи подмазки дна могилы зеленоватой глиной. Захоронения одиночные. Поза погребенного преимущественно вытянутая на спине, но бывают и иные варианты. Ориентировка в северном секторе.

Грунтовые ямы подпрямоугольные или овальные, ориентированы в основном меридионально. Глубина до 2 м, иногда несколько более. Вход в подбой бывает заложен камнями. Погребения в них за единичными исключениями одиночные. Скелеты находятся преимущественно в вытянутом положении на спине. Ноги иногда переkreщены или присогнуты. Кисти рук могут находиться на животе или на тазе. Ориентировка на север.

Погребальный инвентарь весьма однотипен и состоит из деталей костюма, украшений, предметов туалета, мелких личных орудий труда, изредка оружия и деталей конской сбруи, бытовой посуды, гончарной (преимущественно краснолаковой) и лепной, и магических вещей. Он наиболее обилен в земляных склепах, что позволяет их хорошо датировать. В Золотой Балке они относятся к I в., в Красном Маяке их сооружали на протяжении всего существования могильника в I – начале III в., в Николаевке – с возникновения некрополя до конца I – начала II в. н.э. (Гей 1987: 63).

Принадлежностью значительной части захоронений являются кости лошади. Мясо лошади служило напутственной пищей чаще, чем мясо быка. Кроме того, в жертву приносили различные части конских туш, помещая их во входные ямы (Вязьмитина 1972: 110-111). Об обряде тризны и поминания свидетельствуют ямы с остатками пиршества в заполнении.

Погребальный обряд нижнеднепровских могильников Б.Н.Граков рассматривал как продолжение и эволюцию более ранних скифских обычаев (Граков 1954: 174). В ритуале и сооружениях могильника Золотая Балка М.И.Вязьмити-

на видит сочетание разнородных элементов, среди которых ярко выражена скифская струя, проявляющаяся при сравнении с Никопольским и Тираспольским курганными могильниками (Вязьмитина 1972: 158-170), хотя имеются и частные отличия. О.А.Гей считает эти могильники аналогичными позднескифским в Крыму (Гей 1987: 61).

Грунтовые склепы, по мнению М.И.Вязьмитиной, имеют черты сходства со скифскими и земляными склепами античных городов Северного Причерноморья (Вязьмитина 1972: 159). А.А.Масленников рассматривает катакомбы Неаполя Скифского, столь сходные с катакомбами нижнеднепровских городищ, как поздний вариант развития степных скифских катакомб (Масленников 1990: 30). Очевидно, действительно скифская традиция была в этой форме погребального сооружения основной. Применение подбойных могил часто связывают с сарматами (Вязьмитина 1972: 161-162), но высказано мнение, что эта точка зрения требует пересмотра (Дашевская 1989: 142). О.А.Гей полагает, что с сарматской традицией связаны не только подбои, но и погребения в грунтовых ямах. Основание для этого она видит в одинаковой ориентации на север, юг и северо-восток, свойственной сарматам в это время (Гей 1984: 62).

На могильнике Красный Маяк (он принадлежит одноименному городищу) обнаружены наряду с обычными типами позднескифских погребений и такие, которые по обряду стоят совершенно особняком. Это захоронения детей в небольших овальных ямах с каменными стелами и два скопления расчлененных детских черепов под каменными выкладками. Наряду с инвентарем из этих погребений, обычным для позднескифского обряда, особым внимания заслуживают вещи северного и прибалтийского происхождения. Погребение № 48 с таким инвентарем, совершенное в грунтовой яме со стелой, было подвергнуто специальному анализу (Гей, Бажан 1993). В нем находились два расчлененных детских скелета. Разнообразный инвентарь: налобный венчик, лучковая фибула, фибула с завитком на конце пластинчатого приемника, бронзовый пирамидальный литой колокольчик, перламутровый крестик — позволили исследователям продатировать погребение в пределах второй половины I — первой трети III в. Налобный венчик находит аналогии в «гривнах» из Мощинского клада изделий с выемчатыми эмальями, дата появления которых уточнена и отнесена Е.Л.Гороховским ко второй половине II в. н.э. (Гороховский 1982 б; 1982 в), а не к IV в., как считалось раньше. Кроме того, выявлены черты прибалтийских культур римского времени (простая грунтовая яма с каменной стелой, фрагмент челюсти лошади, расчлененность костяков). Используя не только археологические, но и лингвистические наблюдения, О.А.Гей и И.А.Бажан пришли к выводу о том, что

комплекс погребения № 48 «... свидетельствует о наличии в составе населения городища Красный Маяк накануне «готских» войн и появления здесь черняховской культуры чужеродного компонента, связанного происхождением с балтийским миром» (Гей, Бажан 1993: 57). В свете этих находок на могильнике Красный Маяк, возможно, обретают свое археологическое и историческое место два расчлененных погребения на поселении Дудчаны (Брайчевская 1955: 50). Исследовавшая их А.Т.Смиленко (Брайчевская) уверенно отнесла их ко времени существования поселения. Погребение № 1 принадлежало взрослому (череп, кости ног) и ребенку (ребра, позвонки и бедренные кости), погребение № 2 — взрослому (череп и кости ног). Оба захоронения были закрыты сверху каменными плитами, частично раздавившими своей тяжестью находившиеся под ними кости.

На Красномаяцком могильнике найдены также два погребения с кремацией. Одно из них ямное с остатками костра. В нем обнаружен нож с горбатой спинкой и железный наконечник пояса, который относится к ступени В2-С1 по европейской хронологической шкале, то есть ко II в. н.э. (Гей 1987: 73).

Погребения с кремацией совершенно несвойственны позднескифскому погребальному обряду. Три таких захоронения, кроме Красного Маяка, известны в северо-западном Крыму на могильнике Бельбек 1 (погребения № 14, 15 и 21) (Гущина 1974: 47-48). В погребении № 14 это «кости обгорелые, сброшенные в кучу» в грунтовой яме; в погребении № 15 — куча обгоревших человеческих костей в грунтовой яме; в погребении № 21 — слой обгорелых костей, угольков, куски окислившейся меди и бронзовых предметов. В погребении № 14 найдены глиняное пряслице и куски серы, в погребении № 15 — перстень с геммой, свернутая в завиток игла, обломок стеклянного сосуда; в погребении № 21 — медные бляшки, свернутые в трубочку, стеклянные бусы с зеленым глазком. На рисунках в публикации этот инвентарь не поддается датировке. Могильник в целом датируется II — первой половиной IV в. н.э. Однако нельзя исключить, что сожжения в Бельбеке I и на могильнике Красный Маяк представляют собой явление одного порядка. По происхождению оно полностью чуждо традициям населения Причерноморья и связано с северными районами и Прибалтикой. Естественно предположить, что появление погребений с кремацией — результат миграции на юг северного населения.

Могильники городищ Нижнего Буга еще не исследованы. Обитателям Козырского городища могли принадлежать два погребения, найденные с юго-западной стороны от городища: одно коллективное в земляном склепе с дромосом, другое — парное в грунтовой яме (Бураков 1976: 136). Под курганом возле с. Петуховка раскопан земляной склеп первых веков нашей

эры с пятью погребенными в нем (Ebert 1913: 75-80). Эти захоронения по всем деталям обряда соответствуют позднескифской норме Нижнего Днепра и Крыма. На Козырке, Петуховке и Золотом Мысе обнаружены погребения детей в сосудах внутри жилищ (Бураков 1976: 138-143; Синицын 1959б: 21; Абикулова, Былкова 1985: 6).

На Днестровском лимане могильники найдены при поселении Молога II и Никоний. На Мологе он расположен вплотную к селищу. Полностью изданы материалы его раскопок за 1975-1978 гг. (Гудкова, Фокеев 1982: 69-87). О последующих работах имеется лишь частичная информация (Малюкевич 1989 а; 1989 б; 1994; 1994 а). Значительная часть могильника уничтожена глинищем. Есть сведения, что при этом были разрушены грунтовые склепы.

Склепы вырыты в материковом суглинке и представляют собой подпрямоугольную или округлую в плане сводчатую камеру. С юго-востока от нее располагалась подпрямоугольная входная яма с наклонным дном. Известно, что применялись и входные вертикальные колодцы (Малюкевич 1989 а: 79). Вход в камеру оформлялся ступенькой и был закрыт каменным закладом или плитой. Эти погребальные сооружения представляют собой коллективные усыпальницы. Захоронения совершались в течение довольно длительного времени. При этом нарушали более ранние погребения. Склеп №4 долго стоял открытым. Лишь после совершения последнего погребения он был засыпан землей, а вход в него заставили большой тесаной каменной плитой, на внутренней стороне которой нарисован охрой круг.

Все погребения в склепах принадлежат лицам разного пола и возраста. Они совершены в вытянутой позе на спине с руками, уложенными вдоль тела. Кисть одной руки иногда находится на тазе, ноги бывают перекрещены или лежат «ромбом». Преобладает ориентировка головой на юго-восток, но в склепе № 2 умершие уложены «валетом».

Присутствие на полу склепа и вокруг некоторых костяков коричневого органического тлена свидетельствует о том, что умерших клали на подстилку или во что-то заворачивали. В склепе № 4 один из погребенных взрослых был закрыт кусками коры, другой – частично обложен досками. Последнее в этом склепе погребение ребенка также совершено в обкладке из досок. Она имела форму, расширенную и округлую в области головы и прямоугольную в ногах. Крышки и дна не было.

Погребальный инвентарь обилен и разнообразен. Он состоит из украшений, принадлежности одежды, предметов туалета, амулетов, мелких орудий труда, керамики, включая лепные ладьевидные светильники. Оружие встречается редко. Небольшой железный кинжал и железный наконечник стрелы засвидетельствованы по одному разу.

Кроме захоронений в склепах, найдены три грунтовые погребения. В одном из них, детском, обнаружены стеклянные бусы, аналогичные тем, что происходят из склепов. Могила взрослого человека была частично уничтожена оврагом. Погребенный лежал в вытянутой позе на спине головой на запад. Захоронение частично перекрыто каменным закладом. Из инвентаря сохранились каменные бусы и два бронзовых перстня со стеклянными глазками.

На могильнике найдено около сотни жертвенных ям и 14 безынвентарных (Гудкова, Фокеев 1982; Малюкевич 1994 а). Жертвенные ямы имеют характерное заполнение, состоящее из перемежающихся прослоек стерильной глины и остатков поминального пиршества. На дне ямы находятся остатки первой тризны и приношений. Видимо, отдельные ямы связаны с конкретными склепами и погребениями. На это в частности указывает то, что в яме № 73 и в могиле № 8 найдены обломки одной и той же краснолаковой миски. Во время тризны в могилу и жертвенную яму клали куски мяса. В яму вместе с золой ссыпали обломки битой посуды, сожженную жертвенную пищу. Все это закрывали слоем чистой глины. На могилах периодически, скорей всего, ежегодно совершались поминальные обряды. Их остатки ссыпали в ту же яму и снова закрывали слоем глины. Удалось проследить до десяти таких стерильных прослоек. После заполнения горловину ямы засыпали серым грунтом с глиной, иногда в нем присутствуют камни. Устья ям друг друга не перекрывают, но нижние части иногда врезаются друг в друга. «При этом к содержимому более ранней ямы относились бережно, отделяя его камнями, плитами или глиной» (Малюкевич 1994 а: 120).

Дно ямы часто обмазывали глиной, посыпали песком, покрывали циновкой или замащивали плоскими камнями или фрагментами амфор. Иногда камни укладывали по периметру возле стенок ямы. Все это в разных вариантах и разном объеме могло повторяться и при периодических поминаниях.

Во время тризны вдоль стен размещали амфоры и красноглиняные кувшины на высоком коническом поддоне или их большие обломки, а также красноглиняные сковородки, краснолаковые миски. В заполнении ям много лепной посуды (в основном горшки и крышки в обломках), но отсутствует сероглиняная лощеная и шероховатая, в обилии представленная на поселении. Обязательной принадлежностью обряда были большие глиняные жаровни, изготовленные на месте. Очевидно, на них традиционно готовили обрядовую пищу, а по окончании поминания их разбивали и обломки помещали в яму. Иногда жаровней закрывали заполнившуюся жертвенную яму. На поселении обломки таких жаровен почти не встречаются.

В заполнении обрядовых ям присутствуют курильницы на конусовидной ножке, миниатюр-

ные сосудики, плоские глиняные диски, кремни, каменные шарики и окатанные камешки различной формы, комки глины с отпечатками пальцев. Почти обязательно присутствие лепных конусовидных крышек, грузил, каменных растиральных, шлака, пряслиц. Реже встречаются железные ножи, бусины, астрагалы, фибулы. Единичными находками являются глиняный столбик с углублениями на торцах (жертвенник?), глиняная фигурка совы, подкова осла.

В ямах, в слоях, связанных с обрядами, присутствуют кости животных, в том числе кальцинированные, древесные угли, комочки прокаленной глины, реже – раковины улиток и речной песок.

Все эти остатки свидетельствуют о том, что у обитателей Мологи был весьма развит обряд паренталий (Малюкевич 1994: 200-204). Судя по костям, среди жертвенных животных преобладали молодые особи. Это указывает на то, что эти обряды совершались в основном осенью. Это наводит на мысль о том, что обряды были связаны с культом плодородия (собранный урожай) и воскресающей и умирающей природы.

Безынвентарные ямы, которые сразу заполняли материковым суглинком, видимо, тоже связаны с жертвоприношениями. В них известны захоронения собак и коровы.

Погребальный обряд Мологи находит себе ближайшие аналогии на позднескифских могильниках Нижнего Днепра и Крыма. Склепы в основном не отличаются от таких же сооружений на могильниках Золотая Балка, Николаевка Козацкая и в некрополе Неаполя Скифского (Бабенчиков 1957: 120-121; Сымонович 1983 г: 28-58). Совпадение с материалами этих могильников наблюдается как в основных чертах обряда, так и в его необязательных элементах. Однако количественное преобладание грунтовых склепов над иными могильными сооружениями, совершение отдельных индивидуальных захоронений в простых грунтовых ямах. Одинакова конструкция склепов в виде подземных сводчатых камер подпрямоугольной или округлой формы, вход в них через яму или удлиненный дромос, наличие ступеньки при входе в погребальную камеру, заклад входа камнями или каменной плитой, коллективный характер захоронений, нарушение и подвижка более ранних погребений при последующем подхоранивании, положение умерших в вытянутой позе на спине, совместное погребение в склепе умерших разного пола и возраста, присутствие на могильнике жертвенных ям. В Мологе и на позднескифских могильниках Нижнего Днепра фиксируются такие элементы погребального обряда, как подстилки (растительные и кошма), обкладка досками, единичные деревянные гробы или колоды, наличие камня под головами умерших (в Мологе такая «подушка» была земляной), перекрещенное положение ног, положение кисти руки на живот, размещение погребенных в одном склепе головой в противополож-

ные стороны. На всех рассматриваемых могильниках полностью совпадает набор погребального инвентаря. Он состоит из принадлежностей костюма (пряжки, фибулы, нашивные бляшки), украшений (ручные и ножные браслеты, бусы, кольца и перстни, изредка серьги), простейших индивидуальных орудий труда (пряслица, ножики, оселки), магических предметов и амулетов (кольца с выступами, колокольчики, подвески в виде различных фигурок), принадлежностей женского туалета (пиксида с белилами и румянами), краснолаковой и иной посуды, светильников. На всех могильниках находки оружия единичны. Все это позволяет считать, что могильник Мологи по обряду практически не отличается от нижнеднепровских могильников.

Некрополь поселения Никоний обнаружен в 1991 г. (Секерская 1993; в последующие годы раскопки продолжил И.В. Бруяко) и еще мало известен, что заставляет описать его подробнее. Найдены 14 погребальных сооружений, в их числе 7 грунтовых склепов, подбойная могила и ямы с керамикой, камнями и костями лошадей. Склепы имели ступенчатые дромосы и подпрямоугольные камеры со сводчатым, в частности полусферическим, потолком. В склепе № 21 было две камеры, одна из которых служила входной. Вход из дромоса в камеру имел ступеньки вниз. Заполнение дромосов состояло из камней, а вход в камеру закрывала каменная плита. Глубина склепов в среднем 2 м. Склепы № 9 и № 19 отличались своими значительными размерами. У склепа № 9 длина дромоса 3,1 м, размеры камеры 2,6 × 2,8 м, ее высота – 1,2 м. У склепа № 19 длина дромоса 4 м, размер камеры 2,2 × 2,6 м. Его камера, видимо, была разделена каменной перегородкой на две части. Погребения в склепах коллективные, принадлежат лицам разного пола и возраста.

Инвентарь сохранился в неразграбленном склепе № 21, в обеих его камерах. Он состоял из бронзовых браслетов и фибул, в том числе фибул-брошей, колокольчиков, большого количества бус, перстней со стеклянными вставками, краснолаковой и буролоаковой посуды. Весь инвентарь относится к первым векам нашей эры.

Подбойное погребение № 22 имело вид овальной ямы с двумя параллельными подбоями по сторонам, ориентированными на северо-восток. В нем было погребено не менее трех умерших. Инвентарь состоял из фрагментов двух светлоглиняных узкогорлых амфор II-III вв. н.э.

В 1993 г. обнаружены еще два склепа того же типа и времени. На могильнике известны два недостроенных склепа. Они представляли собой дромосы, которые упирались в ненарушенный грунт (Бруяко 1994).

Таким образом о могильнике поселения Никоний можно сказать, что он аналогичен по обряду могильнику Мологи и могильникам на Нижнем Днепре. С Золотой Балкой совпадает даже такая деталь, как наличие костей лошадей.

Кроме захоронений на могильнике, найдено одно погребение взрослого человека на поселении. Оно было совершено в неглубокой яме в полу жилого помещения (Синицын 1966: 23). Его связь с жилищем осталась невыясненной. Судя по инвентарю (пряслице и бронзовые серги-колечки), оно может относиться к первым векам нашей эры. Погребенный лежал в скорченной позе головой на юго-восток.

Сведения о погребальном обряде обитателей Никонийского поселения дополняют также детские погребения в сосудах под полами жилищ. Их наличие фиксировалось всеми исследователями этого памятника (Синицын 1966: 16-18; Загинайло 1972: 195-198; Кузьменко, Левина, Секерская 1975: 308). При издании этого материала проанализировано 31 погребение (Секерская 1978 б). Погребения в сосудах принадлежат детям младенческого возраста. Их хоронили в лепных корчагах, амфорах и красноглиняных кувшинах в помещениях, где находки не оставляют места для сомнения об их жилом характере. Использовали в основном поврежденные сосуды или даже обломки нескольких. Известны захоронения с кремацией (№№ 2-5) и труположением (остальные). Кости сохранились очень плохо и в большинстве случаев анатомический порядок их залегания нарушен. Инвентарь присутствовал только в погребении № 21 (фрагменты красноглиняного амфориска и керамического пряслица цилиндрической формы). Устойчивой ориентировки захоронений не наблюдается. Позу погребенных обычно определить нельзя.

Погребения младенцев под полами жилищ обнаружены на Козырском (Бураков 1976: 138-143) и Петуховском (Синицын 1959 б: 21) городищах, на Золотом Мысе (Абикулова, Былкова 1985: 6). По существующим представлениям эта форма погребального обряда зародилась в связи с земледельческими верованиями (Секерская 1978: 172). Культ мертвых переплетается в ней с поклонением домашнему очагу и является выражением идеи возрождения и плодородия (Бураков 1976: 142-143). В эллинском погребальном обряде такие захоронения не практиковались. В Ольвии и Тире они не известны и, скорей всего, они связаны с культурами какой-то части варварского населения, возможно, фракийского происхождения.

Взаимоотношения поздних скифов с иными народами. На основе всех проведенных сопоставлений вырисовывается картина существования в степях Причерноморья в последних веках до нашей эры – первой четверти I тыс. н.э. зоны обитания оседлого населения с единой культурой. И если на основании исследований наших предшественников считать нижнеднепровские городища позднескифскими, – а именно этой точки зрения мы и придерживаемся, – то естественно придти к заключению, что в двух других ее очагах, в округе Тирь

и Ольвии, тоже обитало позднескифское население. Все археологические материалы свидетельствуют о его местном в основе происхождении, независимо от того, связано ли оно в большей мере с земледельцами скифского периода или осевшими скифами-кочевниками. В составе этого населения имелись различные этнокультурные примеси, конкретный состав которых зависел от конкретных условий места и времени. Общая характеристика позднескифской культуры была предложена П.Н.Шульцем (1971). Он полагал, что в пределах от III в. до н.э. до начала III в. н.э. она имела в своем развитии хронологические этапы и два территориальных варианта: на Нижнем Днепре и в Крыму. Им были выделены четыре признака позднескифской культуры, не утратившие познавательного значения и по сей день: 1 – появление градостроительства и домостроительства с применением иррегулярных кладок; 2 – переход от курганных захоронений к грунтовым; 3 – преобладание в местной керамике лепной посуды, генетически связанной с посудой степной Скифии предшествующего времени; 4 – ведущая роль в искусстве антропоморфных мотивов и монументальных форм (антропоморфные стелы, надгробия). Частными признаками исследователь считал наличие на поселениях зольников и использование юрт-зимников. Идеи П.Н.Шульца являются чрезвычайно плодотворными. Памятники ольвийской хоры и поселения на Днестровском лимане как две новые группы дополняют представление о территории и внутренней вариантности позднескифской культуры. О возможности включения в ее состав первой из этих групп догадывался и П.Н.Шульц (1971: 142). Им были отмечены возле Ольвии памятники позднескифского монументального искусства. Добавим, что на памятниках и Буга, и Днестра известны и зольники (Синицын 1959 б: 17; Малюкевич 1990: 52). Сопоставление памятников округа Ольвии и Тирь с позднескифскими на нижнем Днепре и выявление их идентичности позволило нам прийти к выводу о существовании на юге степей Причерноморья позднескифской культуры (Гудкова 1987: 5-8; 1989: 34–36), в основном сходной с позднескифской культурой Крыма. Дальнейшее изучение памятников Причерноморья открывает новые ракурсы в исследовании этой культуры в первой четверти I тыс. н.э. и осмыслении процесса передачи ее культурного наследия последующей по времени черняховской культуре (на юге ее ареала).

Предлагаем оценку позднескифской культуры Причерноморья в целом. В качестве ее характерных черт следует выделить очень сильную синкретичность и внутреннюю нестабильность, связанную с переходом скифов от кочевого скотоводческого хозяйства к оседлому земледельческому (Малюкевич 1992 б: 52-54). Становится возможным изучение позднескифской

культуры в Причерноморье в течение почти полутысячи лет. Стратиграфия нижеднепровских городищ позволяет выделить этапы в ее развитии. Открывается возможность изучения постгородищенского этапа и финала культуры во время скифских войн. Кроме отдельных пока слабо изученных неукрепленных поселений на Днестре, памятники по берегам Бугского и Днестровского лиманов обеспечивают разработку этого вопроса широкой источниковедческой базой.

Предлагаемое нами определение населения ольвийской хоры как позднескифского может показаться неправомерным и вызвать возражения. Традиционно сложившееся изучение этих памятников специалистами-антиковедами, занимающимися, прежде всего, исследованием Ольвии, естественным образом приводит к взгляду на них в основном через призму истории, экономики и культуры Ольвии. Такой подход исторически полностью оправдан, но он может и должен быть дополнен взглядом с противоположной стороны, если так можно выразиться, из варварского мира. И такой подход тоже имеет свою основу, так как население хоры не было чисто эллинским ни в раннее время (Крыжицкий и др. 1989: 147), ни, тем более, в первых веках нашей эры, когда происходит сильная варваризация самой Ольвии. Ее население этого времени характеризуется как «...конгломерат носителей различного этноса, преобладающим компонентом которого все же остались потомки жителей Ольвии эллинистического времени» (Крыжицкий и др. 1989: 215, 220). Последняя часть этого утверждения, — на наш взгляд, — является недостаточно доказанной и вызывает сомнение.

Варварская культурная составляющая на памятниках хоры проявляется весьма рельефно. Как было показано выше, она очевидна в характере жилищ и приемах домостроительства, облике лепной керамики и погребальном обряде. Невероятно допустить, что сама Ольвия могла быть демографическим источником образования населения хоры римского времени. Во II в. н.э. население города, уже достаточно оправившегося от предшествующего упадка, состояло всего из 3-4 тыс. человек, из которых полноправными были не более 500-600 (Карышковский 1985 б: 34). У города явно не было людских резервов для заселения городищ хоры.

Очевидно, после прекращения жизни нижеднепровских городищ значительная часть их населения ушла в новые места: под защиту Ольвии и Тиры. Именно в основном эти переселенцы и создали поселения сельскохозяйственной округи этих городов. Это тем более вероятно, что на обеих территориях нет населения в непосредственно предшествующее время, которое бы могло создать эти поселения. Это само по себе делает очевидным приход какого-то населения извне.

Все эти соображения никоим образом не

ставят под сомнение высокую степень связи позднескифского населения с античным миром. Для последних веков до нашей эры и первых веков нашей именно поздние скифы оказались в Северном Причерноморье тем пластом оседлого варварского населения, которое впитывало достижения античной культуры в непосредственном контакте с Ольвией и Тирой. Через эти города осуществлялась связь со всей циркум-понтийской и средиземноморской зоной. Через поздних скифов происходило распространение античного влияния на население более северных районов.

Выше уже рассматривался вопрос об античном влиянии в домостроительстве. Хотя в целом оно складывалось на местной варварской основе, проникновение в него античных влияний очевидно. Степень, до которой оно доходило в отдельных случаях, демонстрируют дома Козырского городища, типологической основой которых были ольвийские градостроительные традиции эллинистического времени (Крыжицкий и др. 1989: 165). С особой яркостью они проявились в применении черепичной кровли, оконного стекла, кладке из жженого кирпича на известковом растворе, в декоре жилых помещений в провинциально-римском духе (Бураков 1976: 62). Для городищ Нижнего Днестра вполне возможно участие греческих мастеров в строительстве отдельных зданий (Погребова 1958: 161, 242). Пожалуй, в меньшей мере античное влияние в этой сфере зафиксировано на поселениях округи Тиры.

Совершенно очевидным является воздействие античной фортификации в возведении позднескифских укреплений на Нижнем Днестре и, тем более, при создании государственной оборонительной системы на хоре Ольвии. Этот вопрос в настоящее время разработан с привлечением всех имеющихся на сегодня материалов настолько подробно, что в него пока нельзя внести ничего нового и остается привести основные выводы исследователей. Н.Н.Погребова пришла к заключению о том, что в ранний период существования Знаменского и Гавриловского городищ «...влияние Ольвии могло сказаться на строительстве оборонительных и парадных сооружений» (1958: 242). При строительстве сырцовых стен Знаменки наблюдается копирование строительных приемов Ольвии. Что же касается крепостной архитектуры ольвийской периферии, то ее формирование «...явилось следствием синтеза и продуктивной переработки в ольвийском регионе античного мира эллинистических и провинциально-римских элементов фортификации и представляло собой своеобразный вариант античного военного зодчества, обусловленный спецификой местных условий» (Буйских 1984: 199). На ольвийской периферии городища имеют стены, построенные в соответствии с предписаниями римской фортификации (Крыжицкий и др. 1989: 216).

Экономические связи позднескифского населения с античным миром наиболее выразительно прослеживаются на керамических материалах. Показательно массовое распространение амфор. Их обломки составляют на нижнеднепровских городищах в среднем от 25 до 60% всей керамики (Гаврилюк, Абикулова 1991, I: 11). На ольвийской периферии их количество колеблется от 72 до 83,47 % (средний показатель 78,49 %) (Крыжицкий и др. 1989: 184). На памятниках нижнего Поднестровья на их долю приходится 66 % (Малюкевич 1991: 72). Представлены самые разные центры Причерноморья и Средиземноморья. Оценивая объем торговли вином и маслом, надо учитывать, что часть товаров уходила через поздних скифов на север, к населению лесостепи.

Обломки красноглиняных столовых сосудов составляют на Нижнем Днепре от 0,5 до 1,3 %, на ольвийской периферии от 3,2 до 6,9 %, на нижнем Днестре – 3-4 % (Малюкевич 1991: 77). Даже, если учесть, что разбитая амфора дает значительно больше обломков, чем небольшой столовый сосуд, то все же очевидно, что значительной роли в повседневном обиходе эта посуда не играла. В основном она представлена продукцией малоазийских, северопричерноморских и западнопричерноморских центров (Вязьмитина 1986: 234). На памятниках периферии Ольвии встречается и продукция ольвийских мастерских (Крыжицкий и др. 1989: 185). На поселениях округа Тиры отмечено поступление краснолаковой керамики из нижнемезийских центров (Малюкевич 1991: 77). Импорт краснолаковой керамики из различных центров установлен на восточном берегу Днестровского лимана в материалах Никония (Серкская 1984).

Фрагменты стеклянных импортных изделий найдены практически на всех позднескифских памятниках (Археология Украинской ССР 1986, т. 2: 234-235; Крыжицкий и др. 1989: 196-197; Малюкевич 1991: 78-80), но количество их не велико. Они указывают на те же направления торговых связей, что и импортная керамика.

Тиры и Ольвия были воротами в мир и поставщиками собственной ремесленной продукции для позднескифского населения. Очевидно основная перевозка товаров шла водными путями. Н.Н.Погрובה оценивает значение торговли с Ольвией для нижнеднепровских городищ как огромное. Она согласна с мнением В.И.Гошкевича, который связывал судьбы этих поселений с исторической судьбой Ольвии, но при этом полагает, что они не были факториями Ольвии и возникли независимо от нее (1958: 241). Более того, она приходит к выводу о том, что «...влияние эллинской культуры на ...городища было очень относительно; оно выражалось главным образом в употреблении греческого вина всеми слоями населения и в использовании греческой тонкостенной керамики, преимуществен-

но знатью» (1958: 242).

Корни связей нижнеднепровских скифов и Ольвии были весьма глубокими. В.В.Крапивина полагает, что гетский разгром города заставил часть ольвиополитов укрыться на нижнеднепровских городищах (Крапивина 1993: 141).

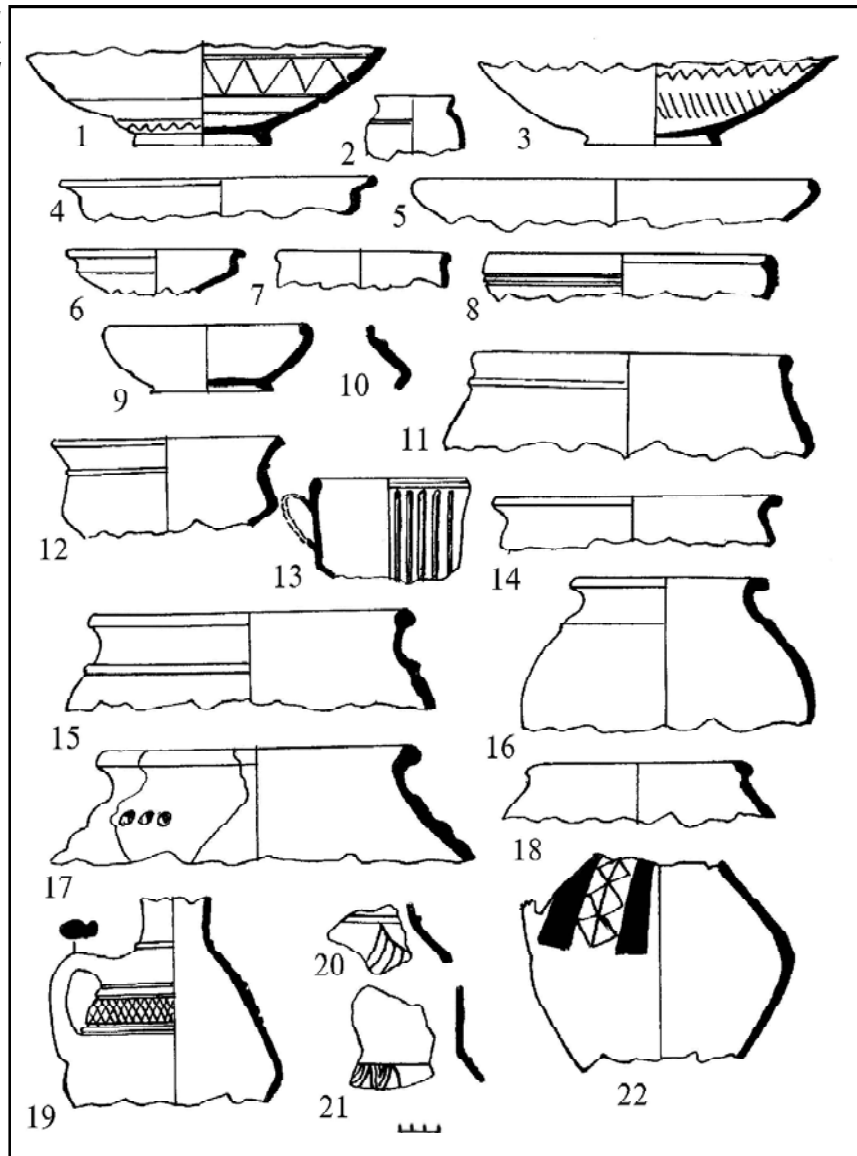
По сравнению с нижнеднепровскими городищами связь с Ольвией поселений ее хоры, естественно, была более значительной и более устойчивой, поскольку именно их обитатели обеспечивали Ольвию жизненно важной продукцией сельского хозяйства (Крыжицкий и др. 1989: 210) и защищали подступы к ней. Теснейшие экономические отношения поселений на Днестровском лимане с Тирой представляются самоочевидными, но пока они остаются неисследованными. Наличие в Мологе больших зернохранилищ, присутствие в керамике грубоглиняной античной кухонной посуды, никогда не ввозившейся издалека, отдельные фрагменты черепицы и оконного стекла указывают на постоянные связи с городом. Показательны в этом отношении и находки монет. Из культурного слоя поселения происходит денарий Антонина Пия (138-161 гг.). На поверхности памятника найдены тирский дупондий императора Коммода (189-192 гг.) начала его правления, фрагментарная медная монета Фаустины, супруги Марка Аврелия (скончалась в 175 г.) и медная тирская монета — трессис Геты (192-212 гг.) (Карышковский 1985 а: 182).

Элементы античной культуры проникали и в духовную жизнь позднескифского населения, но сведений об этом пока очень мало, и они не всегда однозначны, как, например, в случае использования амулетов неопифагорейского круга в Мологе (Руссев 1986). Трудно сказать, осознавали ли смысл этих символов в варварской среде.

К предметам, которые могут указывать на распространение в позднескифской среде античной культуры, очевидно, надо отнести произведения искусства, хотя они и немногочисленны. В Золотой Балке найдена мраморная голова Геракла и две статуэтки (Вязьмитина 1986: 234). На разных городищах обнаружены также античные геммы и художественная посуда. Находки на территории Ольвийского полиса вотивных плит с посвящениями Ахиллу Понтарху и Аполлону Простату, находка в Козырке и Скельке античных рельефов с сарматскими знаками, указывающими на их местное происхождение, позволяет предполагать, что местное население укрепленных поселений поклонялось тем же божествам, что и горожане Ольвии (Крыжицкий и др. 1989: 210-214). Это однако не исключает и наличия собственных неантичных культов и представлений, отражением которых могут быть изображения на лепных сосудах, обывай хоронить младенцев в сосудах под полами жилищ (Крыжицкий и др. 1989: 213-215), не известный в самой Ольвии.

Античное влияние на позднескифскую куль-

Рис.6. Сероглиняная гончарная керамика Козырки. Нижний горизонт.

туру выражено в археологических материалах столь многообразно и ярко, что к настоящему времени оно изучено в значительном объеме. Совсем по иному обстоит дело с выявлением и, тем более, с историческим осмыслением взаимодействия и связей поздних скифов с различными группами варварского населения. Источником для наблюдений этого круга служит в основном керамика и, в меньшей степени, погребальный обряд.

На нижнеднепровских городищах в лепной керамике по сравнению со скифской культурой предшествующего времени возникают явления нового типа. Это широко распространенные как столовая посуда открытые остроредерные миски. Они похожи на зарубинецкие (Погребова 1958: 139, 211, 245; Вязьмитина 1962: 138, рис. 68; 232; Петров 1961: 158-162), и так их обычно и именуют. Н.Н.Погребова датирует их появление на городищах концом III в. до н.э., а широкое бытование относит ко II-I вв. до н.э. В пер-

вых веках нашей эры они уже не применялись. Нет твердой уверенности в чисто зарубинецком происхождении этой массовой посуды. Зарубинецкие миски такого типа черные. Миски же с городищ по светлому цвету и общему облику ближе к материалам с территории Молдавии (Выхватинское городище) (Погребова 1958: 245). Подграненная форма венчика у части этих сосудов может указывать на их связь с пояншты-лукашевскими формами. Возможно, распространение этой посуды связано с мощным импульсом латенской культуры на восток, проявившемся и в сложении зарубинецких древностей. Связи с собственно зарубинецким населением требуют специального изучения.

Хотя время появления и бытования латенских мисок предшествует изучаемому нами периоду, в контексте настоящего исследования представляет интерес то, что оседлые земледельцы Причерноморья еще в первых веках до нашей эры имели активные связи с дальними

западными и северо-западными территориями. Устойчивость и значимость этих связей определяется тем, что лепная керамика не является предметом импорта и без своих носителей не распространяется. Только при их наличии она может в какой-то мере превратиться в моду. В основе этого явления лежит то, что лепная керамика изготовлялась не гончарами-ремесленниками, а непосредственно в домах женщинами-хозяйками для собственных нужд. Отметим, что на Нижнем Днепре установлено ее местное происхождение (Погребова 1958: 245).

Вторая группа инородной керамики — изделия гето-фракийского облика. Эти изделия представлены разными формами: большими лепными корчагами с налепным орнаментом, некоторыми видами горшков, «дакийскими чашами», очажными подставками и др. (Погребова 1958: 140, 142, 211, 213-214, 244, 245; Вязьмитина 1962: рис. 64). Эта керамика появляется в конце III в. до н.э. и бытует на протяжении всего существования городищ. Она представлена также в Ко-

зырке (Бураков 1976: 79, 80, 114, 116, 145) и в Мологе (Малюкевич 1992 в). Ее присутствие на позднескифских памятниках перекликается с подобными же находками в синхронных слоях Тиры и Ольвии. Исследователи разного профиля многократно обращались к проблеме распространения разных форм фракийского влияния в Северном Причерноморье. Недавно сделана попытка подвести итог изучению этой проблемы во всем ее многообразии. Работа С.М.Крыкина может служить справочником по историографии проблемы (Крыкин 1993). В ней специально рассмотрен вопрос о распространении фракийской керамики (гл. II). Чтобы не повторять это исследование отметим лишь оставшиеся неясными моменты. Среди них главный — это неопределенность путей и форм продвижения в Причерноморье носителей фракийской керамической традиции. Крайним пунктом обитания фракийцев на востоке в низовьях Дуная является Орловка (Головки и др. 1965). В степях во время существования позднескифской куль-

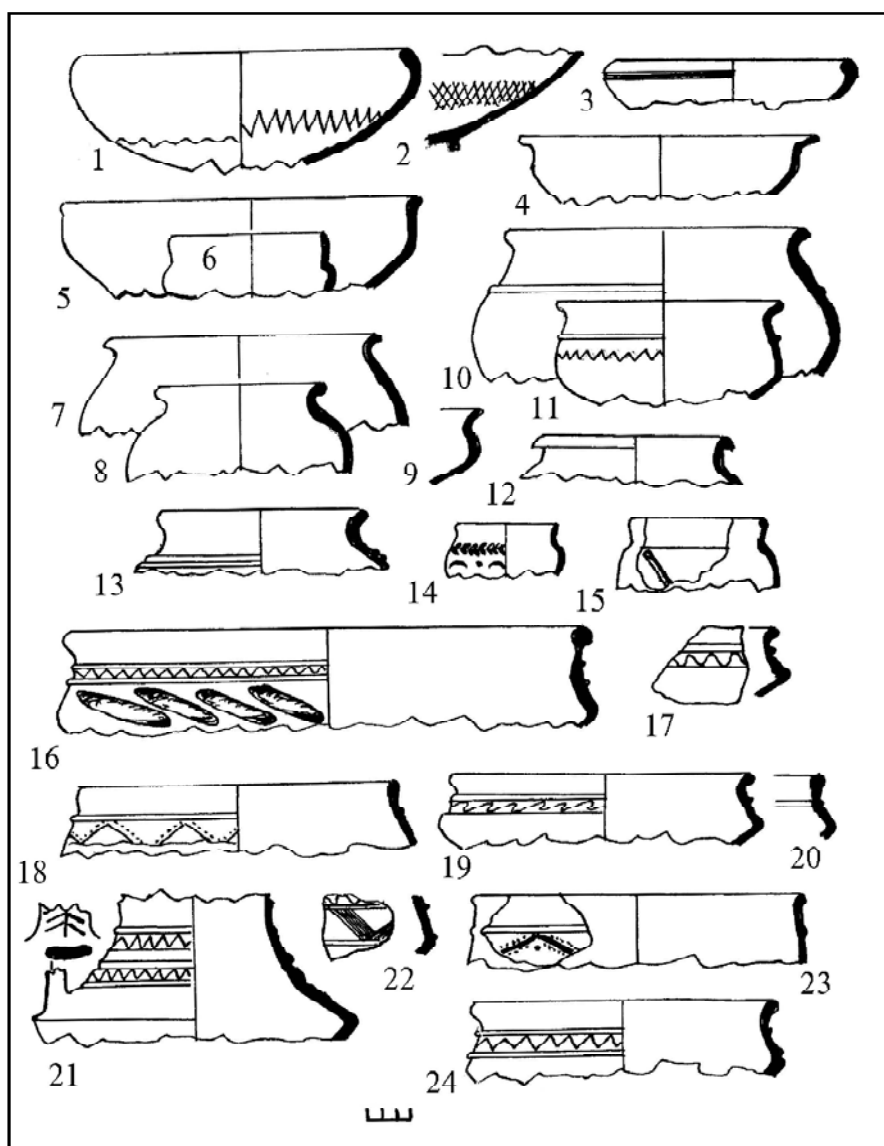
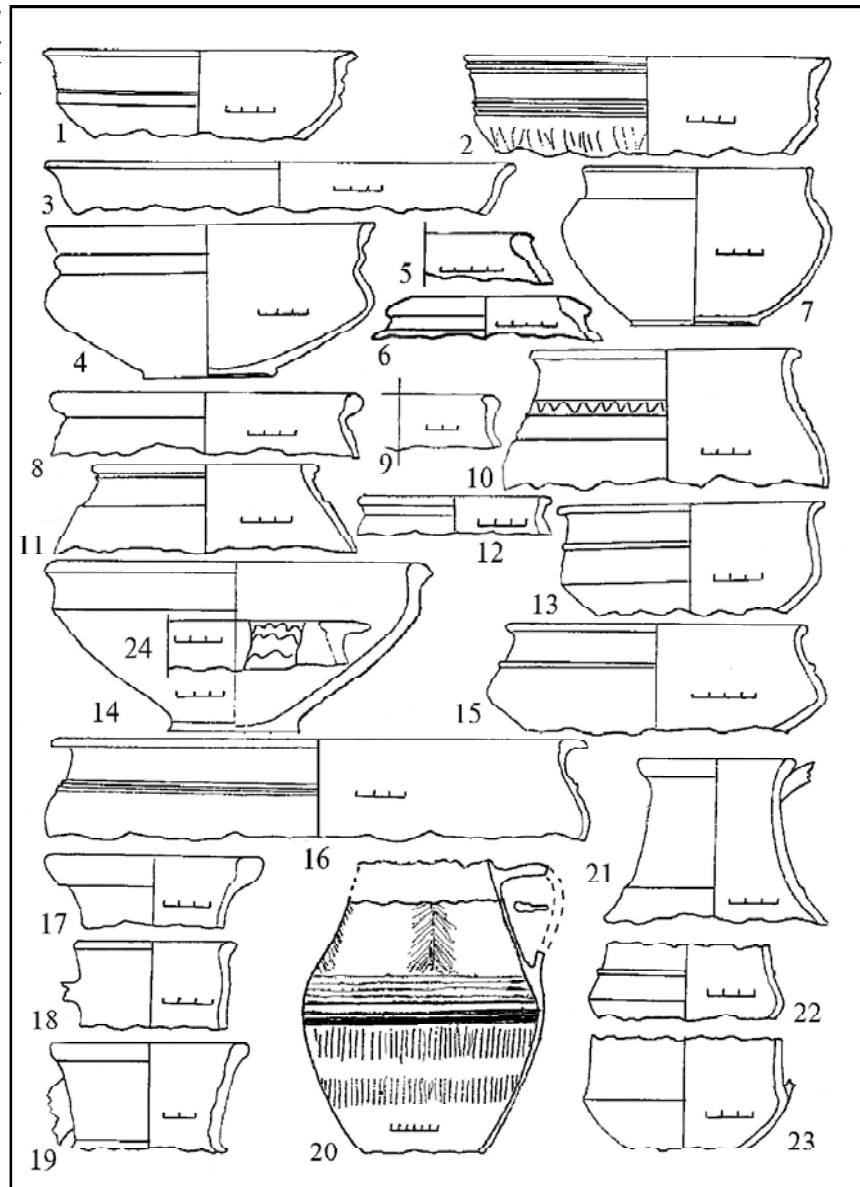

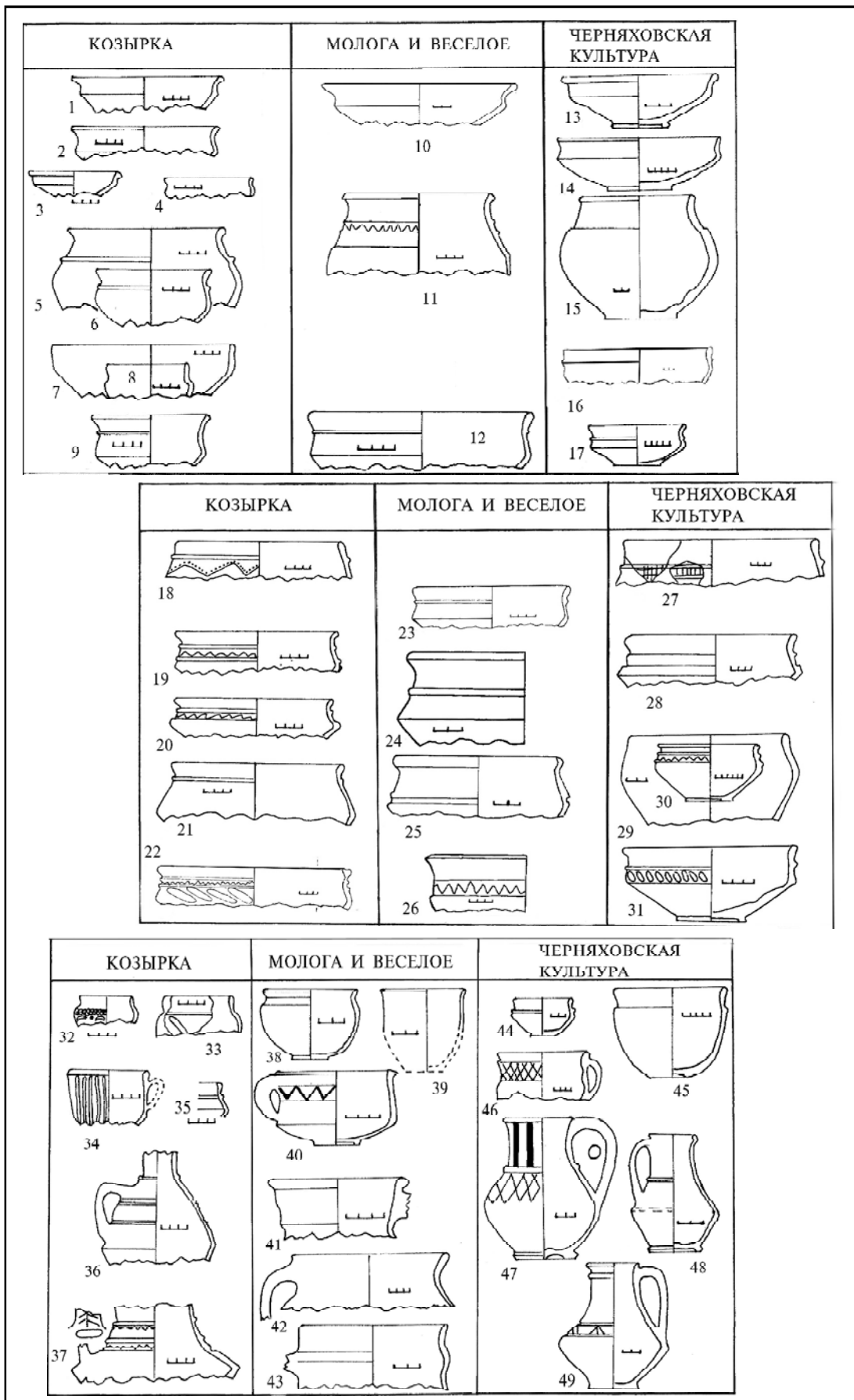
Рис.7. Сероглиняная гончарная керамика Козырки. Второй горизонт.

Рис. 8. Сероглиняная гончарная керамика позднескифских поселений на Днестровском лимане.

туры нет ни одного дакийского памятника. Некоторое участие гетов в греческой колонизации вполне вероятно (Крыкин 1993: 126), но трудно допустить, что в основном именно через Тиру и Ольвию в последних веках до нашей эры и первых веках нашей истории, изготовлявшее лепную фракийскую керамику, попало в среду поздних скифов. Многократно высказывавшаяся мысль о возможности связать это явление с походом Бурбисты на Ольвию представляется фантастической. Во-первых, на нижнеднепровских городищах фракийская керамика зафиксирована с конца III в., то есть еще до этого похода. Во-вторых, войны никак не могли стать распространителями лепной керамики на позднескифских поселениях от Днепра до Днестра. Бытование этой керамики на протяжении длительного времени в инородной и инокультурной среде, на наш взгляд, указывает на постоянные контакты населения Причерноморья с племенами,

которым была присуща эта посуда. Скорей всего, эти контакты осуществлялись по рекам Днепру, Бугу и Днестру и были направлены в сторону северной части фракийского мира, в том числе и Молдавии. Может быть, это те же пути культурного и демографического контакта, по которым тоже с конца III в. до н.э. на нижнеднепровские городища распространялось латенское влияние, фиксируемое через появление выше описанных остросереберных мисок. Теми же путями и с того же времени могло распространиться и фракийское влияние. С течением времени на западных и северо-западных землях, куда достигали эти контакты, латенский культурный потенциал исчерпал себя (он вновь проявится позднее, во время кельтского ренессанса), а связи остались. Результатом этого и оказалось сохранение фракийского влияния и в римское время. Все высказанное пока не более, чем гипотеза, требующая специальной проработки. Она

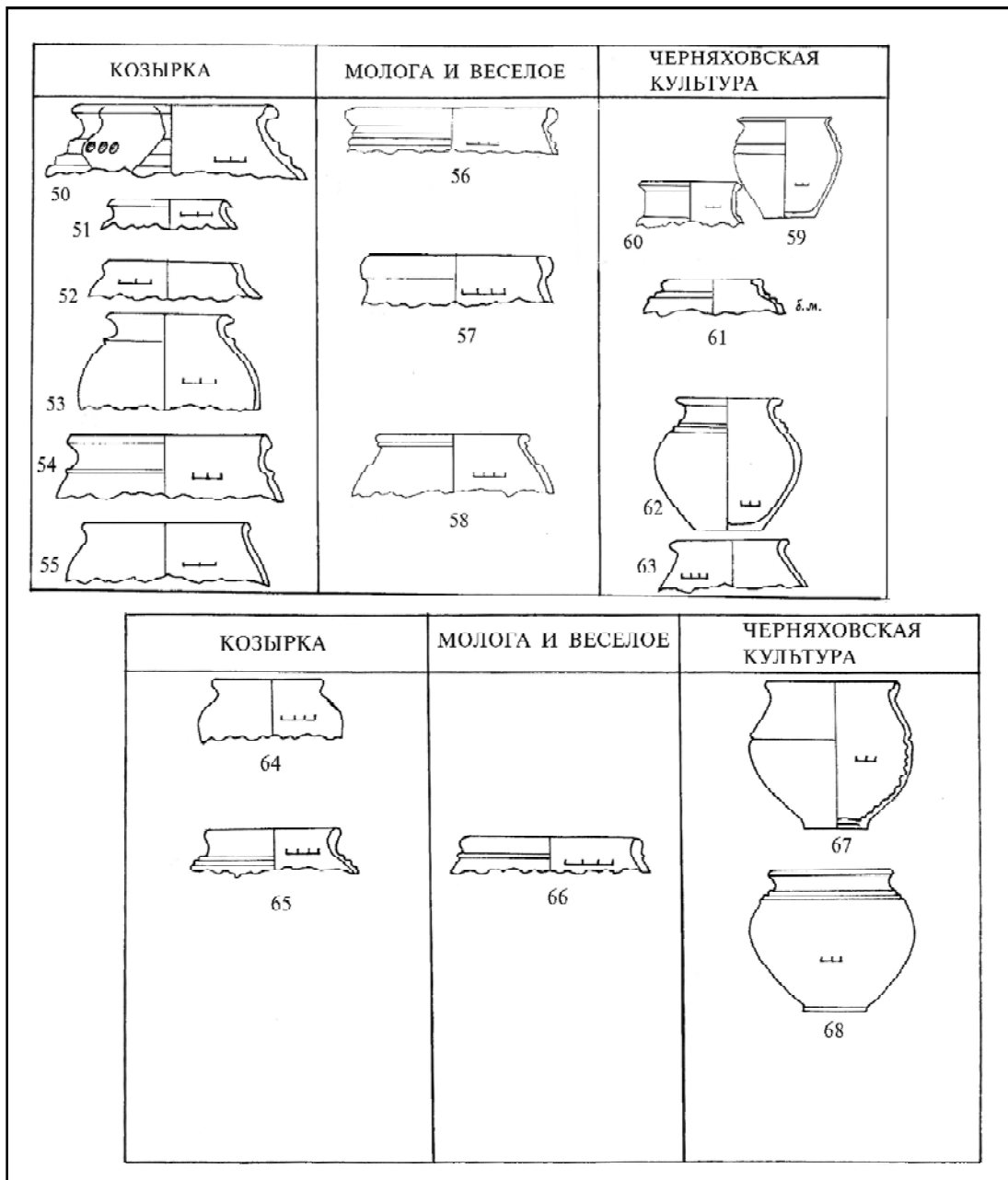

Рис.9/1-5. Сопоставительная таблица позднескифской гончарной сероглиняной керамики столовой (рис.9/1-3) и шероховатой (рис.9/4,5).

1-9, 18-22, 31-37, 50-55, 64, 65 – Козырка; 10-12, 23, 26, 41, 43 – Веселое; 24, 25, 38, 39, 42, 56-58, 66 – Молога; 13 – Чубовка; 14, 17 – могильник Холмс-

кое; 15 – Первомайское на Днепре; 27 – могильник Гавриловка; 30 – могильник Коблево; 31 – могильник Данчены; 44, 45, 48, 49, 62, 67 – могильник Каборга IV; 46, 47 – могильник Фурмановка; 59 – могильник Нагорное II; 60, 61, 63 – Киселово; 68 – могильник Викторовка II.

отнодь не исключает возможности появления лепной гетской керамики в Тире и Ольвии иными путями и в ином историческом контексте.

Интересные новые сведения о связях поздних скифов с носителями иных этно-культурных образований дают наблюдения над сероглиняной гончарной керамикой. В первой четверти I тыс. в Причерноморье существовало две ее группы. Одна – это продукция античных мастерских, вписывающаяся в общую кар-

тину провинциально-римского гончарства. Она была в употреблении жителей Тире и Ольвии, но ее количество в керамике городов невелико (Гудкова 1972; Крапивина 1979; Гудкова, Крапивина 1988). И в Тире, и в Ольвии она имеет небольшие местные особенности. Естественно, она в некотором количестве попадала на сельские поселения городской округи. В Козырке это, прежде всего, округлые закрытые миски в основном с загнутым внутрь краем, лощеные сна-

ружи и внутри, часто украшенные линейно-лощеным орнаментом, тоже снаружи и внутри (рис. 6, 1, 3, 5; 7, 1-3). Представлены также ольвийские кувшины со сливом. В сероглиняной керамике Мологи и Веселого количество тирской керамики весьма умеренное. В основном это кувшины (рис. 8).

Вторая группа сероглиняной гончарной керамики представлена в Козырке и на других поселениях Ольвийской периферии, на Мологе и Веселом (Гудкова 1991: 122-131; Гудкова, Малюкевич 1994: 251-252; Гудкова, Фокеев 1982: 91-94). Своим происхождением она с городами не связана. На Козырке ее количество не очень велико, а в Мологе и Веселом это основная столовая посуда. Поскольку для невыразительных фрагментов не удается определить их принадлежность к первой или второй группе, количественную характеристику приходится давать в целом. На Мологе по материалам раскопок 1975-1978 гг. она составляет 12 % всего керамического комплекса, а античная красноглиняная и краснолаковая – 3 %. На Веселом соответственно 30,5 и 4,3 %. По визуальным наблюдениям античная керамика первой группы составляет незначительную часть всей сероглиняной посуды. Поскольку краснолаковая и красноглиняная керамика здесь в повседневном быту большой роли не играла, то, естественно, допустить, что эта посуда была местного производства. Об этом свидетельствуют и находки керамического брака.

Материалы хорошо стратифицированной Козырки, слои которой содержали большое количество разнообразного датирующего материала, позволили отнести время появления этой керамики к концу I в. н.э. Во II в. и первых десятилетиях III в. возрастает число таких сосудов, и они становятся обычными.

Основные формы этой посуды (рис. 6-8) – миски, открытые реберчатые и закрытые биконические, в небольшом количестве кувшины с биконическим туловом, реберчатые кружки, сосуды пока не реконструированной формы с очень широким Т- и Г-образным венчиком, кубки. В Мологе и Веселом обычны сосуды для хранения запасов с массивным выдающимся внутрь горизонтальным венчиком и без шейки. Они сделаны из такой же хорошо отмученной глины, как и прочая керамика. Вся столовая посуда и часть корчаг для хранения запасов покрыты лощением. Иногда отмечается черное покрытие до лощения или науглероживание при обжиге для придания черепку глубокого черного цвета. Применялся линейно-лощеный орнамент. Пластичные формы декорировки поверхности состоят из валиков, уступов, «обручей», наплывов, углубленных «выбранных» круговых поясов, косых каннелюр.

Столовая посуда дополняется грубоглиняными кухонными горшками, (рис. 6, 16-18; 7, 7, 8, 12, 13; рис. 8) в тесте которых содержится

большое количество крупнозернистых примесей. Это сосуды того типа, которые провинциально-римские мастерские в Мезии и Фракии начали производить в I в. н.э. (Roszy 1956: рис. 8, 9, 11; Sultov 1976; 1985). В Тире и Ольвии, где население пользовалось обычной античной кухонной посудой (Гудкова, Крапивина 1990: 17-18; Крапивина 1993: 101-105), они встречаются редко, но получают широкое распространение в различных варварских культурах I тыс. н.э. (Милитарь-Киля, карпатских курганов, черняховская и др.).

Изучение описываемой группы сероглиняной керамики только еще начинается и здесь мы остановимся лишь на одном чрезвычайно интересном и важном аспекте ее облика. Она практически не отличима от черняховской посуды (рис. 9). Ее появление на сельских поселениях округа Тиры и Ольвии никак нельзя связать с их воздействием. В то же время невозможно не заметить влияния провинциально-римского гончарства, в частности мастерских Подунавья, а может быть, и гончарных центров юго-восточной Словакии и южной Польши. Складывается впечатление, что в Причерноморье эта керамика появилась с северо-запада (в обход Карпат). Это в частности подтверждается и тем, что ее количество убывает в направлении с северо-запада на юго-восток. На Днестре она – основная столовая посуда, на хоре Ольвии употребляется в некотором количестве. В связи с этим следует вспомнить, что на нижнеднепровских городищах исследователи фиксируют небольшую примесь керамики черняховского облика, но соответствующего ей слоя нигде не обнаружено. Не может ли это быть то же самое явление, что и на Козырке, никак с появлением черняховской культуры в Причерноморье не связанное?

Совершенно очевидно, что сероглиняная гончарная керамика в позднескифском гончарстве совершенно инородна. Возможно, и сами поздние скифы ощущали ее инородность. На эту мысль наводит то, что она не входила в состав погребального инвентаря.

Происхождение этой керамики и конкретные пути и формы ее распространения еще не ясны. Судя по времени бытования, она никак с черняховской культурой как таковой не связана, но имеет общие истоки с ее керамическим комплексом (Гудкова, Малюкевич, см. статью в настоящем издании). Наблюдаемое явление заставляет предположить, что те центры, где она сложилась, еще в предчерняховское время были уже настолько и оформившимися, и мощными, что смогли дать фиксируемый нами импульс в Причерноморье. Представлял ли он собой перемещение некоего этноса или же имело место распространение определенной моды, с полной уверенностью сейчас сказать нельзя. Мы пока склоняемся к тому, что новая группа керамики распространилась с конкретными

людьми, ее носителями. О появлении в рассматриваемое время в Причерноморье какого-то населения с севера или северо-запада свидетельствуют недавние находки инородных погребений с характерным инвентарем на могильнике Красный Маяк. Они были подробно охарактеризованы выше, но в силу чрезвычайной важности этого материала повторим сжатую характеристику. Здесь «...открыт целый ряд захоронений, совершенных по обряду северо-западных культур (безурновое сожжение, могилы со стелами, черепа под каменными закладами). В одном из них (парное детское захоронение) обнаружен богатый набор прибалтийских бронзовых украшений, включающий налобный венчик с подвесками, составленными из колечек и пронизок, кольца, браслеты, колокольчики. Комплекс датируется второй половиной II – началом III в. н.э. Новые находки в Красном Маяке не могут быть соотнесены ни с одной из культур северо-западного круга (вельбаркская, пшеворская, черняховская), памятники или элементы которых были бы известны в Северном Причерноморье. Это совершенно новое явление, достоверно фиксирующее миграции из Прибалтики на рубеже II и III вв.» (Гей, Бажан 1993: 168) Только дальнейшие исследования и накопление фактического материала смогут показать, связаны ли между собой эти явления в керамике и погребальном обряде. Однако как рабочая гипотеза такая мысль представляется допустимой. В любом случае, приоткрывается новая страница в истории связей Причерноморья с северными районами. Может быть, северо-западные связи Причерноморья в римское время, которые удалось обнаружить на основе изучения второй группы сероглиняной керамики, представляют собой часть более масштабного явления, которое первоначально фиксируется по массовому распространению на нижнеднепровских городищах в более раннее время лепных мисок зарубинецкого (латеноидного) типа и появлению фракийских заимствований.

Дискретный характер распространения позднескифской культуры в Причерноморье, различия (не принципиальные) в культуре региональных групп населения вызваны, скорей всего, их тяготением к разным политическим и экономическим центрам. Нижнеднепровские городища были политически связаны с позднескифским царством в Крыму, но экономически они более тяготели к Ольвии (Погребова 1958: 239). В результате в их культуре ощутимо античное влияние. Существует мнение, что между Нижним Днепром и Нижнем Бугом происходил обмен населением (Славин 1976: 185). Особенностью нижнеднепровских городищ является также наличие элементов зарубинецкой культуры. Культура обитателей Ольвийской периферии была синкретической, представляя собой сплав варварских и ярко выраженных античных черт. Она в Северо-Западном Причерноморье является аналогом прилимесной зоны в Европе. Поселения района Днестровского лимана, безусловно, тяготели к Тире. Возможно, их возникновение связано с переселением как с Нижнего Днепра, и так и с периферии Ольвии при появлении сарматов. Этим может быть объяснена близость Николия к памятникам типа Козырки и Петуховки, а Мологи – к позднескифским городищам на Днепре. Создается впечатление, что в первой четверти тысячелетия политическая и военная обстановка в регионе была столь напряженной, что более или менее спокойная жизнь сельского населения была возможна только под защитой крупных центров и системы их военных укреплений. Не исключено, что могут появиться новые данные о существовании оборонительной системы и на Днестровском лимане. Если до сих пор можно было в этом отношении оперировать только уничтоженным без изучения городищем Удобное, то теперь появились сведения о существовании укрепления римского времени на поселении Никоний (Секерская 1995: 58).

Глава 2. ВЕНЕДЫ В НИЗОВЬЯХ ДУНАЯ

В степном районе между низовьями Днестра, Дуная и Прута наблюдается распространение своеобразной группы древностей типа Этулия позднего римского времени. Кроме того, подобные памятники известны и в степи на левом берегу Днестра (Патоква, Дзиговский, Зиньковский 1982). К северу, в лесостепи междуречья Днестра и Прута зарегистрировано пока несколько памятников этого типа (Щербакова, Кашуба 1990: 119). Следовательно, и эта зона входит в их ареал. На прилагаемой карте-схеме учтено более полусотни таких памятников (рис. 10). В действительности их значительно больше, поскольку каждая новая разведка приводит к обнаружению ранее неизвестных памятников

этого типа. В настоящее время на этой же территории известно значительное число объектов римского времени, культурная принадлежность которых пока не ясна. Подъемный материал на них состоит из римских амфор, иногда гончарных сероглиняных и красноглиняных сосудов (Черняков 1967). Среди них могут быть и памятники типа Этулия, и сарматские стойбища и кочевья. Нами определены как этулийские те памятники, на которых, кроме фрагментов амфор, собрана характерная лепная керамика. Проведенное нами обследование некоторых из них, на которых ранее были найдены только обломки амфор, привело к выявлению на них лепной керамики этулийского типа.

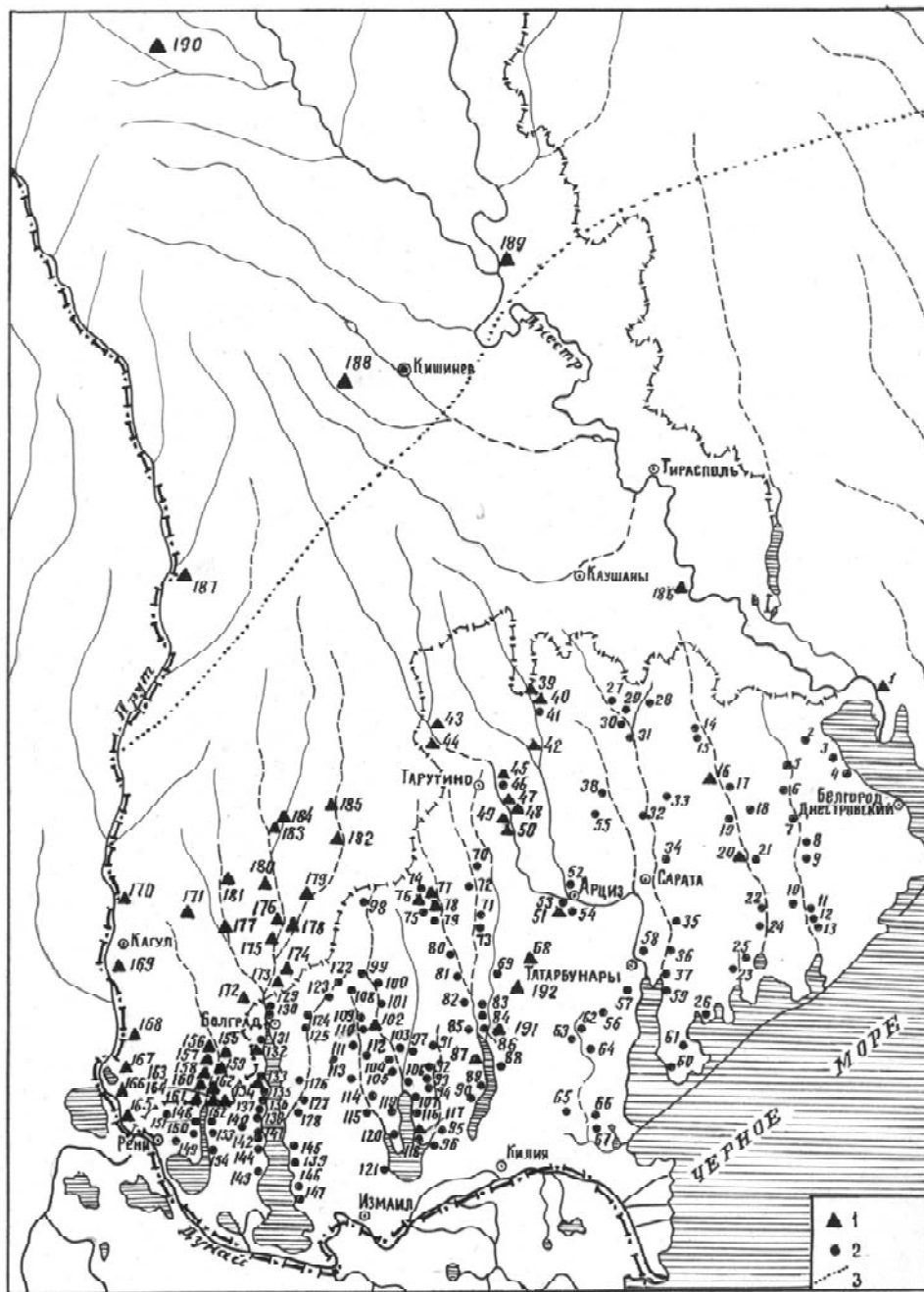

Рис. 10. Карта-схема распространения памятников типа Этулия: 1 – памятники типа Этулии; 2 – памятники римского времени неясной культурной принадлежности; 3 – примерная граница лесостепи и степи.

1. Пос. Маяки (Патокова, Дзиговский, Зиньковский 1982); 2. Пос. Валя Роца II (Гудкова 1973 б); 3. Пос. Пивденное (Южное I) (Клейман, Ревенко 1959; Черняков 1960); 4. Пос. Молога II (Клейман, Ревенко 1959); 5. Пос. Подгорное II (Гудкова 1973); 6. Пос. Карналеевка I (Гудкова 1973 б); 7. Пос. Алкалия I (Гудкова 1973); 8. Пос. Зеленое III (Гудкова 1973); 9. Пос. Алкалия IV (Гудкова 1973); 10. Пос. Широкое III (Гудкова 1973); 11. Пос. Широкое (Гудкова, Черняков 1959); 12. Пос. Ясногородка I (Загинайло 1974); 13. Пос. Ясногородка (Загинайло 1974); 14. Пос. Ройлянка

ка I (Гудкова 1973); 15. Пос. Ройлянка II (Гудкова 1973); 16. Пос. Камышевка (Черняков 1963); 17. Пос. Надъярное (Черняков 1963); 18. Пос. Кривая Балка I (Черняков 1963); 19. Пос. Николаевка-Новороссийская V или Хаджидер V (Черняков 1963; Гудкова 1973); 20. Пос. Константиновка II (Гудкова 1973); 21. Пос. Константиновка IV (Черняков 1963); 22. Пос. Сергеевка (Черняков 1963); 23. Пос. Желтый Яр (Черняков 1963); 24. Пос. Дивизия II (Черняков 1963); 25. Пос. Бикир (Загинайло 1974); 26. Пос. Кочковатое (Загинайло 1974); 27. Пос. Петропавловка II (Гудкова 1974); 28. Пос. Фарасовка III (Гудкова 1974); 29. Пос. Благодатное II (Гудкова 1974); 30. Пос. Благодатное III (Гудкова 1974); 31. Пос. Надежда I (Гудкова 1974); 32. Нов. Плахтаевка I (Гудкова 1974); 33. Пос. Плахтаевка II (Гудкова 1974); 34. Пос. Заря (Черняков 1963);

35. Пос. Белолесье (Черняков 1963); 36. Пос. Заречное I (Черняков 1963); 37. Пос. Заречное II (Загинайло 1974); 38. Пос. Чилигидер I (Гудкова 1974); 39. Пос. Новоселовка (Гудкова, Новицкий 1976); 40. Пос. Благодатное (Гудкова, Новицкий 1976); 41. Пос. Елизаветовка (Гудкова, Новицкий 1976); 42. Пос. Веселая долина I (Гудкова, Новицкий 1976); 43. Пос. Серпнево I (Гудкова, Новицкий 1976); 44. Пос. Серпнево III (Гудкова, Новицкий 1976); 45. Пос. Березино II (Гудкова, Новицкий 1976); 46. Пос. Березино III (Гудкова, Новицкий 1976); 47. Пос. Путейская Казарма (Гудкова, Новицкий 1976); 48. Пос. Путейская Казарма II (Гудкова, Новицкий 1976); 49. Пос. Красное II (Гудкова, Новицкий 1976); 50. Пос. Красное I (Гудкова, Новицкий 1976); 51. Пос. Арцыз I (Черняков 1967); 52. Пос. Арцыз II (Черняков 1967); 53. Пос. Арцыз III (Черняков 1967); 54. Пос. Долиновка I (Гудкова 1973); 55. Пос. Вишняки I (Гудкова 1973); 56. Пос. Ново-Алексеевка (Черняков 1963); 57. Пос. Татарбунары II (Загинайло 1974); 58. Пос. Борисовка I (Загинайло 1974); 59. Пос. Сасык. Лиман или Золотокары I (Загинайло 1974); 61. Пос. Лиман II или Золотокары (Загинайло 1974); 62. Пос. Дмитровка (Шмаглий 1965); 63. Пос. Струмок IV (Кравченко 1971 б); 64. Пос. Струмок III (Шмаглий 1965); 65. Пос. Ст. Николаевка I (Шмаглий 1965); 66. Пос. Трудовое II (Шмаглий 1965); 67. Пос. Трудовое III (Шмаглий 1965); 68. Пос. Ташлык IV (Гудкова 1973); 69. Пос. Главаны III (Гудкова, Фокеев 1984 а); 70. Пос. Киргиз II (Гудкова 1973); 71. Пос. Киргиз VIII (Гудкова 1973); 72. Пос. Делень IX (Гудкова 1973); 73. Пос. Делень I (Гудкова 1973); 74. Пос. Ново-Ивановка (Гудкова 1973); 75. Пос. Дмитровка (Гудкова 1973); 76. Пос. Валя Пержа-Пруды II (Гудкова 1973); 78. Пос. Валя Пержи-Пруды III (Гудкова 1973); 79. Пос. Ново-Ивановка III (Гудкова 1973); 80. Пос. Задунаевка VII (Гудкова 1973); 81. Пос. Задунаевка V (Гудкова 1973); 82. Пос. Островное II (Гудкова 1973); 83. Пос. Островное I (Гудкова 1973); 84. Пос. Островное VIII (Гудкова 1973); 85. Пос. Старые Траяны II (Кравченко 1971 б); 86. Пос. Остров (Гудкова 1972); 87. Пос. Старые Траяны III (Гудкова 1972); 88. Пос. Фурмановка III (Гудкова 1972); 89. Пос. Приозерное II (Гудкова 1972); 90. Пос. Муравлевка (Гудкова 1972); 91. Пос. Кирнички I (Загинайло 1974); 92. Пос. Еника I (Кравченко 1971 б); 93. Пос. Еника III (Кравченко 1971 б); 94. Пос. Новая Покровка IV (Загинайло 1974); 95. Пос. Першотравневое VII (Загинайло 1974); 96. Пос. Першотравневое III (Загинайло 1974); 97. Пос. Суворово V (Загинайло 1974); 98. Пос. Новые Траяны I (Суботин 1972); 99. Пос. Ореховка IV (Суботин 1972); 100. Пос. Ореховка I (Суботин 1972); 101. Пос. Бановка I (Суботин 1972); 102. Пос. Ново-Каменка III (Кравченко 1971 б); 103. Пос. Ново-Каменка I (Суботин 1972); 104. Пос. Ново-Каменка IV (Суботин 1972); 105. Пос. Суворово IV (Черняков 1967); 106. Пос. Суворово I (А) (Суботин 1972); 107. Пос. Суворово III (Черняков 1967); 108. Пос. Кальчевая VI (Суботин 1967); 109. Пос. Кальчевая IV (Субботин 1967); 110. Пос. Кальчевая III (Субботин 1967); 111. Пос. Кальчевая IV (Субботин 1967); 112. Пос. Кальчевая I (Субботин 1967); 113. Пос. Васильевка VII (Субботин 1967); 114. Пос. Каменка III (Субботин 1967); 115. Пос. Каменка V (Субботин 1967); 116. Пос. Катлабух II (Загинайло 1974); 117. Пос. Суворово II или Ореховая Балка (Кравченко 1971 б); 118. Пос. Алексарка (Шмаглий, Черняков 1966; Кравченко 1971 б); 119. Пос. Катлабух V (Загинайло 1974); 120. Пос. Утконосовка II (Кравченко 1971 б); 121. Пос. Ивовое I (Загинайло 1974); 122. Пос. Червоноармейское IX (Кубей IX) (Суботин 1968); 123. Пос. Червоноармейское X (Кубей X) (Суботин 1968); 124. Пос. Червоноармейское VI (Кубей VI) (Суботин 1968); 125. Пос. Жовтневое III (Суботин 1968); 126. Пос. Криничное II (Суботин 1968); 127. Пос. Ельчак II (Гудкова, Черняков 1977); 128. Пос. Ельчик II (Гудкова, Черняков 1977); 129. Пос. Болград (Черняков 1962); 130. Пос. Набережный (Загинайло 1974); 131. Пос. Виноградовка II (Черняков 1962; Черныш, Черняков 1964); 132. Пос. Виноградовка III (Черныш, Черняков 1964); 133. Пос. Владычень III (Черныш, Черняков 1964); 134. Пос. Владычень IV (Черныш, Черняков 1964); 135. Пос. Владычень V (Черныш, Черняков 1964); 136. Пос. Владычень VI (Черныш, Черняков 1964); 137. Пос. Владычень VII (Черныш, Черняков 1964); 138. Пос. Владычень VIII (Черныш, Черняков 1964); 139. Пос. Криничное (Суботин 1968); 140. Пос. Котловина (I) (Черныш, Черняков 1964); 142. Пос. Плавни IV (Черныш, Черняков 1964); 143. Пос. Плавни III (Черныш, Черняков 1964); 144. Пос. Плавни II (Черныш, Черняков 1964); 145. Пос. Коса (Загинайло 1974); 146. Пос. Озерное IV (Шмаглий, Черняков 1965); 147. Пос. Озерное III (Загинайло 1974); 148. Пос. Долинское II (Субботин 1972); 149. Пос. Долинское I (Субботин 1972); 150. Пос. Кирнан II (Субботин 1972); 151. Пос. Лиманское II (Субботин 1968); 152. Пос. Совхоз Ренийский II (Субботин 1968); 153. Пос. Совхоз Ренийский III (Суботин 1968); 154. Пос. Нагорное VI (материалы ОАМ); 155. Пос. Вулканешты I (Щербакова, Гольцева 1975); 156. Пос. Вулканешты II (Щербакова, Гольцева 1975); 157. Пос. Суворово I (Щербакова, Гольцева 1975); 158. Пос. Суворово II (Щербакова, Гольцева 1975); 159. Пос. Суворово III (Щербакова, Гольцева 1975); 160. Пос. Чимикиой I (Щербакова, Гольцева 1975; Щербакова, 1982, 1983); 161. Пос. Чимикиой II (Щербакова, Гольцева 1975; Щербакова 1983); 162. Пос. Этулия IV (Щербакова, Гольцева 1975); 163. Пос. Этулия X (Щербакова, Гольцева 1975; Щербакова 1982); 164. Мог. Этулия XII (Щербакова, 1981); 165. Пос. Джурджулешты I (Щербакова, Гольцева 1975); 166. Пос. Джурджулешты II (Щербакова, Гольцева 1975); 167. Пос. Слободзея Маре (Щербакова, Гольцева 1975); 168. Пос. Колибаш (Нудельман 1976); 169. Пос. Манта (Щербакова, Гольцева 1975); 170. Пос. Кокоара III (Лапушнян 1969); 171. Пос. Верхние Андруши (НА АН МССР; Книга регистрации); 172. Пос. Чумай (Щербакова, Гольцева 1975); 173. Пос. Кайраплия (Книга регистрации); 174. Пос. Колчак (Книга регистрации); 175. Пос. Самурза (Книга регистрации); 176. Пос. Самурза (Книга регистрации); 177. Пос. Лопачика (Книга регистрации); 178. Пос. Новосаловка (Щербакова 1980 а); 179. Пос. Кирютня (Книга регистрации); 180. Пос. Чалык II (Щербакова 1980 а); 181. Пос. Нижняя Албота (Щербакова 1980 а); 182. Пос. Гайдары (Щербакова 1983 а); 183. Пос. Конгаз I (Щербакова 1980 б); 184. Пос. Конгаз II (Щербакова 1980 б); 185. Пос. Томай (Щербакова 1983 а); 186. Пос. Томай (Щербакова 1983 а); 187. Пос. Томаи (Щербакова 1983 а); 188. Пос. Брзила (Книга регистрации); 189. Пос. Спяга (Книга регистрации); 190. Пос. Езерены (Книга регистрации); 191. Пос. Холмское II (Фокеев 1982); 192. Пос. Ташлык (Гудкова и др. 1983).

В настоящей работе использованы материалы раскопок поселений и могильников, исследованных Т. А. Щербаковой (Щербакова 1980 а, 1981, 1982, 1983, 1987, 1991, 1994; Щербакова, Кашуба 1990), которой я приношу глубокую благодарность за предоставленную мне возможность работы с ее материалами. Кроме того, раскопки этулийских памятников вела Измаильская экспедиция ИА АН УССР под руководством автора (Паламарчук 1982; Фокеев 1982, 1987, 1991, 1995, 1997; Гудкова 1987; 1989: 37-40; 1990 а). Такое поселение изучала А. Т. Смиленко (Смиленко, Козловский 1986: 309; Смиленко 1990). Кроме того, на нескольких поселениях нами произведена шурфовка, а на многих собран подъемный материал. В последние годы раскопки этулийского поселения в урочище Кале возле с. Суворово Измаильского р-на Одесской обл. ведет М.М.Фокеев, раскрывший здесь два жилища (1997).

Поселения расположены на берегах степных

рек, озер и лиманов: Если берега пологие, то на нижней террасе у воды, на обрывистых берегах — высоко на плато. Площадь большинства из них невелика, менее гектара. Лишь в отдельных она достигает нескольких (до 4-х) гектаров. Иногда селища расположены группами. Поселения не укреплены. В пределах римского времени они, как правило, однослойны. Лишь на отдельных установлено частичное перекрытие их черняховскими памятниками.

Особенность поселений — малое количество жилищ при многочисленности хозяйственных ям. Культурный слой очень беден и локализуется на местах строений или около них. Перекрытия сооружений друг другом не наблюдается. Очевидно, поселения были недолговременными. Следов разгрома или пожара нет. Четкой планировки или членения поселения на жилищно-хозяйственные комплексы не фиксируется (рис. 11). Ямы иногда располагаются на стороне от жилищ скоплениями, иногда вынесены

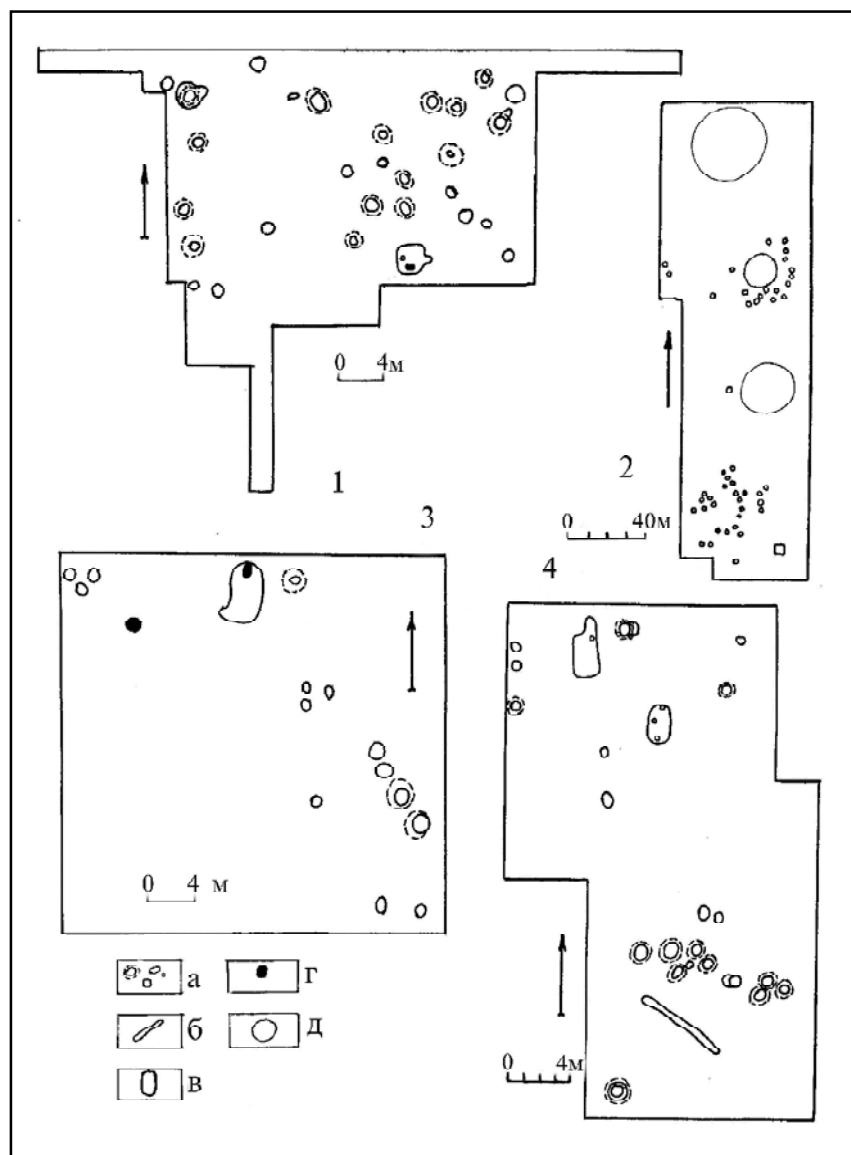
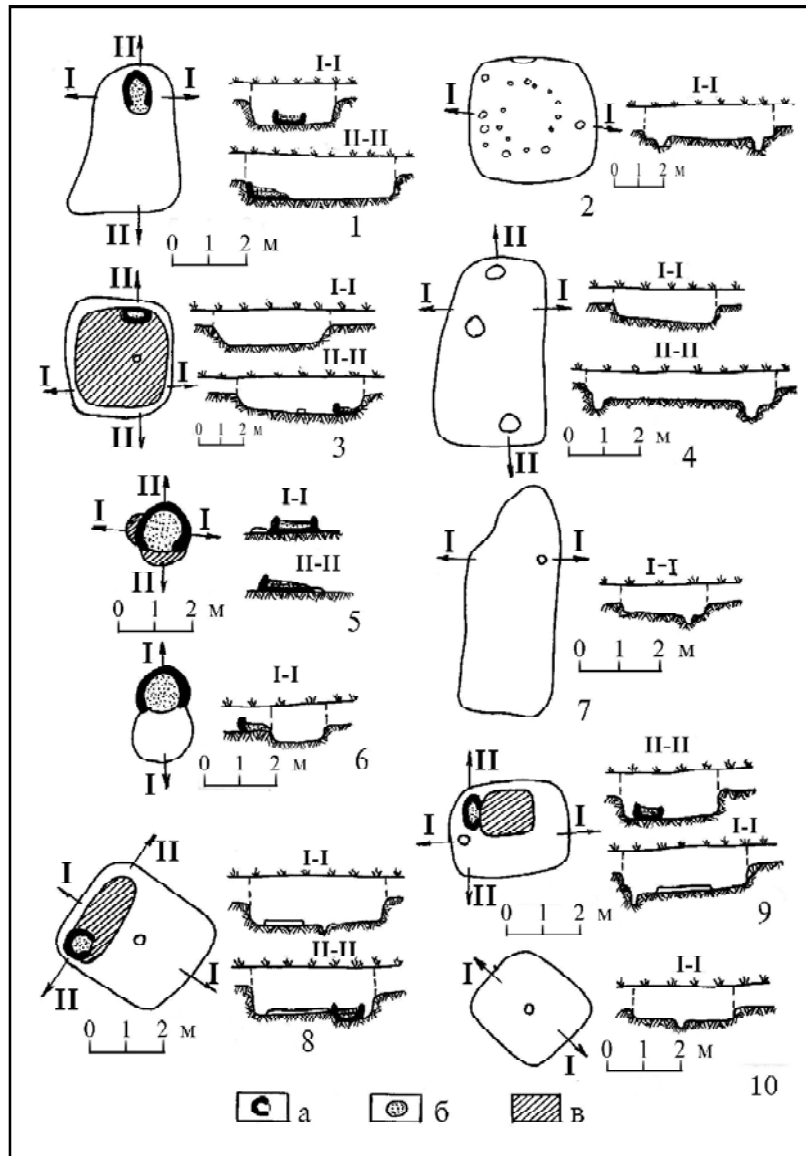

Рис. 11. Планы поселений типа Этулия: 1 — Этулия X; 2 — Холмское II; 3 — Чимикиой I; 4 — Чимикиой II (1,3,4 — по Т.А.Щербаковой); а — ямы; б — жилище; г — очаг; д — курган.

Рис. 12. Жилища и открытые очаги на поселениях типа Этулия 1-3 — Чишмикиой I; 4-5 — Чишмикиой II; 6, 8-10 — Конгаз I: а — глиняный бортик очага или стенка печи; б — под очага или печи; в — глинобитный слой.

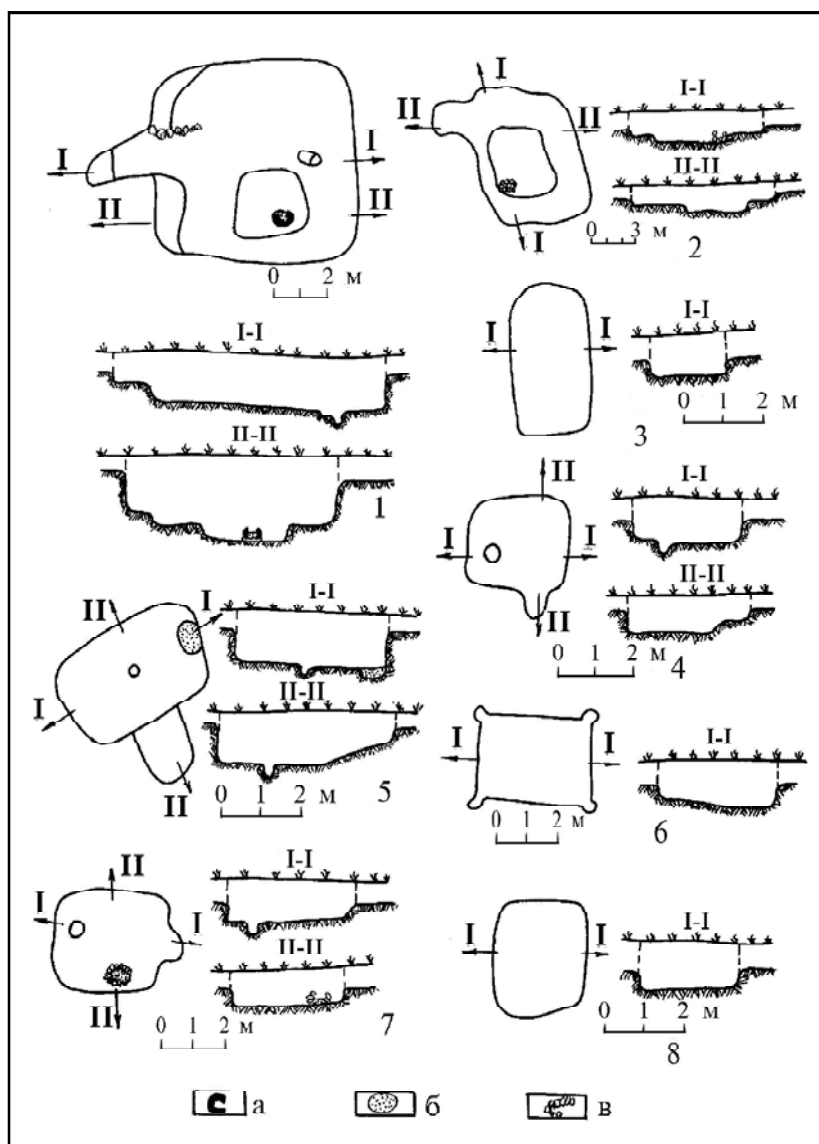
отдельно на плато. Только на поселении Нагорное VI установлено существование усадьбы с двором и хозяйственными постройками в нем (Смиленко 1990: 86).

Практически все основные характеристики этулийских поселений совпадают с такими же особенностями поселений киевской культуры. Для тех и других характерны: небольшие размеры; недолговременность; бедность культурного слоя; большое количество хозяйственных ям при незначительном числе жилищ (не более 10-15 жилищ на крупных поселениях; на поселении Роище при пяти жилых строениях 5 хозяйственных ям и 230 ям-погребов); расположение ям вне связи с конкретными домами, иногда на обособленной территории (Лавриков Лес, Киреевка, Вишенки) (Третьяков 1974: 53; Горюнов 1981: 14; Терпиловский 1984: 9, рис. 4). Аналогичная структура обнаружена на поселении зубрицкого типа Горка-Полонка (Козак 1992 б: 34, табл. 4; с. 35, рис. 14), где на площа-

ди в 2100 кв. м. при 5 жилищах найдено 84 ямы. То же самое наблюдается и на верхнеднепровском черняховском поселении Бовшев II. Здесь на площади 2700 кв. м. на 8 жилищ приходится 47 хозяйственных ям и системы в их расположении не наблюдается (Баран 1981: 21-22).

Жилища (рис. 12, 13). Их известно около 20 (Щербакова 1987; см. так же Смиленко 1990). Все жилища углублены в землю. Глубина котлована колеблется от 0,6 м и лишь в одном случае достигает 1,6 м. Преобладают полуземлянки малой площади от 5 до 10 кв. м., средней площади 24 и 25 кв. м всего две. Больших (46 и 63 кв. м) — тоже две. По форме жилища в основном прямоугольные, но известны также изредка подквадратные и трапециевидные. Их конструкция и устройство чрезвычайно разнообразны. Вход может выдаваться за контуры полуземлянки. Иногда он оформлен в виде тамбура. Устойчивой связи его расположения с определенным направлением не наблюдается. В 11

Рис.13. Жилища на поселениях типа Этулия: 1-4 – Новоселовка; 5-6 – Этулия IV; 7 – Этулия X; 8 – Кокоара; а – глиняный бортик очага или стенка печи; б – под очага или печи в – каменная обкладка очага.

жилища зафиксированы ямки от столбов, расположение которых разнообразно. В четырех случаях столб находился в центре, в двух — у одной из стен. Известно жилище с тремя столбами по осевой линии, другие — с четырьмя по углам. В одном случае шесть ямок расположено по периметру, но лишь две из них достаточно глубокие для того, чтобы нести перекрытие.

Разное расположение несущих опор указывает на то, что применялась различная конструкция кровли, но достаточных сведений для ее надежной реконструкции пока нет. Устройство стен фиксируется редко. Условия степи не позволяют предполагать применения срубов. Это подтверждается также и скругленностью углов, и легкой выгнутостью стенок котлованов полуземлянок. Скорей всего, стены были каркасные или плетневые, обмазанные глиной. Отсутствие глиняной обмазки может объясняться тем, что ни один дом не сгорел и она могла быть полностью размыта. Детали устройства двух жилищ

свидетельствуют о том, что у них стенки котлована могли иметь деревянную или плетневую обшивку.

Отопительные устройства присутствовали в половине жилищ. Это очаги и печи, расположенные без определенного правила. Варианты их расположения: возле одной из стен, в углу, справа и слева от входа. Очаги имели форму ямки, ямки в материковом останце, глиняного пола с бортиком из камня. Печи применялись реже. Они известны на четырех поселениях в четырех жилищах (Чишмикой I, Конгаз, Новоселовка, Нагорное VI). Все печи глинобитные на каркасе, сводчатые, овальные или круглые в плане. В двух жилищах на поселении Конгаз печи сочетаются с глиняными возвышениями высотой 7-8 см. В одном случае такой столик примыкал к печи, в другом — печь была сделана на нем (рис. 12, 8, 9). В центре жилища N 2 на поселении Чишмикой I найдена глиняная жаровня. Обломки таких жаровен обнаружены и в других

местах. Известны очаги возле домов, под открытым небом. На поселении Новоселовка два дома имели лежанки (рис. 13, 1, 2), расположенные по периметру и «полки» у стен по бокам входа. В центральной, углубленной по отношению к лежанкам части жилища находился очаг. Особенностью устройства жилищ является отсутствие в них хозяйственных ям.

Индивидуальные конструктивные особенности домов и отсутствие устойчивого правила организации интерьера указывает на то, что единый тип жилища не сложился. На отдельных поселениях отмечены присущие только им особенности: печи со «столиками» на Конгазе; лежанки и большие размеры жилищ в Новоселовке. Признаком, общим для всех поселений, является лишь полужемляночный характер строений, их подпрямоугольная форма, хорошо снивелированный земляной пол, отсутствие хозяйственных ям внутри и повсеместное, хотя и не обязательное, применение столбовых конструкций.

Кроме жилищ, на поселениях известны и хозяйственные сооружения (рис. 14). По форме и, вероятно, по назначению ямы делятся на две группы. Одни колоколовидные с цилиндрической горловиной, сделаны, как правило, тщательно, имеют гладкие стенки, плоское дно. Иногда возле устья таких ям дерн со стороны подхода срезан и получается ступенька. Часть ям внутри обожжена. Такие ямы обычно считают зернохранилищами. На поселении Чишмикой II над одной из них имелся навес на четырех столбах (рис. 14, 14). Ямы другой группы овальные, округлые или не совсем правильной в плане формы. На поселении Нагорное VI найдена яма восьмерковидной формы. В разрезе ямы чаще всего цилиндрические с плоским, вогнутым или коническим дном. Некоторые из них тоже могли служить зернохранилищами, другие погребам и хранилищами разного назначения. Размеры всех ям невелики. Глубина в основном до метра, реже полутора и лишь в единичных случаях 1,6–1,8 м. Диаметр в основном до метра, редко

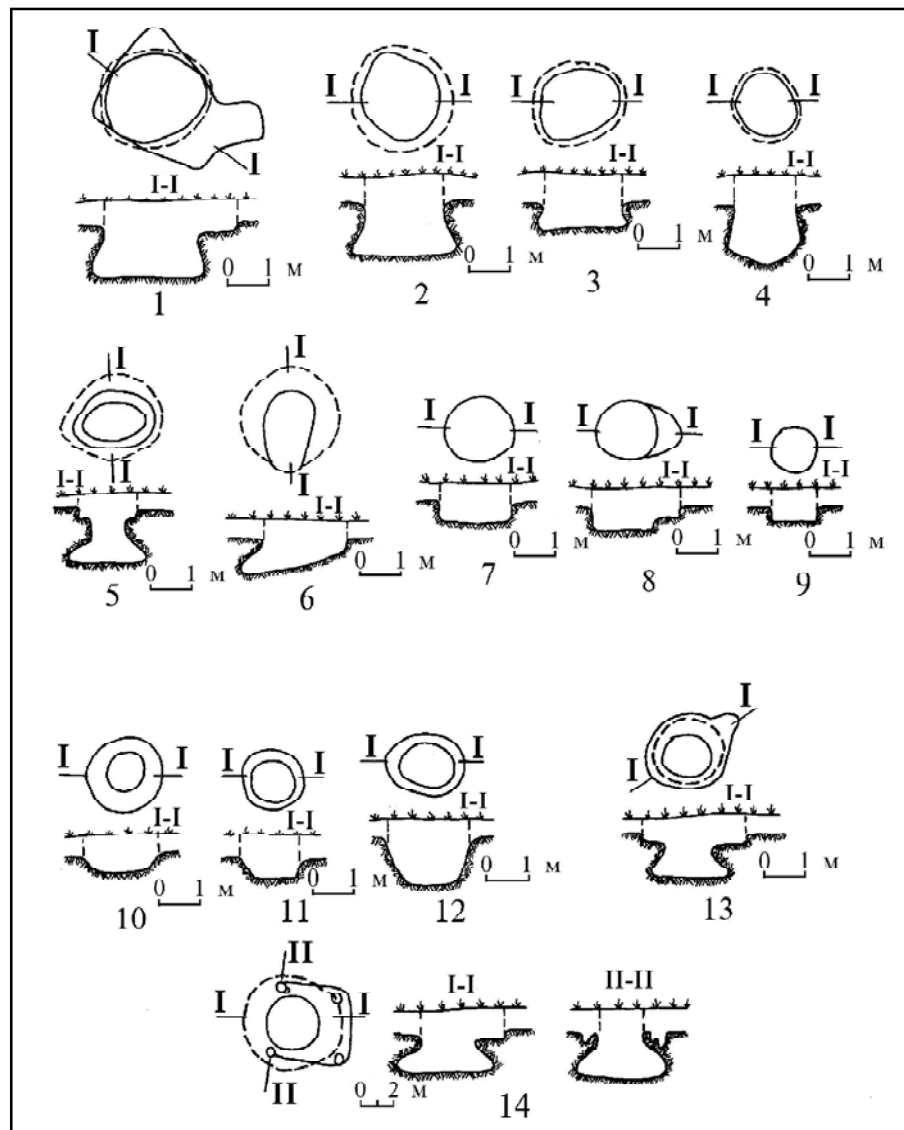

Рис. 14. Хозяйственные ямы на поселениях типа Этулия.

1,5-2 м. По мере того, как ямы переставали использоваться по своему прямому назначению, их превращали в места свалки мусора. Невозможно определить, сколько ям функционировало одновременно, но, безусловно, не все. К хозяйственным строениям относится полуземлянка, целиком занятая большой зерновой ямой с остатками зерна в ней.

Итак, важной этнографической особенностью этулийского домостроительства оказывается безраздельное господство углубленных жилищ, почти исключительно полуземлянок. Эта форма жилища в степях аналогий не находит. Полуземлянки не имели широкого распространения у обитателей Причерноморья ни в римское время, ни в предшествующие ему века. Не характерны они и для черняховского населения междуречья Днестра и Прута (Рикман 1975б: 79-85). Это заставляет искать генетические истоки этулийских полуземлянок в лесостепи, где такая форма жилища издавна была широко распространена.

В позднелатенском и раннеримском времени заглубленные и наземные жилища сосуществовали на поселениях зарубинецкой, поянешть-лукашевской и пшеворской культур. Синхронно с этулийскими памятниками такое же явление наблюдается в черняховской и киевской культурах. Однако домостроительство синхронных культур не могло быть истоком для сложения этулийского жилища. Наблюдаемые сходства могут лишь указывать на общие корни. В зарубинецкой культуре подобные жилища применялись в Полесье и по всему Среднему Поднепровью (Кухаренко 1964: 11; Кравченко, Гороховский 1979: 65; Поболь 1983: 389, 396-397). Поскольку на этулийских памятниках устоявшийся тип жилища отсутствует, то их сравнительный анализ приходится вести по отдельным признакам. Четкая прямоугольная форма жилищ со столбовыми конструкциями имеет линию развития на памятниках Верхнего Поднестровья (Козак 1984: рис. 50). Здесь на пшеворских поселениях, а затем и на поселениях зубрицкой культуры (ранее именовалась волыно-подольской группой) они составляют около половины всех жилищ, а в третьей фазе волыно-подольской группы они господствуют (Этнокультурная карта... 1984: 33). Обычай строительства подобных углубленных домов передается позднее черняховскому населению этого района и становится здесь характерным местным признаком (Баран 1981: 61). Раскопаны столбовые прямоугольные полуземлянки, часто со входами, выступающими за пределы котлована. Наиболее близки этулийским полуземлянкам жилища в Демьянове II, Ракобутах, Рипневе, устройство которых восходит к пшеворской традиции (Баран 1981: 156, рис. 14, 19, 24, 27, 28). Ямы полуземлянок обычно четырехугольные со скругленными углами, их глубина 0,35-1,4 м от древней дневной поверхности. Размеры жилищ колеблются от 10 до

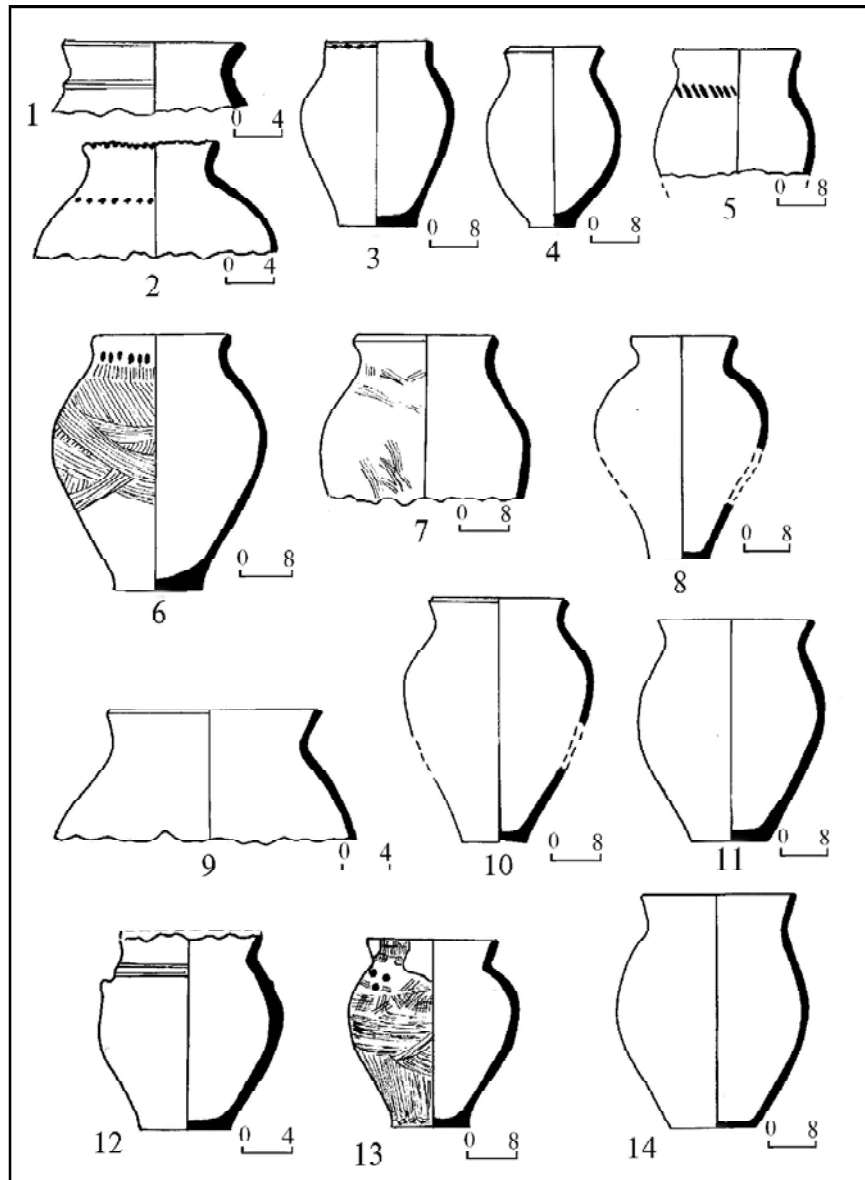
24 кв. м. Для изучения генезиса этулийских жилищ в данном случае важен общий пшеворский компонент, а не само по себе существование на черняховских памятниках Верхнего Поднестровья землянок, сходных с этулийскими.

В позднезарубинецкое время на Среднем Днепре полностью сопоставимой с некоторыми этулийскими жилищами оказывается полуземлянка на поселении Грини (Максимов 1982: 134; табл. XXVII, 1). В киевской культуре этого района на полуземлянки применяются наряду с наземными жилищами. На Десне же квадратные полуземлянки с центральным столбом представляют единственный устойчивый тип жилища (Максимов 1982: 145; Терпиловский 1984: 9). Им очень близки такие же строения этулийских поселений. Правда, строительные материалы в результате особенностей среды обитания не совпадали полностью. В киевской культуре, очевидно, применялись срубы, чего нельзя ожидать на степных памятниках.

Параллельное применение очагов и печей с преобладанием первых В.Д. Баран считает обычным явлением для Восточной и Центральной Европы в первой половине I тыс. н.э. (Баран 1981: 54). Многочисленные печи отмечены во II-III в. н.э. на поселении Казаровичи (Максимов, Орлов 1974: 18-20). В то же время они совершенно не характерны для жилищ волыно-подольской группы (Козак 1984: 64) и киевской культуры (Горюнов 1981: 23-24; Терпиловский 1984: 12; Терпиловский, Абашина 1992: 31; Терпиловский 1984: 12). У черняховского населения Верхнего Поднестровья глинобитные сводчатые печи, как и на этулийских поселениях, были известны, но применялись нечасто (Баран 1981: 54). Отмечены случаи их размещения на невысоком материковом возвышении. Очаги на этулийских поселениях сближаются с очагами на селищах киевского типа, где они сделаны на уровне пола, иногда в неглубокой ямке, а на поселении Ульяновка у очага был небольшой глиняный бортик (Терпиловский 1984: 9). В волыно-подольских жилищах Верхнего Поднестровья известно устройство очагов в ямке в полу и на материковых останцах (Козак 1984: 57).

Этнографическим элементом интерьера жилища являются «лежанки». Эти устройства обычны в более раннее время в жилищах липицкой культуры (Цигилик 1975: 65). Они также существуют на волыно-подольских поселениях Верхнего Поднестровья (Козак 1984: 9, 49) и обнаружены на пшеворском поселении Пасеки-Зубрецькие (Козак 1992: 12). Известны лежанки и на черняховских поселениях этого района в Бовшеве II, Демьянове, Рипневе II (Баран 1981: 27, 34). Они располагались в домах под одной, двумя и даже тремя стенами. Лежанки встречаются на памятниках черняховской культуры и в других частях ее ареала (Журко 1984: 52), однако не являются обязательным элементом устройства углубленных черняховских жилищ.

Рис. 15. Лепная керамика типа Этулия: горшки вида I. 1 – пос. Чишмикиой I; 2, 8, 10 – пос. Холмское II; 3, 5-7 – пос. Томай, 9 – пос. Конгаз I; 11 – пос. Этулия VI; 12 – пос. Этулия X; 13 – пос. Волчья Балка; 14 – пос. Чишмикиой II.

Зарубинецкой и киевской культурам лежанки полностью чужды.

Отсутствие в этулийских жилищах хозяйственных ям сближает их с домами киевского типа, для которых характерно их размещение снаружи (Горюнов 1981: 23).

Резюмируя произведенный сопоставительный анализ этулийских жилищ, надо отметить, что его результат имеет «размытый» характер. Аналогии устанавливаются по различным признакам и охватывают в той или иной мере все культуры римского времени в междуречье Днестра и Днепра. Налицо пестрая картина сочетания элементов разного происхождения. В целом же этулийское жилище связано с домостроительной традицией этой зоны и развивается в одном русле с домостроительством черняховского населения верховьев Днестра и Западного Буга и носителей киевской культуры. Однако, в то время, как в этих культурах выработывался устойчи-

вый тип жилища, у этулийского населения этого не происходило. Противоположного взгляда по этому вопросу придерживается М.М. Фокеев. Он предлагает классификацию этулийских жилищ, основанную на учете формы котлована и столбовой конструкции опорной системы кровли (Фокеев 1997: 296). Такое сужение числа анализируемых признаков представляется определенным упрощением. Поэтому мы и не можем полностью согласиться с его выводами, хотя они и представляют значительный интерес.

Лепная керамика составляет основную часть посуды. Она характеризуется довольно бедным набором форм. Абсолютно преобладают корчаги и горшки. Значительно менее распространены миски. Классификация горшков построена на основе особенностей формы верхней части сосуда. Выделено четыре вида.

Вид I (рис. 15) – округлобокие сосуды с вы-

раженным плечом и высокой шейкой. Преобладают крупные большие тарные корчаги или зерновки. Они обнаружены в большом количестве на всех памятниках. Их размеры: высота от 22 до 43,2 см, высота шейки в среднем 4 см. Диаметр устья от 16 до 24 см. Диаметр дна близок половине диаметра устья или менее его и колеблется от 8 до 15 см. Придонная часть коническая или вогнутая внутрь. Дно иногда выделено. По форме шейки определены два варианта. Вариант «а»: шейка растробовидная, в плечо переходит резким, часто угловатым перегибом (рис. 15, 2, 8, 10, 11-14). Он обычно резок внутри. Вариант «б»: такая же воронковидная высокая шейка имеет плавно изогнутую S-видную форму и мягко переходит в плечо (рис. 15, 1, 3, 7, 9). Отделка поверхности сосудов – грубая обтирка, часто расчесы (рис. 15, 6, 7, 13) и штрихи. Оба приема могут сочетаться. Изредка применявшийся орнамент представляет собой насечки или вдавления по краю венчика или на плечах. Венчик дополнительной профилировки не имеет. Обычно его край плоско срезан по горизонтали или с наклоном наружу, реже – скруглен.

Сосуды вида I находят себе многочисленные аналогии, территориально распределяющиеся по двум зонам: первая – степное Причерноморье от Дона до Днестра, вторая – лесостепь правобережной Украины (рис. 16). В Причерноморье чрезвычайно близкой оказывается массовая лепная позднескифская керамика первой четверти I тыс. до н.э. (подробно о ней см. гл. I настоящей работы). В ней ярко проявляются формы, восходящие ко времени и прототипам Каменских Кучугур и синхронных им памятников. Для позднескифских городищ Нижнего Днепра (Знаменка, Гавриловка, Золотая Балка) эта керамика подробно проанализирована Н.М.Погребовой (Погребова 1958: 132-136; 204-207) и Вязьмитиной (Вязьмитина 1962: 122-134). Она известна по раскопкам на памятниках ольвийской периферии: Козырское городище (Бураков 1976: 79-80; 84-89), Петуховка (Синицын 1959 б: 29-33, табл. III, IV); на Днестровском лимане – в Мологе, Веселом и в Никонии (Гудкова 1982: 94-96; Гудкова, Бруяко 1999: рис. 1, 3). Крайний восточный пункт обнаружения подобных сосудов – Танаис, где они происходят из помещений III в. (Арсеньева 1969: 179, тип XXVIII, табл. 11, 5; 180, тип XXX, табл. 11, 11). Спорадически, как заимствование, такие горшки встречаются в сарматских захоронениях (Гудкова, Фокеев 1984: 38). У сравниваемых групп керамики совпадает до мелких деталей не только форма, но и все остальные характеристики, вплоть до употребления этих горшков с коническими крышками.

Параллельно весомые материалы для сравнения дают памятники лесостепи правобережной Украины. На поселениях липицкой культуры известны верхние части горшков с воронко-

видной горловиной, мягко переходящей в плечи. Они могут быть сопоставлены с этулийскими горшками варианта «б». Полных форм практически не известно. На многих из этих сосудов по венчику имеются косые насечки. Этот тип сосудов представлен в Ремезовцах и Майдане Гологирском. Его происхождение связывают с зарубинецкой культурой (Цигилик 1975: 96-97; рис. 30, 31).

На памятниках пшеворской культуры в Верхнем Поднестровье и волюно-подольской группы, относящихся к первой – началу второй четверти I тыс. н.э. Д.Н.Козак выделил III и VI группы сосудов, весьма близкие этулийским (Козак 1984: 19, 20; рис. 19, 10, 15). Горшки III группы найдены в Верхнем Поднестровье на поселении Подберезцы, Пасеки Зубрецькие, в большом количестве в Зубре, на Волини – в Хорове и Подрожье (Козак 1984: рис. 8, 3; 27, 1-4). Сосуды VI группы происходят тоже из Подберезцев и Звенигорода (Козак 1984: рис. 29, 4; 30, 5). Керамика этого типа редка на пшеворских памятниках Польши, а на поселениях верховьев Днестра и Западного Буга составляет до 30 % (Этнокультурная карта 1985: 33).

Д.Н.Козак считает ее заимствованием из зарубинецкой культуры (1992: 51, тип 9) и находит ей аналогии в материалах Пилипенковой Горы, Харьевки, Басовки, Корчеватовского могильника. Для этих аналогий характерен ямочный орнамент по венчику.

Традиция изготовления подобной посуды в Верхнем Поднестровье сохраняется и в последующие века на памятниках черняховской культуры. В.Д.Баран выделил соответствующие горшки в III тип (Баран 1981: 80, табл. 7, 2-7; табл. 8, 1, 3, 4, 7, 8), который встречается на всех памятниках Верхнего Поднестровья и Западного Побужья, но в ограниченном количестве. В частности такая посуда выявлена на поселениях в Рипневе II, Бовшеве II, Неслухове, Черепине и Демьянове (Баран 1981: табл. 43, 5, 6; 58, 1, 5, 18 20; 63, 9, 10; 67, 12). Известны сосуды с нарезками по краю венчика и вдавлениями на плечах. В.Д.Баран полагает, что горшки этого типа сопоставимы с материалами зарубинецкой культуры. Эта керамика характерна для широкого круга черняховских памятников междуречья Западного Буга, Днестра и Днепра, но не представлена в типологической схеме Э.А.Рикмана по материалам междуречья Днестра и Дуная (Баран 1981: 80-81).

На фоне этих сопоставлений, в которых везде присутствует зарубинецкий исток, неминуемо обращение к материалам зарубинецкой культуры. В силу того, что одним из ее субстратов в Среднем Поднепровье было земледельско-скотоводческое скифское (сколотское) население лесостепи (Максимов 1972: 117, 128), зарубинецкая керамика пропитана многочисленными скифскими реминисценциями. Особый же интерес для нашей темы представляют

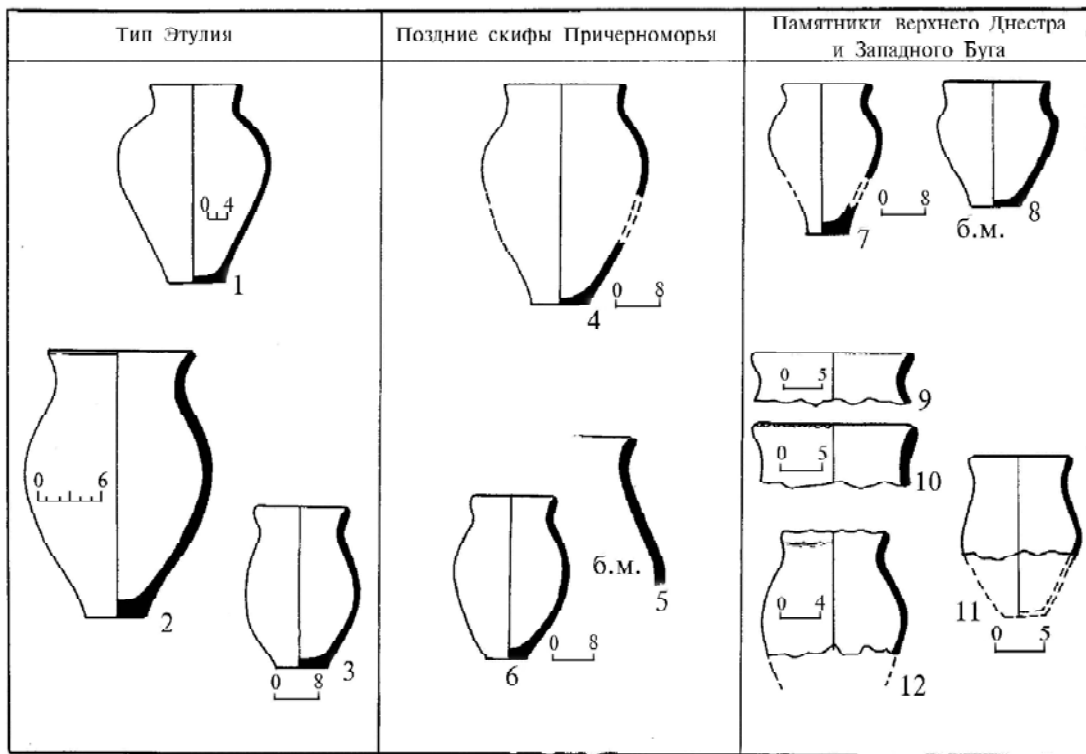

Рис. 16/1. Сопоставительная таблица горшков вида I:
 1-3 – памятники типа Этулия; 4,6 – Роксоланы; 5 – Золотая Балка (б.м.); 7 – Субботов; 8 – Марьяновка (б.м.); 9,10 – Ремезевцы; 11 – Пасеки Зубрецькие; 12 – Бовшев II.

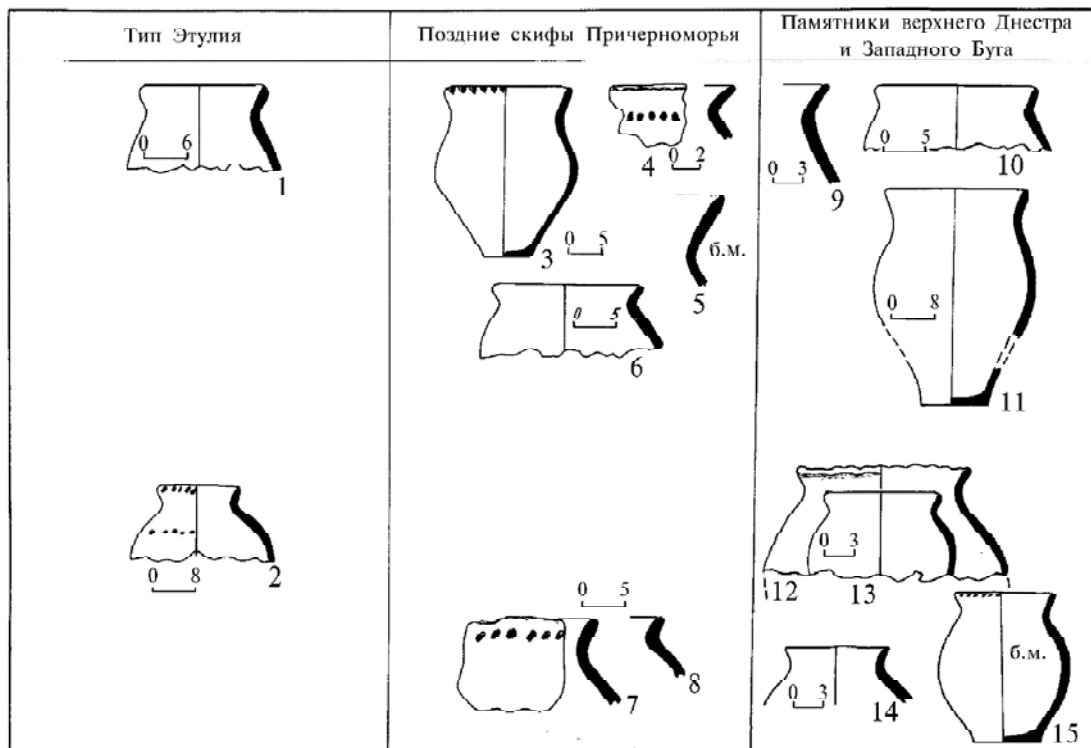

Рис. 16/2. Сопоставительная таблица горшков вида I: (продолжение): 1-2 – памятники типа Этулия; 3 – Золотая Балка; 4-8 – Гавриловка; 5 – Золотая Балка; 6 – Мыс; 7 – Знаменка; 9 – Козаровичи; 10 – Рипнев II; 11 – Субботов; 12 – Бовшев II; 13 – Подберезцы; 14 – Звенигород; 15 – Марьяновка (б.м.).

ее позднейшие памятники середины I – середины II вв., для которых чрезвычайно характерны сосуды рассматриваемого типа (Козак, Терпиловский 1986: 35).

Очень близки горшки и корчаги с позднезарубинецких поселений Лютеж (Бидзиля, Пачкова 1969: рис. 8, 1, 6, 7, 17), Субботов (Максимов 1960: рис. 1, 1, 5; 2, 1-6), Девич Гора, употреблявшиеся, видимо, с коническими крышками. Они орнаментированы по краю венчика пальцевыми ямками и насечками. Сосуды с полным профилем имеют такие же пропорции и детали формы, как и этулийские: малое дно, придонная часть корпуса прогнута внутрь. На многих позднезарубинецких поселениях (Бабина Гора, Таценки, Грини и др.) встречаются обломки венчиков, полностью совпадающие с этулийскими. С ними очень сходны горшки из позднезарубинецких поселений на Южном Буге Марьяновка и Носовцы (Максимов 1982: 17; табл. V, 18, 21;

Хавлюк 1975: рис. 3, 1, 2, 4).

Итак, проведенный анализ показывает, что выделенная группа этулийских горшков и корчаг генетически восходит к скифской керамической традиции. С формально-типологической точки зрения возможными оказываются два канала ее передачи населению, оставившему этулийские памятники: с востока, по степям и из лесостепи с территории Нижнего Поднестровья и среднего течения Южного Буга. Оценка этих двух возможностей дается ниже.

Вид 2 (рис. 17, 1-5) – горшки вытянутых пропорций с высокой цилиндрической горловиной и покатым плечом. Иногда переход от шейки к плечу оформлен уступом с защипами (рис. 17, 5). Венчик не профилирован, его край уплощен горизонтально или косо наружу. Дно выделено. Диаметр венчика 9-16 см. Высота целого экземпляра 22 см. Орнамент применялся редко и имеет вид вдавлений по венчику и на плече (рис.

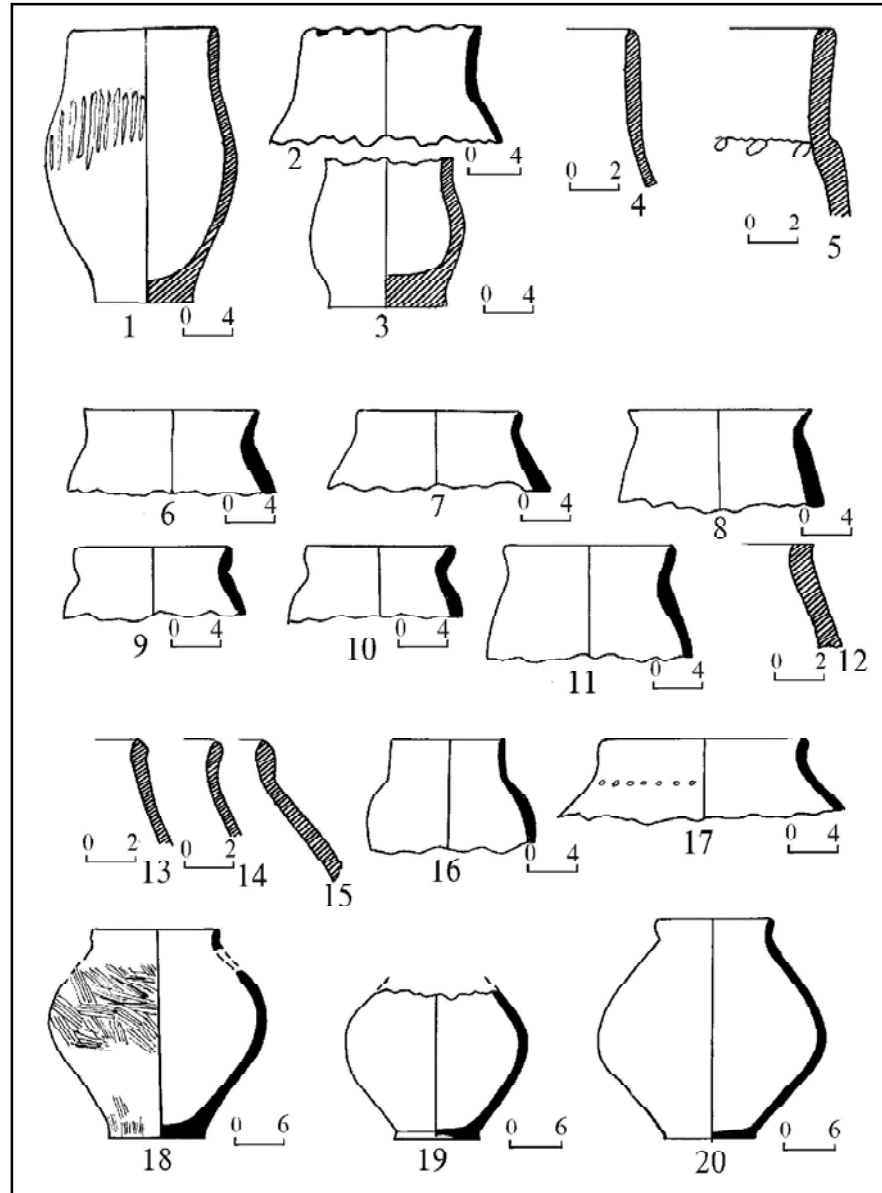

Рис. 17. Лепная керамика типа Этулия: горшки вида 2 (1-3), вида 3 (6-12) и вида 4 (13-20); 1, 3-5, 13 – пос. Чиммикий I; 2, 14, 15, 17, 20 – пос. Чиммикий II; 6, 9-11 – пос. Кокоара II; 12, 18, 19 – пос. Томай.

17, 2, 5). Тулово иногда покрыто штрихами (рис. 17, 1). Эта форма не принадлежит к числу широко распространенных, но известна на некоторых памятниках.

Сосуды этого облика были распространены на памятниках лесостепи в последние века до нашей эры (рис. 18). Экземпляры с довольно высокой цилиндрической шейкой и покатыми плечами. Ю.В.Кухаренко и Е.В.Максимов считают характерными для полесской группы зарубинецкой культуры (Кухаренко 1964: 20, тип 4А, с. 25; Максимов 1972: 126). Известны они и в Верхнем Поднестровье в Чаплинском могильнике (Кухаренко 1959 б: табл. VI, 14), в Почепе на Десне (Максимов 1982: табл. V, 14). На позднезарубинецких памятниках они распространяются в Среднем Поднепровье: это Дедов Шпиль (Максимов 1982: табл. 21, 3), Лютеж (Бидзиля, Пачкова 1969: рис. 8, 18; 9, 5-7). Для более позднего времени аналогичный сосуд известен на киевском поселении Обухов III в материалах III-IV вв. (Абашина, Гороховский 1975: 68; рис. 5, 17). Сходная форма обнаружена и на Южном Буге на поселении Марьяновка (Хавлюк 1975: рис. 3, 5, 6). В целом в зарубинецкой культуре сосуды этого облика не массовы и встречаются как единичные находки на большой территории. Е.В.Максимов видит в них результат поздних поморско-лужицких влияний (Максимов 1972: 126).

Сосуды подобных форм имеют свою историю существования и на Верхнем Днестре. На поселении Круглик найден обломок верхней части горшка с высокой цилиндрической шей-

кой, покатым плечом и уступом на переходе шейки в плечо (Пачкова 1978: 61; рис. 1, 3). Несколько поздней сосуд из Звенигорода, который, как и горшок из Чишмикиой II (рис. 41, 5), имеет на уступе при переходе шейки в плечо насечки (Козак 1983: рис 3, 17). Аналогичный сосуд найден в Подберезцах (Козак 1978: рис. 6, 8). Возможно, эта форма имеет истоки и в пшеворской культуре (Godłowski 1977: tabl. 16, 13). В Верхнем Поднестровье ее развитие продолжается и в черняховское время. В Ракобутах найдены обломки горшков, аналогичные сосуду из Круглика (Баран 1981: табл. 71, 4, 5).

Материалы киевской культуры Подесенья дают более отдаленное сходство, лишь в целом по силуэту. Это сосуды с низкой цилиндрической шейкой и почти не выраженными плечами, иногда со слабой биконичностью тулова (Терпиловский 1984: табл. 1, 17; 2, 11; 8, 25; 9, 23; 11, 20). Они всего ближе сосуду из Чишмикиой I (рис. 15, 1).

Вид 3 (рис. 17, 6-12) – сосуды с очень низкой слабо намеченной шейкой, слегка расширенной сверху, и покатым слабо выраженным плечом. Их размеры невелики: диаметр устья колеблется от 12 до 14 см. Венчик представляет собой простое продолжение стенки. Его характерная особенность – утоньшение к краю. У отдельных экземпляров этого не наблюдается и венчик плоско срезан по горизонтали (рис. 17, 12). Сосуды этой формы находят себе аналогии на памятниках того же круга, что и вид 2 (рис. 19; 20, 1). Они хорошо сопоставляются с мате-

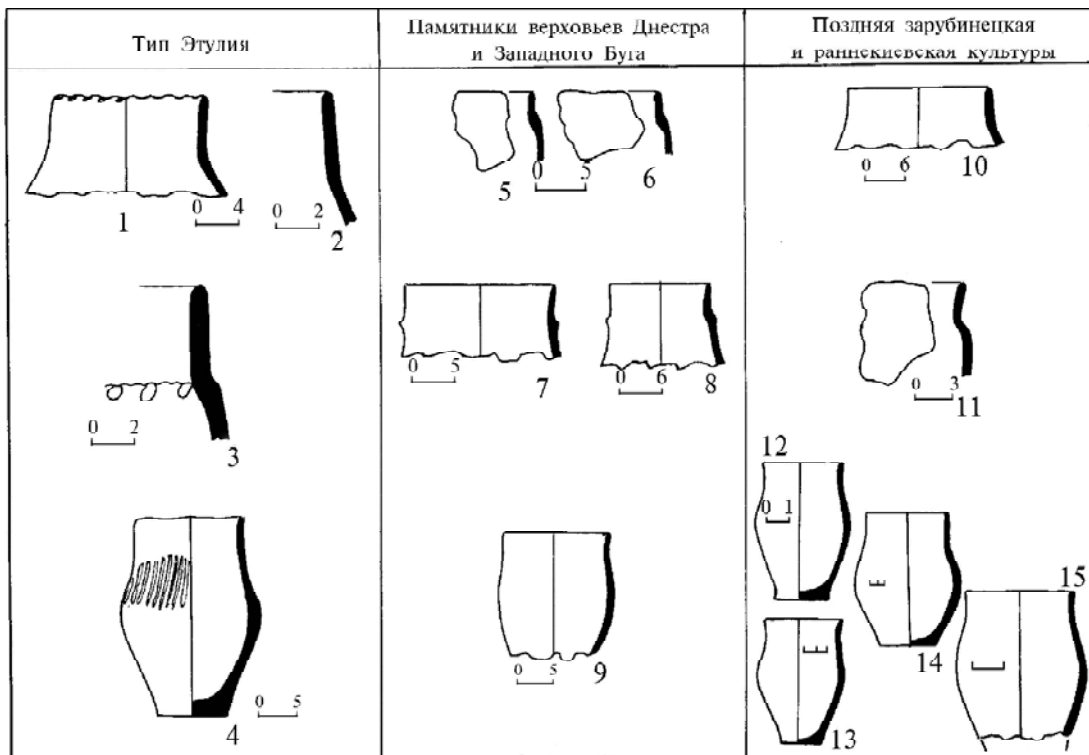

Рис. 18. Сопоставительная таблица горшков вида 2: 1-4 – памятники типа Этулия; 5, 6 – Ракобуты; 7 – Подберезцы; 8 – Звенигород; 9 – Хоров; 10, 11 – Бабина Гора; 12 – Обухов III; 13 – Почеп; 14 – Дедов Шпиль; 15 – Казаровичи.

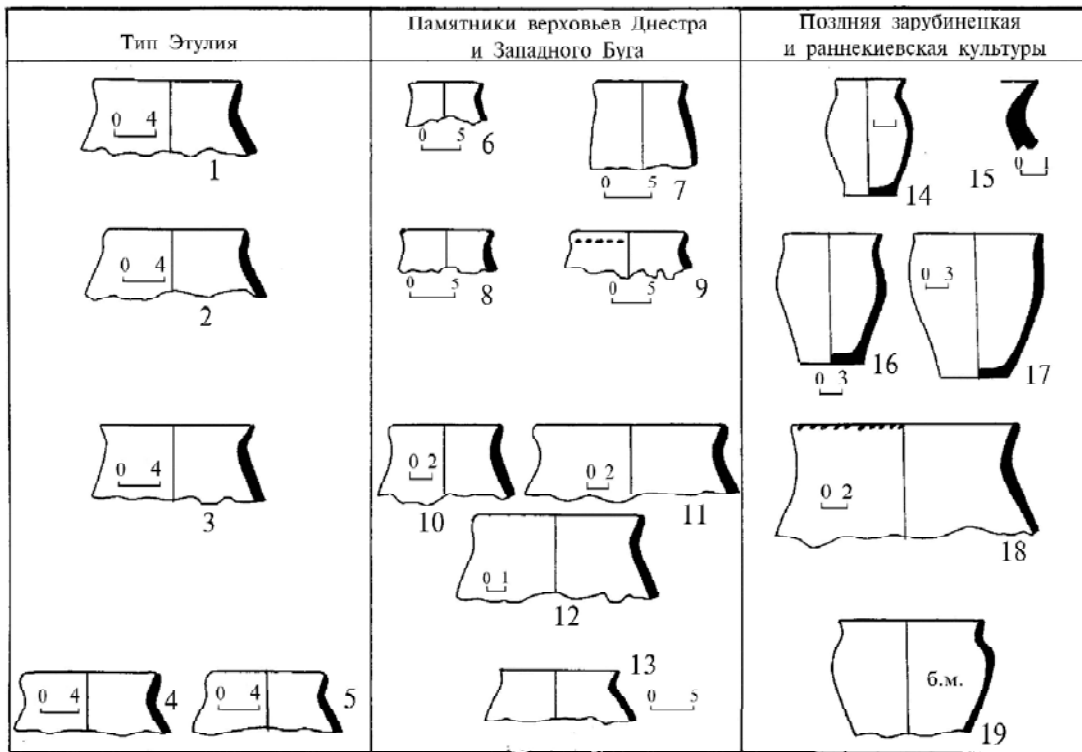

Рис.19. Сопоставительная таблица горшков вида 3: 1-5 – памятники типа Этулия; 6-9 – Ремезовцы; 7-8 – Демьянов II; 10-12 – Подберезцы; 13 – Рипнев II; 14,19 – Обухов (б.м.); 15,18 – Грини; 16-17 – Казаровичи.

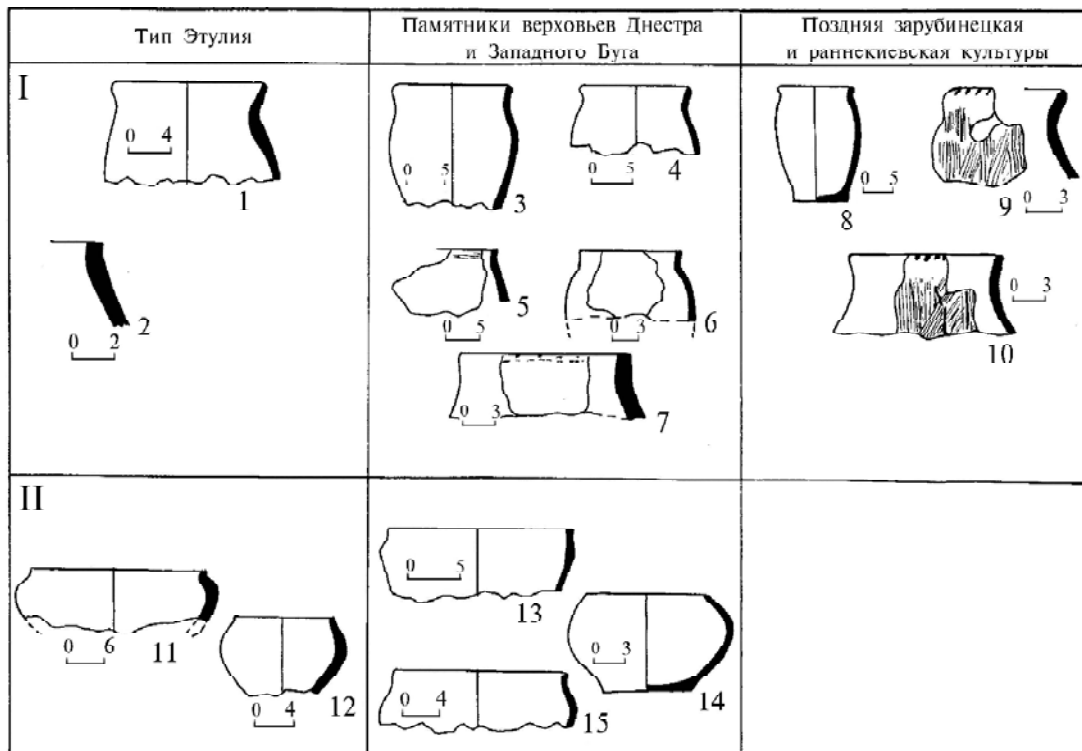

Рис.20. Сопоставительная таблица горшков вида 3 (I) и мисок вида 2, вариант «г» (II): 1,2,11,12 – памятники типа Этулия; 3 – Хоров; 4,5 – Рипнев II; 6 – Зеленый Гай; 7 – Звенигород; 8 – Оболонь; 9 – Казаровичи; 10 – Грини; 13 – Зубра; 14-15 – Подберезцы.

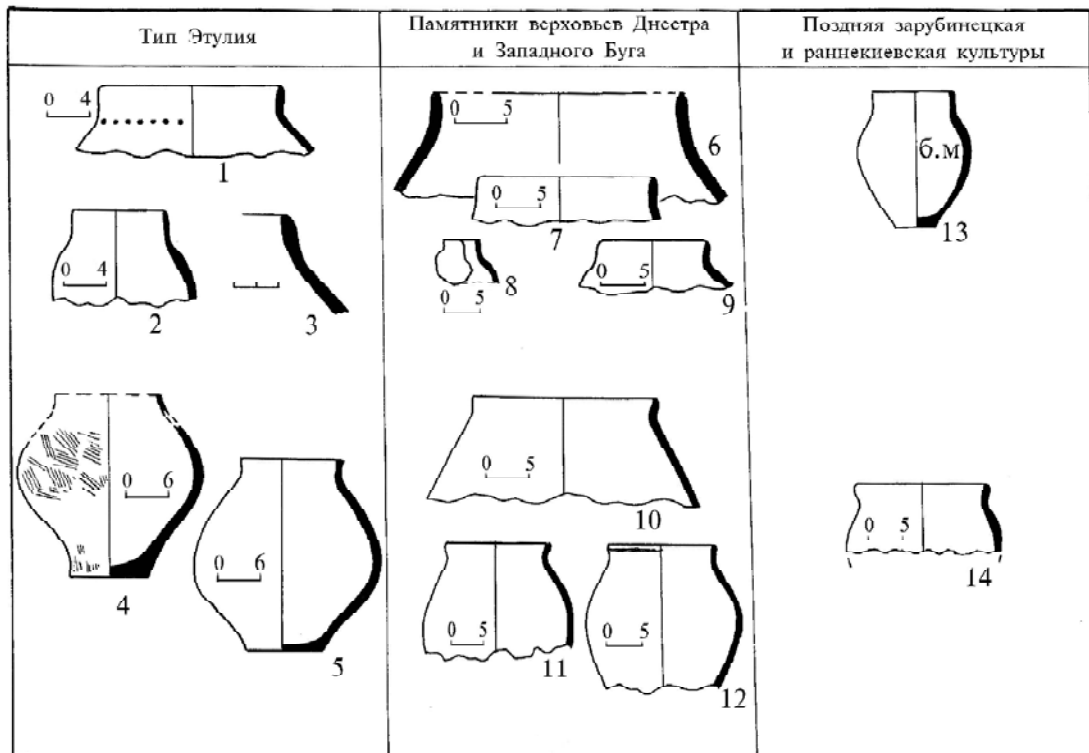

Рис. 21. Сопоставительная таблица горшков вида 4: 1-5 – памятники типа Этулия; 6 – Черепин; 7, 9, 10 – Демьянов II; 8, 11 – Бовшев II; 12 – Рипнев; 13 – Марьяновка (б.м.); 14 – Лютеж.

риалами, выделенными В.Д.Бараном в качестве пражской подосновы (Баран 1978; 1981: 171). В зарубинецкой культуре близкие формы представлены на Верхнем Поднепровье в Чаплинском могильнике (Поболь 1973: рис. 32, 11; 52, 11), где у отдельных сосудов наблюдается характерное утоньшение края венчика (Кухаренко 1959 б: табл. IV, 6; VI, 13). Широкое распространение подобные формы имеют на памятниках Полесья. Материалы из могильников Велемичи I и II уже подвергались с этой точки зрения специальному анализу (Баран 1981: 171; табл. 88) и сосуды, выделенные В.Д.Бараном по профилировке верхней части, близки рассматриваемым этулийским. В Среднем Поднепровье керамика этого облика появляется на позднезарубинецких и раннекиевских памятниках. Обломки горшков этого типа известны в Казаровичах (Максимов, Орлов 1974: рис. 37; 4, 1, 4, 10), Девич-Горе (Довженко, Линка 1959: табл. 6, 13), Обухове III (Кравченко, Гороховский 1979: рис. 3, 30, 35, 41).

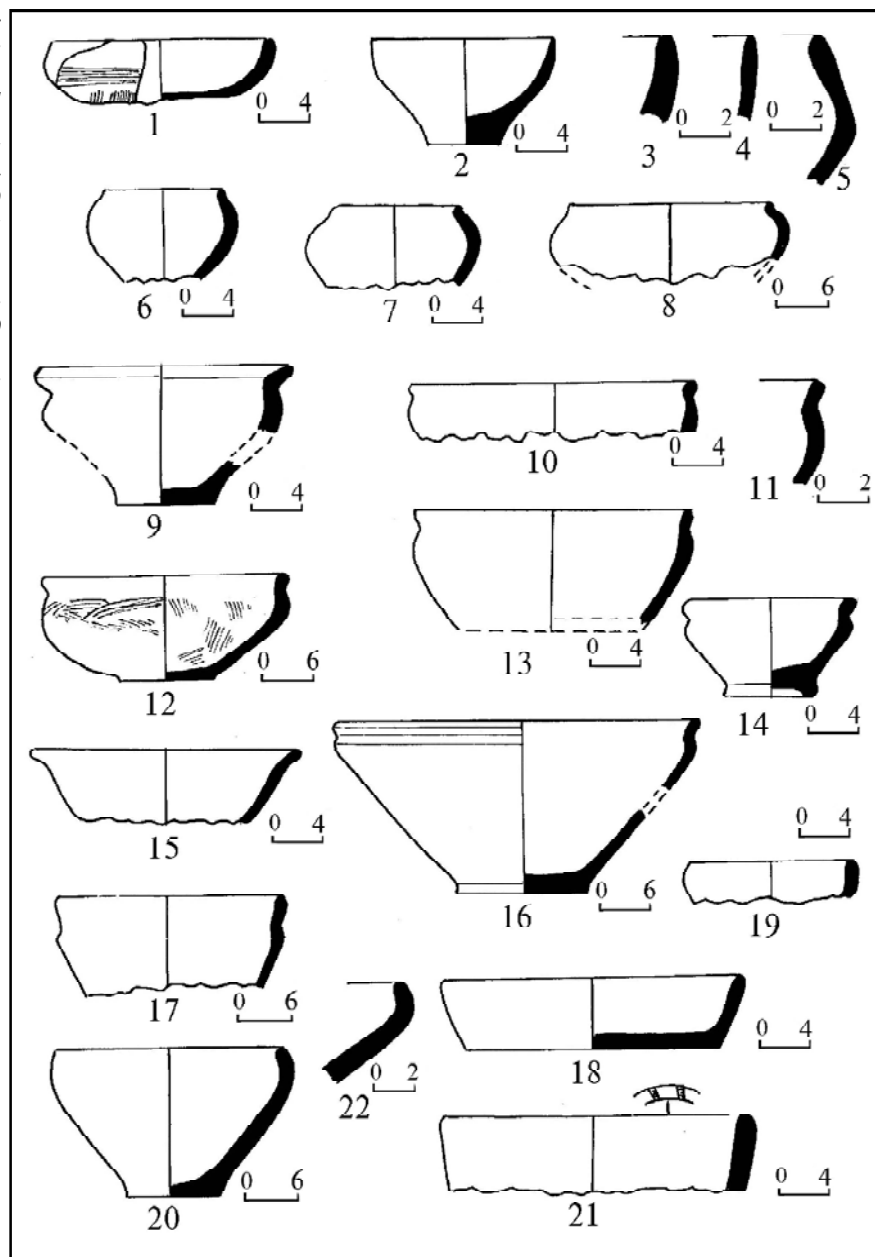
На памятниках Верхнего Поднепровья горшки этого вида найдены в Подберезцах (Козак 1984: рис. 24, 3, 8. 14; 25, 5), на Воляни – в Хорове (Козак 1983: рис. 7, 1, 2), Боратине (Козак 1992: рис. 17, 3, 6; 26, 5), в Ремезевцах (Цигилик 1975: рис. 22, 9. 13, 14). В пшеворской культуре на территории Польши в римское время подобные сосуды встречаются редко.

В последующее время анализируемая форма представлена на черняховских поселениях Верхнего Днестра в Бовшеве II, Черепине, Ра-

кобутах, Демьянове, Рипневе (Баран 1978: 32; рис. 6, 23-31; Баран 1981: табл. 52, 2, 4, 8; 62, 6; 67, 11; Баран 1971: рис. 3, 2, 7).

Вид 4 (рис. 17, 13-20) горшки с сильно расширенным туловом, резко сужающимся к четко выделенному дну. Шейка низкая. Эти сосуды изготовлены как из грубой формовочной массы с крупнозернистыми примесями, так и из однородной с хорошо и мелко истолченными добавками (рис. 17, 20). Вид 4 имеет тот же круг аналогий, что и виды 2 и 3 – латеноидные сосуды последних веков до нашей эры: зарубинецкая, поянешть-лукашевская, пшеворская (рис. 21). В этих культурах такие сосуды, как правило, хорошо выделки и покрыты лощением. Вариант «а»: сосуды с низкой горловиной, слабо отогнутой наружу. Край венчика без профилировки, округлый (рис. 17, 17-20). В зарубинецкой культуре такие сосуды представлены в материалах Припятского Полесья, где, по классификации К.В.Каспаровой, они входят в шестой тип (Каспарова 1972: 77). Е.В.Максимов по материалам Среднего Поднепровья тоже выделил такие горшки в отдельный тип (Максимов 1982: табл. II, 11; с. 13, табл. 1). Довольно обычна подобная форма сосудов на поянешть-лукашевских памятниках. Округлые горшки с низкой отогнутой шейкой найдены в лукашевском могильнике и в погребении в Гринчуке (Пачкова, Романовская 1983: рис. 6, 12). В материалах Верхнего Поднепровья в липицкой культуре эта форма представлена сосудом небольшого размера (Цигилик 1975: рис. 24, 2). Верхняя часть сходного

Рис.22. Лепная керамика типа Этулия. Миски вида 1 (1-5, 18-22) и вида 2 (6-17); 1-4, 10 – пос. Волчья Балка; 5-8, 22 – пос. Кокоара III; 9 – пос. Этулия X; 11, 13, 16 – пос. Чишмикой I; 12, 17 – пос. Чишмикой II; 14, 19, 20 – пос. Томай; 18, 21 – пос. Новоселовка.

сосуда найдена в Подберезцах (Козак 1978: рис. 6, 6). Возможно, бытование этой формы продолжается здесь и в последующее время на черняховских памятниках (Баран 1981: табл. 50, 6; 65, 17). На зубрицких поселениях Вольни сходная форма, но с широким устьем входит в состав типичных форм (Козак 1991: рис. 25, 2). Близкие формы, но обычно с более широким устьем известны в Подрожье (Козак 1992: рис. 28, 5, 9; 30, 12). На позднезарубинецких памятниках подобные горшки найдены на Оболони, в могильнике Хотяновка (Максимов 1982: табл. XVII, 10). Вариант «б» с резкой цилиндрической горловиной (рис. 17, 14, 51). В этулийской коллекции полная форма сосудов с таким венчиком пока не известна. Венчики этого типа широко представлены у разных вариантов сосудов с расширенным туловом в пшеворской (Godłowski 1977:

tabl. XXVIII, 1, 3; XVII, 3), поянешть-лукашевской (Пачкова, Романовская 1983: рис. 4, 3; Пачкова 1978, рис. 1, 6), зарубинецкой культурах (Максимов 1982: табл. II, 3, 4, 7, 10; Поболь 1974: рис. 9,9; 19, 3; 22, 16). Такие венчики имеются и в позднезарубинецких материалах, например, в Казаровичах (Максимов, Орлов 1974: рис. 4, 6), и раннекиевских (Кравченко, Абашина, Гороховский 1975: рис. 3, 1). На Верхнем Днестре такая форма венчиков иногда встречается и на черняховских поселениях: Черепин, Демьянов (Баран 1981: табл. 39, 6; 52, 5, 11). Вариант «в»: шейка сосуда прямая, наклонена внутрь (рис. 15, 16). Целые формы на памятниках типа Этулия пока не обнаружены. Сосуды с такими горловинами характерны для латенских комплексов. В зарубинецкой культуре сосуды с подобным абрисом верхней части известны в Поле-

сье на могильниках Велемичи и Отвержичи. Истоки этой формы восходят к поморской и подклешевой культурам, как это показано К.В.Каспаровой (Каспарова 1976: рис. 15). Эта форма имела некоторое распространение и в пшеворской культуре. Известна она и в поянешть-лукашевской культуре (Пачкова, Романовская 1983: рис. 6.8). На поселениях волыно-подольской группы подобных сосудов не обнаружено, но на поселении Бовшев II известен обломок верхней части сосуда с такой шейкой (Баран, 1981, табл. 58, 6).

Сосуды с ручками (рис. 25, 2, 5) немногочисленны. Их форма реконструируется лишь частично. Они вполне сопоставимы с зарубинецкими кружками.

Миски – найдены на всех поселениях, но широкого распространения они не имели. Их изготавливали из формовочной массы с хорошо измельченными примесями. Небольшая часть мисок подлощена снаружи и внутри. Орнаментация крайне редка. По форме верхней части сосуда выделены два вида.

Вид I – миски без шейки. Полный профиль известен только для двух вариантов. Вариант «а» (рис. 22, 2, 20, 22). Форма в целом может быть определена как усеченно-коническая. У целых форм в нижней части корпус вогнут. Максимальный диаметр совпадает с диаметром устья (рис. 22, 2) или размещен несколько ниже (рис. 22, 20). Диаметр дна составляет не более половины диаметра венчика. Форма представлена на многих памятниках. Размеры целых эк-

земпляров: высота 7,8 и 17,2 см, диаметр устья – 12,7 и 26 см, диаметр дна – 4,3 и 11 см. Отдельные экземпляры украшены по краю венчика отпечатками зубчатого штампа, нанесенными тычком (рис. 22)

Миски такой формы были широко распространены в зарубинецкой и пшеворской культурах (рис. 23, 1-9). В первой Е.В.Максимов выделил их во второй вариант первого типа. Их характеризует венчик, слабо загнутый внутрь или почти вертикальный, значительная по сравнению с диаметром венчика высота. Такие единичные миски известны в более раннее время в Припятском Полесье на могильнике Велемичи II (Каспарова 1972: рис. 15, 16). С рубежа нашей эры они появляются по всей зарубинецкой территории (Максимов 1982: 16; табл. II, 13). Модификация этой формы, характеризующаяся небольшой высотой и большим диаметром устья, известна в позднейший период на могильнике Рахны, на памятниках Северского Донца (Обломский, Терпиловский 1991: рис. 17, 1-4) и в изощренном варианте на поселении Лютеж (Максимов 1982: табл. XVI, 8; XXV, 1). Почти такая же миска известна и на зубрицком поселении Боратин (Козак 1991: рис. 24, 5). Сосуд этого типа найден и в Загаи II (Козак 1991: рис. 20, 5). Д.Н.Козак считает такие миски характерными для зубрицких памятников Западной Волыни (1991: рис. 37, 15). На липицких памятниках сосуда этого типа известны в Ремезевцах (Цигилик 1975: рис. 43). Вариант «б» (рис. 46, 5, 22). Венчик представляет собой непрофилиро-

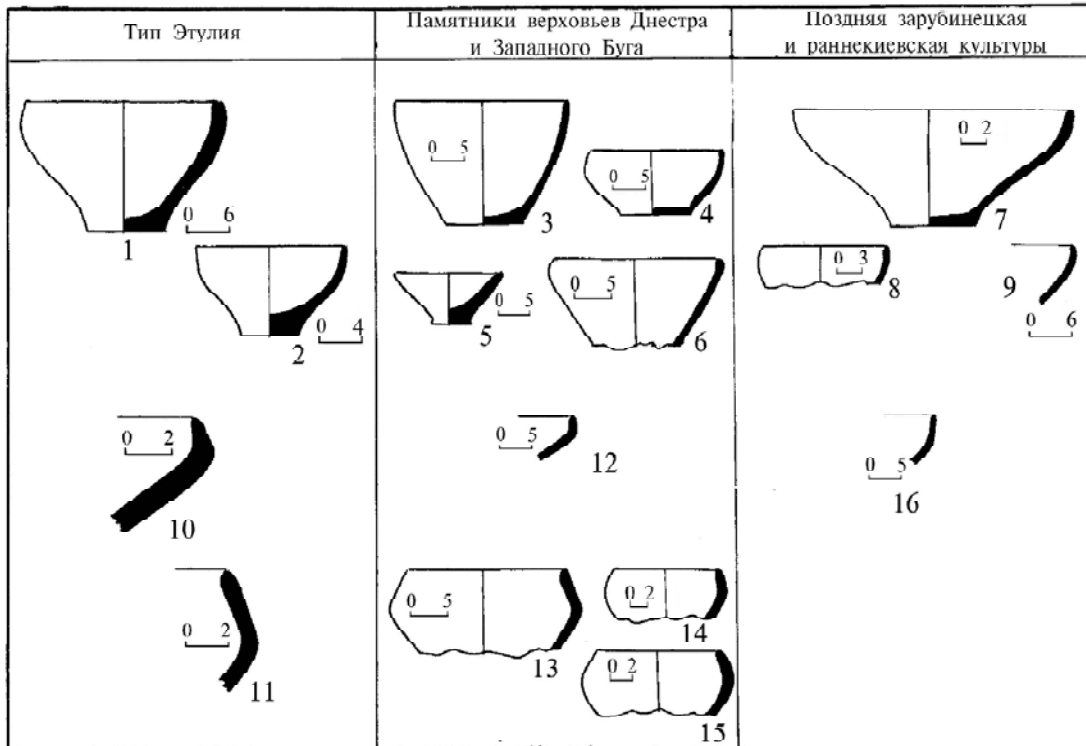

Рис.23. Сопоставительная таблица мисок вида I, вариант «а» (1-9) и вариант «б» (10-16): 1,2,10,11 – памятники типа Этулия; 3 – Пасеки Зубрецькие; 4,6,13 – Ремезевцы; 5 – Сокольники; 7 – Рахны; 8,9,16 – Оболонь; 12,14 – Подберезцы; 15 – Бовшев II.

ванный скругленный край стенки. Сосуд биконический. Закрытые биконические миски в зарубинецкой культуре распространены сравнительно мало и имеют другие пропорции. На Верхнем Поднепровье в липицких материалах закрытые биконические миски разных модификаций известны в Ремезевцах (Цигилик 1975: рис. 34, 1, 4, 6). В Подберезцах миски такого профиля найдены в жилище № 5 (Козак 1984: рис. 24, 17) (сопоставление см. рис. 23, 10-16). Есть мнение, что такие миски характерны для позднезарубинецких памятников (Обломский, Терпиловский 1991: рис. 2, тип 1). Варианты «а» и «б», видимо, связаны друг с другом. Вариант «в» (рис. 22, 18 и, возможно, 21) – сосуды малой высоты и значительного диаметра. Прямые стенки расходятся вверх. Венчик непрофилирован. Размеры целого экземпляра: высота – 6,7, диаметр устья – 24 см. Эта форма встречается редко. Для латеноидных культур Восточной Европы она не характерна. Единичные сходные экземпляры сосудов встречаются в первых веках нашей эры в Верхнем Поднепровье (Козак 1984: рис. 27, 7). В большей мере эта форма присуща позднекифскому керамическому комплексу. Она известна, например, на поселении Молога II (Гудкова, Фокеев 1984: рис. 20, 27-30), на Козырьском городище (Бураков 1976: табл. VII, 14, 17).

К этому же виду относятся фрагменты мисок, скорей всего, округлой формы без всякой дополнительной профилировки (рис. 22, 1, 3, 4, 19). Судить о них без полной формы трудно. Им подобны обломки сосудов с памятников позднезарубинецкого круга: Лютежа (Обломский, Терпиловский 1991: рис. 9, 8), Почепа (Обломский, Терпиловский, 1991: рис. 14, 1, 2), Гриней (Обломский, Терпиловский 1991, 21: 6). Очевидно, подобные сосуды входят в число основных форм керамики зубрицких поселений (Козак 1992: рис. 25, 13, 14, 16).

Вид II – миски с шейкой, форма и степень выраженности которой заметно варьирует. Известны открытые и закрытые сосуды. Вариант «а» (рис. 22, 10-13, 16, 17). Шейка низкая, слабо развитая, иногда имеет вид легкого углубления под венчиком. Округлый венчик отогнут наружу, иногда слабо утолщен. Нижняя часть мисок коническая или округлая. Отдельные экземпляры покрыты штрихами снаружи и внутри (рис. 22, 12). В степных и фракийских культурах предшествующего времени нет мисок, которые могли бы послужить прототипом для сложения этой формы. Представляется, что ее истоком являются позднелатенские миски с S-видным профилем, представленные в разных вариантах в зарубинецкой, пшеворской и поянешть-лукашевской культурах (рис. 48, 6-15, 17). В зарубинецкой – эти миски соответствуют первому варианту второго типа, выделенного Е.В.Максимовым (1982: 16; табл. 11, 14). Он появляется первоначально в Припятском Полесье. Разновид-

ность с округловыпуклой нижней частью восходит к форме, широко распространенной в среднем Поднепровье (Максимов 1972: табл. 31, 2В). В Верхнем Поднепровье сосуды этого типа известны в Чаплинском могильнике (Кухаренко 1959 б: табл. IV, 18). В поянешть-лукашевской керамике миски с S-видным профилем являются основной формой (Романовская 1969: 90).

Миски конической формы могли развиваться из остроплечих зарубинецких мисок третьего типа (Максимов 1982: 18; табл. II, 18; табл. V, 5, 6). Подобные зарубинецкие формы в позднее время известны в Золотой Балке и Николаевке (Максимов 1982: табл. XV, 11, 17, 19). На волыно-подольских памятниках Верхнего Поднепровья и Западного Буга аналогичные сосуды известны в Черепине, Подборцах, Зубре, Хорове (Козак 1983: рис. 3 8, 9; 4, 5, 8; 7, 7, 13), Сокольниках I (Козак 1983: рис. 7, 5), Подберезцах (Козак 1984: рис. 29, 6). Они входят в состав основных форм поселений зубрицкого типа на Волыни (Козак 1991: рис. 25, 12). Вариант «б» (рис. 22, 9, 15) отличается от варианта «а» удлиненным венчиком, сильно отогнутым наружу. Сосуды этого облика, скорей всего, являются поздней модификацией позднелатенских мисок с подгранным венчиком. Аналогии им чрезвычайно многочисленны в зарубинецкой культуре (например, Максимов 1982: табл. III, 10; табл. IV, 9). В более позднее время сходные формы найдены на волыньском поселении Хоров (Козак 1984: рис. 33, 3, 4, 9) и в Почепе (Обломский, Терпиловский 1991: рис. 12, 2, 4) (см. сопоставление рис. 24, 1-5, 19-21). Вариант «в» (рис. 22, 14) характеризуется проработанной шейкой, округло утолщенным венчиком и наличием кольцевого поддона. Такие миски сопоставимы с зарубинецкими сосудами на кольцевом поддоне четвертого варианта первого типа по Е.В.Максимову (1982: 18; табл. II, 17), распространенными на памятниках I-III вв. во всем ареале позднезарубинецких памятников, кроме Верхнего Поднепровья. Зарубинецкие сосуды этой формы известны на позднекифских могильниках Золотая Балка и Николаевка (Максимов 1982: табл. XV, 7, 10, 21) (см. сопоставление на рис. 24, 12, 16, 18). Вариант «г» (рис. 22 6-8) – шаровидные сосуды со стянутым устьем и шейкой, выделенной небольшим уступом. Край венчика скруглен. Диаметр венчика 10 см, максимальный диаметр 11,7 и 13,3 см. Форма редкая. Точных аналогий ей не установлено. Наиболее близки округлые сосуды из позднелатенских материалов на памятниках Верхнего Поднепровья (рис. 20, 11-15), которые на эволюционной схеме Д.Н.Козака не имеют четкого выхода в последующий период (1984: рис. 49; рис. 12,12; 25, 6; 32, 6, 8). Однако в римское время известны открытые миски, шейка которых выделена уступом или ребром-утолщением. Они найдены в Подберезцах и Зубре (Козак 1984: рис. 27, 8, 9, 11).

К мискам примыкают небольшие сосуды,

скорей всего, *кубки* (рис. 25, 1, 3, 4) с вертикальными или слабо расходящимися кверху стенками. Венчик не профилирован и имеет скругленный край. У одного из сосудов под венчиком имеется легкий уступ. Диаметр устья колеблется от 6,6 до 12,8 см. Высота меньше него, у целого экземпляра она составляет 5,4 см. Кубки — редкая форма.

Конические крышки (рис. 25, 6-8) с вертикальной ручкой, имеющей углубление сверху, — обычная находка. Они разнообразны по размерам. Такие изделия широчайшим образом представлены как на позднескифских памятниках юга, включая Крым и встречаются на позднезарубинецких памятниках (например, Лютетж). Очевидно, это — скифоидная вещь, как и горшки вида 1.

Керамические *диски* (рис. 25, 9-11) встречаются на многих памятниках типа Этулия. Их край иногда немного утолщен. Диаметр колеблется от 18 до 22 см, толщина от 0,8 до 2 см. Диски делали из формовочной массы разного качества, иногда с большим содержанием растительной примеси. Верхняя поверхность заглажена более тщательно и у некоторых экземпляров орнаментирована вдавлениями или зацепками, расположенными по краю, по диаметру или концентрическими кругами. На нижней стороне части дисков по краю видна темная полоса нагара. Это указывает, что они применялись, в частности, как крышки.

Керамические диски, аналогичные этулийским, присущи многим культурам Восточной

Европы. Они появляются еще до нашей эры и бытуют на протяжении всего римского времени. В частности они известны в милоградских материалах (Поболь 1973: рис. 86, 15), в поморской, оксывской, пшеворской культурах, обычны в зарубинецкой (Кухаренко 1964: 29; табл. 7, 21-23; Максимов 1972: табл. XII, 11; 1982: 20), поянешть-лукашевской (Щербакова 1982: 22). Отмечены они и на волыно-подольских памятниках Верхнего Днестра, особенно на тех, где сочетаются черты пшеворской и зарубинецкой культур, в Подберезцах, Подборцах, Подрожье (Козак, 1984: 22). В культурах степного юга они отсутствуют.

Значительный интерес для сопоставительного анализа керамики представляет отделка ее поверхности. Часть сосудов покрыта расчесами. Преобладает их направление наискось, реже по вертикали и совсем редко — по горизонтали. Разные направления сочетаются на одном сосуде (рис. 15, 6, 7, 13; 17, 18). Как явствует из отпечатков «тычком», инструментом для этого служила четырех-пятизубая гребенка. Иногда на сосуды нанесены не расчесы, а штрихи, выполненные притупленным однозубым инструментом (рис. 17, 1; 46, 12). Эти штрихи могут дополнять расчесы, перечеркивая их, особенно на горловине сосудов (рис. 15, 6, 13). Трудно определить, имели ли расчесы, кроме технологического, еще и орнаментальное значение. Скорее это можно предположить о штрихах.

Расчесы гребенкой известны в керамике Во-

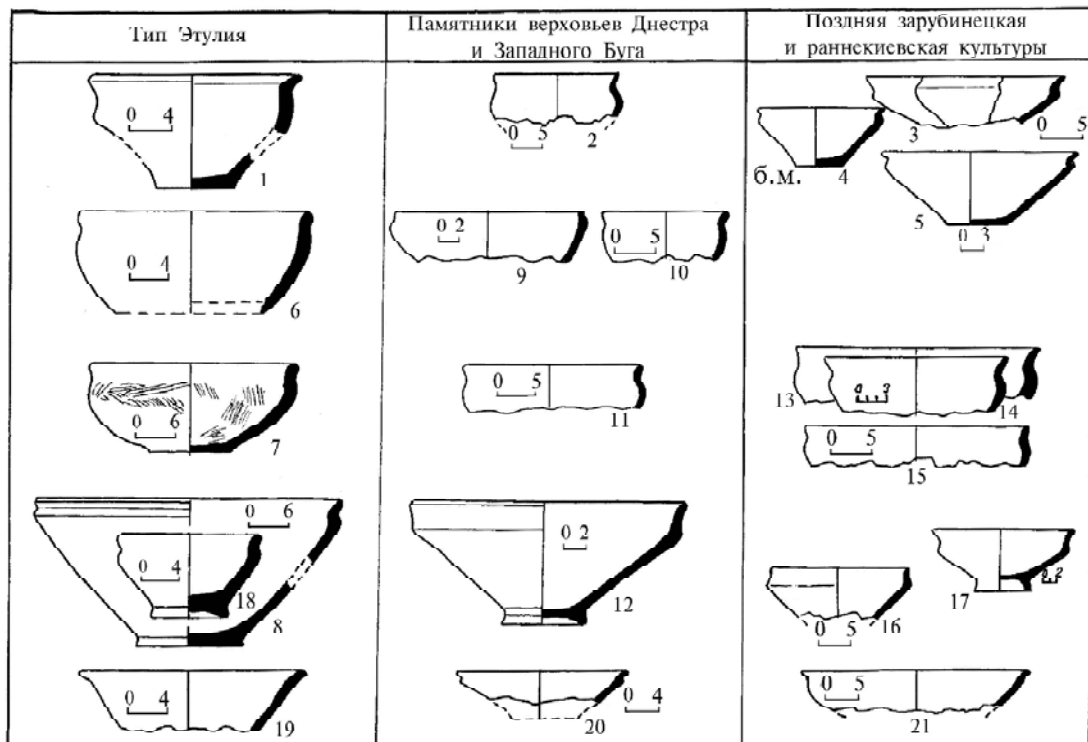
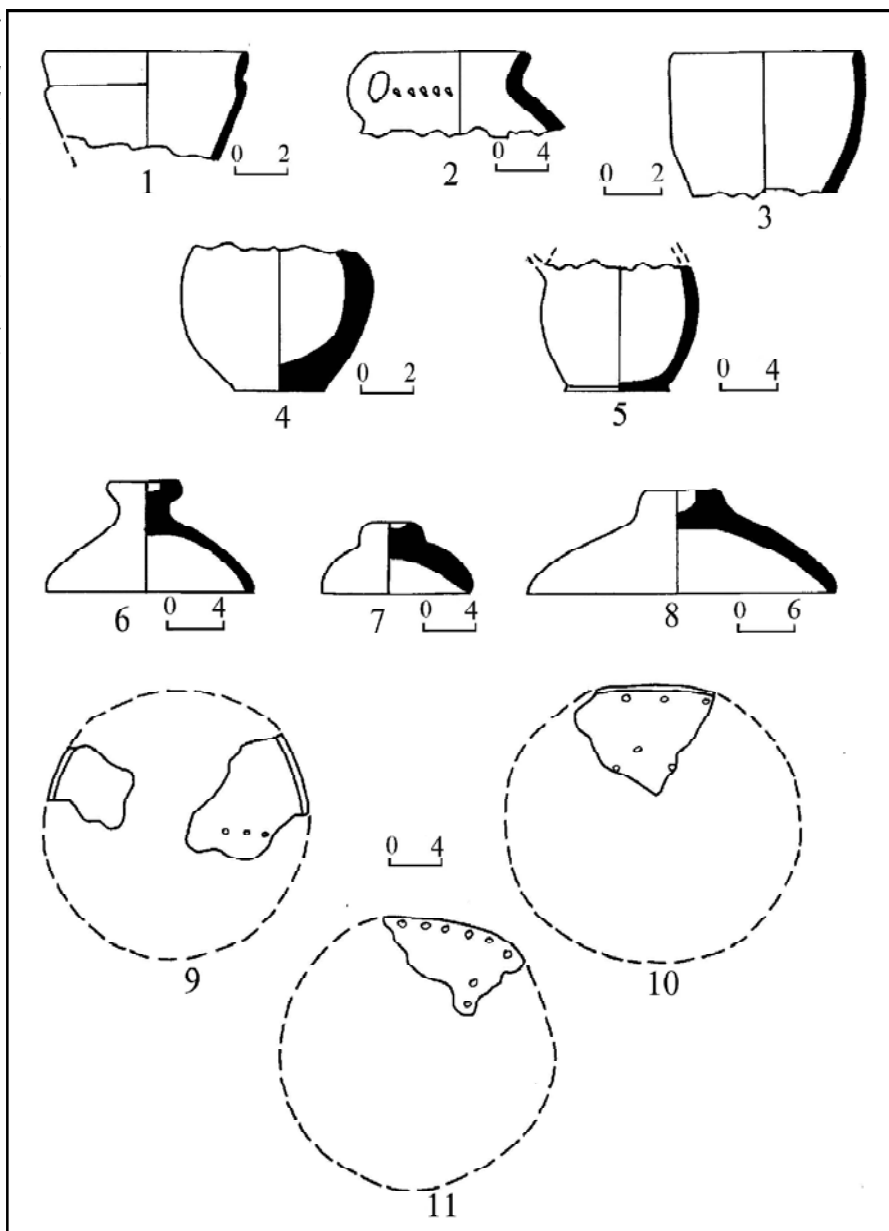

Рис. 24. Сопоставительная таблица мисок вида 2 вариант «а» (6-15, 17), вариант «б» (1-5, 19-21) и вариант «в» (18, 12, 16): 1, 6-8, 18, 19 — памятники типа Этулия; 2 — Давыдов; 3 — Бабина Гора; 4, 13 — Марьяновка; 5 — Оболонь; 9 — Подберезцы; 10, 20 — Хоров; 11 — Комарна; 12 — Рахны; 14 — Косовцы; 15 — Казаровичи; 16 — Лютетж; 17 — Дедов Шпиль; 21 — Девич-Гора.

Рис.25. Лепная керамика типа Этулия: кубки (1, 3, 4); кружки с ручкой (2, 5); крышки (6-8); диски (9-11); 1, 5, 11 – пос. Чижмикиной I; 2, 6, 7, 9 – пос. Этулия X; 3 – пос. Холмское II; 4 – пос. Томай; 10, 11 – пос. Чижмикиной II.

сточной Европы еще с латенского времени. Они отмечены в поморской культуре (Кухаренко 1961: 9). В Силезии на пшеворских памятниках представлены образцы расчесов, полностью совпадающие с этулийскими (Peschek 1939: Taf. 26, 2, 5-10, 17, 18; Godłowski 1977: tabl. XVI, 12, 14, 16, 17). В зарубинецкой культуре они отмечены на памятниках Припятского Полесья (Каспарова 1969: 259-260). В Абидне керамика с расчесами составляет 10 % (Поболь 1969: 315). На Среднем Поднепровье этот прием распространяется в позднее время: Казаровичи (Максимов, Орлов 1974: рис. 5), Хлепче, Лютеж, Завадовка, Вовки (Максимов 1982: 136; Бидзиля, Пачкова 1969: рис. 10, 5-7). Расчесы и их комбинации со штрихами присутствуют на поселении Грини. Здесь до 20 % керамики покрыто штрихами (Максимов 1969: 39-40; 1982: табл.

27, 2, 8, 11). Исследователи единодушно связывают такую отделку поверхности с керамическими традициями Верхнего Поднепровья, Полесья и культурой штрихованной керамики (Этнокультурная карта 1985: 54, 58).

Орнаментация керамики применялась весьма редко, в основном на горшках первого вида, на других сосудах лишь иногда. Абсолютно преобладающий ее прием защипы, вдавления и насечки по краю венчика (рис. 15, 2, 3, 6). У отдельных сосудов отмечены на плечах группы из трех вдавлений пальцем или конические выступы (рис. 15, 12, 13). Попадают редкие обломки сосудов с накладным расчлененным валиком. Все эти орнаментальные приемы известны как в лесостепи (зарубинецкая культура), так и на позднескифских памятниках юга. Вероятно, в обоих случаях основой

является собственно скифская традиция.

Проведенный сравнительный анализ этулийской керамики позволяет дать ее общую характеристику. Ее возникновение явно связано с двумя струями в формировании керамического комплекса культурных образований первой четверти I тыс. н.э. в междуречье Днестра и Днепра. Первая струя, скифоидная, связана с наследием зарубинецкой культуры, в керамике которой скифские (сколотские) черты были субстратными. Ко времени возникновения типа Этулия они прошли долгий путь развития и опосредованы поздnezарубинецкой средой. Кроме типа Этулия, они проявились в пшеворской культуре Верхнего Поднестровья, на памятниках волыно-подольского (зубрицкого) типа и во всей мозаике этно-культурных образований Среднего Поднестровья. Была ли эта скифоидная струя в этулийской керамике в степи поддержана влиянием позднескифского населения, пока установить трудно. Попробуем оценить, насколько реально по имеющимся археологическим источникам участие поздних скифов в формировании этулийского населения или сколь возможны были их тесные контакты.

В ареале этулийских древностей позднескифские памятники находятся только на западном берегу Днестровского лимана. Далее на запад ни в степи, ни в лесостепи они не заходят. В этой связи показательно, что на черняховских памятниках Молдавии практически отсутствуют скифоидные формы лепной керамики (Рикман 1975б: рис. 22). В междуречье Днестра и Южного Буга позднескифские памятники мало известны. В результате позднескифское население по берегам Днестровского лимана выглядит слишком малочисленным для того, чтобы оно могло передать свои керамические формы этулийцам, совершенно отличным по своей культуре. Теоретически рассуждая, можно допустить, что в середине III в. в период «готских» или «скифских» войн какая-то часть позднескифского населения, возможно, вместе с сарматами, передвинулась на запад до Дуная и влилась в состав этулийского населения. Но это только теоретическая возможность, пока никакими археологическими фактами не подтвержденная. Даже, если ее и принять, остается непонятным, почему изо всех особенностей позднескифской культуры сохранилась и продолжала существовать лишь одна из керамических форм.

Дать название второй керамической струе в керамике этулийских памятников значительно сложнее. Хотя все ее истоки связаны с центром Восточной Европы, она по своему происхождению не однородна. Систематизация аналогий керамике этой группы показывает, что в них необходимо выделить два хронологических пласта. Более ранний проявляется опосредованно и не указывает на прямые генетические связи. Речь идет о круге латеноидных культур — пше-

ворской, зарубинецкой и поянешть-лукашевской. Последней в меньшей степени, поскольку ее существование заканчивается раньше, на рубеже эр. Всем им свойственны миски, округло-конические без шейки и с различными вариантами S-овидного профиля, диски. В разной степени распространены горшки с шаровидным туловом и низкой горловиной. Латенские реминисценции в этулийской керамике, сохранившиеся в результате многоступенчатой передачи, предстают в основном в формах столовой посуды, которая однако полностью утратила характерный темный цвет и хорошее лощение. Наследие зарубинецкой керамической традиции, вероятно, более значимо. К ней, помимо латенских, восходят формы, генетически связанные с Верхним Поднепровьем и Полесьем, — горшки вида 2 (вытянутые с высокой цилиндрической шейкой) и 3 (протопращские), кружки.

Классическая зарубинецкая культура заканчивает свое существование в среднем за два века до сложения памятников типа Этулия. Поэтому связь между их керамическими комплексами может быть только опосредованной. Посредниками, представляющими второй хронологический пласт, являются две группы взаимно связанных древностей: пшеворская — волыно-подольская (зубрицкая) и поздnezарубинецкая — раннекиевская Среднего Поднепровья. На них имеются прототипы и аналогии практически всем формам посуды этулийских памятников. Поскольку многие этулийские сосуды имеют одновременно пшеворские и зарубинецкие прототипы, не всегда ясно, какому из этих источников в каждом конкретном случае следует отдать предпочтение. Однако активное действие обоих очевидно. Пожалуй, зарубинецкая струя выражена несколько ярче. Это проявляется, с одной стороны, в возможности ретроспективного прослеживания генезиса отдельных форм вплоть до II в. до н.э. С другой, — в развитии некоторых присущих ей керамических типов на черняховских памятниках Верхнего Поднестровья и Западного Буга. В первую очередь это касается горшков вида 1 (скифоидные) и вида 3 (протопращские). Керамический комплекс поселений на Стугне, Девич-Горы, поздних комплексов Лютежа, Оболони наряду с типично зарубинецкой посудой содержит многочисленные горшки с воронковидным горлом, орнаментированным венчиком и резким сужением корпуса ко дну небольшого диаметра (Кравченко, Гороховский 1979: 66) (рис. 3, 3, 17). Первоначальной исходной зоной, откуда пошло распространение поздnezарубинецких и раннекиевских элементов было Среднее Поднепровье. Для типа Этулия передаточными районами оказались Верхнее Поднестровье — Западное Побужье, Волынь (до появления вельбарской культуры) и, вероятно, зона обитания поздnezарубинецкого населения на Южном Буге. На значение этой последней указывает наличие на южнобугских

поселениях аналогий большей части этулийских типов посуды. Пшеворское воздействие распространилось с Верхнего Поднестровья и Волыни. Аналогии этулийской керамике, на памятниках липицкой культуры в большинстве зарубинецкого и реже пшеворского происхождения. В этулийской посуде полностью отсутствуют собственнo липицкие фракийские формы. Это наводит на мысль о том, что этулийское население не имело контактов с носителями липицкой культуры. Указанные аналогии лишь имеют общие источники. Таким образом уточняется исходный район этулийского населения.

В целом этулийский керамический комплекс оказываются весьма смешанным. Универсальной чертой типового состава является лишь присутствие и преобладание горшков вида 1. Таким образом, следует констатировать большую внутреннюю пестроту керамической традиции, то есть налицо то же явление, что было выявлено при анализе жилищ.

Погребальный обряд известен по материалам двух могильников и нескольких захоронений, впущенных в насыпи курганов более раннего времени. Все погребения совершены по обряду кремации на стороне с захоронением остатков сожжения в грунтовой яме, в единичном случае – в урне. Могильник Этулия XII (Щербакова 1981) находился в группе тесно расположенных поселений на восточном берегу оз. Кагул в 1 км от поселения Этулия VI и в 0,5 км от поселения Этулия X, подвергшихся раскопкам. Он поврежден глубокой вспашкой. Поэтому об отдельных находках вне погребений нельзя с уверенностью сказать, происходят ли они из верхней части заполнения могильных ям или из слоя могильника. На площади в 350 кв. м обнаружено 54 погребения (рис. 26). Они могут быть разделены на три типа:

1. Наиболее многочисленны погребения не очищенных от остатков погребального костра кальцинированных костей в небольших круглых или овальных ямах, цилиндрических с округлым или коническим дном в разрезе. Их 39, то есть 72,2 %. Преобладающий диаметр ямы 0,45-0,6 м, глубина от 0,6 до 1 м. Пережженные легко рассыпающиеся кости вперемешку с золой и угольками находились во всем объеме ямы. Одно погребение парное в большой овальной яме с двумя ямками в дне. В верхней части ямы одного из погребений была положена туша барана.

2. Погребения кальцинированных костей с остатками погребального костра в больших и глубоких ямах. Их всего 2, то есть 3,8 %. Размеры ям 1,5 × 2,5 и 0,8 × 1,5 м глубиной 1,2 и 0,8 м. В одной из них слой костей залегал под сыпаными в яму остатками костра.

3. Погребения, в которых обломки твердых кальцинированных костей, тщательно очищенных от остатков костра, залежали плотным скоплением в верхней части заполнения ямы в 15-20 см толщиной. Их 14, то есть 24 %. Ямы круг-

лые с преобладающим диаметром 0,4 м, глубиной от 0,6 до 0,9 м. Шесть погребений расположены компактной группой в центре раскопанного участка, остальные вперемежку с погребениями первой группы. Общей и основной чертой погребений на могильнике является их ямный характер, а для двух первых групп и наличие остатков костра.

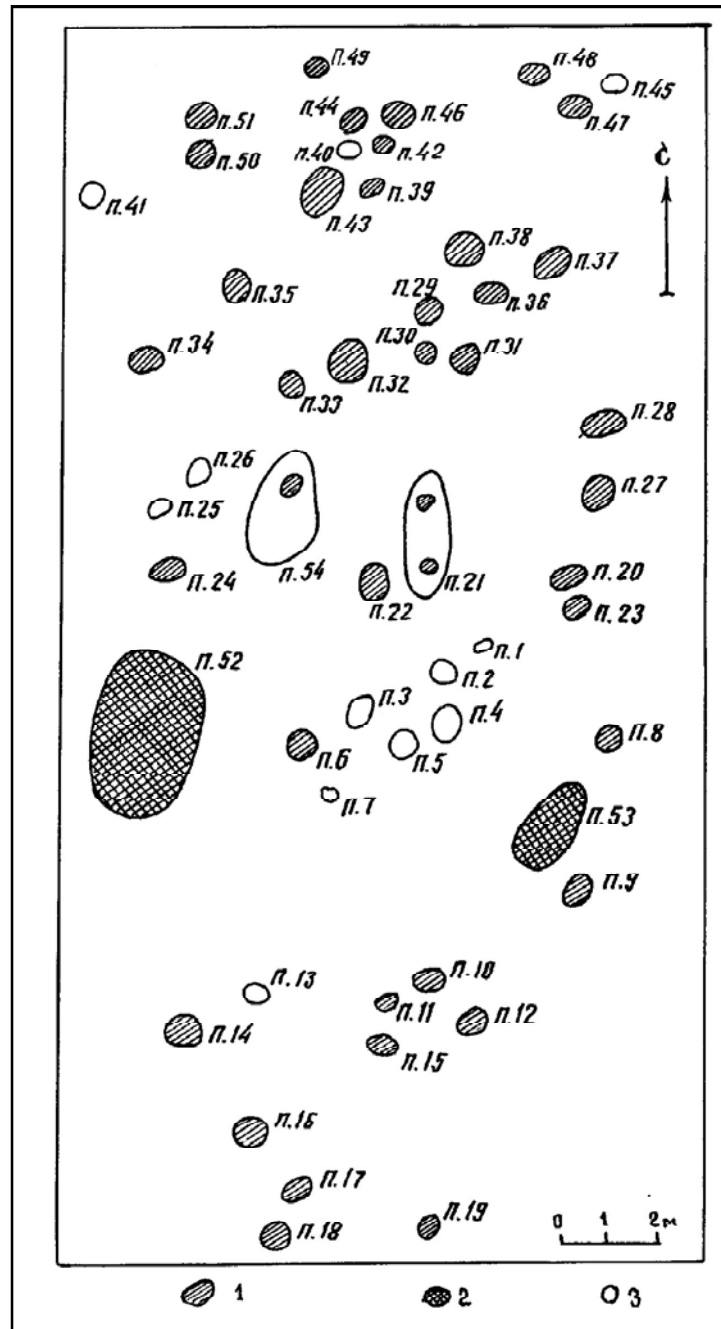
Погребальный инвентарь из могильника Этулия беден. В погребениях первой группы найдены фрагменты керамики и стеклянного кубка со шлифованными овалами, обломок керамического пряслица, бронзовое кольцо (пряжка?), часть железной оковки, обломок листовой бронзы, керамический диск. В слое найдены два керамические пряслица и фрагмент сероглиняно-го гончарного сосуда.

В 0,2 – 0,3 км к юго-западу от поселения Чимикией I в насыпи кургана эпохи бронзы обнаружено три безынвентарных погребения с сожжением (Борзияк 1984: 80), которые могут быть отнесены к первому типу погребений могильника Этулия. Почти вплотную к поселению Суворово III (Молдавия) находился курган, в насыпи которого было захоронение третьего типа (Бейлекчи 1985). Курган сарматский II-III вв. н.э., что определяет нижнюю хронологическую границу этого погребения. Отнесение этих впускных безынвентарных захоронений к числу этулийских оправдывается, кроме их однотипности с третьей группой, еще и тем, что в зоне их распространения не известно никаких иных культур, которым могли бы принадлежать погребения такого рода.

Могильник Алчедар (Щербакова, Кашуба 1990) был обнаружен на севере Молдавии в Шолданештском районе (лесостепное правобережье Днестра). На нем раскопано 44 погребения и 43 ритуальные ямы. Рассматривая облик погребений на этом могильнике, можно применить и продолжить классификацию, предложенную для могильника Этулия XII. В Алчедаре все погребения с кремацией. Тип 1 – захоронения кальцинированных костей с остатками костра в небольших ямах – на этом могильнике отсутствуют. Тип 2 – их 38 (86%). Погребения остатков кремации с золой в больших круглых и овальных ямах. Тип 3 – их 3 (6,9 %). Захоронения очищенных от остатков костра кальцинированных костей, залежавших плотным скоплением в небольшой овальной ямке. Отмечено перекрытие черепками, обмазкой и камнями. Тип 4 – 1 (2 %): погребения остатков кремации вместе с золой в урне, которой служил «грубый лепной горшок вытянутых пропорций с небольшим расширением в верхней части тулова и венчиком в виде раструба с косым срезом по краю» (Щербакова, Кашуба 1990: 118).

Погребальный инвентарь состоит из обломков лепной керамики (в основном горшки, но есть также фрагменты мисок, крышек и дисков), часто вторично обожженной. В ритуальных ямах

Рис. 26. План могильника Этулия XII: 1 — погребение I типа; 2 — типа II; 3 — типа III (по Т.А.Щербаковой).

найлены обломки серо- и красноглиняной позднеантичной посуды, фрагменты амфор, стеклянные и янтарные бусы, два обломка жерновов из ракушечника, побывавшие в огне.

При совпадении в основных чертах обряда погребения на обоих могильниках совершенно очевидно их некоторое, видимо, этнографическое различие.

Этулийский погребальный обряд в степных культурах никаких аналогий не имеет. Кремация фракийского мира во всех ее вариантах полностью иная. В этулийских погребениях переплетаются черты, присущие различным культурам центра Восточной Европы в латене и в римское время. Обычай погребать кремированный прах

в простой грунтовой яме, часто с незначительным инвентарем, был широко распространен и имел многочисленные варианты. На могильниках оксывской культуры среди погребений с кремацией преобладают ямные с остатками погребального костра (Могильников 1974: 136). В пшеворской культуре захоронения пережженных костей вместе с остатками погребального костра в небольшой и неглубокой ямке довольно обычны (Никитина 1974: 62; Кухаренко 1969: 112). Инвентарь в них встречается редко. В восточномазовской группе пшеворской культуры в начале римского времени доминируют ямные погребения (Dabrowska 1976: 155). К востоку от Вислы они составляют в пшеворской культуре

две трети от общего числа захоронений (Козак 1978: 83). Начиная с I в. н.э. широко распространяется обычай очищать пережженные кости от остатков погребального костра (Кухаренко 1969: 112).

Погребения с компактным залеганием костей без остатков костра исследователи сближают с урновыми, поскольку полагают, что в них кремированные останки были захоронены во вместилищах из органических материалов (мешочки, коробки), следов которых не сохранилось. Такие «спрессованные» погребения известны в пшеворской культуре, но для нее не очень характерны. Они найдены на нескольких могильниках на правых притоках Одера: могильник Млодзиково I-III вв. н.э., Опатов – II-IV вв., Избицко – позднеримское время. В пшеворской культуре этот обряд воспринимается как влияние германских племен, поскольку он свойственен ясторфской культуре со среднего латена до позднеримского времени и известен в оксывской культуре и в могильниках Скандинавии в позднем латене (Никитина 1974: 65, 66; Могильников 1974: 143, 144).

Для понимания генезиса этулийского погребального обряда значительный интерес представляет могильник Долиняны на Верхнем Днестре, относящийся ко времени перед рубежом эр (Смирнова 1981: 205). Хотя его материалы и имеют сходство с поянешть-лукашевским, однако, его принадлежность этой культуре проблематична (Пачкова 1978). На могильнике преобладают безурновые погребения в неглубоких округлых ямках. Из 22 погребений только 4 совершены в урнах. Кремированный прах очищен от остатков погребального костра. Погребальный инвентарь бедный, как правило, фибула или браслет. Почти весь он побывал в огне.

Для более поздних памятников Верхнего Поднестровья и западного Побужья ямный обряд погребения не характерен. Здесь господствуют урновые захоронения. Однако на липицких могильниках известны немногочисленные ямные погребения двух типов. В пяти погребениях пережженные кости залегали в спрессованном виде, в трех – они были разбросаны по дну ямы вперемешку с обломками керамики. Ямные погребения на липицких могильниках считают результатом пшеворского влияния (Этнокультурная карта 1985: 35).

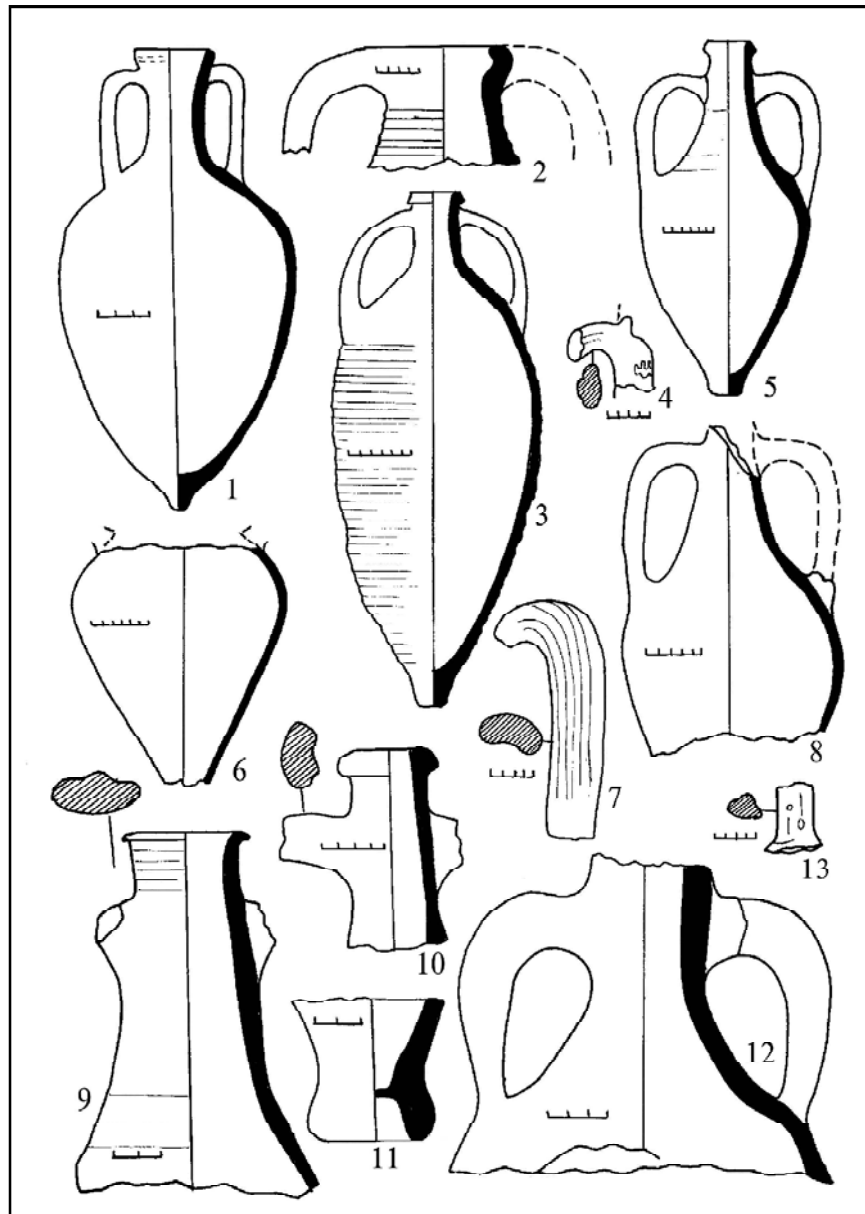
Ямные захоронения присущи погребальному обряду зарубинецкой культуры на всех этапах ее существования. Они найдены на могильниках практически повсеместно, но их количество не одинаково на разных территориях. Наиболее широко ямные погребения распространены в Полесье и господствуют на Верхнем Поднестровье (Кухаренко 1964: 14). Не исключено, что это связано с воздействием погребальных традиций носителей милоградской культуры, существовавшей до I-II вв. н.э. (Мельниковская 1967: 162). Ей свойственно господство ямных

захоронений в овальных, чаще в круглых ямах с незначительным инвентарем или без него (Мельниковская 1967: 43). Для зарубинецкой культуры в среднем Поднестровье в более раннее время характерно захоронение очищенных (вымытых) костей. Распространение погребений с остатками костра считают поздним явлением II-IV вв. н.э. (Кухаренко 1964: 16; Максимов 1972: 101). Особенно близкими зарубинецким оказываются этулийские погребения второй группы. Сходство проявляется в размере и форме ям. Такие большие ямы подпрямоугольной или овальной формы обычны в зарубинецкой культуре на рубеже эр – в I в. н.э. Погребения в них костей без остатков костра преобладают на многих могильниках этого времени: Корчеватовском, Пироговском, Бучаки (Археология УССР 1975: 15-16), Дедов Шпиль (Максимов 1982: 104). Погребениям этой группы явно близок позднерубинецкий могильник II в. Рахны на Южном Буге (Хавлюк 1971: 89-94). Отметим, что на этом могильнике присутствуют северо-западные, в частности, пшеворские черты: фибулы керамика (Максимов 1982: 131). Такие особенности могильника Этулия XII как наличие над погребением туши жертвенного животного и остатков не полностью прогоревшего костра известны и на позднерубинецких могильниках (Кухаренко 1964: 16; Максимов 1972: 36, 37), в том числе, поздних (Рахны).

Значительный интерес для сравнения представляют могильники киевской культуры Киреевка на Днестре (Третьяков 1974: 71; Горюнов 1981: 32), чрезвычайно сходный с Этулией XII. На нем обнаружено 5 безурновых погребений в овальных (1 × 0,56; 0,65 × 0,45; 1,6 × 0,8 м) и округлых ямах диаметром 0,3-0,4 м. В четырех из них погребен прах, смешанный с остатками костра, в одной – кости тщательно очищены от углей и золы. Лишь в одном погребении присутствует скромный инвентарь: глиняное биконическое пряслице, бронзовая подвеска и обломок бронзового браслета. На Киевщине в могильниках Новые Безрадичи и Казаровичи, в юго-восточной Белоруссии в Абидне и Тайманово кремированные погребения совершены в небольших округлых ямах диаметром 0,5-0,8 м, реже в больших овальных. В большинстве случаев кости не очищены от остатков костра. Инвентарь беден и встречается редко.

В итоге можно прийти к заключению о том, что погребальный обряд этулийского типа объединяет в себе разнородные черты. С одной стороны, явны элементы, уходящие корнями в погребальную обрядность латенских культур Висло-Одерского бассейна (первый и третий типы погребений). С другой стороны, возможны связи с зарубинецкими обычаями (второй тип). Нельзя полностью исключить и опосредованную передачу элементов позднего милоградского погребального обряда. Очевидно, связями с Верхним Поднестровьем и объясняется сходство с

Рис. 27. Амфоры: 1 — с поселений типа Этулия, Новоселовка; 2, 6, 8, — пос. Кокоара III; 4, 13 — пос. Чиммикиой II, 5 — пос. Этулия X; 7, 10 — пос. Этулия VI; 9 — пос. Чиммикиой I; 11, 12 — пос. Конгаз I (по Т.А.Щербаковой).

погребениями киевской культуры Подесенья.

Датировка. Датировочные материалы памятников типа Этулия пока довольно ограничены. На поселениях обычная находка — амфоры танаисского типа. Целые экземпляры обнаружены при раскопках на поселении Этулия X, при земляных работах на поселении Староселье, крупные фрагменты найдены на поселениях Томай и Конгаз (рис. 52, 5, 6, 8). Эти амфоры датированы по материалам Танаиса первой половины III в. (Шелов 1978: 18-19, тип Д). Вряд ли в других частях Причерноморья они исчезают одновременно с гибелью Танаиса. Очевидно, они существовали на протяжении всего III в. Верхний предел их датировки может быть определен тем, что они не встречаются вместе с амфорами инкерманского типа. На нескольких селищах обнаружены обломки больших красноглиняных амфор с желобчатыми венцами. Это хо-

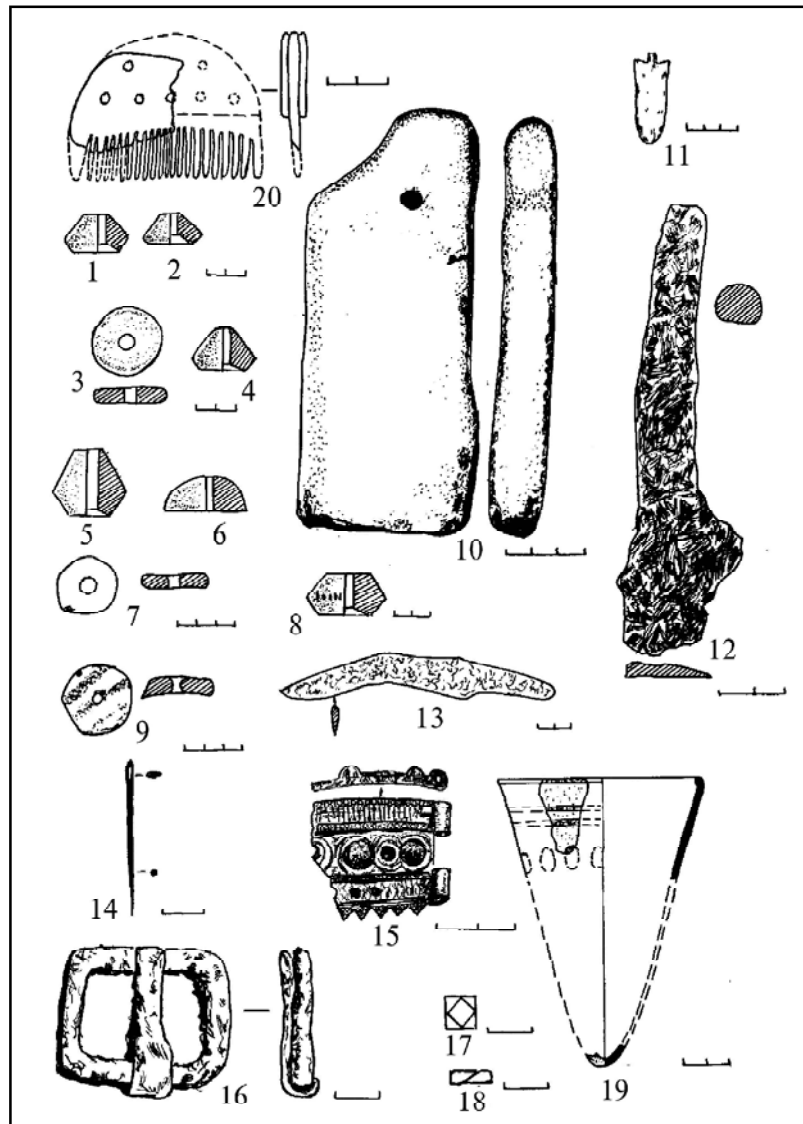
рошо известный тип, относящийся ко II-III вв. (Зеев 1960: 114, табл. 33, 80; Самойлова 1978: 257-258). На поселениях Чиммикиой I и II и Этулия X найдены обломки амфор типа Комаров-Делакеу. В.В.Кропоткин отнес комаровскую амфору ко второй половине IV в. (Кропоткин 1970: 69; рис. 32, 7), Э.А.Рикман — к IV в. в целом (Рикман 1967 а: 134), а М.Б.Щукин считает, что амфоры этого типа существовали III-IV вв., но дата требует уточнения (1968: 50, рис. 7). Подробное изучение стеклоделательной мастерской в Комарове показало, что поселение существовало в третьей четверти III в. (Шапова 1983: 151). Таким образом, можно считать, что эти амфоры употреблялись в последние десятилетия III и в IV в. На поселении Томай найдена верхняя часть красноглиняной амфоры с белым покрытием (рис. 27, 2). Сосуд имел ручки, прикрепленные к венчику заподлицо, рифленое горло,

широкое, короткое и расширенное книзу. Эти амфоры встречаются редко. Отдельные экземпляры известны в Ольвии, Мирмекии, на могильнике у Совхоза 10 в Инкерманской долине, в Тире. Они датируются III-IV вв. (Мелентьева 1969: 25; Самойлова 1978: 265). На поселении Кокоара III обнаружена целая ярко-красная амфора с овальным вытянутым рифленным туловом, коротким горлом и ручками, прикрепленными под венчиком. Венчик подтреугольный в сечении (рис. 27, 3). Сосуд очень близок амфорам мирмекийского типа и отличается от них только меньшими размерами. Мирмекийские амфоры (Зеест 1960: табл. XXX 72; с. 111-112) выпускались с конца II до середины III в. Амфора из Кокоары вписывается в эволюционный ряд амфор ягнятинского типа (Кравченко, Корпусова 1975: 23, 30; рис. 6, 2а-г, 3-5), в котором она должна находиться в его начале в III в. На это указывает сравнительно узкое горло и стройные пропорции тулова. Именно такая ее хронологическая оценка следует и из наблюдения над развитием этой формы по находкам с территории

Румынии (Scorpan 1977: 284, fig. 25). На многих поселениях найдены обломки светлоглиняных узкогорлых амфор II-III вв. н.э., иногда имеющие дипинти (рис. 27, 4, 7, 10, 11, 13). К редким формам амфор римского времени, не поддающимся четкой датировке, принадлежат два сосуда. Один из них (рис. 27, 1) с расширенным устьем, яйцевидным туловом и сплошной конической ножкой происходит с поселения Новоселовка. Цвет черепка варьирует от палевого до светлорыжевого. Ручки овальные в сечении, с одним слабо выраженным желобком. На венчике, округлом в сечении, имеется кольцевое углубление. Другая амфора с поселения Чиммикой I представлена горловиной коричневаторозового цвета. У нее клювовидный в сечении венчик, узкое горло. Изгиб ручек, возможно, был приподнят (рис. 27, 9).

С поселения Кокоара III, Конгаз и могильника Этулия XII происходят обломки кубков со шлифованными овалами (Щербакова 1981: 112; рис. 2, 10). Два из них прозрачного зеленоватого стекла. Хотя форма сосудов не восстанавли-

Рис. 28. Различные вещи с памятников типа Этулия: 1-9 – пряслица; 10 – оселок для кос; 11 – подвеска костяная; 12 – фрагмент железного скобеля; 13 – железный нож; 14 – бронзовая игла; 15 – бронзовая накладная петля; 16 – железная пряжка; 17, 18 – стеклянные бусы; 19 – стеклянный кубок; 20 – костяной гребень; 1-4, 8, 14 – пос. Чиммикой I; 5, 6 – пос. Холмское II; 7, 9-12, 15 – пос. Этулия X; 16-19 – пос. Конгаз I (по Т.А.Щербаковой).

ваются, но характер овалов указывает, что это кубки, которые бытовали во второй и третьей четверти IV в. (Rau 1972: 167, Tabl; Rau, 1975: 479). Фрагменты венчика и дна кубка с поселения Конгаз I (Щербакова 1987: рис. 10, 1) позволяют реконструировать его форму как коническую со слабо отогнутым наружу краем и выпуклым дном (рис. 28, 19). Особенность этого кубка в том, что овалы и край венчика окрашены красной краской. Два красных концентрических пояса проходят под отгибом края. Точных аналогий этому сосуду нам найти не удалось. Однако находки раскрашенных сосудов известны. Конический кубок синего стекла с накладной раскраской обнаружен в керченском склепе с монетой Валентиниана II (375-392) (Шкорпил 1907: 42). Коническая форма присуща кубкам, бытовавшим в последней четверти IV и начале V в. (Rau 1972: 167; 1975: 481). Таким образом, все обломки кубков указывают на IV в.

На поселении Кокоара III найден обломок трехчастного костяного гребня с полукруглой спинкой (рис. 28, 20) (Щербакова 1987: рис. 10, 2) типа 1В-1 по Г.Ф.Никитиной. Такие гребни на черняховских памятниках появляются с первой половины IV в. н.э. и бытуют в этом веке (Никитина 1969: рис. 1; с. 156; Гороховский 1985: 21). На европейских памятниках они известны во второй половине III – первой половине IV в. (Tomas 1960: 92).

С поселений Конгаз и Новоселовка происходят три стеклянные бусины (рис. 28, 17, 18) (Щербакова 1987: рис. 10, 3-5). Синяя 14-гранная из прозрачного стекла по Е.М.Алексеевой типа 134 датируется II-IV вв., синяя спиральная типа 203 – III-IV вв. и крупная черная с опоясывающим белым зигзагом типа 304-а – второй половиной II-IV вв. (Алексеева 1978: 51, 70, 74).

На поселении Томай найдена железная четырехугольная бесщитковая пряжка (рис. 28, 16). В Причерноморье такие пряжки не известны. Они обычны на памятниках пшеворской культуры (Madida 1977: tabl. III, 12, 13; IV, 2, 4, 5 э). Территориально наиболее близкая находка подобной пряжки известна на Верхнем Днестре в могильнике Гринев (Козак 1984: 33, рис. 36, 15). Д.Н.Козак считает, что такие изделия относятся к концу I – II вв. н.э.

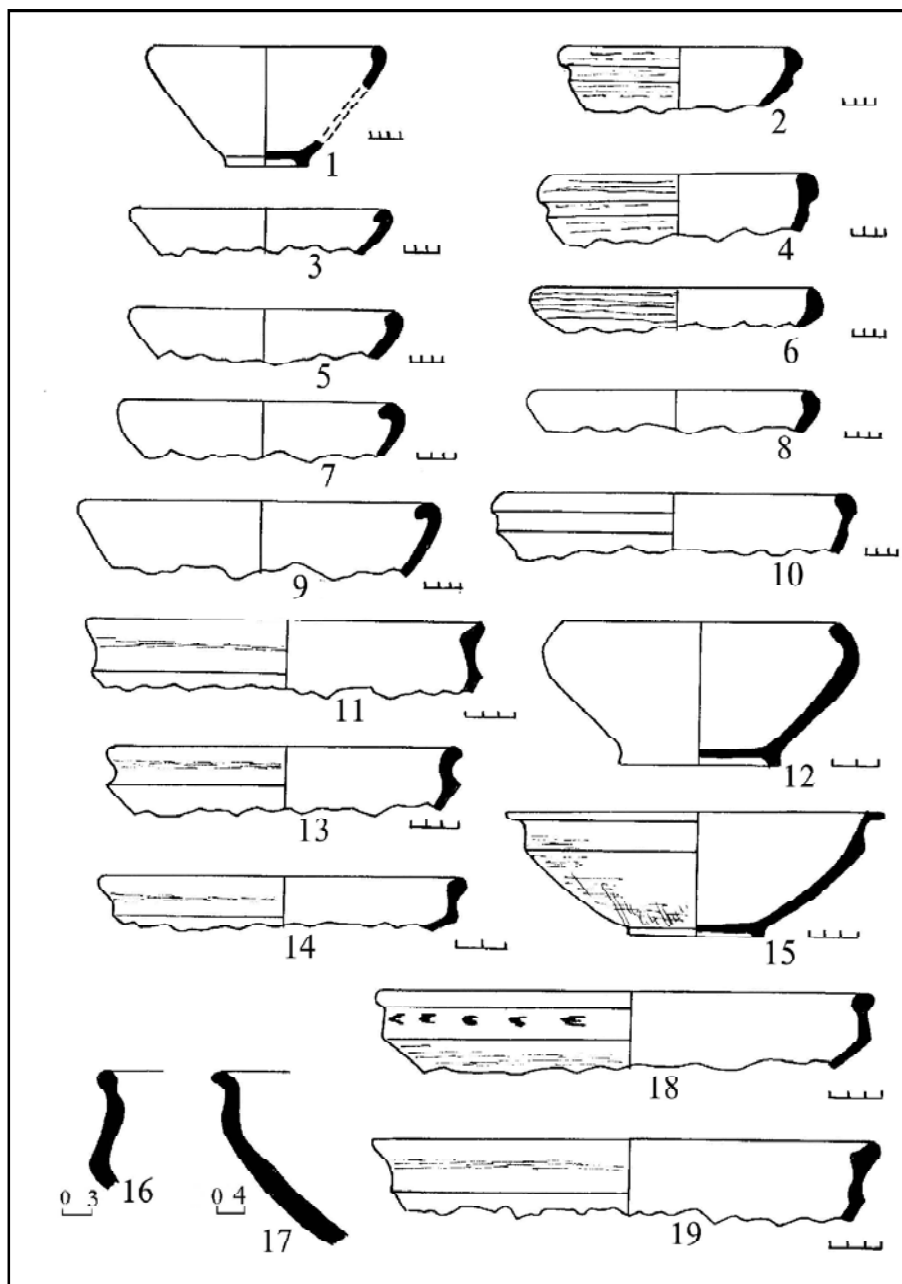
Кроме датировок вещей, для определения времени памятников типа Этулия имеются и другие наблюдения. Возле поселения Нагорное на водоразделе озер Кагул и Ялпуг раскопан сарматский курган № 1, относящийся ко II – середине III в., в насыпь которого впущена хозяйственная яма близлежащего этулийского поселения (Гудкова, Фокеев 1984: 141). По материалам поселений Холмское II и Нагорное VI Г.Ф.Загний выполнил геомагнитные анализы. Образец из пода первого керамического горна в Холмском дал начало III в. н.э., второго горна – середину III в. Образец из пода печи Нагорного VI – середину IV в.

Независимым от археологических классификаций источником для хронологических наблюдений являются монеты. Поскольку они все медные и, следовательно, не могли надолго пережить период своего обращения в империи, они довольно точно датируют памятники типа Этулия. Найдены монеты следующих римских императоров: Галерия Максимиана (чекан 307-313 гг.) на Этулии X (Щербакова 1970: 70), Констанция II (чекан 357-361 гг.) на Кокоаре III (Нудельман 1956: 72), Валента (364-378) на Этулии VI. На поселении Калибаш на поверхности обнаружены две медные монеты: Этруссиллы (249-251 гг.), супруги Траяна Деция и Гордиана (238-244 гг.) (Нудельман 1976: 72). Таким образом, и вещевой материал, и монеты, и стратиграфические наблюдения позволяют датировать рассматриваемые памятники III-IV вв. н.э. Выпадает из этой датировки только поясная пряжка. Возможно, она указывает на конец II в. или же переживает до начала III в. В целом же весь комплекс датирующих находок представляет собой хронологическое единство позднеимперского времени.

Хозяйство. Характер этулийских поселений со стационарными долговременными жилищами свидетельствует об оседлом образе жизни. Отпечатки зерен культурных злаков, многочисленные зерновые ямы, в том числе, и с зерном, находки ротационных жерновов на поселениях и могильнике Алчедар и железного серпа указывают на развитое земледелие. Хотя пахотных орудий труда на поселениях не найдено, оно могло быть только пашенным. Земель, пригодных для иного вида обработки, как правило, возле поселений не имеется. Распашка тяжелых степных почв с плотной дерниной могла производиться только при помощи пахотных орудий с железными наконечниками. Состав сельскохозяйственных культур определен З.В.Янушевич (1986: 16-17) и Г.А.Пашкевич по отпечаткам зерновок на обмазке и керамике с поселений Кокоара, Конгаз, Холмское II, Волчья Балка, Ельчик I и II и остаткам зерна из зерновых ям с поселения Чалык. Возделывались пшеница-двузернянка, пленчатый ячмень, просо, из бобовых – чечевица, чина, вика-эрвилия. Вероятно, основной хлебной культурой была пшеница-двузернянка. Важной особенностью состава отпечатков зерен злаков является отсутствие сорняков-спутников. Это возможно лишь при частой смене обрабатываемых земель. Очевидно, этулийское население не практиковало удобрения полей. Земля быстро истощалась и приходилось вновь поднимать целину или залежь. Следствием этого неминуемо оказывалось частое переселение на новые места. Поселения были сравнительно недолговременными. Хозяйство носило экстенсивный характер.

Обнаружение на поселениях костных остатков домашних животных позволяет выявить состав стада. По материалам памятников Молдо-

Рис. 29. Гончарные сероглиняные миски: 1-15, 18, 19 – с поселений Чиммикой I и II; 16, 17 – пос. Конгаз I.

вы он выглядит следующим образом: крупный рогатый скот – 41,3 %, мелкий когатый скот – 24,6 %, лошади – 19,6 %, свиньи – 8,8 %. Преобладание в нем крупного рогатого скота и наличие свиней указывает на оседлый образ жизни. О степени развития животноводства свидетельствует почти полное отсутствие костей диких животных и рыб. Следовательно, мясную пищу поставляло стадо. Большое количество крупного рогатого скота позволяет считать, что было молочное хозяйство. Поскольку этот скот не может тебеневать, то следует считать, что практиковалась заготовка кормов на зиму, хотя бы в минимальном количестве, необходимом на время сохранения снежного покрова. В целом сельское хозяйство этулийского населения характеризуется сочетанием земледелия и ското-

водства.

Признаков развитой ремесленной деятельности на поселениях не обнаружено. Только на Конгазе найдены отдельные куски металлургического шлака. Изделия из металла, в первую очередь, орудия труда, немногочисленны: это железный скобель (рис. 28, 12), серп, нож, ложка, бронзовая игла и шило. Очевидно, в форме домашних промыслов существовало ткачество, обработка камня и дерева. Найдены пряслица (рис. 28, 1-9), пирамидальные грузила от ткацкого станка, ротационные жернова, оселки (рис. 28, 10). Подробно может быть охарактеризовано только гончарство. Керамический комплекс состоит из ремесленных привозных античных сосудов и посуды местного изготовления, преимущественно лепной. Последняя пре-

обладает в быту. Ее количество на отдельных памятниках достигает 85 %. Изучение технологии лепной керамики показало, что гончарство находилось на стадии освоения местными гончарами гончарного круга.

Близкий контакт с Римской империей привел к втягиванию этулийского населения в ее экономическую сферу, способствовал развитию внешнего обмена. На это указывает поступление на поселения гончарной, в основном, столовой посуды и, особенно, большого количества амфор, обломки которых составляют в среднем половину всего керамического комплекса. Ремесленная столовая посуда, производившаяся в специализированных мастерских, на этулийских поселениях немногочисленна. Ее количество не превышает в среднем 12 % и только на поселении Конгаз I составляет 19,2 %. Часть форм устойчиво повторяется от памятника к памятнику. Ремесленной красноглиняной, тем более красной, керамики очень мало. Обломки мелки и восстановить характерные формы не удается. Красный лак плохого качества.

Сероглиняная посуда более обильна и разнообразна. Это миски (рис. 29) и кувшины (рис. 30). Миски округлые закрытые и реберчатые открытые. Реберчатые закрытые редки (рис. 30, 16, 18). Особо следует отметить миски с отделкой внутренней и внешней поверхности лощением и изредка пролощенным орнаментом. Такие сосуды не известны в черняховской культуре, но обычны в римских слоях Тиры и Ольвии. Кувшины с утолщенным и расширенным по отношению к горлу венчиком (рис. 30, 16-20) встречаются на многих памятниках, но в небольшом количестве. Лощеных и особенно орнаментированных экземпляров мало. Вся сероглиняная посуда характеризуется не просто сходством, а совпадением до деталей формы с изделиями тирских гончаров (Гудкова 1979: рис. 2, 18, 23; 3, 7, 12, 13, 16, 21, 23; 5, 3, 4; 6, 2, 6; 7, 27, 28) и некоторыми сосудами Мологи (Гудкова, Фокеев 1982: рис. 18, 1, 4, 10; 19, 13), которые тоже, скорее всего, тирского происхождения. Это сходство с тирской керамикой было уже отмечено Т.А.Щербаковой (1983: 167).

Сероглиняные шероховатые горшки (рис. 31) имели малое распространение. Только на некоторых поселениях они обильны.

На этулийских поселениях нет признаков производства гончарной сероглиняной посуды. Очевидно, она изготовлена в античных ремесленных центрах и на поселения поступала в результате обмена. Преобладание в гончарной столовой посуде форм тирского происхождения указывает на устойчивые экономические связи с Тирой. Поступление привозных изделий и продуктов (вино, масло) предполагает и обратный поток товаров. Естественно думать, что таковыми были продукты земледелия и животноводства. Видимо, на основе всего этого получили некоторое развитие и денежные отношения. На

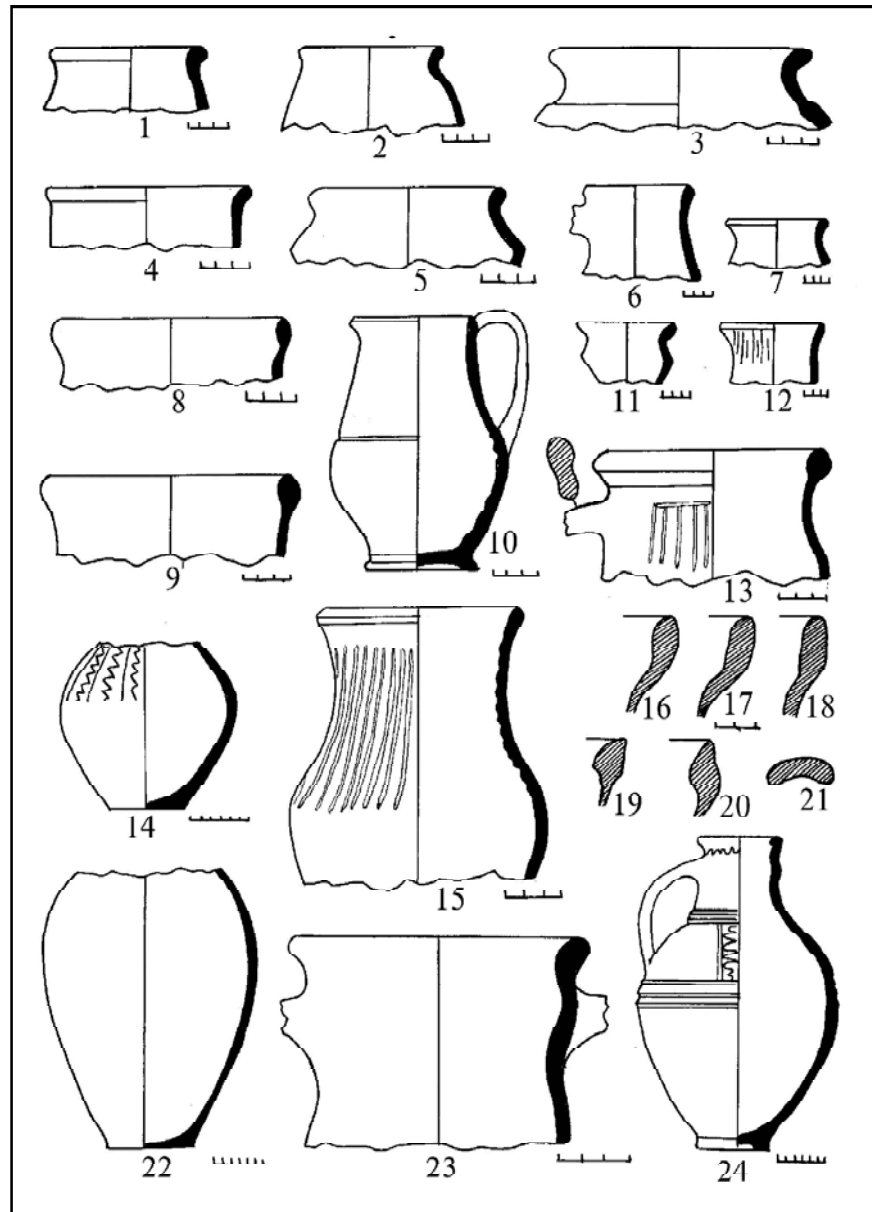
это указывают находки римских монет. Важно отметить, что все они представлены мелкой разменной медью. Она не могла служить накоплению сокровищ и, скорее всего, использовалась по прямому назначению как средство обращения на внутреннем рынке.

Небольшие размеры этулийских поселений, состоящих из нескольких жилищ, и отсутствие обособления групп хозяйственных строений и ям позволяет считать эти поселения местом обитания небольших коллективов, связанных внутри родственными отношениями. Очевидно, это были семейные общины. Признаков имущественного и социального расслоения внутри них пока не известно. Можно думать, что описываемое население появилось у границ Римской империи на уровне первобытно-общинных отношений.

Изучение жилищ, погребального обряда и лепной керамики памятников типа Этулия, определение времени их существования позволяют попытаться выявить истоки их происхождения. Пшеворские и волыно-подольские памятники дают определенные аналогии этулийскому жилищу, и массовые – керамике. Первые носят довольно общий характер, хотя совпадают и некоторые детали (очаги в ямке на полу или в материковом останце, лежанки). В районе распространения этих памятников оказывается важной общая линия развития домостроительства. В III фазе развития волыно-подольской группы (тип Сокольники – Давыдов) полуземлянки – доминирующая форма жилища. Вырабатывается их устойчивый тип. В последующее время углубленные жилища преобладают и на черняховских поселениях этой территории, возникавших здесь на местной основе. Дома имеют ряд этнографических черт (форма, размеры, устройство столбовых конструкций, глинобитные печи, в том числе на возвышении, лежанки), сближающие с ними этулийские жилища. Это позволяет предположить, что в обычаях домостроительства обоих районов имелись определенные связи. Особого внимания заслуживает то, что на этулийских памятниках единый тип жилища не сложился. Может быть, это указывает на то, что разъединение этулийской и волыно-подольской групп населения произошло ранее III фазы развития последней.

Более выразительную картину дает сравнение керамики. Из всех этулийских форм сосудов только шаровидные латеноидные горшки вида 4 имеют мало аналогий на волыно-подольских поселениях. Остальные формы, сопоставимые с этулийскими, встречаются не менее, чем на двух поселениях. Знаменательно, что поселение Подберезцы, существовавшее с I в. до н. э. по III в. н.э. включительно, дает аналогии всем этулийским формам. Все они находят себе материал для сравнения и на волынском поселении Хоров (вторая половина II-III вв.). Важно отметить, что миски варианта «г» вида 2

Рис. 30. Гончарная сероглиняная посуда: 1, 4, 8, 16-18 – пос. Чишмикиой II; 2, 5, 23 – пос. Конгаз I; 3, 6, 7, 11, 12, 24 – пос. Кокоара III; 9 – пос. Чишмикиой I; 10 – пос. Этулия X; 13-15, 22 – пос. Томай; 19-21 – пос. Ст.Трояны.

могут восходить в пшеворским сосудам раннего времени (поздний латен II-III, период В-1). Большой интерес для характеристики памятников типа Этулия представляет близость найденных на них протопражских форм таким же сосудам на волыно-подольских и черняховских поселениях в верховьях Днестра и Западного Буга. Это сходство указывает на то, что этулийское население связано с тем кругом племен, в керамике которых складывался пражский тип. Ареал протопражских форм должен расширяться на юг в междуречье Днестра и Прута до Дуная.

Итак, можно констатировать сходство этулийской керамики с волыно-подольской, как с ее пшеворскими формами, так и с заимствованными из зарубинецкой культуры. Выраженных связей с липицкой культурой не наблюдается. Сходства отдельных керамических форм носят, вероятно, опосредованный характер. Очевидно,

между липицкими и этулийскими памятниками имелся хронологический, а возможно, и территориальный разрыв.

В этулийском погребальном обряде прослеживается связь с традициями той части населения Верхнего Поднестровья, которая практиковала ямные погребения очищенных костей без жертвенных сосудов. Этому населению принадлежал могильник Долиняны. Под его воздействием на липицких могильниках могли появиться редкие ямные погребения, в том числе со «спрессованными» костями. Можно допустить, что захоронения с кремацией такого рода у обитателей Верхнего Поднестровья сохранились в какой-то мере и в последующий период и были унаследованы носителями типа Этулия.

Таким образом, все рассмотренные категории источников свидетельствуют о связи между типом Этулия и культурой населения Верхнего

Поднепровья и Западного Побужья на рубеже эр и в первые века нашей эры. При этом в типе Этулия присутствуют многие из тех черт, которые позднее оказались включенными в черняховскую культуру на Верхнем Днестре и Западном Буге, а ее носителями были переданы раннеславянскому населению последующего времени в этом районе. Подчеркнем, что речь не идет о заимствованиях непосредственно из черняховской культуры.

Поздnezарубинецкие и раннекиевские памятники тоже дают выразительный материал для сопоставления с этулийскими. На них появляются и распространяются полуземлянки, которые на классических зарубинецких поселениях применялись лишь в более северных районах. Они прямоугольные или четырехугольные с неустоявшимся типом столбовых конструкций, с входом, выдающимся за контур котлована. В этих домах параллельно применялись очаги и

глинобитные печи. Есть мнение, что в Среднем Поднепровье наблюдается преемственное развитие жилища в течение первой половины I тыс. н.э. и оно имеет связь с полесскими традициями (Кравченко, Гороховский 1979: 64-65, рис. 5).

Сравнение этулийского погребального обряда с зарубинецким на всех этапах его развития выявляет точки соприкосновения. Наиболее сопоставима с зарубинецкими захоронениями оказывается вторая группа этулийских. Совпадают также некоторые детали обряда: помещение поверх захоронения остатков костра (иногда не совсем прогоревшего) или мяса (в отдельных случаях туши) жертвенного животного.

Многие сходства выявляются и при сопоставлении керамики с поздnezарубинецкой. Керамический комплекс поселений на Стугне, Девич-Горы, поздних комплексов Лютежа, Оболини содержит многочисленные горшки с воронковидным горлом, орнаментированным венчи-

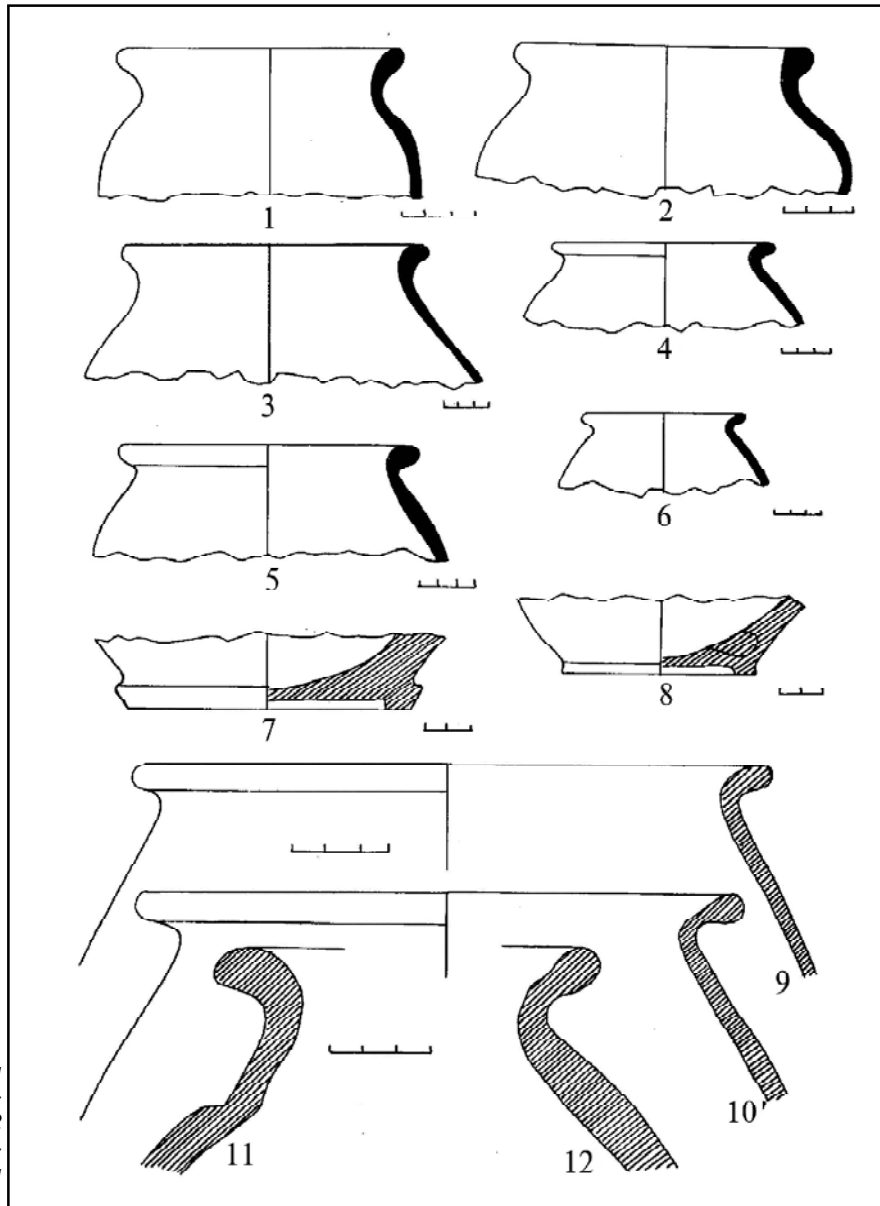

Рис. 31. Гончарная шероховатая керамика: 1-6, 9-12 — пос. Конгаз I; 7-8 — пос. Волчья Балка.

ком и резким сужением корпуса ко дну небольшого размера (Кравченко, Гороховский 1979: 66; рис. 3, 3, 17). Эта посуда имеет явно скифоидный облик. Существует представление, что на позднезарубинецких памятниках происходило широкое распространение горшков с выраженным скифоидным обликом (Терпиловский 1984: 52; Козак, Терпиловский 1986: 35). Горшки вида I Этулии как по форме, так и по орнаменту оказываются в наибольшей мере сопоставимы с материалами самых поздних зарубинецких памятников Среднего Поднепровья (Лютееж, Субботов, Бабина Гора, Таценки, Грини). Горшки вида 2 с высокой цилиндрической шейкой в раннее время известны в Полесье и на Верхнем Днепре, а на позднейшем этапе и на других территориях (Почеп, Лютееж, Дедов Шпиль, Рахны). Бытование протопражских форм вида 3 в классическое время связано исключительно с полесскими памятниками. В Среднем Поднепровье они появляются во II в. (Девич-Гора, Казаровичи). Горшки вида 4 с шаровидным туловом и низкой шейкой представляют один из типов зарубинецкой посуды, распространенный в течение всего времени ее существования. Известны они и на более поздних памятниках (Оболонь, Хомятовка, Марьяновка). Миски варианта «а» вида I и вида 2 (кроме варианта «г») широко распространены в зарубинецкой керамике и формы, с которыми сопоставимы этулийские, не дают узких территориальных или временных привязок. Конические крышки с вертикальными ручками и диски-покрышки, хотя и не являются принадлежностью исключительно зарубинецкой керамики, широко в ней применялись.

Итак, можно считать, что в зарубинецкой культуре на разных территориях и в разное время бытовали явления, с которыми можно сопоставлять элементы культуры памятников этулийского типа. Они распространены на поздних зарубинецких памятниках (в том числе на Южном Буге), а некоторые присутствуют и на раннекиевских. Часть этих явлений связана своим происхождением с Полесьем и Верхним Поднепровьем.

В итоге анализа всех рассмотренных категорий источников становится очевидным, что древности типа Этулия не являются прямым эволюционным продолжением ни одной из трех групп памятников трех первых веков нашей эры в средней полосе Восточной Европы. В то же время все они дают полноценный материал для весомых сопоставлений и возможность установления генетических связей для отдельных культурных элементов. Следовательно, тип Этулия складывается на этой многокомпонентной основе, продолжая ее линию развития. В то же время он, как явление хронологическое, оказывается параллельным черняховской и частично киевской культурам (речь не идет о масштабах всех трех явлений).

В особенностях киевской культуры имеются такие, с которыми сопоставимы признаки эту-

лийских древностей. Поселения киевской культуры по всем основным характеристикам оказываются аналогами этулийским. Они не долговременны, состоят из небольшого числа жилищ (на Десне только полуземлянки) и многих ям, часто расположенных в обособленной части поселения. Несколько иные результаты дает сопоставление жилищ. Киевские полуземлянки (особенно на Десне) представляют собой в основном устоявшийся тип. Поскольку на этулийских поселениях картина обратная, то только часть их жилищ сопоставима с киевскими. Совпадает отсутствие в полуземлянках ям-погребов. В керамике сходство форм минимально: диски и сосуды вытянутых пропорций со слабо выделенным венчиком. Однако одинакова отделка посуды: орнаментация по венчику косыми насечками и вдавлениями, гребенчатые расчески, оформление непрофилированного венчика горизонтальным или наклонным срезом. Сходны динамика и характер развития керамики. Количество лощеной со временем убывает, лощение деградирует, качество лощеной посуды ухудшается. Очевидно, все эти сходства объясняются тем, что киевская культура и тип Этулия имели некоторые общие истоки. В этой связи чрезвычайно интересно представление о том, что в конце первой четверти I тыс. н.э. ранние киевские памятники и памятники Западной Волыни типа Сокольники I — Давыдов имели много общих черт и входили в единую культурную область (Козак, Терпиловский 1983: 20-22; Козак 1987: 203). Кроме того, в киевской культуре очевидно присутствие культурных элементов, связанных с Верхним Поднепровьем и южной и юго-восточной Белоруссией. Существуют они и на памятниках типа Этулия, проникнув на них через позднейшую зарубинецкую культуру, в том числе опосредовано через воляно-подольскую группу. В целом же развитие типа Этулия и киевской культуры шло совершенно разными путями. Общим в них является позднезарубинецкое наследие.

Большие различия выявляет сравнение памятников типа Этулия и черняховской культуры. Тип поселений совершенно различен. Черняховские селища долговременные, со значительным культурным слоем, залегающим по всей территории, с перестройками и даже перекрытием сооружений друг другом. Количество хозяйственных ям на них сравнительно с числом жилищ небольшое. Дома расположены компактно, иногда двумя параллельными рядами. Этулийские поселения не долговременны. Культурный слой беден, скапливался только на местах строений. Перестроек и перекрытий не наблюдается. Немногочисленные жилища разбросаны. Количество хозяйственных ям очень велико. Этулийские жилища могут быть сопоставлены только с одним типом черняховских домов — полуземлянками. Сходство с памятниками верховьев Днестра и Западного Буга,

где это была основная форма жилищ, уже было рассмотрено. Отдельные общие черты выявляются и на других территориях. Лежанки в черняховских домах известны на 22 памятниках междуречья Среднего Днестра и Днестра (Журко 1984: 52). В отдельных случаях они существовали и на юге (Грушевка) (Сымонович 1067 а: рис. 2). В Привольном известно расположение глинобитной печи на специальном возвышении (Кухаренко 1955: 127; рис. 1). Однако в зоне распространения этулийских памятников черняховским поселениям присущ иной, наземный тип жилища. Этулийский погребальный обряд с черняховским во всем его объеме не сопоставим. Речь о сходстве может идти только по отношению к одной из форм черняховских погребений с кремацией. Это типы 12 и 13 по Н.М.Кравченко, в малой яме с остатками сожжения, лежащими компактно в виде скопления небольших размеров – 20-40 см в диаметре (Кравченко 1970). Происхождение этой группы черняховских сожжений не исследовано. Этулийский и черняховский керамические комплексы имеют формально сходный состав: лепная посуда, гончарная сероглиняная, красноглиняная и краснолаковая, римские амфоры. Однако сходство это чисто внешнее. Различно количественное соотношение групп керамики. Лепная преобладает на этулийских поселениях, а на черняховских – это деградирующая и исчезающая часть комплекса. Формы сосудов разные. С этулийскими относительно сопоставимы в основном отдельные черняховские горшки, восходящие к позднескифским прототипам. Однако, в то время, как на этулийских поселениях это активно живущая массовая форма посуды, в черняховской культуре горшки с шейкой в виде высокого раструба почти полностью исчезают на позднем этапе (Сымонович 1958: 250). Гончарная сероглиняная посуда – ведущая группа сосудов на черняховских памятниках, а на этулийских она, как правило, составляет лишь около 10 % всего материала. Более того, по формам это разные группы керамики. Общим для них является серый цвет и ремесленный характер производства. Повторяются лишь отдельные формы мисок и шероховатых горшков, выработанных в провинциально-римских центрах. Типичных черняховских сосудов на этулийских памятниках нет. Амфоры на этулийских поселениях массовы (в среднем около 40 %), а на черняховских – их намного меньше (20-27 %). Отдельные типы амфор, конечно, совпадают, но на этулийских поселениях пока не найдено сосудов инкерманского типа, характерных для черняховской культуры. Таким образом, по всем признакам очевидно различие памятников типа Этулия и черняховских.

Исторически происхождение памятников типа Этулия может быть понято только на фоне крупных этно-культурных сдвигов, произошедших в Восточной Европе на рубеже эр – в I в.

н.э. В это время определяющей чертой исторического процесса оказались перемещения больших масс населения и распространение культурных признаков на новые территории, в новую среду. Результатом этого явилась общая нестабильность, активизация процессов взаимодействия и интеграции. Развитие местного населения было осложнено и изменено крупными миграциями. С востока и юго-востока двигались сарматы, с северо-запада из Прибалтики и Нижнего Повисленья – разноэтничное население, носители местных культур, с запада – пшеворские племена. На обширной территории, включающей верховья Днестра, Западного и Южного Буга, южное и юго-восточное Полесье, Среднее и отчасти Верхнее Поднепровье и Подесенье они взаимодействовали с местным населением и вызывали его перемещения (Этнокультурная карта 1985: 157-159). Поток носителей пшеворской культуры докатился до среднего течения Южного Буга, в отдельных проявлениях до Среднего Поднепровья (Максимов 1969: 49, 131-132) и даже верховьев Сейма и Псла (Этнокультурная карта 1985: 159). В Правобережье Среднего Поднепровья возник массив сарматских памятников. Здесь известно более 70 погребений в 30 пунктах, в том числе значительный Калантаевский могильник (Этнокультурная карта 1985: 9). Они относятся ко второй половине I – началу II в. н.э. Значительная часть позднезарубинецкого населения была вытеснена с этой территории. Его отлив из Среднего Поднепровья происходил в разные стороны: в Подесенье, на Южный Буг (бассейн р. Собь), в верховья Днестра и Западного Буга. Во второй половине I в. н.э. под давлением северо-западных племен прекратила свое существование припятьско-полесская группа зарубинецкой культуры. Обитатели этого района отошли на Волинь и в Подолию. Под воздействием перемещения населения в низовьях Вислы и в Восточной Прибалтике возникает некоторый импульс культуры штрихованной керамики в Верхнее Поднепровье (Этнокультурная карта 1985: 58; Мачинский 1981: 36; Поболь 1983: 40-41). Признаком этого импульса считают появление на позднезарубинецкой и раннекиевской керамике гребенчатых расчесов и штриховки. С продвижением на юг верхнеднепровского населения связывают появление памятников типа Грини-Вовки, родственных раннему горизонту Абидни (Этнокультурная карта 1985: 58; Обломский, Терпиловский 1991: 95).

В интеграционных процессах на Южном Буге превосходящим оказалось зарубинецкое начало. Чрезвычайно активное взаимодействие зарубинецких, пшеворских и отчасти липицких элементов происходило на Верхнем Днестре и в верховьях Западного Буга. Их объединение привело к образованию здесь во второй половине I – первой половине II в. н.э. волино-подольской группы пшеворской культуры, сильно отличаю-

щейся от пшеворских древностей Висло-Одерского междуречья (Козак 1984: 46-47, 49). В Среднем Поднепровье в конце I – начале III в. сосуществовали позднезарубинецкие и раннекиевские памятники, которые не всегда можно четко отграничить друг от друга. На них фиксируют элементы культуры как пшеворского, так и более северного происхождения. Все эти культурные образования хронологически и исторически лежат между классической зарубинецкой культурой, с одной стороны, и киевской и черняховской, – с другой. Они отличаются чрезвычайным синкретизмом и мозаичностью. Отдельные памятники или их небольшие группы своеобразны в силу наличия специфических черт или их сочетаний. Отдельные культурные группы не являются самостоятельными археологическими культурами. Связи и взаимопроникновения между ними выражены весьма сильно. Это явление уже отмечено В.Д.Бараном, считающим, что памятники со смешанными чертами культуры типа Подрожья (средний слой) на Волини, Ремезевцев на Верхнем Днестре, Рахнов на Южном Буге, Оселевки и Макаровки на Среднем Днестре представляют собой новое культурное явление в первых веках нашей эры, не сводимое ни к одной из предшествующих культур (Баран 1981: 149-150), но включающее их элементы. Далее на восток отдельные группы таких древностей характеризуются поселениями Грини на правом берегу Среднего Днепра, Вовки в южной части Левобережья, Почеп на Десне. Полагаем, что к числу подобных памятников принадлежат и Ломоватое I и II (Сымонович 1959; Махно 1960: 61, № 94, 95). Об этом свидетельствует состав их керамического комплекса: лепная посуда составляет 62%, шероховатая сероглиняная – 19%, сероглиняная лощеная – 6,6%, амфоры – 12,4% (Сымонович 1959). Заметное отличие этих памятников от черняховских заставило считать их раннечерняховскими II-III вв. Сейчас они представляются в хронологическом отношении предчерняховскими.

Все рассмотренные культурные образования предшествуют сложению памятников типа Этулия. Во время ее существования большинство из них уже исчезает. Как отмечалось, тип Этулия оказывается синхронен не этим явлениям, а черняховской и киевской культурам. Однако по своему синкретическому и «незавершенному» облику он более принадлежит предшествующему периоду. Ключ к пониманию этого явления, скорее всего, лежит в событиях кануна II – начала III в., когда готы из Нижнего Повисленья

двинулись на юг в Северное Причерноморье и на Волини появились поселения и могильники вельбаркской культуры. Готы, естественно, привели в движение различные группы населения. Могли быть переселения на большие расстояния, могли быть и сравнительно незначительные, но носившие характер «цепной реакции». Подробности происходивших событий пока почти не известны. Можно предполагать, что появление на крайнем юге, в Буджакской степи и в междуречье Днестра и Прута этулийского населения связано именно с этими подвижками. Назвать конкретную территорию, с которой оно выселилось, пока затруднительно. В нее, очевидно, должны быть включены Верховья Днестра и Западного Буга. Входило ли в нее Верхнее Южное Побужье, пока неясно. Во всяком случае, выселение произошло из района, где происходило заложение протопражской культурной основы. Об этом свидетельствует наличие в этулийской керамике горшков вида 3. Формирование этулийского типа протекало в условиях смешения различных групп населения. Носители вельбаркской культуры в этом процессе не участвовали. На памятниках типа Этулия нет элементов этой культуры, как и на всех волино-подольских поселениях.

Время перемещения этулийского населения на юг может быть определено на основе общей археологической ситуации. Связывая его с появлением носителей вельбаркской культуры, следует говорить о конце II в. Если считать отсутствие на этулийских памятниках фракийских элементов липицкой культуры хронологическим признаком, то эта датировка находит дополнительное подтверждение.

Продвинувшись на юг, этулийское население долго оставалось неоднородным в культурном отношении. Процессы слияния и объединения в его среде так и не закончились. Памятники типа Этулия оказываются своеобразным осколком предчерняховского мира синкретических культурных образований II – начала III в. н.э., пережившим свое время. В этом причина наличия на них некоторых сходств с киевской культурой. Она, занимая Среднее Поднепровье и прилегающую к нему территорию, осталась несколько в стороне от бурных событий в более южных и западных районах. Ее развитие было «спокойным», эволюционным (Этнокультурная карта, 1985: 160). В результате в ней в большей мере сохранились черты предшествующего времени.

Финал этулийской группы рассматривается в следующей главе в связи с черняховской культурой.

Глава 3. ЧЕРНЯХОВСКИЕ ПЛЕМЕНА

Степи Украины от Днестра до Дуная и Прута составляют значительную часть ареала черняховской культуры (рис. 32, 33). На восток за Днепр заходят лишь единичные ее памятники в степи, в основном в районе Днепровской Луки. На западе они смыкаются с однотипными памятниками Сынтана де Муреш на территории Румынии. В приморской зоне в низовьях рек и на лиманах концентрация памятников очень высока. Заметно уменьшение их числа в северной части степей между Днестром и Днестром. Это явление лежит в общем русле развития черняховской культуры. Во всем ее ареале памятники располагаются отдельными скоплениями, пространство между которыми заселено не столь интенсивно. Это видно и на карте, составленной О.А.Гей, и на карте памятников Молдавии (Рикман 1975а: рис 15). Причины этого явления могут быть и физико-географические (недостаток воды), и политические (стихийное размежевание племенных объединений).

Черняховские поселения располагаются возле источников питьевой воды на склонах речных берегов без четкого тяготения к первой или второй террасе. Они равно встречаются как на больших реках, так и на их мелких притоках. Поселения часто располагаются на мысу, при впадении ручьев и балок в более крупные водотоки. На обрывистых берегах озер и лиманов они находятся на краю плато. Поселения не имеют укреплений, и места их расположения не рассчитаны на оборону. Толщина культурного слоя колеблется в среднем около 0,8 м. Изредка она достигает 1,2 и 1,5 м. Известны случаи строительства домов на культурном слое.

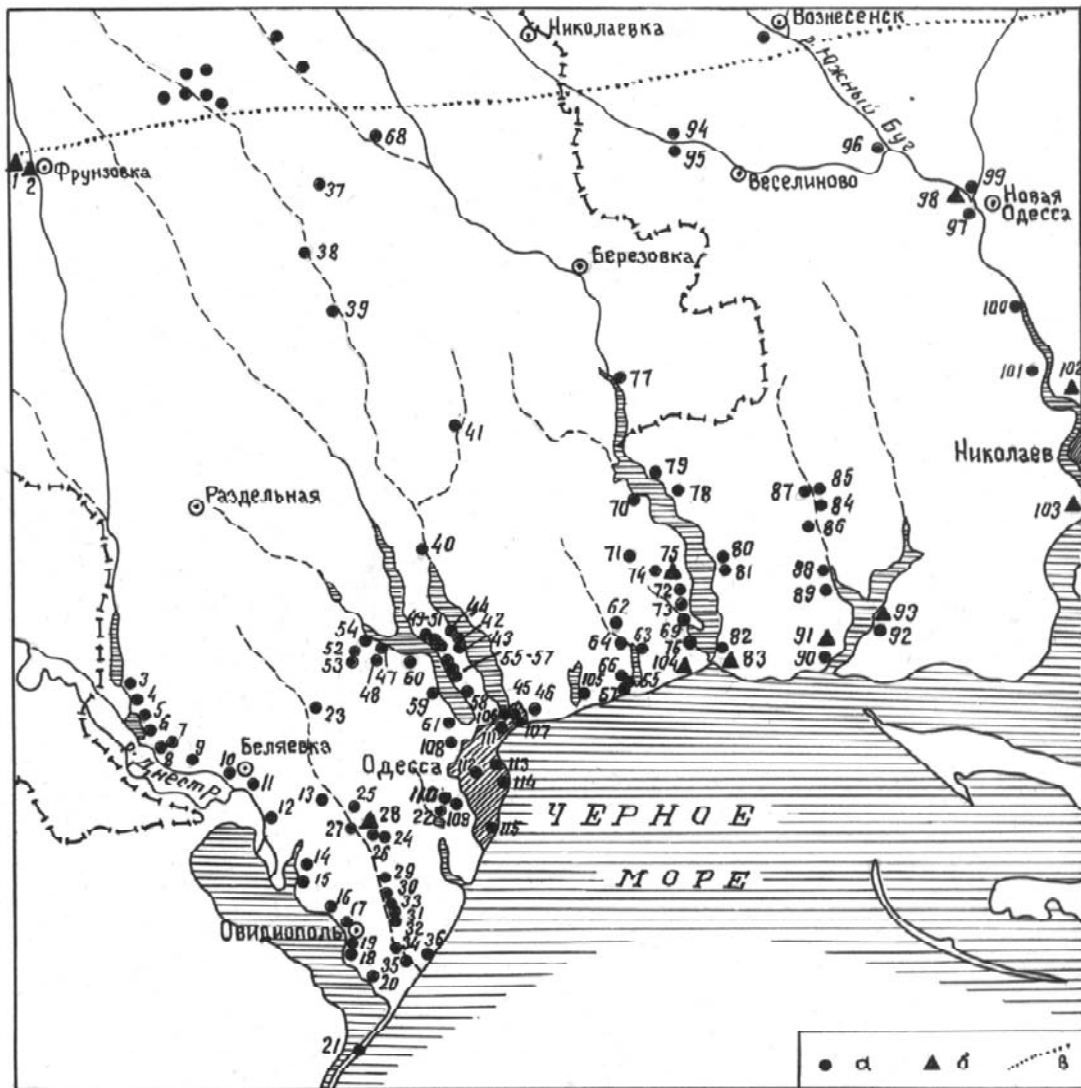
Совершенно особое и пока мало изученное явление представляют собой городища и фортификационные сооружения, связываемые с черняховской культурой. Они известны только в степной зоне и на южной окраине лесостепи в Молдавии. Единственное изученное городище – это Башмачка на Днестре (Смиленко 1992). Еще одно городище, именуемое Городок (Покровка), расположено на высоком мысу при впадении в Буг его западного притока р.Чичиклеи (Махно 1960: 67). Его в 20-х годах обследовал Г. Крысин, а в недавнее время Б.В.Магомедов, раскопавший часть его могильника (Крисин 1929; Магомедов 1987). Им же произведены и небольшие раскопки на городище Александровка (Роксандровка) (Магомедов 1987а). В Молдавии к черняховской культуре Э.А.Рикман отнес городище Калфа I, городище и фортификационную систему Мовила Лата у с. Пугачены (Рикман 1975 а: № 468, 544, 601). Феномен черняховских укреплений пока мало изучен. В них видят племенные военно-политические центры (Кропоткин А. 1992; Магомедов 1980, 1987 а; Смиленко 1992: 114).

Важной характеристикой поселений являются их размеры. В степях от Буга до Дуная, для которых мы обладаем подробными сведениями по этому вопросу, наблюдается преобладание малых поселений: 89-90 % – это селища площадью до 4 га. Самые мелкие из них состояли всего из нескольких домов. На тех поселениях, где вскрыта достаточная площадь, установлено наличие усадеб (например, Ранжевое, Кисёлово, Главаны 1, Рипа и др.). Известно несколько типов планировки поселений, всегда вытянутых вдоль реки: бессистемная; с расположением домов в ряд на расстоянии нескольких десятков метров друг от друга; двумя параллельными рядами.

Кроме жилищ, на поселениях находились очаги и печи под открытым небом, хозяйственные, в том числе зерновые, ямы, каменные вымостки, разнообразные хозяйственные строения, производственные сооружения. Иногда их удается отнести к конкретным усадьбам.

Могильники, которые можно связать с конкретными поселениями, расположены в нескольких сотнях метров от них, выше по склону. Смыкание территории могильника и поселения наблюдается редко (например, Нагорное II на оз. Кагул).

Жилища как отдельная категория источников уже подвергались изучению (Журко 1984), но при этом не были использованы материалы степных памятников, по которым имеется ряд исследований (Сымонович 1967 б; Магомедов 1983 б, 1987: 13-29; Гудкова 1986; Росохацкий 1989). Общий объем накопленного материала позволяет провести его некоторое упорядочение. Жилища региона по строительному материалу и конструкции домов делятся на наземные каменные (глинокаменные), наземные каркасные и полуземлянки. На поселениях Дракуля и Бургунка обнаружены стационарные юрты. Наземные каменные дома присущи исключительно населению Северного Причерноморья. Поэтому они длительное время воспринимались как препятствие для безоговорочного отнесения памятников этой зоны к черняховской культуре (Гудкова 1976). Однако накопление фактов заставило полностью отказаться от этого взгляда, и теперь каменное домостроительство рассматривается как один из ведущих признаков для памятников причерноморского типа (Баран 1981: 58; Магомедов 1961: 7; 1983 а: 144, рис. 1). Действительно, каменные дома распространены в южной приморской части степей, в основном в зоне лиманов и низовий рек. Их северная граница отстоит от берега Черного моря не более чем на несколько десятков километров. На востоке каменное домостроительство широко представлено на памятниках Ингульца. На западе граница его массового распростра-

Памятники черняховской культуры

Рис.32. Карта-схема расположения черняховских памятников в степной зоне междуречья Днестра и Буга: а – поселение; б – могильник; в – граница степи и лесостепи.

1. – Мог.Васильевка (Белгородский 1965); 2. – Мог. Фрунзовка (Кравченко А. 1967); 3. – Пос. Граденицы I (Кравченко, Кузменко 1959); Дзис-Райко 1963); 4. – Пос. Граденицы II (Кравченко, Кузменко 1959); 5. – Пос. Троицкое I (Кравченко, Кузменко 1959); 6. – Пос. Троицкое Б (Кравченко, Кузменко 1959); 7. – Пос. Турунчук (Гудкова 1971); 8. – Пос. Яски I (Кравченко, Кузменко 1959); 9. – Пос. Яски II (Кравченко, Кузменко 1959); 10. – Пос. Беляевка V (Гудкова 1971); 11. – Пос. Беляевка III (Кравченко, Кузменко 1959; Дзис-Райко 1963; Гудкова 1971); 12. – Пос. Маяки I (Черняков 1960); 13. – Пос. Гайдолина (Кравченко 1971 а); 14. – Пос. Ефимовка I (Черняков 1960); 15. – Пос. Ефимовка II (Черняков 1960); 16. – Пос. Николаевка II (Дзис-Райко 1963); 17. – Пос. Овидиополь I (Синицын 1950); 18. – Пос. Овидиополь III (Синицын 1949 а); 19. – Пос. Овидиополь II (Синицын 1955; Махно 1960); 20. – Пос. Роксоланы (Синицын 1960 а; 1966; Секерская 1978 а; Кузменко 1976); 21. – Пос. Затока (Дзис-Райко 1963); 22. – Пос. Сухой Лиман II (Загинайло 1974); 23. – Пос. Доброжаны

- (Гудкова 1971); 24. – Пос. Марьяновка (Гудкова и др. 1980); 25. – Пос. Иосиповка I (Гудкова и др. 1980); 27. – Пос. Иосиповка (Гудкова 1971); 28. – Мог. Новоградовка (Нейбурга) (Махно 1960); 29. – Пос. Доброалександровка (Гудкова 1971); 30. – Пос. Барабой I (Гудкова 1971); 31. – Пос. Барабой IV (Гудкова 1971); 32. – Пос. Барабой II (IV) (Гудкова 1971); 33. – Пос. Барабой III (Гудкова 1971); 34. – Пос. Богатыревка (Гудкова 1971); 35. – Пос. Дальник I (Синицын 1950;1955; Гудкова 1971); 36. – Пос. Яринославка (Загинайло 1974); 38. – Пос. Жовтень (Загинайло 1974); 39. – Пос. Софиевка (Загинайло 1974); 40. – Пос. Севериновка (Синицын 1955; Махно 1960); 41. – Пос. Верхний Куяльник (Кузменко 1957); 42. – Пос. Ильинка I (Синицын 1950; Махно 1960); 43. – Пос. Ильинка II (Синицын 1950; Махно 1960; Гудкова и др. 1980); 44. – Пос. Ильинка III (Синицын 1950;1955; Махно 1960; Гудкова и др. 1980); 45. – Пос. Крыжановка (Синицын 1955; Махно 1960); 46. – Пос. Киселово (Раевский 1955; Махно 1960); 47. – Пос. Палиево (Синицын 1959 а); 48. – Пос. Палиево I (Гудкова и др. 1980); 49. – Пос. Морозовка I (Синицын 1955; Махно 1960; Гудкова и др. 1980); 50. – Пос. Морозовка II (Синицын 1955); 51. – Пос. Морозовка III (Синицын 1955); 52. – Пос. Елизаветовка I (Синицын 1959 а); 53. – Пос. Ели-

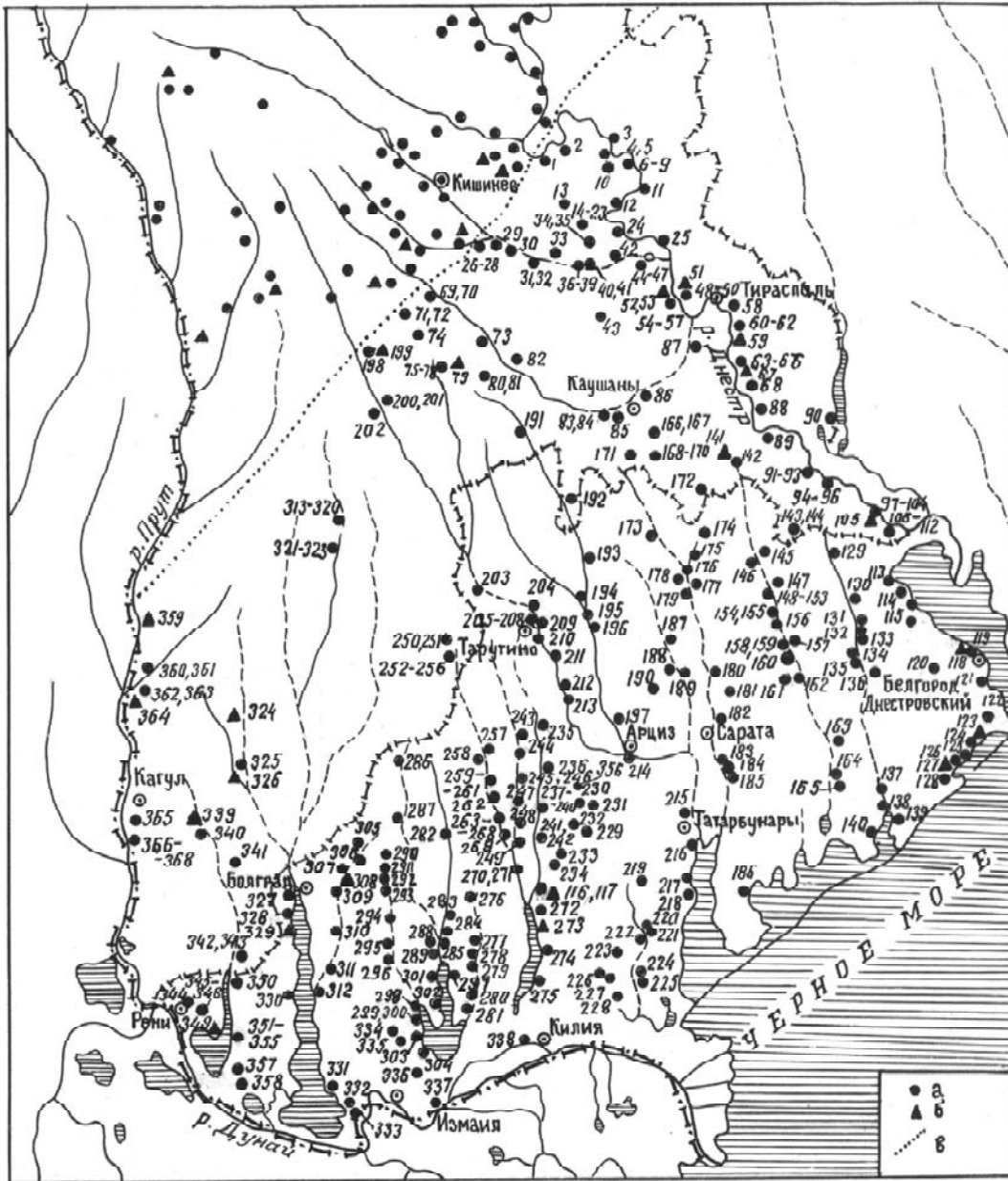
заветовка II (Синицын 1959 а); 54. — Пос. Алистарово (Синицын 1959 а); 55. — Пос. Августовка (Синицын 1955; Махно 1960); 56. — Пос. Хутор Черевичный I (Синицын 1955; Махно 1960); 57. — Пос. Хутор Черевичный II (Синицын 1955; Махно 1960); 58. — Пос. Протопоповка (Гудкова и др. 1980); 59. — Пос. Холодная Балка (Синицын 1955; Махно 1960); 60. — Пос. Алтестово I (Синицын 1955; Гудкова 1972 а); 61. — Пос. Нерубайское (Синицын 1955; Махно 1960); 62. — Пос. Малый Аджалык V (Загинайло 1974); 63. — Пос. Вороновка I (Гудкова и др. 1980); 64. — Пос. Вулдынка (Синицын 1955); 65. — Пос. Григорьевка I (Таганова, Козыренко 1949); 66. — Пос. Григорьевка II (Синицын 1955; Махно 1960); 67. — Пос. Григорьевка III (Таганова, Козыренко 1949); 68. — Пос. Червоный Кут (Загинайло 1974); 69. — Пос. Тышковка (Сымонович 1956 а); 70. — Пос. Калиновка (Сымонович 1956 а; Махно 1960); 71. — Пос. Дмитриевка (Синицын 1955; Махно 1960); 72. — Пос. Любополь V (Загинайло 1974); 73. — Пос. Любополь IV (Загинайло 1974); 74. — Пос. Ранжевое (Сымонович 1967 а; Махно 1960); 75. — Пос. Ранжевое (Сымонович 1967 а; 1979 б); 76. — Пос. Кошары (Сымонович 1967 а; Махно 1960); 77. — Пос. Софиевка (Гудкова и др. 1980); 78. — Пос. Ташино (Сымонович 1956 а); 79. — Пос. Атаманка (Сымонович 1956 а); 80. — Пос. Анатолевка (Сымонович 1956 а); 81. — Пос. Капустино (Славин 1955; Сымонович 1956 а; Махно 1960); 82. — Пос. Коблево (Славин 1955; 1966; 1967 а; 1970); 83. — Мог. Коблево (Сымонович 1966 а; 1967 а; 1970; 1979 б); 84. — Пос. Андреевка (Погребова и Кондрацкий 1960); 85. — Пос. Хутор Свободный (Погребова и Кондрацкий

1960); 86. — Пос. Тилигуло-Березанка (Сымонович 1967 а; Погребова и Кондрацкий 1960); 87. — Пос. Малыши I (Погребова и Кондрацкий 1960); 88. — Пос. Каменка-Анчекрак (Магомедова 1978; 1987); 89. — Пос. Каменка (Махно 1960); 90. — Пос. Викторова II (Болтенко 1949; Сымонович 1967 а; Сымонович, Яровой 1968; Карышковский 1962); 91. — Мог. Викторова II (Сымонович 1966 а; 1967 а); 92. — Пос. Каборга IV (Магомедов 1979 б); 93. — Мог. Каборга IV (Магомедов 1979 б); 94. — Пос. Мерцаки (I) (Патокова 1960); 95. — Пос. Мерцаки (II) (Патокова 1960); 96. — Пос. Безуварово (Патокова 1960); 97. — Городище Старопокровка I (Патокова 1960; Махно 1960; Магомедов 1979 а); 98. — Мог. Городок (Новый Городок) (Магомедов 1979 а); 99. — Пос. Старопокровка II (Новый Городок) (Патокова 1960; Махно 1960); 100. — Пос. Трикаты (Махно 1960); 101. — Пос. Петрово-Солониха (Патокова 1960; Махно 1960); 102. — Мог. Чубовка (Гребенников и др. 1982); 103. — Мог. Большая Корениха (Гребенников и др. 1982); 104. — Мог. Сычавка (Федоров, Рошаль 1979); 105. — Пос. Дофиновка (Синицын 1955; Махно 1960); 106. — Пос. Крыжановка (I) (Синицын 1955); 107. — Пос. Крыжановка (II) (Синицын 1955); 108. — Пос. Одесса III (Синицын 1950; 1955; Махно 1960); 109. — Пос. Кривая Балка (Синицын 1955); 110. — Пос. Одесса IV (Синицын 1950; 1955; Махно 1960); 111. — Пос. Одесса VI (Синицын 1950; 1955; Махно 1960); 112. — Пос. Одесса I (Синицын 1955; Махно 1960); 113. — Пос. Одесса (V) (Синицын 1955); 114. — Пос. Одесса II (Аркадия) (Синицын 1955; Махно 1960); 115. — Пос. Одесса II (Синицын 1950; 1955; Махно 1960).

Рис.33. Карта-схема расположения черняховских памятников в степной зоне междуречья Днестра и Дуная: а — поселение; б — могильник; в — граница степи и лесостепи.

1. — Пос. Балабанешты (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 2. — Пос. Коржево (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 3. — Пос. Делакеу (Рикман 1975 а); 4. — Пос. Делакеу I (Федоров 1960; Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1975 а); 5. — Пос. Делакеу II (Рикман 1975 а); 6. — Пос. Пугачены I (Рикман 1975 а); 7. — Пос. Пугачены II (Рикман 1975 а); 8. — Пос. Пугачены III (Рикман 1975 а); 9. — Пос. Пугачены IV (Рикман 1975 а); 10. — Система укреплений Пугачены (Рикман 1975 а); 11. — Пос. Буторы (Рикман 1975 а); 12. — Пос. Спея (Рикман 1975 а); 13. — Пос. Чимишены (Рикман 1975 а); 14. — Пос. Кобуска-Веке I (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 15. — Пос. Кобуска-Веке II (Рикман 1975 а); 16. — Пос. Кобуска-Веке III (Рикман 1975 а); 17. — Пос. Кобуска-Веке IV (Рикман 1975 а); 18. — Пос. Кобуска-Веке V (Рикман 1975 а); 19. — Пос. Кобуска-Веке VI (Рикман 1975 а); 20. — Пос. Кобуска-Веке VII (Рикман 1975 а); 21. — Пос. Кобуска-Веке VIII (Рикман 1975 а); 22. — Пос. Кобуска-Веке IX (Рикман 1975 а); 23. — Пос. Кобуска-Веке X (Рикман 1975 а); 24. — Пос. Телица (Рикман 1975 а); 25. — Пос. Калараш II (Рикман 1975 а); 26. — Пос. Ревака I (Рикман 1975 а); 27. — Пос. Ревака II (Рикман 1975 а); 28. — Пос. Ревака III (Рикман 1975 а); 29. — Пос. Сынжера (Рикман 1975 а); 30. — Пос. Кетрос (Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1960; Рикман 1975 а); 31. — Пос. Тодирешты I (Рикман 1975 а); 32. — Пос. Тодирешты II (Рикман 1975 а); 33. — Пос. Цынцарены (Рикман 1975 а); 34. — Пос. Новая Кобуска I

(Рикман 1975 а); 35. — Пос. Новая Кобуска II (Рикман 1975 а); 36. — Пос. Новые Анены I (Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1975 а); 37. — Пос. Новые Анены II (Рикман 1975 а); Кетрару, Рикман 1960); 38. — Пос. Новые Анены III (Рикман 1975 а); 39. — Пос. Новые Анены IV (Рикман 1975 а); 40. — Пос. Березки I (Рикман 1975 а); 41. — Пос. Березки II (Рикман 1975 а); 42. — Пос. Рощканы (Рикман 1975 а); 43. — Пос. Ново-Троицкое (Нудельман, Рикман 1967; Рикман 1975 а); 44. — Городище Калфа I (Рикман 1975 а); 45. — Пос. Калфа II (Рикман 1975 а); 46. — Пос. Калфа III (Рикман 1975 а); 47. — Пос. Калфа IV (Рикман 1975 а); 48. — Пос. Парканы I (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 49. — Пос. Парканы II (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 50. — Пос. Парканы III (Кетрару 1961; Рикман 1975 а); 51. — Мог. Парканы IV (Рикман 1975 а); 52. — Мог. Бендеры (Рикман 1975 а); 53. — Местонахождение Бендеры II (Рикман 1975 а); 54. — Местонахождение Бендеры III (Рикман 1975 а); 55. — Местонахождение Бендеры IV (Рикман 1975 а); 56. — Местонахождение Бендеры V (Рикман 1975 а); 57. — Местонахождение Бендеры VI (Рикман 1975 а); 58. — Пос. Сукляя (Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1975 а); 59. — Мог. Карагаш I (Федоров 1960; Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1975 а); 60. — Пос. Карагаш II (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 61. — Пос. Карагаш III (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 62. — Пос. Карагаш IV (Рикман 1975 а); 63. — Пос. Слободзея I (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 64. — Пос. Слободзея II (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 65. — Пос. Слободзея III (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 66. — Пос. Слободзея IV (Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1975 а); 67. — Мог. Слободзея V

(Федоров 1960; Рикман 1975 а); 68. – Пос. Чобручи (Федоров 1960; Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1975 а); 69. – Пос. Горешты I (Рикман 1975 а); 70. – Пос. Горешты II (Рикман 1975 а); 71. – Пос. Молошты I (Рикман 1975 а); 72. – Пос. Молошты II (Рикман 1975 а); 73. – Пос. Гангура (Рикман 1975 а); 74. – Пос. Гованоаса (Рикман 1975 а); 75. – Пос. Кабурна I (Рикман 1975 а); 76. – Пос. Кабурна II (Рикман 1975 а); 77. – Пос. Кабурна III (Рикман 1975 а); 78. – Пос. Кабурна IV (Рикман 1975 а); 79. – Пос. и Мог. Кабурна V (Рикман 1975 а); 80. – Пос. Кайнары I (Рикман 1975 а); 81. – Пос. Кайнары II (Рикман 1975 а); 82. – Пос. Константиновка (Чабан) (Рикман 1975 а); 83. – Пос. Заим II (Рикман 1975 а); 84. – Пос. Заим I (Рикман 1975 а); 85. – Пос. Заим I (Рикман 1975 а); 86. – Пос. Каушаны (Рикман 1975 а); 87. – Пос. Копанка (Рикман 1975 а); 88. – Пос. Глиное (Рикман 1975 а); 89. – Пос. Раскайцы (Рикман 1975 а); 90. – Пос. Незавертайловка (Федоров 1960; Кетра-

ру, Рикман 1960; Рикман 1975 а); 91. – Местонахождение Олонешты I (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 92. – Пос. Олонешты II (Рикман 1975 а); 93. – Пос. Олонешты III (Рикман 1975 а); 94. – Пос. Коркмаз I (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 95. – Пос. Коркмаз II (Федоров 1960; Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1975 а); 96. – Пос. Коркмаз III (Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1975 а); 97. – Пос. Тудорово I (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 98. – Пос. Тудорово II (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 99. – Пос. Тудорово III (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 100. – Пос. Тудорово IV (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 101. – Пос. Тудорово V (Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1975 а); 102. – Пос. Тудорово VI (Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1975 а); 103. – Пос. Тудорово VII (Рикман 1975 а); 104. – Пос. Тудорово VIII (Рикман 1975 а); 105. – Пос. Тудорово IX (Рикман 1975 а); 106. – Пос. Паланка I (Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1975 а); 107. – Пос. Паланка II (Кетрару, Рикман 1960; Рикман

- 1975 а); 108. – Пос. Паланка III (Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1975 а); 109. – Пос. Паланка IV (Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1975 а); 110. – Пос. Паланка V (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 111. – Пос. Паланка V (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 112. – Пос. Паланка VII (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 113. – Пос. Семеновка (Клейман, Ревенко 1959; Черняков 1960); 114. – Пос. Пивденное IV (Гудкова 1973); 115. – Пос. Совхоз “Лиманский” (Клейман, Ревенко 1959; Черняков 1960); 116. – Мог. Холмское (Гудкова, Фокеев 1984); 117. – Пос. Холмское III (Гудкова, Столярик 1985); 118. – Погребение из Белгород-Днестровского (Криволап 1972); 119. – Пос. Папушой (Дмитров 1949); 120. – Пос. Выласное (Дмитров 1949); 121. – Пос. Шабо (Клейман, Ревенко 1959); 122. – Пос. Беленькое I (Гудкова 1973); 123. – Пос. Беленькое (Сымонович 1974; 1979 а); 124. – Пос. Чабанское II (Гудкова 1973); 125. – Пос. Вольное (Гудкова 1973); 126. – Пос. Приморское (Сымонович 1973); 127. – Мог. Приморское (Криволап 1972, Сымонович 1973, 1979 а); 128. – Пос. Приморское II (Гудкова 1973); 129. – Пос. Староказачье (Черняков 1959); 130. – Пос. Карналеевка II (Гудкова 1973); 131. – Пос. Монаши II (Гудкова 1973 б); 132. – Пос. Монаши IV (Гудкова 1973); 133. – Пос. Монаши I (Черняков 1959); 134. – Пос. Зеленое I (Гудкова 1973); 135. – Пос. Алексеевка I (Гудкова 1973); 136. – Пос. Алкалия III (Гудкова 1973); 137. – Пос. Широкое II (Гудкова 1973); 138. – Пос. Ново-Михайловка (Загинайло 1974); 139. – Пос. Базарьянка (Черняков 1961); 140. – Пос. Тузлы (Черняков 1961); 141. – Мог. Слободзея I (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 142. – Пос. Слободзея II (Рикман 1975 а); 143. – Пос. Капланы I (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 144. – Пос. Капланы II (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 145. – Пос. Владимировка I (Гудкова 1973); 146. – Пос. Владимировка II (Гудкова 1974); 147. – Пос. Кривая Балка II (Гудкова 1974); 148. – Пос. Николаевка-Новороссийская X (Гудкова 1974); 149. – Пос. Николаевка-Новороссийская II (Гудкова 1974); 150. – Пос. Николаевка-Новороссийская IX (Гудкова 1974); 151. – Пос. Николаевка-Новороссийская VII (Гудкова 1974); 152. – Пос. Николаевка-Новороссийская VI (Гудкова 1974); 153. – Пос. Николаевка-Новороссийская VIII (Гудкова 1974); 154. – Пос. Хаджидер I (Гудкова 1974); 155. – Пос. Хаджидер II (Гудкова 1974); 156. – Пос. Рипа (Черняков 1963; Гудкова 1974); 157. – Пос. Николаевка-Новороссийская I (Черняков 1963; Карышковский 1963); 158. – Пос. Хаджидер III (Гудкова 1974); 159. – Пос. Хаджидер IV (Гудкова 1974); 160. – Пос. Николаевка-Новороссийская IV (Черняков 1963); 161. – Пос. Ярославка (Гудкова 1974); 163. – Пос. Колесное I (Черняков 1963; Гудкова 1974); 164. – Пос. Дивизия III (Загинайло 1974); 165. – Пос. Дивизия I (Черняков 1963); 166. – Пос. Ермоклия I (Рикман 1975 а); 167. – Пос. Ермоклия II (Рикман 1975 а); 168. – Пос. Семеновка I (Рикман 1975 а); 169. – Пос. Семеновка II (Рикман 1975 а); 170. – Пос. Семеновка III (Рикман 1975 а); 171. – Пос. Брезоза (Рикман 1975 а); 173. – Пос. Петропавловка I (Гудкова 1974); 174. – Пос. Джилаур II (Гудкова 1974); 175. – Пос. Благодатное IV (Гудкова 1974); 176. – Пос. Негрово I (Гудкова 1974); 177. – Пос. Негрово II (Гудкова 1974); 178. – Пос. Кантемировская Балка (Гудкова 1974); 179. – Пос. Мирнополье (Гудкова 1974); 180. – Пос. Новая Плахтеевка II (Гудкова 1974); 181. – Пос. Курудер I (Гудкова 1974); 182. – Пос. Сарата II (Черняков 1963); 183. – Пос. Михайловка IV (Черняков 1963; Гудкова 1974); 184. – Пос. Михайловка III (Гудкова 1974); 185. – Пос. Михайловка I (Гудкова 1974); 186. – Пос. Вишнево I (Загинайло 1974); 187. – Пос. Введенка II (Гудкова 1974); 188. – Пос. Светлодолинское I (Гудкова 1974); 189. – Пос. Светлодолинское II (Гудкова 1974); 190. – Пос. Вишняки II (Гудкова 1973 б); 191. – Пос. Тараклия (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 192. – Пос. Украинка (Рикман 1975 а); 193. – Пос. Ламбровка (Гудкова, Новицкий 1976); 194. – Пос. Веселая Долина II (Гудкова, Новицкий 1976); 195. – Пос. Перемога I (Гудкова, Новицкий 1976); 196. – Пос. Перемога II (Гудкова, Новицкий 1976); 197. – Пос. Мирнополье (Гудкова 1973 б); 198. – Пос. Липовены I (Рикман 1975 а); 199. – Мог. Липовены II (Рикман 1975 а); 200. – Пос. Граденешты I (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 201. – Пос. Градинешты II (Рикман 1975 а); 202. – Пос. Екатериновка (Рикман 1975 а); 203. – Пос. Подгорное I (Гудкова, Новицкий 1976); 204. – Пос. Березино Северное (Гудкова, Новицкий 1976); 205. – Пос. Березино VIII (Гудкова, Новицкий 1976); 206. – Пос. Березино VI (Гудкова, Новицкий 1976); 207. – Пос. Березино VII (Гудкова, Новицкий 1976); 208. – Пос. Березино Южное (Гудкова, Новицкий 1976); 209. – Пос. Березино I (Гудкова, Новицкий 1976); 210. – Пос. Березино IV (Гудкова, Новицкий 1976); 211. – Пос. Настенькино (Гудкова, Новицкий 1976); 212. – Пос. Веселый Кут I (Гудкова, Новицкий 1976); 213. – Пос. Веселый Кут (Гудкова 1973); 214. – Пос. Долиновка II (Гудкова 1973); 215. – Пос. Татарбунары (Черняков 1963); 216. – Пос. Борисовка (Загинайло 1974); 217. – Пос. Глубокое I-II (Кравченко 1971 б); 218. – Пос. Глубокое (Загинайло 1974); 219. – Пос. Баштановка (Шмаглий 1965; Кравченко 1971 б); 220. – Пос. Нерушай (Шмаглий 1965; Кравченко 1967 б; 1971 б); 221. – Пос. Нерушай (I-а) (Шмаглий 1965); 222. – Пос. Нерушай II (Шмаглий 1965); 223. – Пос. Ст. Николаевка (Шмаглий 1965; Кравченко 1971 б); 224. – Пос. Ново-Николаевка (Кравченко 1971 б); 225. – Пос. Ст. Николаевка (II) (Шмаглий 1965); 226. – Пос. Трудовое I (Шмаглий 1965); 227. – Пос. Мирное (Шмаглий 1965); 228. – Пос. Дракуля (Мирное) (Шмаглий 1965; Гудкова, Фокеев 1984 б); 229. – Пос. Ташлык I (Гудкова 1973 б); 230. – Пос. Ташлык III (Гудкова 1973 б); 231. – Пос. Прямая Балка I (Гудкова 1973 б); 232. – Пос. Каменское I (Гудкова 1973 б); 233. – Пос. Каменское II (Гудкова 1973 б); 234. – Пос. Холмское (Гудкова 1973); 235. – Пос. Новоселовка I (Гудкова 1973); 236. – Пос. Делень IV (Гудкова 1973); 237. – Пос. Главаны IV (Дижма) (Гудкова 1973); 238. – Пос. Главаны I (Гудкова 1973); 239. – Пос. Главаны V (Гудкова 1973); 240. – Пос. Главаны II (Гудкова 1973); 241. – Пос. Алияга II (Гудкова 1973); 242. – Пос. Алияга I (Гудкова 1973); 243. – Пос. Киргиж VII (Гудкова 1973); 244. – Пос. Киргиж V (Гудкова 1973); 245. – Пос. Делень II (Гудкова 1973); 246. – Пос. Делень III (Гудкова 1973); 247. – Пос. Ново-Ивановка (Гудкова 1973); 248. – Пос. Киргиж I (Гудкова 1973); 249. – Пос. Островное-водоем (Гудкова 1973); 250. – Пос. Кириет-Лунга I (Рикман 1975 а); 251. – Пос. Кириет-Лунга II (Рикман 1975 а); 252. – Пос. Твардица I (Рикман 1975 а); 253. – Пос. Твардица II (Рикман 1975 а); 254. – Пос. Твардица III (Рикман 1975 а); 255. – Пос. Твардица IV (Рикман 1975 а);

256. – Пос. Твардица V (Рикман 1975 а); 257. – Пос. Ново-Ивановка VI (Гудкова 1973 б); 258. – Пос. Валя-Пержа I (Гудкова 1973); 259. – Пос. Киргиз-Китай IV (Гудкова 1973); 262. – Пос. Ново-Ивановка II (Гудкова 1973); 263. – Пос. Задунаевка VIII (Гудкова 1973); 264. – Пос. Задунаевка IX (Гудкова 1973); 265. – Пос. Задунаевка VII (Гудкова 1973); 266. – Пос. Задунаевка I (Гудкова 1973); 267. – Пос. Задунаевка III (Гудкова 1973); 268. – Пос. Задунаевка IV (Гудкова 1973); 269. – Пос. Ново-Ивановка I (Гудкова 1973); 270. – Пос. Островное III (Гудкова 1973); 271. – Пос. Островное VI (Гудкова 1973); 272. – Пос. Китай (Новоеловка) (Федоров 1960; Гудкова 1972); 273. Мог. Фурмановка (Сымонович 1974); 274. – Пос. Фурмановка (I) (Шмаглий 1965; Кравченко 1971 б); Дудкин 1971; Гудкова 1974); 275. – Пос. Червоний Яр III (Гудкова 1972); 276. – Пос. Кирнички II (Загинайло 1974); 277. – Пос. Новая Покровка V (Загинайло 1974); 278. – Пос. Новая Покровка VII (Загинайло 1974); 279. – Пос. Новая Покровка VI (Загинайло 1974); 280. – Пос. Першотравневое I (Загинайло 1974); 282. – Пос. Виноградное (Загинайло 1974); 283. – Пос. Суворово VII (Загинайло 1974); 284. – Пос. Суворово VI (Загинайло 1974); 285. – Пос. Суворово IV (А) (Загинайло 1974); 286. – Пос. Новые Траяны II (Загинайло, Субботин 1973); 287. – Пос. Огородное (Субботин 1972); 288. – Пос. Ново-Каменка II (Субботин 1972); 290. – Пос. Кальчевая X (Субботин 1967); 291. – Пос. Кальчевая XII (Субботин 1967); 292. – Пос. Кальчевая XIII (Субботин 1967); 293. – Пос. Кальчевая II (Субботин 1967); 294. – Пос. Васильевка VI (Субботин 1967); 295. – Пос. Васильевка VIII (Субботин 1967); 296. – Пос. Васильевка IX (Субботин 1967); 297. – Пос. Суворово II (А) (Субботин 1972); 298. – Пос. Сашбунар (Шмаглий, Черняков 1966); 299. – Пос. Катлабух III (Загинайло 1974); 300. – Пос. Катлабух IV (Загинайло 1974); 301. – Пос. Утконосовка III (Шмаглий, Черняков 1965; Кравченко 1971 б); 302. – Пос. Утконосовка I (Шмаглий, Черняков 1966); 303. – Пос. Рыбколхоз “1 мая” (Шмаглий, Черняков 1966); 304. – Пос. Богатое II (Шмаглий, Черняков 1966); 305. – Пос. Червоноармейское VII (Кубей VII) (Суботин 1968); 306. Пос. Червоноармейское XI (Кубей XI) (Суботин 1968); 307. Пос. Червоноармейское IV (Кубей IV) (Суботин 1968); 308. – Пос. Жовтневое IV (Суботин 1968); 309. – Пос. Жовтневое II (Суботин 1968); 310. – Пос. Жовтневое X (Суботин 1968); 311. – Пос. Криничное (Суботин 1968); 313. – Пос. Комрат I (Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1975 а);

314. – Пос. Комрат II (Рикман 1975 а); 315. – Пос. Комрат III (Рикман 1975 а); 316. – Пос. Комрат IV (Рикман 1975 а); 317. – Пос. Комрат V (Рикман 1975 а); 318. – Пос. Комрат VI (Рикман 1975 а); 319. – Пос. Комрат VII (Рикман 1975 а); 320. – Пос. Комрат VIII (Рикман 1975 а); 321. – Пос. Кирсово I (Рикман 1975 а); 322. – Пос. Кирсово II (Рикман 1975 а); 323. – Пос. Кирсово III (Рикман 1975 а); 324. – Мог. Александровка (Рикман 1975 а); 325. – Пос. Лонацирка (Рикман 1975 а); 326. – Мог. Московей (Рикман 1975 а); 327. – Пос. Виноградовка (Сымонович 1974); 328. – Пос. Виноградовка IV (Черныш, Черняков 1964); 329. – Мог. Виноградовка (Субботин, Черняков 1971); 330. – Пос. Чотловина (Федоров 1960); 331. – Пос. Новая Некрасовка II (Шмаглий, Черняков 1966); 332. – Пос. Котовское I (Загинайло 1974); 333. – Пос. Котовское (Шмаглий, Черняков 1966); 334. – Пос. Лоциновка II (Загинайло 1974); 335. – Пос. Лоциновка I (Загинайло 1974); 336. – Пос. Турбаевка (Шмаглий, Черняков 1966); 338. – Пос. Омарбия (Шмаглий, Черняков 1966); 339. – Мог. Сатук (Рикман 1975 а); 340. – Пос. Палиней (Рикман 1975 а); 341. – Пос. Чигирлены (Рикман 1975 а); 342. – Пос. Этулия I (Рикман 1975 а); 343. – Пос. Этулия II (Верхняя Этулия) (Рикман 1975 а); 344. – Пос. Долинское IV (Субботин 1972); 345. – Пос. Бужорка II (Загинайло 1974); 346. – Пос. Бужорка IV (Загинайло 1974); 347. – Пос. Бужорка V (Загинайло 1974); 348. – Пос. Бужорка VI (Загинайло 1974); 349. – Пос. и Мог. Лиманское I (Суботин 1968); 350. – Пос. Совхоз Ренийский I (Суботин 1968); 351. – Пос. Нагорное I (Суботин 1968); 352. – Пос. Нагорное II (Суботин 1968; Гудкова, Субботин 1972; Гудкова и др. 1981); 353. – Пос. Нагорное IV (Суботин 1968); 354. – Пос. Нагорное III (Суботин 1968; Гудкова 1973); 355. – Пос. Нагорное V (Суботин 1968); 356. – Пос. Главаны-карьер (Гудкова и др. 1983); 357. – Пос. Орловка III (Суботин 1968); 358. – Пос. Ракиджул I (Загинайло 1974); 359. – Мог. Фламында (Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1975 а); 360. – Пос. Кирканы I (Рикман 1975 а); 361. – Пос. Кирканы II (Рикман 1975 а); 362. – Пос. Кирканы III (Рикман 1975 а); 363. – Пос. Кокоара I (Рикман 1975 а); 364. – Пос. Кокоара II (Рикман 1975 а); 365. – Мог. Паику (Рикман 1975 а); 366. – Пос. Старые Кричаны (Рикман 1975 а); 367. – Пос. Манта I (Рикман 1975 а); 368. – Пос. Манта II (Рикман 1975 а); 369. – Пос. Манта III (Рикман 1975 а).

нения проходит в Буджаке примерно по оз. Китай и впадающей в него с севера речке Алияга. Отдельные поселения с каменными домами встречаются и несколько западнее, не переходя, однако, за Прут. Для южной части Буджакской степи характерно смешанное расположение поселений с каменными и каркасными домами, но в северной ее части каменное домостроительство отсутствует. В приморской зоне междуречья Днестра и Буга на всех раскопывавшихся поселениях обнаружены каменные дома. В Викторовке I и Тилигуло-Березанке они сочетались с полуземлянками. Количество поселений с каркасным домостроительством здесь неве-

лико (Каборга IV). Пока сочетания на одном поселении каменных и каркасных домов не зафиксировано. К настоящему времени каменные дома раскопаны на поселениях Викторовка II (Сымонович, Яровой 1968), Ильинка (Синицин 1949 б), Капустино (Сымонович 1956), Луговое (Магомедов, Гудим-Левкович 1990), Кисёлово (Раевский 1955), Мирное (Кравченко 1971 а), Тилигуло-Березанка (Сымонович 1967), Ранжевое (Сымонович 1967), Коблево (Сымонович 1967), Атаманка (Сымонович 1983 в), Каменка-Анчекрак (Магомедов 1991), на поселениях на р. Ингулец (Афонасьевка, Дарьевка, Ново-Кондаково, Снигиревка) (Славин 1954;

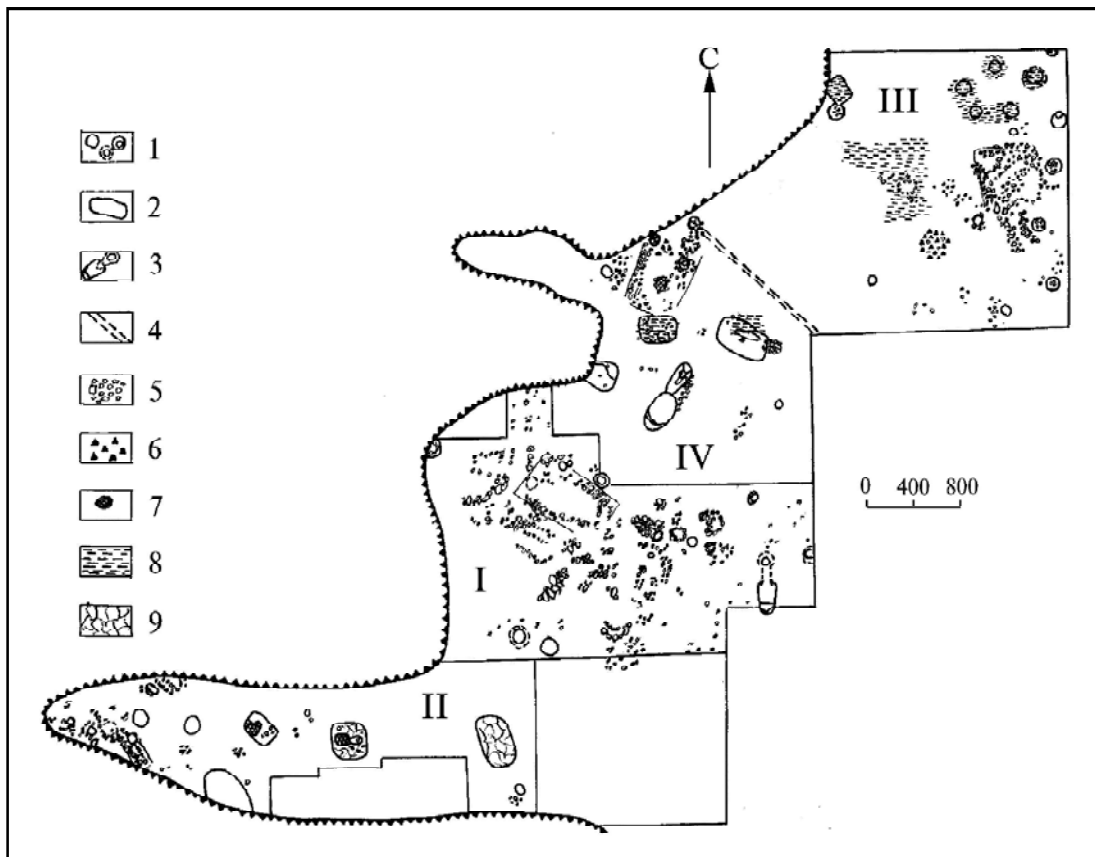

Рис. 34 Общий план поселений черняховской культуры Главаны I (I-IV усадьба): 1 – ямы; 2 – полуземлянки; 3 – горы; 4 – деревянная канава; 5 – камни; 6 – керамика; 7 – очаг; 8 – зола; 9 – глинобитный пол.

архивные материалы Ингулецко-Снигиревской экспедиции) и поселениях в Буджаке (Фурмановка, Рипа, Главаны, Холмское I, Кагильник-Остров).

Каменные дома по планировке делятся на однокамерные; двух- и трехкамерные; многокамерные. Последние не характерны и представлены только на нескольких поселениях (Афонасьевка, Ильинка, Коблево, Каменка-Анчекрак). Ни один из этих многокамерных домов не раскопан полностью, и потому судить об их планировке невозможно. Несколько особняком в этой группе стоит поселение Каменка-Анчекрак, на котором раскопана часть усадьбы с периметральной застройкой и, возможно, внутренним двором.

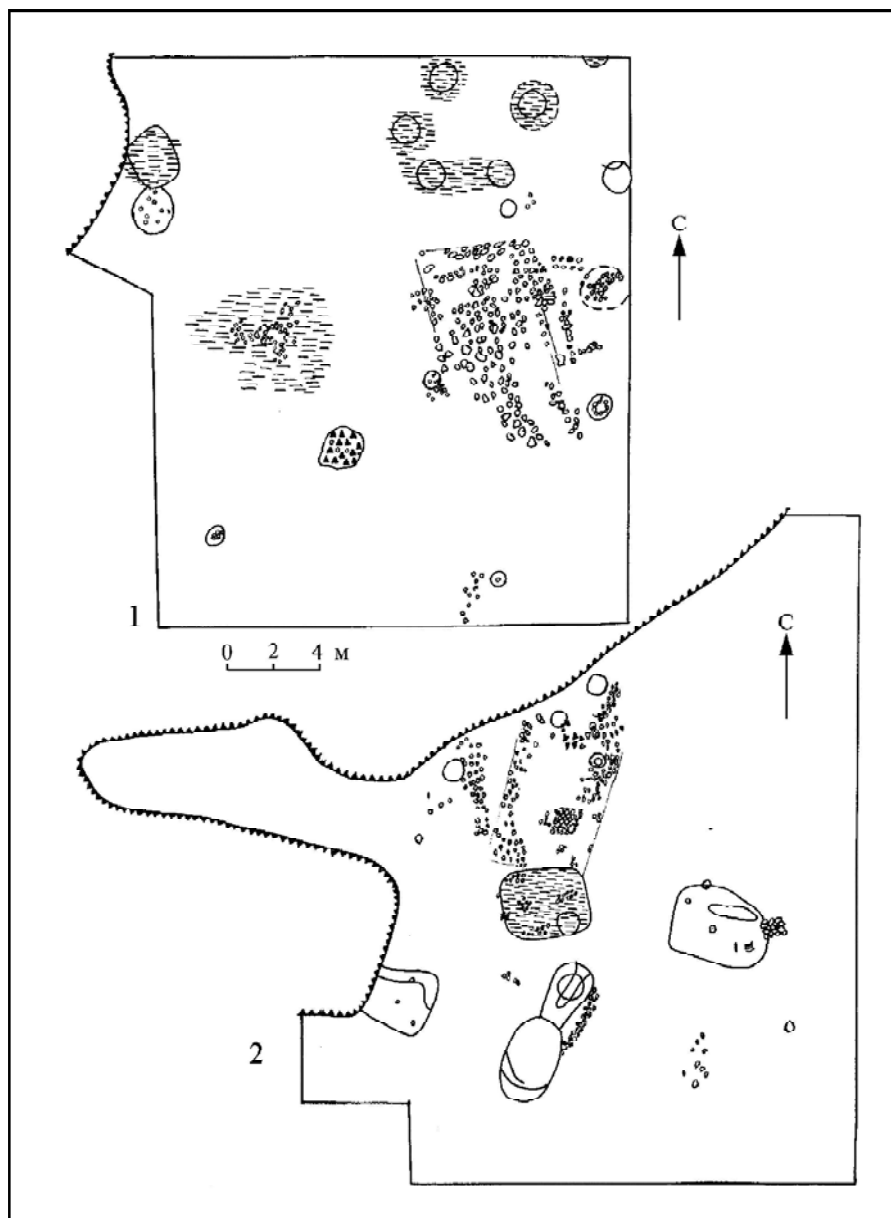
Однокамерные дома известны на многих поселениях (Атаманка, Дарьевка, Ильинка, Мирное, Ново-Кондаково, Снигиревка, Главаны и др.). В Ильинке, Ново-Кондакове и Снигиревке они сосуществовали с жилищами из нескольких помещений. По плану большинство однокамерных домов представляет собой прямоугольные сооружения площадью в среднем от 15 до 30 кв. м. У наименьшего дома она составляет 10 кв. м, у наибольшего 37 кв. м. На поселении Главаны I раскопано три однокамерных дома, служивших центральными строениями на усадьбах (рис. 35, 36). Кроме них, в состав

усадьб входили разнообразные хозяйственные строения.

Однокамерные жилища известны как с очагами, так и без них, однако нет оснований полагать, что все дома без очагов были нежилыми (Марков 1968: 22; Крыжицкий 1982: 28). В ряде случаев кухонные очаги находились в отдельно расположенных помещениях (Главаны I), а дома могли отапливаться в наиболее холодные дни зимы раскаленными камнями (известно по этнографическим данным у болгар) или угольями в сосудах.

Двух- и трехкамерные жилища распространены довольно широко. Они раскопаны на поселениях Кисёлово, Капустино, Ранжевое, Рипа (рис. 37), Фурмановка (рис. 37), Афонасьевка, Луговое. Принцип их планировки равнозначно-параллельный. Помещения одинаковой ширины расположены в ряд, по продольной оси, друг с другом не сообщаются, и каждое имеет выход наружу. Отклонения от этой нормы редки: Фурмановка, Капустино. В большинстве случаев жилища состоят из одного отапливаемого и одного холодного помещения. Последнее обычно понимается как хозяйственное, что, однако, не исключает возможности его использования и в качестве жилья. В Кисёлово в доме «з» второе помещение служило также и мастерской. Вариантом таких жилищ являются двухкамерные дома

Рис.35. Поселение Главаны I. Планы усадеб III (1) и IV (2). Условные обозначения см. на рис. 34.

с печами или очагами в обоих помещениях.

Кроме однотипности планировки, двухкамерные жилища объединяет наличие у части из них больших пустых дворов, обнесенных каменной оградой (Рипа, Фурмановка, Ранжевое, дом № 1, Кисёлово, дома «Г», «Д» и «З» и, возможно, Снигирёвка, дом на раскопе «Б»). Исследователи уже обратили внимание на то, что дома этого типа представляют собой определенное явление. Они присущи поселениям с каменным домостроительством в Причерноморье (Ioniță 1982: 108; Магомедов 1983 а; Гудкова 1986).

Все дома построены из необработанного камня, известняка или песчаника, ломающегося плитками. Грубая обработка отдельных поверхностей камней редка и не определяет характера кладок. Все они иррегулярные с большим или меньшим соблюдением рядности, по-

стелистые. В отдельных случаях наблюдается более или менее тщательное выкладывание крупных камней или плит по фасадам и заполнение пространства между ними бутом и землей. Углы клались как впритык, так и впереплет. Применялись цоколи. Пустоты между камнями заполняли мелким бутом и щебенкой. Раствором служил замешанный грунт.

Стены каменных домов ставили на уровне древней дневной поверхности без фундаментов и нивелировки. Многие исследователи полагают, что было распространено возведение сырцовых и глинобитных стен на каменном цоколе. Такие стены нигде не сохранились, и их наличие доказывается объемом каменного завала (слишком малого для целой рухнувшей стены) и наличием возле остатков каменных кладок скоплений глины с соломой. Раскопаны также

Рис.36/1. Поселение Главаны I. План усадьбы I. Условные обозначения см. на рис. 34.

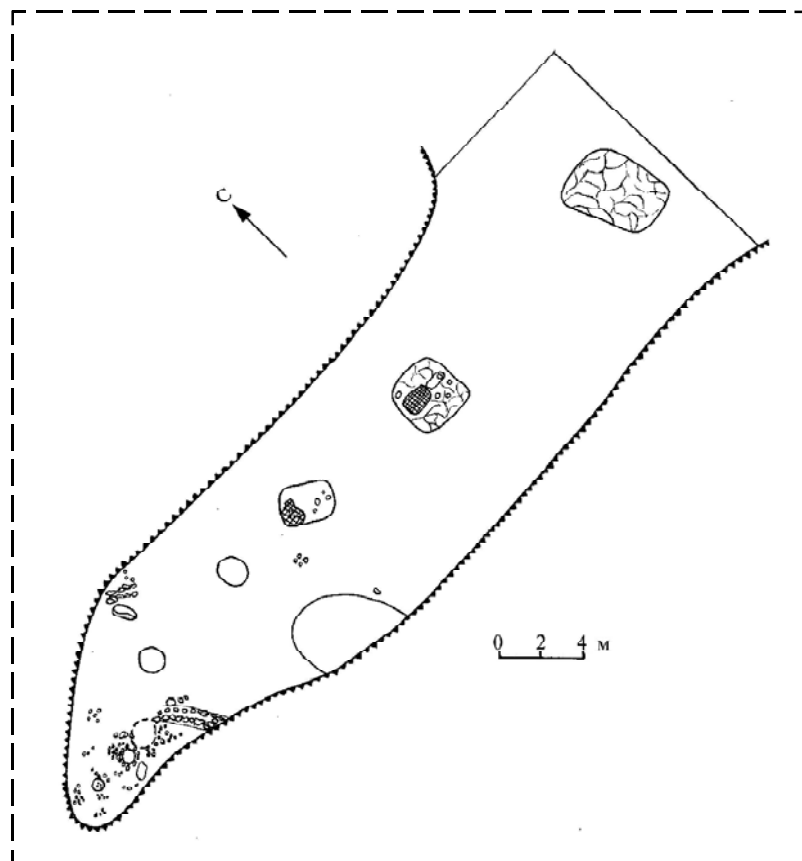
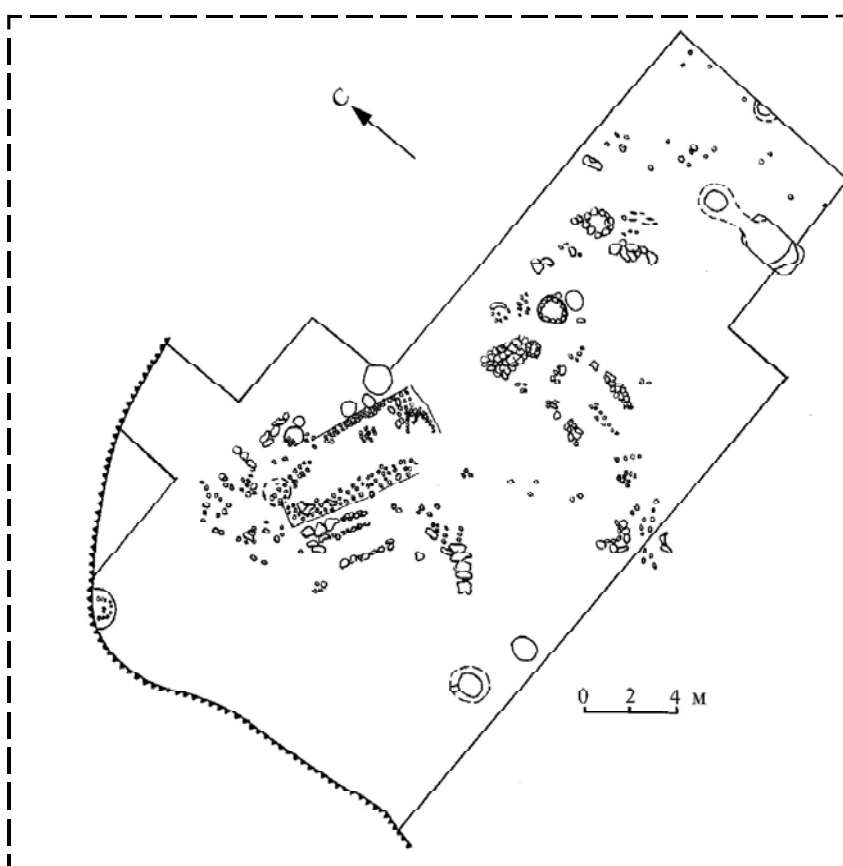
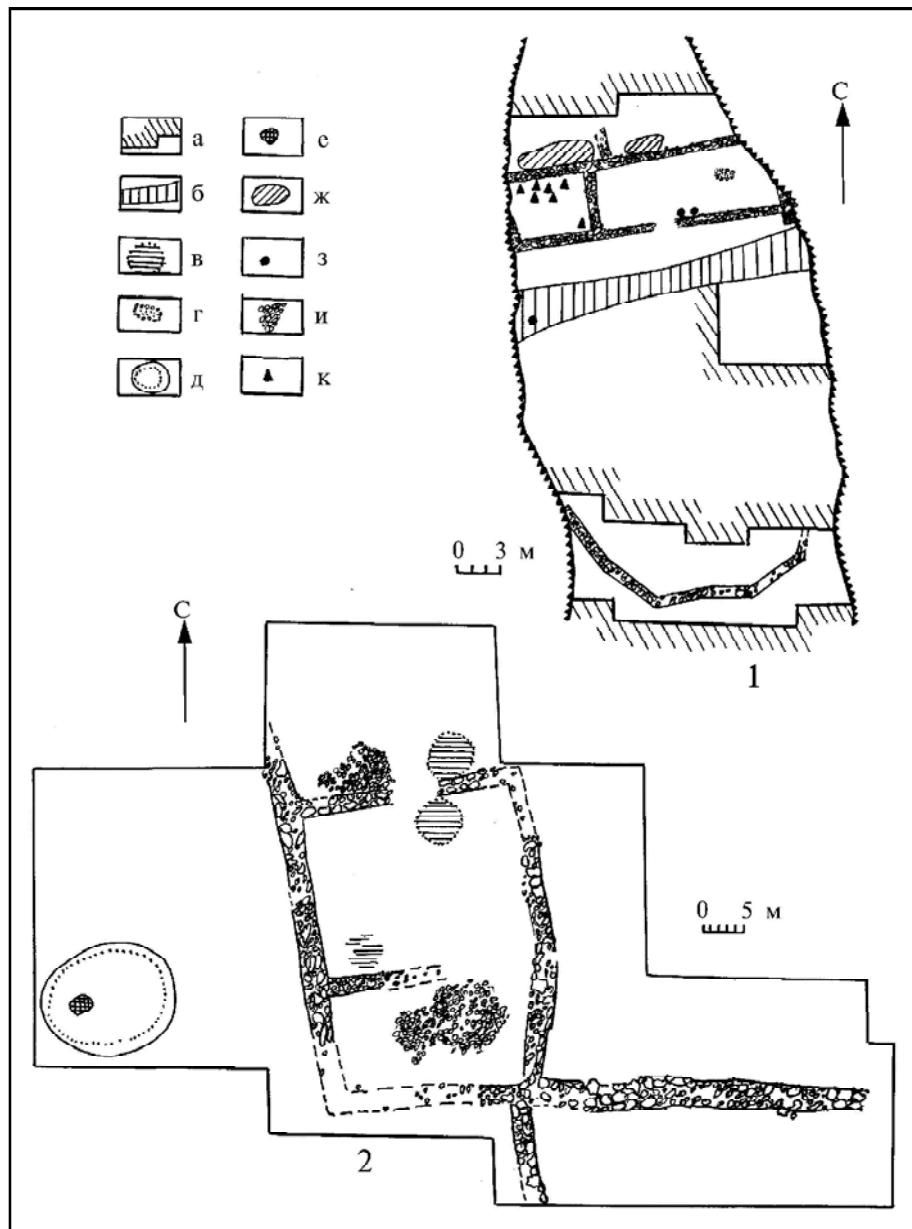

Рис. 36/2. Поселение Главаны I. План усадьбы II. Условные обозначения см. на рис. 34.

Рис. 37. Планы каменных домов с усадьбами на поселениях черняховской культуры Рипа (1) и Фурмановка (2); а – граница раскопа; б – современная канава; в, г – очаг; д – углубленное строение; е – кострище; ж – выброс хозяйственного мусора; з – хозяйственная яма; и – каменная вымостка; к – раздавленные сосуды.

дома, стены которых на всю высоту возведены из камня (Рипа, Фурмановка). Это хорошо видно по завалу, когда в упавшей целиком стене камни к моменту раскопок продолжали лежать рядами на торце. Иногда объем и площадь каменных завалов так велики, что не позволяют сомневаться в том, что дом был построен из камня целиком. Об этом же свидетельствуют и случаи, когда поверхцоколя, состоявшего из крупных камней и плит, стоящих на торце, сохранилась постелистая кладка из обычного камня.

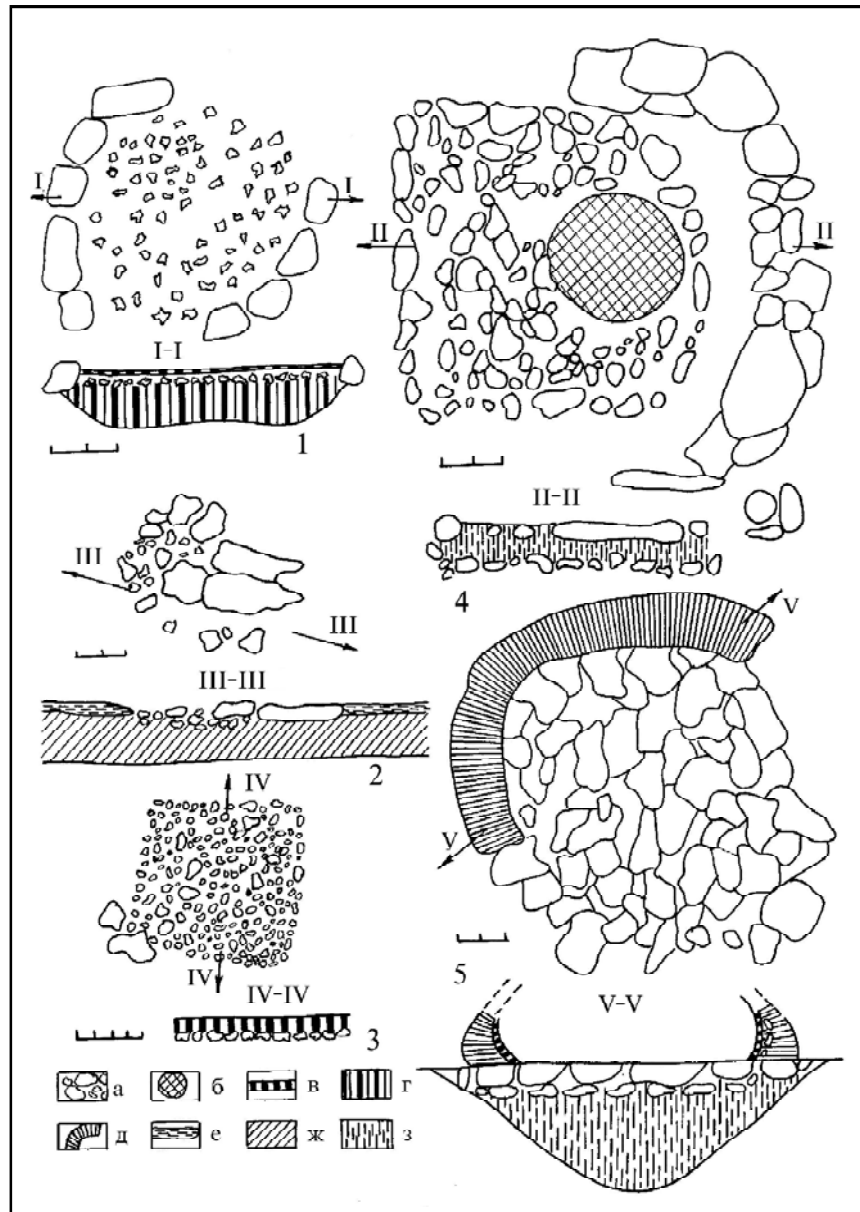
О характере перекрытий мало что известно. Столбовые конструкции не применялись, следовательно, несущие балки должны были опираться на стены. А.К.Раевский полагал, что главный прогон перекрытия опирался на треугольные фронтоны торцовых стен (Раевский 1955: 265). Поскольку отпечатков конструкций кровли

нигде не найдено, нельзя сказать, была ли кровля односкатной, двускатной или плоской. В ряде случаев в завале над полом помещений отмечен слой светлой глины со следами тростника. Это и дает основания реконструировать тростниковые крыши, обмазанные глиной.

Полы в домах, за редким исключением, земляные. В помещениях встречаются локальные каменные вымостки. В Кисёлово было традицией делать вымостку перед входом в дом. Заглубление пола помещения на несколько десятков сантиметров по сравнению с уровнем почвы снаружи отмечено только в Кисёлово.

Двери были вращающиеся деревянные. Об этом свидетельствуют находки едва ли не на каждом поселении пяточных камней, которые подкладывали снизу под дверную ось. Эти камни специальной формы не имели. В них более

Рис. 38. Очаги и печи с поселений черняховской культуры Главаны I (1, 3-5), Нагорное II (2): а — камни; б — каменный диск из свода печи; в — глиняная обмазка; г — прокаленная глина; д — глиняная стенка; е — золистый грунт; ж — супесь; з — желтая глина.

или менее тщательно сделано коническое или округлое углубление для оси. В Кисёлове и Ранжевом найдены каменные пороги с вырезанными в них фланцами. Это указывает на то, что применялись и дверные рамы. В целом же каменотесные строительные детали встречаются редко.

Из всех элементов интерьера сохранились лишь отопительные устройства и хозяйственные загородки. Применялись очаги и печи. Простые кострища в домах не встречаются. Очаги имеют вид круглых или прямоугольных подов, выложенных из камня, реже из черепков или гальки, и обмазанных глиной (рис. 38, 2, 3). Очагиподы могли иметь каменные или глиняные бортики по всему периметру или его части. Размеры таких очагов колеблются от 0,6 × 0,7 м (Снигеревка) до 1,0 × 1,3 м (Кисёлово). Не исключе-

но, что в тех случаях, когда очаги в домах были не кухонными, а лишь отопительными, на них огонь не разжигали, а клали только раскаленные угли. На это указывают стоящие особняком по своей конструкции отопительные очаги в доме на поселении Фурмановка. Они имели вид плоского глиняного блюда диаметром несколько более метра с низкими бортиками по краям и слегка выпуклым центром. Глина при их изготовлении была уложена прямо на грунт. Наряду с очагами широко применялись как в домах, так и возле них под открытым небом купольные и сводчатые печи. При их сооружении глина и камень использовались в разных сочетаниях. Обычно нижняя часть печи выводилась из камня, а верхняя — из глины. При этом толщина свода достигала 10 см. В отдельных случаях, судя по характеру завала, печь была целиком

сложена из камня. Известны также глиняные печи, сделанные на деревянном каркасе. Форма печных подов в плане круглая, четырехугольная, полуовальная (рис. 38, 1, 4, 5). Размеры подов колеблются в пределах от 0,8 × 1,25 м до 1,6 × 1,6 м. Они сделаны из плоских камней (иногда в несколько слоев), обмазанных глиной, иногда из камней, черепков и глины. Такой под должен был хорошо аккумулировать и удерживать тепло. Очевидно, этой же цели служил и глиняный «кожух» вокруг печи. Некоторые печи, стенки которых сохранились в форме подковы, были целиком открыты с одной стороны. Другие печи имели устье, которое могло оформляться поставленными по его сторонам вертикальными плитами. Перед устьем бывает вымостка из нескольких крупных каменных плит. Обычно печь находилась на уровне жилой поверхности, реже возвышалась над полом за счет толщины пода. Печи в ямах встречаются лишь как исключение. Предпечные ямы не применялись. В Главанах I в развале печи найдена круглая каменная крышка, которой закрывали отверстие в верхней части печи или же она служила замком свода. Ее диаметр 75 см. Тяготения каких-то типов очажных конструкций к определенным группам памятников не наблюдается, и все они встречаются во всем ареале каменного домостроительства.

На отдельных поселениях к востоку от Днестра известны пристенные хозяйственные загородки-закрома. Они находились внутри домов как в жилых, так и в хозяйственных помещениях. Закрома сделаны из каменных плит, поставленных на торец и иногда немного вкопанных в пол. Изредка загородки имели каменное дно.

При изучении в Причерноморье поселений с каменными жилищами, естественно, возникает вопрос о генезисе каменного домостроительства на этой территории. Поскольку оно совершенно чуждо для всего остального ареала черняховской культуры и синхронных культур восточной и юго-восточной Европы, его истоки следует искать в древних традициях населения Причерноморья. Здесь строительство каменных домов возникает в бронзовом веке. Существует варьирующее в деталях представление о том, что черняховскими племенами оно было заимствовано у обитавшего здесь эллинизированного варварского населения, у которого к рубежу эр уже сложилась традиция обитания в каменных домах (Сміленко 1975: 47-48; Баран 1981: 165; Журко 1983: 25). Выявить такое заимствование и оценить его меру можно лишь путем сравнительного анализа. Необходимо отобрать и оценить элементы домостроительства для такого сравнения. Разработке теоретических аспектов изучения жилища уделялось большое внимание в советской этнографии. В ряде работ собран огромный фактический материал, в том числе по жилищу населения степей Причерноморья, Бессарабии и Дунайской низмен-

ности (Типы сельского жилища... 1968; Материальная культура... 1979). Считается, что «этническая специфика жилища проявляется в тех его элементах, которые теснее связаны с семейным бытом, домашним укладом народов, их эстетическими представлениями и менее зависит от окружающей среды и хозяйственной деятельности. К ним относятся, прежде всего, внутренняя планировка дома, печи и очаги, интерьер и убранство комнат» (Материальная культура... 1979: 183). На основе наблюдения над жилищем разноэтничного населения Приазовья в XIX-XX вв. (Материальная культура... 1979: 182), над историей развития жилища русских переселенцев в различных физико-географических условиях (Бломквист, Галицкая 1967: 132; Рабинович 1969: 22), над применением различного строительного материала в Молдавии (Салманович 1947: 209) этнографы приходят к одно-значному выводу. Воздействие природной среды и социально-экономических условий жизни решающим образом влияет на выбор строительного материала, приемы строительной техники, конструктивные детали, характер застройки двора. В этих признаках региональные различия проявляются сильнее, чем этнические. Показательны наблюдения над изменением традиционного жилища у болгар. При переселении у них не наблюдалось приверженности к привычному строительному материалу. Горцы, жившие искони в каменных и деревянных домах, на равнине быстро начали строить каркасные и саманные дома, используя опыт местного населения (Маркова 1974: 49).

Если эти наблюдения применить к нашим материалам, то следует думать, что использование камня для строительства жилищ не может рассматриваться как однозначный этнический признак. Оно является функцией условий среды обитания. Именно с ними, видимо, и связано его первоначальное возникновение в Причерноморье. К моменту формирования черняховской культуры здесь уже сложилась устойчивая традиция строительства жилищ из камня. Однако в других частях ареала черняховской культуры, где строительного камня было вполне достаточно (например, среднее Поднепровье), он не нашел применения в строительстве. Следовательно, в Причерноморье действовал какой-то дополнительный фактор. Таковым могло быть участие в формировании черняховской культуры в Причерноморье местного оседлого позднескифского в основе населения. Это предположение высказывалось в литературе неоднократно, но специального обоснования не имеет.

Исходя из изложенных этнографических наблюдений, возможную генетическую связь черняховского и позднескифского каменного домостроительства следует рассматривать не только с точки зрения применения камня как строительного материала, но и путем сопоставления

строительных приемов и конструкций. В этнографическом отношении они более показательны. У обеих групп населения в строительстве шел необработанный камень-плитняк. В постройках поздних скифов характерный элемент каменных кладок — двупанцирный цоколь (Елагина 1958: 46). На черняховских селищах он известен только на Ингульце (Афонасьева, Дарьевка, Ново-Кондаково, Снигиревка). Облицовка низа стен по внутреннему фасаду рядом крупных плоских камней, поставленных на торец, столь обычная для поселений поздних скифов, на черняховских поселениях обнаружена в единичных случаях (Ново-Кондаково, Фурмановка). В то же время приемы выведения кладок одинаковы. Господствуют иррегулярные постелы с плохо выдержанной рядностью.

Общеизвестно этнографическое значение отопительных устройств. Для позднескифской среды характерно их большое разнообразие: это

жаровни, очаги с жаровнями, сводчатые печи на уровне дневной поверхности (или пола) и в яме, очаги в ямах (Погребова 1958: 126, 127; Дмитров и др. 1961: 83, 88, 89, 91). Глиняные жаровни в черняховских жилищах не применялись. Весьма показательно, что в Буджакской степи на позднескифских памятниках найдены жаровни, но ни на одном черняховском селище они не встречаются. Печи и очаги в ямах для черняховской среды в целом не характерны, но, возможно, некоторую линию связи удастся проследить. На Знаменском городище печь в яме является наиболее поздней формой очажного устройства скифского времени. На черняховском поселении две печи в ямах найдены только в Викторовке (Сымонович, Яровой 1968: 171). Может быть, трансформацией углубленных очагов является прием, когда очаг-под сооружали поверх ямы, заполненной несколькими чередующимися слоями песка и глины (например, Гла-

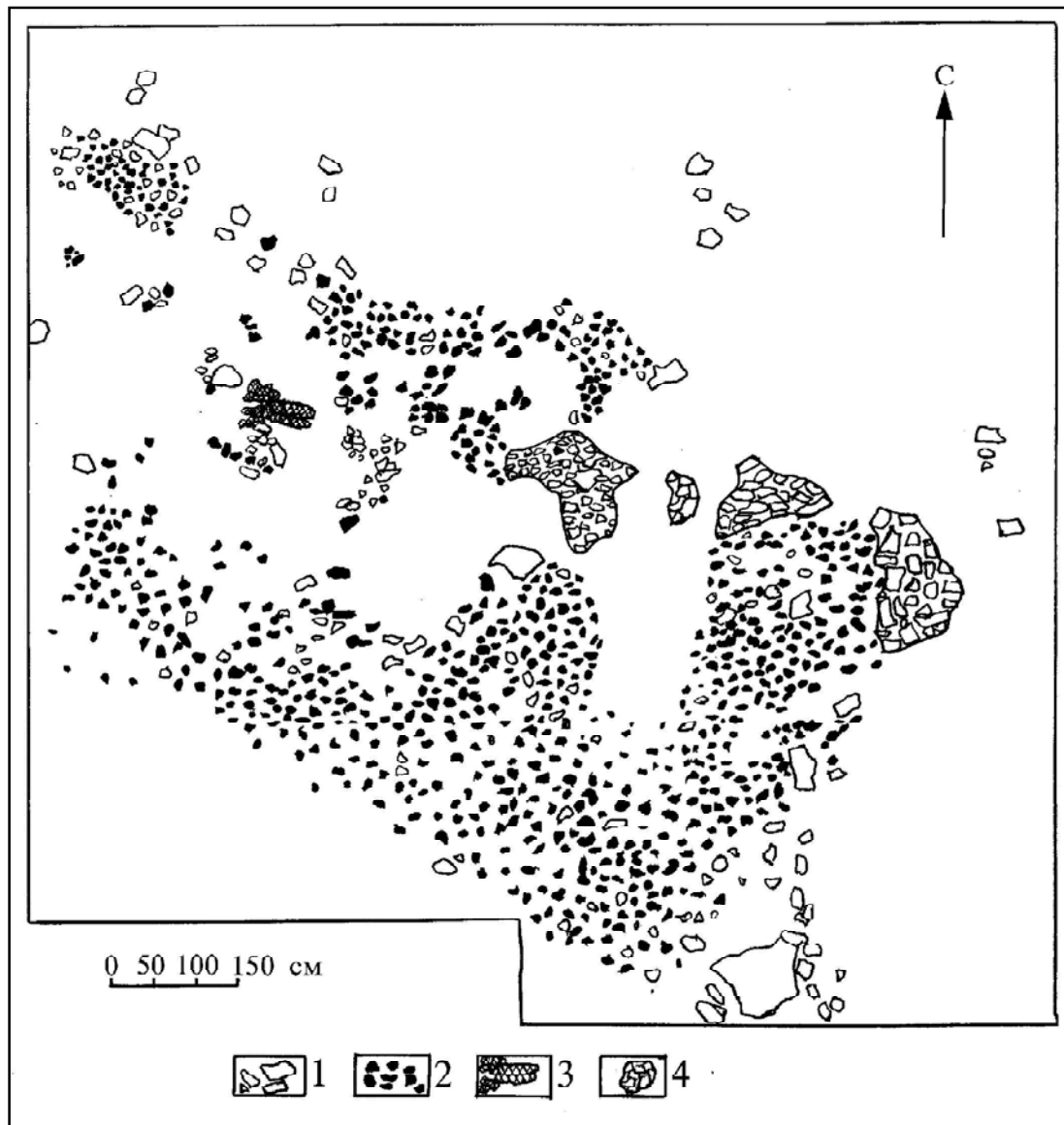

Рис.39. План каркасного дома на поселении Нагорное II: 1 — камни; 2 — обмазка; 3 — очаг; 4 — вымостики.

ваны). Очаги, округлые и прямоугольные, с полами из каменных плиток, сделанные на уровне пола, известны у обеих групп населения. Эту линию связи уже отмечали Н.Г.Елагина и Н.Н.Погребова. У поздних скифов они были лишь одним из видов очажного устройства (Погребова 1958: 126). В черняховское время они становятся практически единственной формой очага. Сводчатые печи, круглые, полуовальные, прямоугольные, возникшие в позднескифской среде, более широко представлены на черняховских поселениях с каменными домами. У отдельных печей одинаково применялись глиняные «кожухи», оформление устья вертикальными плитками по бокам, вымостки перед ними.

Характерной особенностью позднескифского дома являются пристенные загородки из крупных плит камня, поставленных на торец и иногда немного вкопанных в землю (Елагина 1958: 110). Это хозяйственное приспособление известно у эллинизированного населения еще в IV–III вв. до н.э. (например, Закисова Балка) (Штигельман 1958: 131 и сл.) и существуют здесь вплоть до первых веков нашей эры (Петуховка) (Синицын 1959: 23). В Ольвии и городах Боспора они распространяются в первых веках нашей эры в связи с общим процессом рустификации городской жизни и наплывом варварского населения (Погребова 1958: 242; Кругликова 1966: 41). На черняховских селищах они применялись только к востоку от Днестра (Афонасьевка, Дарьевка, Снигиревка, Киселово).

Таким образом, сравнительный анализ строительных приемов и устройства интерьера черняховских и позднескифских домов выявляет определенное сходство между ними. Особенно важно, что оно более ярко выражено в восточной части ареала черняховских поселений, то есть там, где сейчас известна основная масса позднескифских памятников.

Для выяснения возможности этнической связи позднескифского и черняховского населения значительный интерес представляет и существование у того и другого однотипного двух-трехкамерного дома равнозначно-параллельной планировки. Этнически наиболее значимыми элементами жилища считаются те, что наименее зависимы от окружающей среды. Планировку дома нельзя отнести к их числу полностью, однако этническая традиция отражается ею в немалой мере (Грацианская 1973: 25; Рабинович 1969: 23; Токарев 1970: 4). Дома рассматриваемого типа возникают в Северном Причерноморье у позднескифского населения. Еще раньше в позднеэллинистическое время они имели широкое распространение в Неаполе Скифском (Высотская 1979: 23, 87). Сходные строения, хотя и в ином планировочном контексте, известны на городище Золотая Балка: в комплексе V помещения 7, разделенное деревянной перегородкой на две камеры, и в комплексе VI помещения 12 и 13, дополненные мел-

кими пристройками (Вязьмитина 1962: 86, рис. 47). На Гавриловском городище среди строений начала нашей эры исследован двухкамерный дом с огражденным двором (Погребова 1958: 192–196, рис. 38). На городище Николаевка-Козацкая В.И.Гошкевич раскопал два дома, в которых доминирует рассматриваемый тип планировки. В двух помещениях дома 1 имелись печи (Гошкевич 1913: 6–8, табл. V). Может быть, в широком распространении домов рассматриваемого типа на черняховских поселениях Причерноморья можно видеть сохранение позднескифской этнокультурной традиции.

Кроме позднескифских связей, в каменном домостроительстве черняховской культуры обычно отмечают заметное античное влияние. Его усматривают в четкой прямоугольной форме домов и строительных приемах (Магомедов 1983 а: 153). Однако, на наш взгляд, в целом черняховское каменное домостроительство не испытало непосредственно значительного античного влияния. Для него не характерны такие важные элементы домостроительства, как регулярная кладка, применение профессионально обработанного камня, внутренние дворы, подвалы, черепичная кровля. Некоторые другие элементы: спорадическое применение грубо обработанного камня, обмазка стен, глиняный раствор, каменные тесаные пороги, водостоки – свидетельствующие о несколько более высоком уровне развития строительных навыков и знакомстве с античной культурой домостроительства, наблюдаются только в восточной части ареала. Можно считать, что, если во всем этом и проявилось античное влияние, — то оно было опосредовано эллинизированной позднескифской средой.

На первый взгляд, частным свидетельством античного влияния представляются дома типа мегарон на поселении Снигиревка. История появления построек этого типа специально изучалась С.Д.Крыжицким. Он установил, что такая форма дома возникла у варварского населения Причерноморья совершенно независимо от античных городов, где она к этому времени уже полностью отсутствовала. «Подобный специальный тип планировки обуславливался характером структуры семьи, общим укладом жизни, особенностями хозяйства» (Крыжицкий 1982: 134–135). В этой связи отметим, что такой тип дома известен и на черняховских поселениях лесостепи в Леськах (Смиленко, Брайчевский 1967: 39) и Будештах (Рикман 1960: 305–309). Таким образом, можно считать, что непосредственного античного влияния на сложение каменного домостроительства у черняховских племен не наблюдается. В незначительной мере оно могло быть опосредовано через поздних скифов. Именно их домостроительная традиция была истоком распространения каменных домов у черняховского населения в приморской зоне.

Каркасные наземные жилища изучены в основном в Буджакской степи на поселениях Комрат I (Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1962; 1975: 56, № 148; 1975 б: 107), Делакеу I (Рикман 1975 б), Балабанешты (Рикман 1964), Нерушай (Кравченко Н. 1971 б: 54, 65-66), Нагорное II, Кантемировская Балка, Холмское III (рис. 59). Два поселения находятся в зоне, где с ними соседствуют поселения с каменным домостроительством. Поселение Делакеу расположено у пограничья с лесостепью. В западной и северной части Буджакской степи каркасные дома – практически единственная форма жилища. На восток от Днестра такие дома мало известны и почти не раскапывались. При шурфовке поселения Каборга IV найдены остатки наземного дома, о каркасном характере которого свидетельствуют большие куски прокаленной глиняной обмазки (Магомедов 1979 б: 24).

Остатки каркасных домов наиболее выразительны в тех случаях, когда дома сгорели. Они имеют вид развала прокаленной обмазки с отпечатками тростника, древесных материалов и деревянных конструкций (рис. 39). Обмазка обычно довольно четко располагается по периметру жилища, то есть скопления соответствующих расположению стен. Площадь дома восстанавливается несколько приблизительно и, возможно, слегка завышается, ибо исследователь вынужден брать площадь распространения обмазки. Однако Э.А.Рикман полагает, что площадь развалин в основном соответствует площади жилища (Рикман 1975: 55). В любом случае общая тенденция соотношения домов разных размеров сохраняется.

Дома по площади можно разделить на две группы. Жилищ площадью менее 40 кв. м не известно. Как малые следует оценить дома в 40-60 кв. м. Площадь больших превосходит 90-100 кв. м. Это вполне соответствует наблюдениям Э.А.Рикмана, сделанным в основном по материалам поселений в молдавской лесостепи.

Дома строили на древней дневной поверхности, служившей полом жилища. Иногда пол имеет небольшой уклон. Это признак того, что нивелировки поверхности перед началом строительства не производилось. Судя по отпечаткам на кусках обмазки, стены были сделаны из прутьев и веток, реже тростника (поселение Холмское III на берегу оз. Китай), обмазанных толстым слоем глины. Встречаются отпечатки жердей и досок. Судя по отсутствию ямок от столбов, опоры каркаса и перекрытий заглублялись не очень сильно, в основном в слой чернозема. Четкая прямоугольная форма домов свидетельствует о разработанной конструкции перекрытий. На это же указывает и значительная (8-9 м) ширина строений. Кровля, надо думать, была тростниковой. В слое ее разрушения присутствуют отпечатки камыша. В Делакеу стены домов 2 и 7 имели местами каменную субструкцию из уложенных на древнюю днев-

ную поверхность каменных плит, гальки и галечных вымоствок. Изредка применялись также каменные отмоствки возле стен домов (Нагорное II). Употребления обработанного камня не засвидетельствовано. Полы почти исключительно земляные, утрамбованные. Подмазка глиной отмечена только в Комрате, а в одном из домов Делакеу пол был вымоствен галькой.

Отопительным сооружением в жилищах служили очаги-поды, то есть площадки подпрямоугольной, овальной или неправильно-округлой формы, расположенные обычно в центре помещения. Они представляют собой каменные вымоствки на уровне пола, покрытые сверху глиняной обмазкой. Иногда под такого очага бывает многослойным и состоит из слоев глины, песка и плоских камней. Только в Делакеу для вымоствок очагов применялась речная галька. Иногда очаг имеет глиняный или каменный бортик, который ограждает его лишь частично. Такой бортик может быть подковообразной формы (Нерушай). На поселении Делакеу с одной стороны очага вплотную к нему стояли каменные блоки, образуя как бы столик. Очаги описанной конструкции находились и вне домов. Печей в каркасных жилищах не известно. Единственная печь найдена вне дома на поселении Делакеу возле сильно разрушенного жилища 3. Она имела тщательно сделанный под, каменные стенки и свод, глиняный шесток перед устьем и глиняную припечную площадку рядом (Рикман 1967: 176-178).

В жилищах и снаружи встречаются каменные вымоствки хозяйственного назначения. Снаружи домов располагались ямы-погребя и хранилища. Трудно сказать, является ли закономерностью отсутствие ям внутри жилищ, но они пока не найдены ни в одном доме. Буджакские каркасные дома практически аналогичны жилищам этого типа в других частях ареала черняховской культуры. Поскольку в степи такие сооружения в предшествующее время не известны, естественно считать, что каркасное домостроительство появилось здесь с приходом населения из лесостепи, скорей всего, из междуречья Днестра и Прута, где на черняховских поселениях преобладают дома этого типа (Рикман 1975 б: 80-81, табл. III; Журко 1983: 15).

Углубленные в землю жилища в зависимости от их глубины являются землянками или полуземлянками. Первые практически не имели стен, возвышающихся над окружающей почвой. Их кровли находились на уровне древней дневной поверхности. И. Ионица считает, что глубина землянки соответствует человеческому росту или превосходит его (Ioniță 1966: 168). Заглубление полуземлянок менее роста человека. Оно сильно варьирует. Так же разнообразна конструкция стен и перекрытия. На поселениях региона углубленные жилища представлены только полуземлянками. Они сочетаются как с каменными (например, Главаны I, Фурмановка, Тили-

гуло-Березанка, Викторовка II), так и с каркасными (Делакеу, Комрат, Нагорное II и III) домами. Не известно поселений, где бы полуземлянки были единственной формой жилища. Э.А.Сымонович предполагал такое явление в Приморском, где не известно следов наземных жилищ, будь то каменных или глинобитных (Сымонович 1979: 111). Однако, поскольку вся раскопанная площадь составляет здесь 50 кв. м, вряд ли можно считать этот вывод окончательным. Очевидно, то же самое надо сказать и о поселении Утконосовка, хотя Б.В.Магомедов считает, что каменных домов на нем не было (Магомедов 1983 б: 86). Присутствие на поселении скопленных камней (Шмаглий, Черняков 1965: 220; Магомедов 1983 б: 86), хотя и залегающих бессистемно, не позволяет решить этот вопрос столь однозначно. Подобная картина наблюдается и на поселении Бургунка в Поднепровье (Сымонович 1980: 107; рис. 1). Тяготения углубленных жилищ к определенному району не видно.

Полуземлянки со следами постоянного разведения огня в них надо считать жилыми. Они раскопаны в Буджаке на поселениях Приморское (Сымонович 1979 а: 109-110), Утконосовка (Магомедов 1983 б), Комрат (Рикман 1975 б: 113-116; 1975 в: 82-83), в Нагорном и Бужорке, в междуречье Днестра и Буга в Викторовке II (Сымонович, Яровой 1968: 170-172), Тилигуло-Березанке (Сымонович 1967 а: 209, рис. 2), Надлиманском VI (Охотников, Пасхина 1979), в Поднепровье в Бургунке (Сымонович 1980).

Всего анализируется 20 полуземлянок (рис. 40, 41). Их преобладающая форма прямоугольная со скругленными углами. В Викторовке они овальные и округлые. Их глубина колеблется от 0,6 до 1,5 м, площадь от 5 до 12 кв. м. Особняком стоит полуземлянка в Викторовке II площадью 20,6 кв. м. Эти жилища, как правило, однокамерные. Исключения известны на двух поселениях. В Нагорном II в полуземлянке после того как она уже некоторое время использовалась, была поставлена на полу перегородка из глиняных вальков и комков прокаленной глины. Особняком стоят полуземлянки Бургунки, в основном двухчастные (постройки 2, 3, 5, 7), со значительным заглублением одной части по сравнению с другой частью (Сымонович 1980: 105-107, рис. 1).

Конструкция надземной части стен и кровли не восстанавливается, так как ямки от столбов сохранились только в нескольких строениях. Центральное расположение опорного столба (полуземлянка № 4 в Викторовке, Надлиманское VI, Утконосовка) свидетельствует о шатровом характере перекрытия, а обнаружение нескольких столбов по длинной оси жилища (полуземлянка № 3 в Викторовке и, возможно, № 3 в Бургунке) — о двускатном. Для округлых полуземлянок в Викторовке, где нет ямок от столбов, Э.А.Сымонович предполагал шалашеобразную кровлю из жердей, опиравшихся на вер-

хний слой почвы (Сымонович, Яровой 1968: 170). На поселении Комрат на полу полуземлянки лежали сгоревшие перекрытия, а над ними залегал слой глины в 0,4 м толщиной, которым, вероятно, была покрыта крыша сверху. Ямки от столбов, расположенные по периметру, скорее всего, являются остатками стен (Тилигуло-Березанка, полуземлянка № 2) и позволяют реконструировать их как каркасные, обмазанные глиной. В полуземлянке на поселении Бужорка заполнение, особенно у стен, состояло из обвалившейся глиняной обмазки с большим содержанием соломы в ней. По отпечаткам видно, что стены были каркасными. Их основой служили столбики до 5 см в диаметре, переплетенные прутьями и тростником. Обмазку накладывали толстым слоем с обеих сторон. Облицовка стен котлована в углубленных жилищах не обнаружена.

Вход в жилище имел вид наклонного спуска, выступающего за периметр котлована (Приморское, Делакеу, Нагорное II), такого же спуска или ступеньки внутри жилища (Викторовка, Бургунка).

Следы разведения огня имеются в 14 жилищах, что составляет более двух третей от общего числа. Это кострища на полу (Викторовка, Тилигуло-Березанка, Бургунка), ямка в полу (Бужорка, Комрат, Бургунка) и в одном случае печь, вынесенная за контур котлована (Бургунка, постройка № 4), развалы обожженных камней и комков глины, скорей всего, от очагов-подов (Викторовка, Утконосовка), полностью сохранившиеся очаги-поды (Нагорное). Отметим, что напольные кострища и очаги-ямки для углубленных жилищ не характерны. Исключение составляет Бургунка. Купольная печь известна на поселении Викторовка (Сымонович, Яровой 1968: 171). Отмечена печь также на поселении Бургунка.

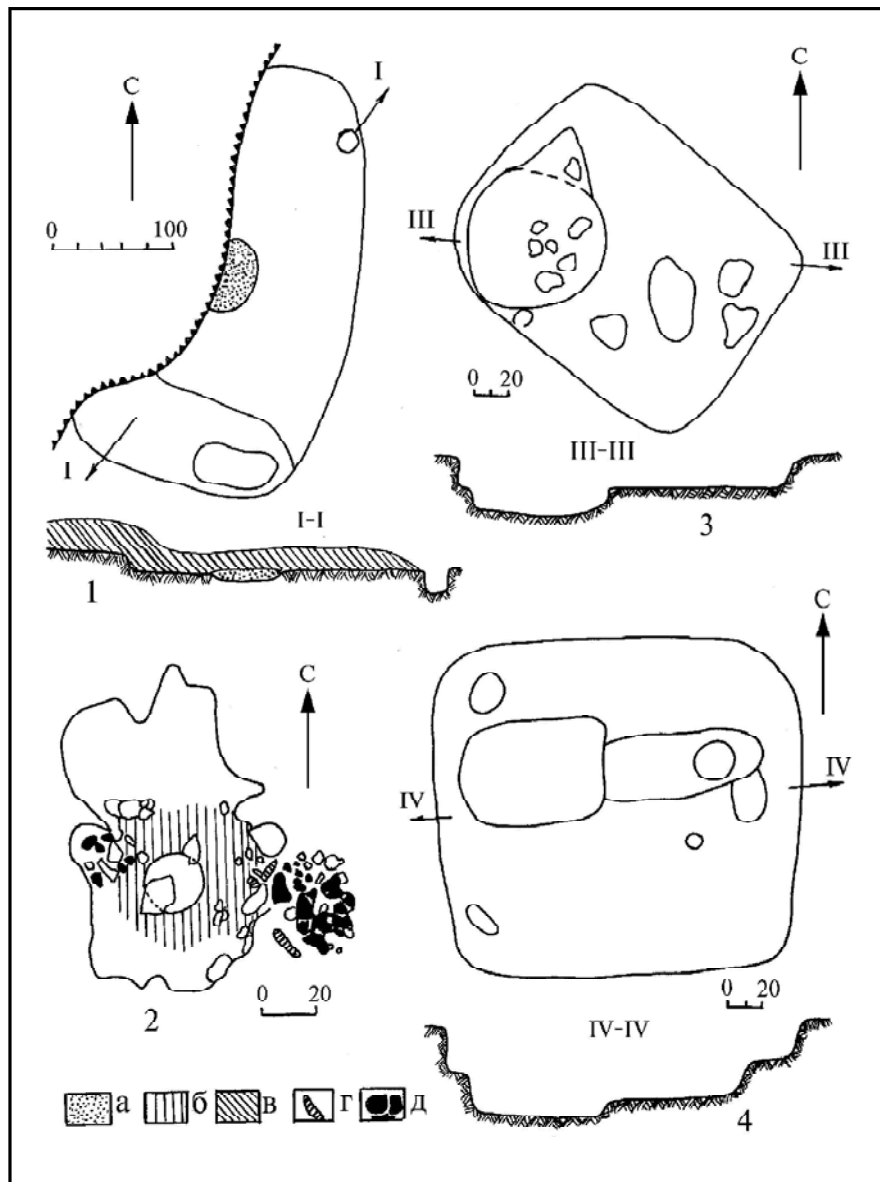
Пол в большинстве случаев земляной. В полуземлянке на поселении Делакеу он имел обмазку, в полуземлянке № 1 на поселении Нагорное II был глинобитным.

В отдельных полуземлянках имеются лежанки для сна и работы, возвышающиеся над уровнем пола на несколько десятков сантиметров (Надлиманское VI, Бужорка, Делакеу, Бургунка). На поселении Бужорка лежанка обмазана глиной с соломой.

Ямы в полу для полуземлянок не характерны. Они отмечены только в Викторовке (жилище № 2) и Бургунке.

Все приведенное описание показывает, что не существовало устойчивого планировочного и конструктивного типа заглубленного жилища. Различия между отдельными полуземлянками ощутимы. Практически все жилища индивидуальны по своему устройству. То же самое явление наблюдается в лесостепном междуречье Днестра и Прута (Рикман 1975 б: 115) и полуземлянках культуры Сынтана де Муреш (Ioniță 1966: 193-196).

Рис.40. Планы и разрезы полуземлянок с поселений Бужорка (1), Нагорное II (2), Главаны I (3,4): а — зола; б — пол, покрытый золой; в — битая глина с соломой, глиняный бортик; д — обожженные камни в очагах.

Обязательное сочетание на поселениях полуземлянок с наземными просторными по сравнению с ними домами, отсутствие у них устойчивого планировочно-конструктивного типа, широкое их применение в качестве подсобных и хозяйственных строений свидетельствует о том, что их значение в качестве жилищ было второстепенным. Даже в тех случаях, когда полуземлянку можно понимать как жилище, оно было лишь дополнением к основному, более комфортабельному наземному дому. Роль самостоятельного жилища полуземлянки играли в исключительных условиях. В частности они могли быть таковыми временно для новоселов, создававших новые поселения. На части поселений дома стоят на культурном слое (например, Делакеу, Главаны I, Викторовка II). На поселении Тилигуло-Березанка каменный дом расположен так, что перекрывает вход в полуземлянку, чем и устанавливается, что по отно-

шению к ней он является более поздним. Черняховское население, появившееся на Козырке, Знаменке и Станиславе, соорудило полуземлянки, а не наземные дома (Бураков 1976: 46; Погребова 1958: 124, 127; Виноградов 1990). В нижнем слое Башмачки преобладают заглубленные жилища (Смиленко 1980: 17). А.Н.Журко, хотя и не изучал степных памятников, высказал предположение о том, что полуземлянки появились на них в процессе миграции на юг населения с северных территорий (Журко 1983: 10). Э.А.Сымонович полагал, что сосуществование наземных и углубленных жилищ отражало процесс развития домостроительства (Сымонович 1971 а).

Сейчас, когда накоплен значительный материал для изучения жилища в Днестровско-Прутском междуречье, трудно согласиться с высказанным в начале исследования этого региона мнением Г.Б.Федорова о том, что здесь полу-

землянки были зимними жилищами, а наземные каркасные дома – летними (Федоров 1960: 18, 19, 101). Ни количество полуземлянок, ни их размеры, ни внутреннее устройство не подтверждают этого предположения.

Малое значение углубленного в землю жилища и его подсобный характер отличает поселения степей от тех районов черняховской культуры, где углубленные дома были основным типом жилища (верховья Западного Буга, Днестра и частично Среднее Поднепровье) или существовали наравне с наземными каркасными строениями (средний и порожистый Днепр, междуречье Днепра и Днестра). Явное сходство видно с практикой домостроительства на поселениях лесостепного междуречья Днестра и Прута (Рикман 1975 в: 82-83). Оно проявляется в обязательном сосуществовании углубленного жилища с наземным, его подсобном характере, отсутствии сложившегося типа полуземля-

нок, значительном числе этих строений без следов отопления, малых площадях, редко применявшейся обшивке стен котлована, каркасной конструкции наземной части стен, неотработанности устройства перекрытий, однокамерности, прямоугольной форме со скругленными углами. Все это позволяет считать, что углубленные жилища этих двух областей имеют общее происхождение. Полуземлянки степного Поднепровья иные по конструкции и плану (Кухаренко 1955: 126-130; Брайчевский 1960: 150-158). Выразительно в этом отношении поселение Бургунка, где все полуземлянки имеют овальную или округлую форму, входы вынесены за контур котлована, в двух случаях из шести видны ямки от столбов, имеются внутренние хозяйственные ямы. Жилища этого поселения явно связаны с полуземлянками более северных районов и, скорее всего, указывают на появление мигрантов из лесостепи междуречья Днестра и

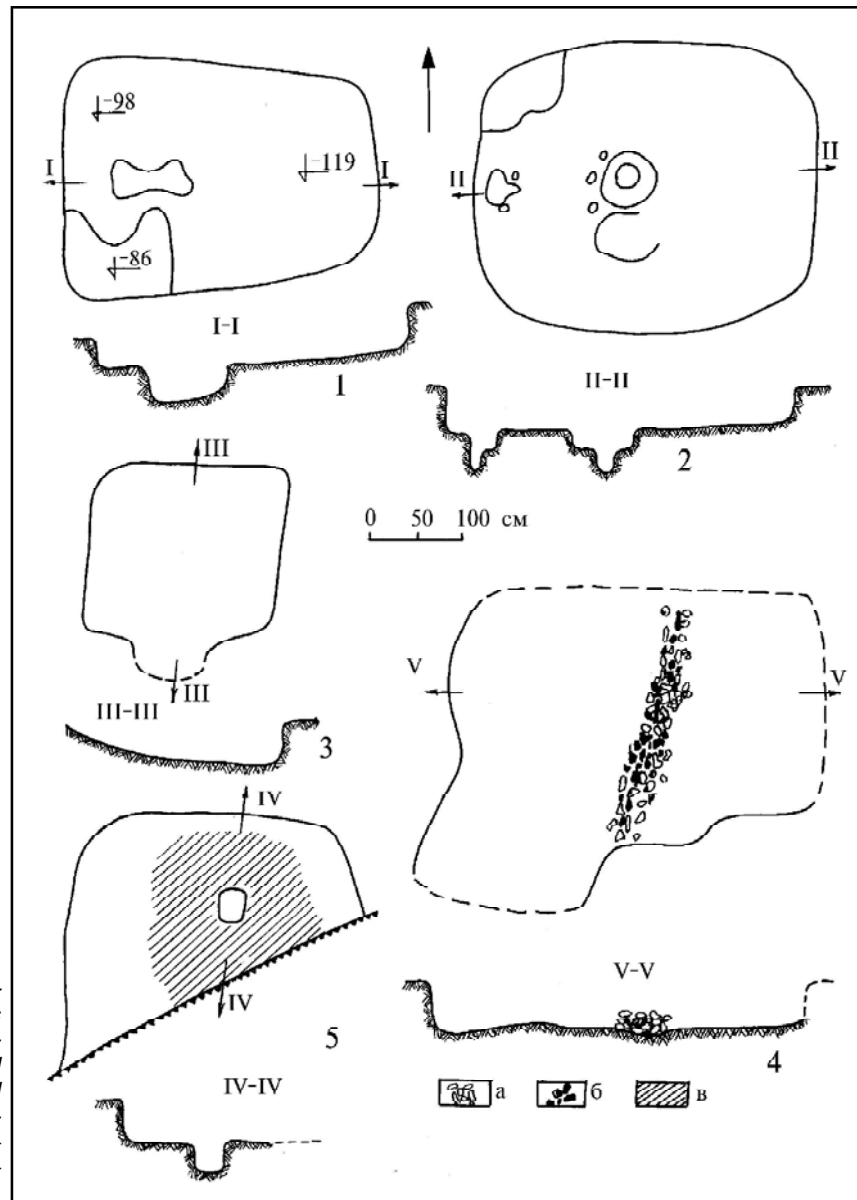

Рис.41. Планы и разрезы полуземлянок с черняховских поселений Нагорное III (1-4) и Нагорное II (5): а – куски прокаленной глины; б – комки глины; в – глиняный пол.

Днепра. Возможно, к этому процессу имели отношение и полуземлянки поселения Викторовка II. Их округлые формы действительно указывают на связь с населением Поднепровья.

Стационарные юрты были обнаружены на поселениях Дракуля (рис.42) и Бургунка. Условия расположения поселения Дракуля в Буджакской степи обычны. Оно находится в верхней части пологого правого берега степной речки Дракуля, изливающейся в плавни Дуная (Гудкова, Фокеев 1984: 68-73). Керамика и вещи ничем не отличаются от материалов черняховских поселений. На площади в 175 кв. м нами раскопаны остатки трех жилищ в виде глинобитных полов с очагами и хозяйственными ямами, с ямками от столбов по периметру. Жилища углублены в землю не более, чем на 0,5 м. Жилище № 1, наиболее сохранное, имело округлую форму диаметром в 3 м с тщательно сделанным и долговременно функционировавшим круглым очагом-подом в центре. Опорой легких каркасных стен служили шесть жердей, расположенных по периметру. Жилище № 2 округло-овальной формы до 7 м в поперечнике с таким же очагом-подом, как в первом жилище, и камельком. По сторонам очага находились две ямки от столбов, служивших опорой для перекладкины, на которой подвешивали над очагом сосуд. Форма жилища № 3 не восстанавливается из-за распашки. В нем тоже имелся очаг, зерновая яма. Сохранились две ямки от столбов. Рядом с этими жилищами найдена прямоугольная (2,3 × 3,1 м) полуземлянка глубиной 0,9 м. Возле одной из ее стен сделана ступенька. Глинобитный пол не подходил к стенам котлована вплотную. Это указывает на то, что они были закрыты плетнем. Полуземлянка не отапливалась.

Жилища этого поселения отличаются от наземных каркасных домов, прежде всего, своей округлой формой, а также малой площадью. От полуземлянок их отличает меньшее углубление и тоже округлая форма. В процессе раскопок поселения ясно воспринималась разница между полуземлянкой, имевшей четкие борты котлована, и размытыми краями жилищ, которые были углублены почти только в чернозем. Слабо подрезана лишь верхняя часть материка. Во всех известных в Буджаке случаях полуземлянки не имели столь тщательно и «капитально» сделанных долговременных очагов. Описанные жилища явно отличаются от всего, что известно о домостроительстве на черняховских поселениях. Такой тип жилищ практически не изучен для римского времени, однако более известен в предшествующее и последующее время. Прямыми аналогиями жилищам Дракули в конструктивном отношении и по характеру археологической сохранности являются юрты на поселениях салтово-маяцкой культуры. Юртовые жилища наиболее полно изучены именно на средневековых поселениях Подонья и При-

азовья, где прослежено развитие жилища кочевников в процессе оседания от юрты, ставившейся на землю, к стационарному жилищу. Поэтому для осмысления жилищ Дракули нам приходится обратиться к этим материалам как типологическим аналогам.

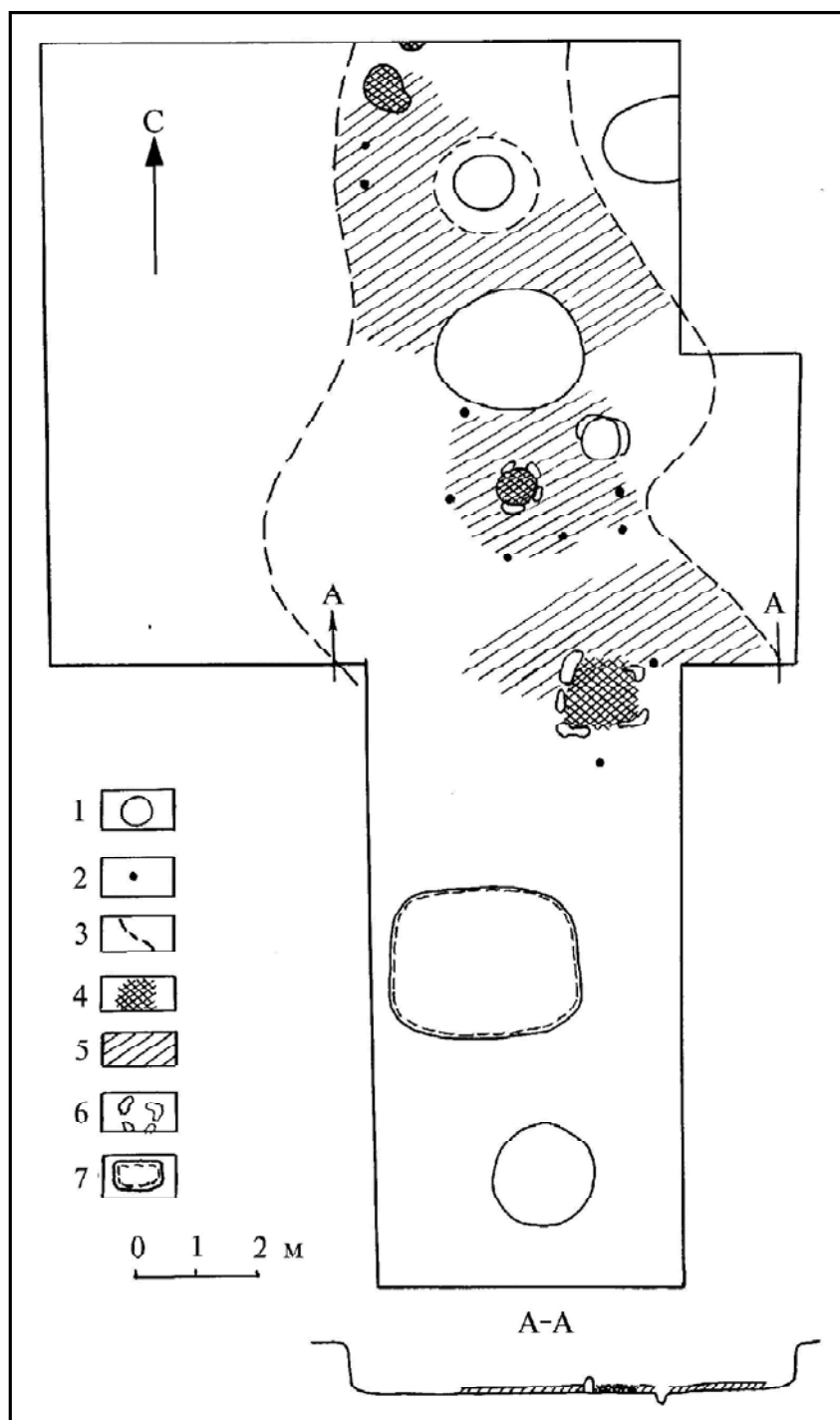
Детали устройства жилищ, аналогичных жилищам Дракули, позволили С.А.Плетневой предложить их классификацию и наметить этапы развития, соответствующие мере оседания их обитателей. В основу классификации положены степень заглубления в землю и количество камер (Плетнева 1967: 51-53). По степени заглубления юрты делятся на три типа: I — углубление до 20 см, II — до 50 см, III — до 80 см с признаками превращения в полуземлянки (Плетнева 1967: 52-57). Достоинно особого внимания то, что по мере перехода кочевого населения к оседлости юрты развиваются в полуюрты-полуземлянки с легкими каркасными стенами, но не в наземные каркасные дома. Юрты Дракули вплоть до деталей соответствуют второму типу жилищ с центральным расположением очага при наличии одновременно с ним камелька (кострище в жилище Дракули), двумя ямками от столбиков-опор по сторонам очага, хозяйственными ямами внутри жилища. Размеры юрт от 3 до 7 м в поперечнике.

На поселении Бургунка юрта сосуществовала с полуземлянками и каменным строением (Сымонович 1980: 107-109). Она представляет собой плоскодонную яму диаметром более 3 м и глубиной около 0,2 м. Столбовых ям не обнаружено. В средней части имелось нерезкое углубление пола, возможно, обозначавшее место очага (Сымонович 1980: 107, рис. 1).

Обнаружение юрт на поселение с обычным черняховским комплексом находок — явление принципиально новое. При анализе столь специфической формы селищ возникает вопрос об истоке их появления. В связи с обнаружением юрты на Бургунке Э.А.Сымонович высказал предположение о том, что подобные жилища появились в результате контактов черняховских племен с кочевниками степи (Сымонович 1980: 107-109). Такое объяснение, возможно, правильно для поселения Бургунка, где юрта единична и потому представляет собой исключение. Однако на поселении Дракуля юрты, напротив, — господствующий тип жилища, что трудно объяснить только заимствованием. В этом случае более убедительно иное предположение: обитатели этого черняховского поселения были в недалеком прошлом кочевниками. Тип их домов отражает эволюцию жилища от кочевнического к оседлому.

Анализ типов жилищ указывает на смешение разных традиций. При этом в разных частях региона проявляются разные тенденции и содержание явления различно. В Приморской зоне между Ингульцом и Днестром господству-

Рис.42. План раскопа на черняховском поселении Дракуля: 1 – хозяйственная яма; 2 – ямка для столбика; 3 – граница культурного слоя; 4 – очаг; 5 – глиняный пол; 6 – камни у очага; 7 – полуземлянка.

ет каменное домостроительство, в котором явно присутствие позднескифской традиции возведения жилищ из камня. Элементы этой традиции – это некоторые строительные приемы (необработанный камень как основной строительный материал, каменный цоколь, в частности, двухпанцирный, облицовка нижней части стен орфостатными плитами, замешанный грунт в качестве раствора, иррегулярность кладок при преобладании постелистых, отсутствие столбовых конструкций), сохранение отдельных планировочных принципов (двух- и трехкамерные дома

с равнозначно-параллельной планировкой), сходные элементы устройства интерьера (развитие позднескифских форм очагов и особенно купольных печей, применение пристенных загоронок). Показательно, что к востоку от Днестра эти явления более массовы, как и само каменное домостроительство. Это можно объяснить только тем, что эта территория была основной зоной обитания поздних скифов. Поскольку прямой связи черняховского каменного домостроительства с античным не выявлено, следует считать, что отдельные элементы антич-

ной домостроительной культуры перешли в черняховскую через посредство поздних скифов.

В междуречье Днестра и Днепра преобладали поселения с каменными домами, а с каркасными — единичны. Иное дело в степи к западу от Днестровского лимана, где поселения с каменными и каркасными жилищами расположены вперемешку. Каменное домостроительство здесь постепенно исчезает по направлению к западу и северу, полностью уступая каркасному. В Буджакской степи обычай сооружения жилищ из камня не имеет местных корней, а на сопредельных территориях он известен только к востоку. Это указывает на его распространение из-за Днестра.

Наземные каркасные дома, массово применявшиеся в Буджаке и в меньшей мере к востоку от Днестра, оказываются полностью аналогичными таким строениям на черняховских поселениях лесостепного междуречья Днестра и Прута, где эта форма жилища была господствующей (Рикман 1975 б: 80-81; Журко 1983: 12, 15). Поскольку в Буджаке в предшествующее время каркасное домостроительство не известно, то неминуемым оказывается вывод о его распространении на эту территорию с севера. Однако при этом не имеется в виду Верхнее Поднепровье, ибо там господствующим был заглубленный в землю тип жилища. Малая изученность каркасных домов в междуречье Днестра и Днепра не позволяет пока с определенностью судить об их происхождении. Возможно, в их распространении сыграла некоторую роль лесостепь к северу от этой зоны, то есть Днестро-Днепровское междуречье.

Полуземлянки на поселениях степи не представляют собой отработанного стабильного типа жилища. Они имеют подсобное значение, что полностью аналогично их роли на поселениях Пруто-Днестровского междуречья. Полное сходство полуземлянок Буджака с полуземлянками лесостепной Молдавии делает, на наш взгляд, ненужной и лишней основания попытку Б.В.Магомедова связывать их происхождение с территорией порожистого и нижнего Поднепровья (Магомедов 1983 б: 88). Полуземлянки степного Поднепровья явно сходны с такими же жилищами Среднего Днепра и, очевидно, связаны своим происхождением с продвижением на юг населения из лесостепи Поднепровья. Далее Викторówki на запад следов этого процесса не зафиксировано.

Особый феномен представляют стационарные юрты. Материала пока для глубокого исследования мало. Можно лишь сказать, что они выявляют в черняховской среде кочевнический элемент в состоянии перехода к оседлости.

Итак, в целом по характеру домостроительства степи представляют собой особый регион в черняховской культуре. При этом в нем отсутствует внутреннее единство и очевидны различные этнокультурные влияния и связи.

КЕРАМИКА

Керамический комплекс черняховских памятников состоит из сероглиняной гончарной посуды собственного изготовления; импортной, представленной небольшим количеством столовых красноглиняных и краснолаковых сосудов; амфорами; лепной посудой. Количественное соотношение этих групп колеблется на разных памятниках довольно заметно. Одной из причин этого может быть случайность выборки за счет вскрытия на поселениях небольших площадей. Однако были, видимо, и объективные различия, причины которых нам пока не известны. Так раскопанные на значительной площади Кисёлово и Главаны I дают разную структуру комплекса. Первое поселение оказывается уникальным по очень большому количеству амфор (35,6 %) и лепной посуды (33,8 %). С ним сходны Тилигуло-Березанка и Каборга. На поселении Главаны I наименьшее количество амфор (4,1 %) и лепной керамики (1,05 %). В целом керамический комплекс характеризуется абсолютным преобладанием гончарной сероглиняной посуды. Доля лепных сосудов в среднем колеблется от 11 до 19%, то есть они самая незначительная часть керамического комплекса. Только на поселении Приморское лепная посуда составляет 28,4 %, а в Кисёлово — 33,8 %.

Лепная посуда

Лепные сосуды — это почти исключительно горшки для приготовления пищи. Их тесто грубое, комковатое, с большим и очень большим содержанием шамота лепной же керамики, иногда с добавкой в тесто сухой глины. Иные примеси, в частности дресва и песок, применялись как исключение. Сосуды изготовлены на неподвижной основе методом ленточного и спирально-жгутового налёпа. Гончарный круг ни для оправки, ни для доформовки никогда не применялся. Обжиг осуществлялся, скорее всего, в бытовых печах. Он относительно равномерный. Черепок в изломе черноватый, непрочный, легко крошится. Поверхность сосудов следов специальной отделки не имеет.

Типология форм черняховской лепной керамики вызывает у исследователей постоянный интерес как источник этнокультурной информации (Баран 1961, 1981; Никитина 1964, 1966; Сымонович 1981 а, 1983 а; Рикман 1975 а: 181-186; Магомедов 1983 а: 140-143). Ей приписывают в этом отношении большее значение, чем продукции гончарного ремесла. Особняком стоит метод Э.А.Сымоновича, который разработал единую типологию для лепной и гончарной посуды (1981, 1983). Этот прием представляется неверным, так как в ряде случаев приводит к смешению форм разного происхождения. Визуальное сходство лепных и гончарных форм не

свидетельствует автоматически о генетическом единстве. Поэтому лучше придерживаться традиционного метода раздельной типологизации и анализа лепной и гончарной керамики. Из существующих классификационных схем форм лепной керамики ни одна в полной мере и неизменной форме не представляется нам удобной для рассматриваемого материала, поскольку ни одна из них не является универсальной. Так, лепная посуда Волыни и Подолии заметно отличается от причерноморской. Поэтому ее классификация, разработанная В.Д.Бараном, имеет региональные особенности (1961, 1981). Г.Ф.Никитина упорядочила лепную керамику всей черняховской культуры, за исключением степных памятников (1966). Типология, предложенная Б.В.Магомедовым для материалов Северо-Западного Причерноморья, очень привлекательна своей простотой, поскольку состоит всего из четырех типов сосудов (1983 а: 140-142, рис. 2). Это позволяет легко организовать весь материал. Однако не все определения выглядят достаточно обоснованными, и сама по себе эта легкость и простота означают такую степень обобщения, которая приводит к потере важных элементов информации. Сосуды, выделенные в тип 1, на наш взгляд, не представляют ни формального, ни культурно-исторического единства. Такая важная в последнем отношении форма, как горшки со стянутым устьем, отсутствует вообще. Очень соблазнительно выделение типов, сразу получающих культурно-историческое определение (скифский, сарматский, гето-дакийский). Однако такое смешение разных уровней исследования представляется неправомерным. Появление нового материала позволяет предложить более дробное членение.

Горшки. В предлагаемой классификации горшков (иных форм сосудов очень мало) учитывались форма тулова, величина диаметра дна, максимального диаметра и положение последнего; форма шейки и характер постановки венчика.

Тип 1 (рис. 43, 1-8): – округлобокие горшки с высокой воронковидной шейкой. Венчик непрофилированный скругленный. Это наиболее многочисленная форма горшков, встречающаяся повсеместно. Вид 1 характеризуется максимальным расширением тулова на середине высоты (рис. 43, 1-6). Вид 2 имеет высокие выраженные плечи за счет положения максимального диаметра выше середины высоты (рис. 43, 7, 8). Сосуды этого типа выделены Г.Ф.Никитиной в тип 1 группы «а». По ее данным, они тяготеют к южной части ареала культуры: Гавриловка, Каменка, Привольное, Косаново, Будешты, Малаешты (1966: 75). По классификации Э.А.Сымоновича они разбросаны в разных группах и четкому анализу не подвергнуты. В верховьях Днестра и Западного Буга наиболее близки сосуды подтипа А типа III и некоторые подтипа Б по В.Д.Барану (1981, табл. 7,

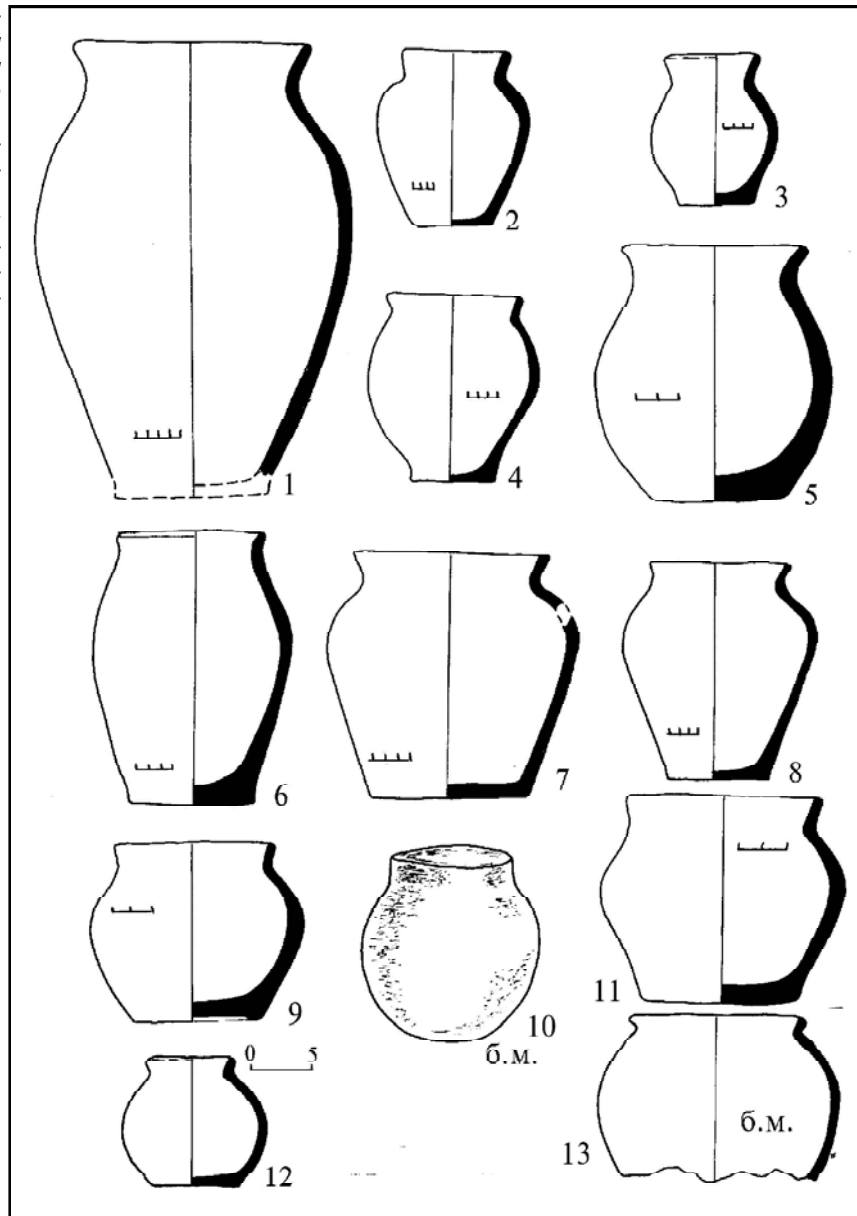
2-7; табл. 8, 1). Они известны здесь на всех памятниках второй четверти I тыс. н.э., но в ограниченном количестве. По мнению В.Д.Барана, наклепные валики-подковки на отдельных экземплярах типологически сближают эти сосуды с зарубинецкими. В целом же он считает этот тип характерным для широкого круга памятников междуречья Западного Буга, Днестра и Днепра.

В классификации Э.А.Рикмана для Пруто-Днестровского междуречья такая форма сосудов отсутствует (1975 б: рис. 22). Б.В.Магомедов выделил рассматриваемые горшки в тип II, скифо-сарматский. В главах I и II настоящей работы нами подробно рассмотрены скифские истоки этой формы и отмечено, что у сарматов Причерноморья она была заимствованной из местной среды. Поэтому представляется, что единственный ее исток в конечном счете скифский. В степи эта традиция, сохранившаяся в предшествующее время у поздних скифов, проявляется более рельефно. Это и отмечено Г.Ф.Никитиной.

Тип 2 (рис. 43, 9-13) объединяет горшки с раздутым, почти шаровидным туловом. Венчик, как правило, не моделирован и имеет вид округлой закраины. Горловина очень низкая. Внутренняя варибельность типа невелика: горловина цилиндрическая или расходящаяся вверх; часть сосудов приземиста за счет того, что диаметр дна больше диаметра устья. Эти сосуды присутствуют не на всех памятниках, причем на поселениях к востоку от Днестра они более многочисленны, чем в Буджаке, и приближаются к горшкам типа 1. Г.Ф.Никитина отнесла подобные горшки к типу 5 группы «а». Она выделила два их подтипа и считает зоной их распространения южную часть черняховского ареала (Гавриловка, Каменка, Будешты, Компанийцы). Наши материалы подтверждают это наблюдение. Э.А.Сымонович отнес такие сосуды к округлобоким горшкам (1981: 51, рис. 5). Эта группа составлена им из очень разных сосудов, что не позволило автору прийти к каким-либо заключениям об их генезисе. В верховьях Днестра такие сосуды не известны. Лишь в Черепине найден один сходный горшок. Он воспринимается здесь как редкая форма (Баран 1981: табл. 9, 3). Б.В.Магомедов выделил такие горшки с разной формой горловины в III сарматский тип, что представляется вполне обоснованным. Чрезвычайно показательно в этом отношении сравнение с позднесарматскими горшками из Нижнего Поволжья (Скрипкин 1984: рис. 8, 4; рис. 9).

Тип 3 (рис. 44, 1-5) – горшки вытянутых пропорций с покатым плечом, как правило, высокие. Преобладают горшки с цилиндрической шейкой (рис. 44, 1, 3, 4). Они в классификациях других авторов не выделены. Ближайшие аналогии им дает тип II в керамике этулийских поселений. Видимо, не случайно такие сосуды известны только на памятниках Буджакской сте-

Рис. 43. Лепная керамика черняховской культуры. Горшки типа I (1-8) и типа II (9-13): 1, 8 – пос. Рипа; 2 – пос. Корениха; 3, 12 – мог. Каменка Анчекрак; 4, 7 – мог. Холмское; 5 – мог. Викторовка II; 6 – Приморское; 9, 11 – мог. Беленькое; 10 – мог. Коблево; 13 – пос. Нерушай.

пи (Бужорка, Главаны I, Рипа, Холмское III). Более редкие сосуды с округло изогнутой слабо расширяющейся горловиной S-видного профиля (рис. 44, 2) тоже представлены только в Буджаке. Целая форма этих сосудов не восстановлена. Очень близкие горшки известны на волыно-подольских памятниках, например, в Сокольниках (Козак, Терпиловский 1986: рис. 6, 5, 6). Тип един по своему генезису и восходит к позднезарубинецким и волыно-подольским памятникам, скорее всего, через посредство этулийской керамической традиции.

Тип 4 (рис. 44, 6-13) распространен повсеместно. Он характеризуется очень низкой (иногда едва намеченной) шейкой, слабо отогнутой наружу, округло или под углом. Сосуды имеют удлиненные пропорции. Максимальный диаметр немного превышает диаметр устья, а диаметр дна меньше диаметра устья. По Г.Ф.Ники-

тиной, всего ближе тип 13, представленный в Компанийцах, Косанове, Комарове и Черепине. По Б.В.Магомедову, они входят в I тип, и нельзя ли согласиться с тем, что видно их сходство с некоторыми типами пшеворской и зарубинецкой культуры (1983 а: 147; рис. 2, 3). Очевидно, эти сосуды можно считать общечерняховскими.

Тип 5 (рис. 45, 1, 2, 4) встречается повсюду. Это сосуды сильно расширенные в верхней части. Диаметр венчика превышает диаметра дна или изредка равен ему. Шейка низкая, слабо отогнута наружу. Тулово округлое или биконическое. Малое количество экземпляров не позволяет с уверенностью определить, гомоген ли этот тип. Сосуды округлых пропорций (рис. 45, 1, 2) могут быть сопоставлены по Г.Ф.Никитиной с типами 5 и 14, мало различающимися между собой. Тип 5 характерен в основном для степных памятников (Гавриловка, Каменка, Ком-

панийцы) и представлен также в Будештах и на поселении в Черепине. Тип 14 четкой территориальной привязки не имеет. Э.А.Сымонович выделяет подобные сосуды в IV тип округлобких горшков с покатыми плечами и считает, что они были распространены во всем бассейне Днепра, но встречаются не очень часто. Он воздержался от однозначного определения истоков их происхождения, не исключая возможности латенского влияния (1983 а: 51). Такая точка зрения кажется приемлемой. Биконические формы (рис. 45, 3, 4) представлены достаточно редко. Перегиб тулова резкий, но не реберчатый. Возможно, это форма, близкая типу III. Это соответствует наблюдениям Г.Ф.Никитиной по поводу горшков типа а-3, выделенного ею, и в определенной мере подобного описываемым сосудам. У них перегиб тулова реберчатый. Ис-

следовательно считает, что они могут быть модификацией горшков типа 1, подобных нашему типу 1. Сосуды этой формы выделены Э.А.Сымоновичем в отдельную группу, в которой им объединены лепные и гончарные горшки, как реберчатые, так и с округлым, но резким перегибом стенок. Представляется справедливым его заключение о том, что, хотя отдельные сосуды этой формы и представлены на Нижнем Днепре, но для Причерноморья в целом они не характерны (1981а: 49). С этим согласуется малочисленность описываемых форм в рассматриваемом регионе.

Тип 6 (рис. 45, 5, 6): горшки со стянутым устьем. Они редки: известны в Гавриловке и как единичные находки в Буджаке. На пограничье лесостепи найдены в Данченах и Будештах. Кроме того, они представлены на памятниках

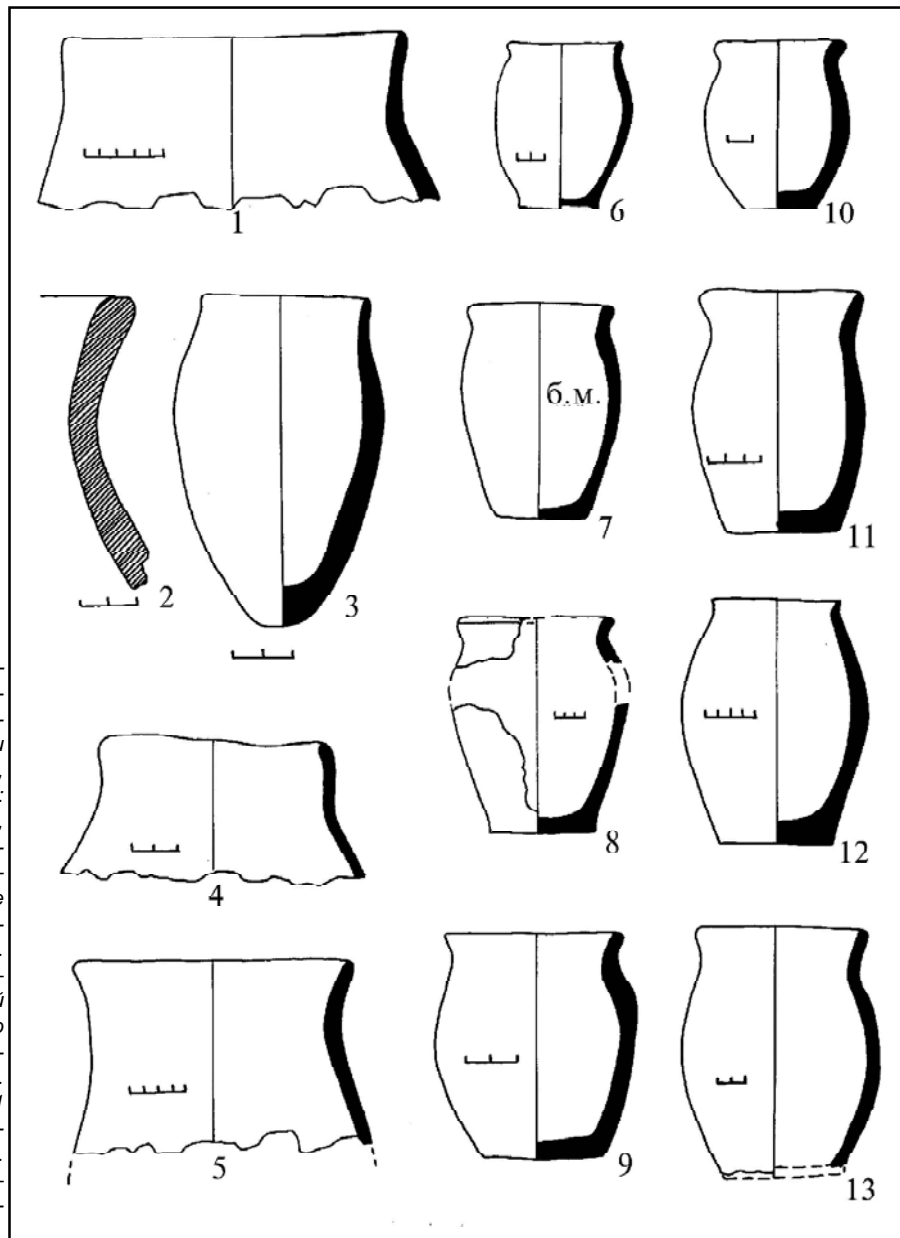
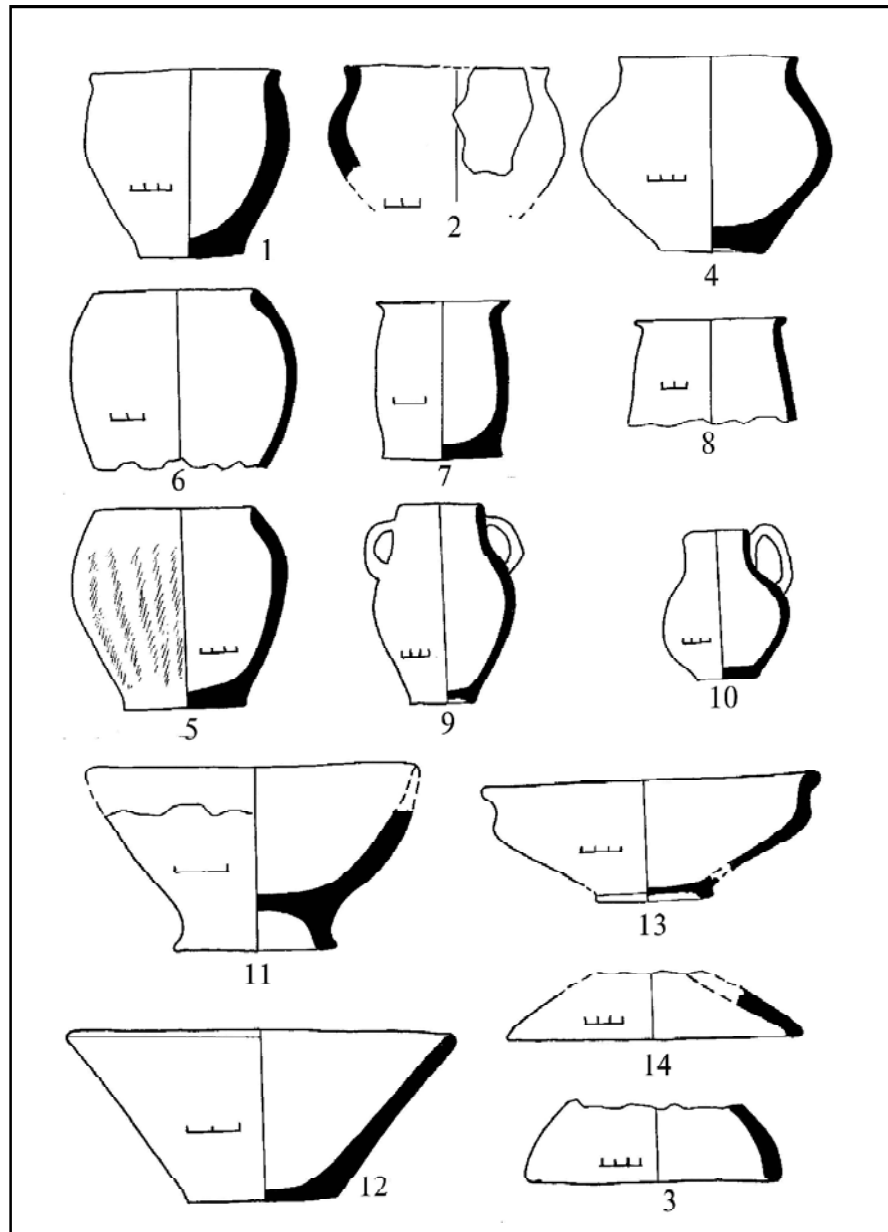

Рис.44. Лепная керамика черняховской культуры. Горшки типа III (1-5), типа IV (6-13): 1 – пос. Рипа; 2, 10 – пос. Утконосовка; 3, 5 – пос. Холмское III; 4 – пос. Главаны I; 6 – мог. Городок; 7 – пос. Нерушай (б.м., по Н.М.Кравченко); 8 – мог. Ранжеево; 9, 11 – мог. Фурмановка; 12 – мог. Кobleво; 13 – мог. Беленькое.

Рис.45. Лепная керамика черняховской культуры. Горшки типа V (1,2,4), типа VI (5,6), типа VII (7,8); кувшины (9,10); миски (11-13); крышки (3,14). 1 – гор. Александровка; 2 – пос. Мирное; 3 – пос. Рипа; 4 – мог.Викторовка II; 5 – мог. Чубовка; 6 – мог. Беленькое; 7 – мог. Холмское; 8 – пос. Главаны I; 9 – мог. Городок; 10 – мог. Большая Корениха; 11 – мог. Каменка Анчекрак; 12 – мог. Фурмановка; 13 – мог. Ранжевое.

Днепровской луки (Волошское, Никольское). По типологии Г.Ф.Никитиной им всего ближе сосуды типа 2 и 3 группы «в» с вогнутым венчиком (1966: рис. 3, 4, 5). Такие сосуды известны на Верхнем Днестре и Западном Буге (Баран 1981: табл. 5, 7-10). Э.А.Сымонович полагал, что эти горшки не характерны для Причерноморья (1981 а: 47). Их различные модификации исследователи единогласно связывают с пшеворской культурой.

Тип 7 (рис.45, 7, 8): сосуды банковидной формы. Они довольно распространены и представляют собой устойчивую форму. Их стенки вертикальны или слабо выгнуты, диаметры дна и устья почти равны. Шейка едва намечена, низкий венчик отогнут наружу. Плитчатый поддон выделен снаружи. Г.Ф.Никитина отнесла банки к типу 11 группы «а» и отметила, что они распространены в культуре Сынтана де Муреш и

известны на поселениях Комаров и Черепин (1966: 77, рис. 2, 16). Рассматриваемой форме у Г.Ф.Никитиной близок также подтип 2 типа 4, распространенный на памятниках Румынии и Молдавии. На Верхнем Днестре это редкая форма (Баран 1981: табл. 9, 4). Б.В.Магомедов возводит происхождение сосудов этого типа к гето-дакийской керамической традиции. Действительно, они известны, правда с орнаментом, у карпов (Bichir 1973: pl. 46, 47) и даков в культуре Милитарь-Килия (Bichir 1984: pl. 12, 2, 3, 5). Возможно, поэтому они и оказываются довольно распространенной формой на черняховских памятниках Румынии (Mitrea, Preda 1966: fig. 33, 4; 73, 2; 86,3; 89, 6; 106, 6; 146, 5; 237, 6; Ioniță 1966: fig. 27, 5, 9; 31, 1, 2). Очевидно, поэтому банковидные сосуды в Буджаке несколько более многочисленны, чем на остальной территории степей. Однако в целом они составляют не-

значительную часть лепного комплекса.

Миски. Кроме горшков, лепным способом изготовлялись немногочисленные миски, кувшины, крышки. Миски с прямыми расходящимися кверху стенками известны на отдельных памятниках, например, в Фурмановке (рис. 45, 12). Их существование отмечено Г.Ф.Никитиной как подтип 1 типа 6 (1966: 80; рис. 3, 21). Об их генезисе пока ничего сказать нельзя.

Некоторое распространение среди мисок имеют открытые сосуды с невысокой шейкой (рис. 45, 13). Они известны во всем ареале культуры (Никитина 1966: 79, рис. 3, 10, 13). Эта форма широко представлена в гончарном варианте (см. ниже реберчатые миски вида 2). Ее генетическая линия требует специального анализа и, скорей всего, со степным регионом не связана.

Миски на высоком поддоне (рис. 45, 11) известны в степи на поселении Каменка-Анчекрак. Г.Ф.Никитина относит такие сосуды к группе открытых мисок типам 1 и 2. Они распространены в черняховской культуре повсеместно. Э.А.Сымонович считал, что миски на высоком поддоне встречаются преимущественно в Среднем Поднепровье и на Волыни, а истоки этой формы находятся в зарубинецкой и пшеворской культурах (1983а: 33-34). Сходно мнение и В.Д.Барана, который для этой формы на Верхнем Днестре и Западном Буге видит местные истоки в предшествующее время (Баран 1981: 82, табл. 9, 1, 3, 5, 7, 11, 16). В позднескифских материалах Причерноморья эту форму считают зарубинецкой по происхождению (Максимов 1982: табл. 15, 4). Ее ареал в черняховской культуре не позволяет возводить ее к античным прототипам. Более вероятны ее истоки в латенских традициях. Однако единичность такой формы в степи на поселении Каменка-Анчекрак может в этом случае указывать и на античное происхождение.

Кувшины с одной ручкой (рис. 45, 10) принадлежат к типу 5 по Г.Ф.Никитиной, распространенному достаточно широко (1966: 81; рис. 4, 8). Кувшин с двумя ручками (рис. 45, 9) представляет форму, в черняховской культуре более распространенную в гончарной посуде. В лепном варианте такие кувшины сильно варьируют по размеру. Они встречаются на отдельных памятниках: Черняхов, Компанийцы, Лепесовка (Сымонович 1983 а: рис. 8, 1-3). Б.В.Магомедов считает, что форма возникла за счет подражания античным амфорам, в том числе плоскодонным (1977: 115). Однако концентрации этих сосудов в Причерноморье не наблюдается.

Конические крышки с вертикальной ручкой (рис. 45, 3, 14, 15) встречаются редко. Это явно переживание формы, широчайшим образом распространенной на памятниках Причерноморья первых веков нашей эры (см. главу 1 и 2).

Анализ лепной керамики выявляет, прежде всего, большую пестроту по истокам генезиса отдельных типов и неравномерное их распре-

деление в регионе. Явное повсеместное преобладание горшков типа 1 свидетельствует о значительном влиянии позднескифского этнокультурного пласта. Можно думать, что он был в основном степного происхождения, но нельзя исключить и влияния скифоидной традиции зарубинецкой культуры. Разграничить их невозможно. Значительное количество горшков типа 2, связываемых с сарматскими формами, представляется на степных памятниках вполне уместным. Их большое распространение к востоку от Днестра, скорей всего, явление хронологическое, поскольку памятники Буджака относятся к позднему периоду черняховской культуры (см. ниже). Горшки типа 3, распространенные только в Буджакской степи (7 памятников), явно свидетельствуют о влиянии керамики типа Этулия. Горшки типа 4 и 5 известны в черняховской культуре повсеместно и генетически связаны с культурами лесостепи. Важно лишь отметить, что на степных памятниках почти полностью отсутствуют биконические формы и сосуды с сильно расширенным устьем, достаточно характерные для лесостепного междуречья Днестра и Днестра. Горшки типа 7 оказываются характерными для степной части ареала культуры, территории Румынии и Молдавии. Важно почти полное отсутствие горшков типа 6 пшеворско-вельбарского происхождения. Таким образом, в лепной керамике наиболее значимыми представляются скифские и сарматские истоки, присутствует в размытом виде влияние зарубинецкой культуры, а фракийское, даже в Буджаке, не оказывается ярко выраженным. В зоне обитания этулийского населения ощущается влияние его керамики. Лепная керамика степной зоны оказывается по основным характерным чертам довольно единой. Она отчасти сходна с керамикой лесостепного междуречья Прута и Днестра. Влияния культур северной части лесостепи, Повисленья и Прибалтики фиксируются избирательно на отдельных памятниках в виде присутствия отдельных характерных форм сосудов, не имевших массового распространения, например, ритон-сапожок в Каборге (Магомедов 1979: табл. VIII, 12; с. 35).

Сероглиняная гончарная посуда

Сероглиняная гончарная керамика по характеру теста делится на столовую и хозяйственную. Первая сделана из однородной тонкой формовочной массы. Ее часто покрывали сплошь или частично лощением и орнаментировали. Набор форм разнообразен. Хозяйственная изготовлена из теста с крупнозернистыми минеральными примесями, делающими поверхность изделия неровной, шероховатой. Для выяснения отношения степных памятников ко всей культуре необходимо провести сравнение их сероглиняной керамики с керамикой эталонного района, то есть Среднего Поднепровья и не-

которых, формально не входящих в него памятников (Маслово и др.).

В настоящее время не существует единых принципов классификации черняховской гончарной посуды, а любая из предложенных типологий может вызвать возражения и не является универсальной. Предлагаемая ниже система не представляет в этом отношении исключения. Она создана с учетом особенностей материала степных памятников, в которых к тому же сравнительно мало целых форм. Недостатки нашей классификации не лишают ее права на существование, поскольку она дает возможность упорядочить и проанализировать в сопоставлении керамику большого региона.

Столовая посуда.

Гончарная столовая посуда состоит из мисок, ваз, горшков, кувшинов и кубков. Две первые формы не всегда различают достаточно

четко (Сымонович 1981а: 53), что создает неудобства при классификации. В настоящей работе миски и горшки разграничены по соотношению диаметра устья и высоты: горшком именуется сосуд, у которого высота больше диаметра устья или равна ему. Количественное соотношение форм сосудов характеризуется безусловным преобладанием мисок, что обычно для культуры в целом. Примерно поровну горшков и кувшинов. Вазы, кружки и кубки встречаются значительно реже.

Миски. Первая попытка выработки системы и терминологии описания черняховских мисок принадлежит В.П.Петрову (1964 а: 93). Он разделил миски на открытые и закрытые, что представляется вполне целесообразным и вошло в практику описания черняховской керамики (Сымонович 1983: 26-27). У открытых мисок диаметр устья превосходит наибольший диаметр туло-

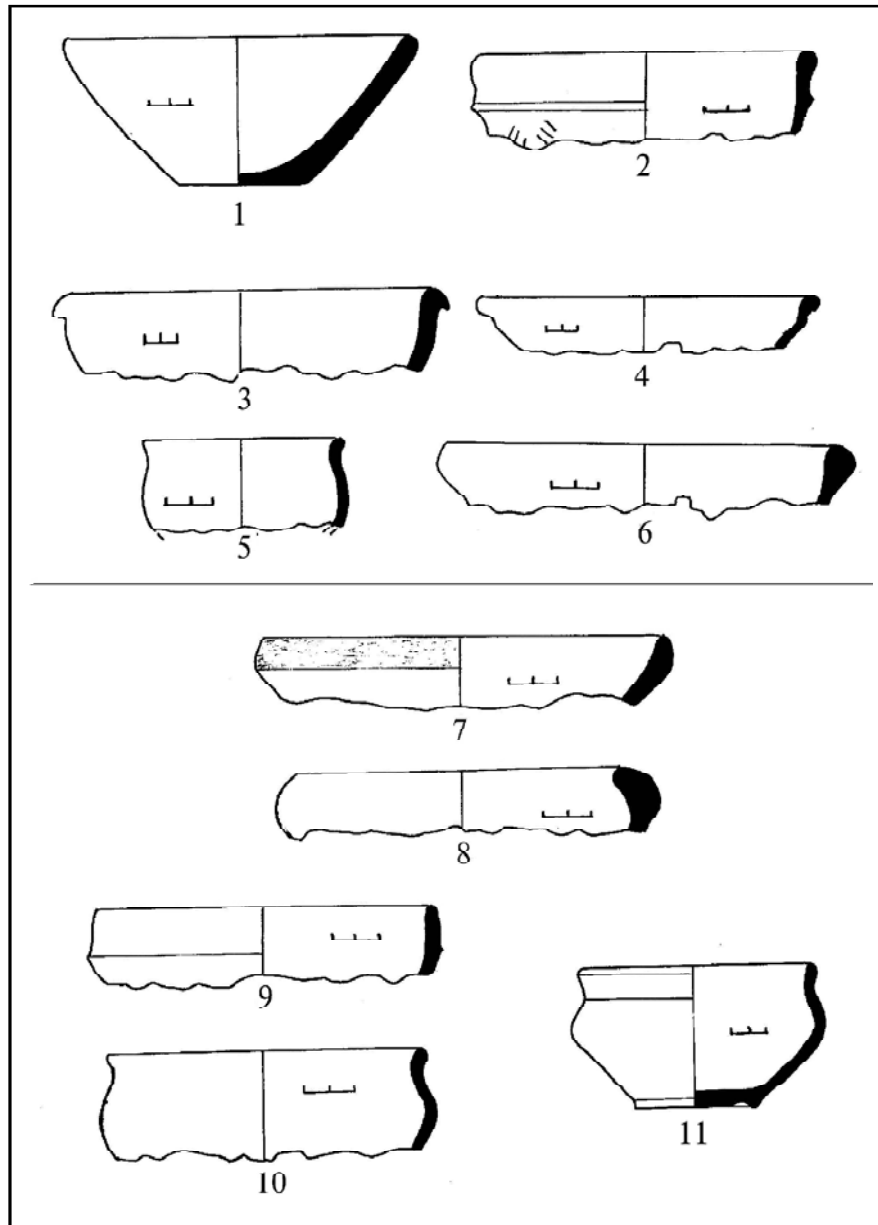

Рис.46. Гончарная столовая керамика черняховской культуры: миски открытые (1-6) и закрытые круглые (7-11).

ва или равен ему. По форме перегиба тулова В.П.Петров разделил миски на остросеберные и округлосеберные, что хорошо выражает форму. Дальнейшая разработка типологии принадлежит В.Д.Барану (1981: 85-86). Нами учтены основные выделенные им формы.

Класс открытых мисок разделен на два рода округлые и реберчатые. По наличию или отсутствию шейки, по степени ее развития выделены виды; по характеру профиля венчика подвиды.

Род округлых мисок. Форма сосуда близка сегменту шара. Такие миски мало распространены.

Вид 1. Шейка отсутствует. Подвид «а»: венчик не выделен и представляет собой скругленный край стенки (рис. 46, 1). Диаметр устья 14,5 см, дна – 5 см, высота 6 см. Сосуды этой формы единичны. Подвид «б»: венчик утолщен, выступает наружу и подчеркнут идущим под ним валиком (рис. 46, 2).

Миски вида 1 в среднем Поднепровье известны, но не принадлежат к числу распространенных форм. В Черняховском могильнике найдены три сосуда такой формы (Петров 1964 а: 95; рис. 6, 14, 17; Сымонович 1969 : рис. 2, 9). В то же время в римских слоях античных городов Причерноморья такие миски отсутствуют.

Вид 2. Шейка слабо намечена. Подвид «а»: венчик имеет вид округлого края стенки, слегка отогнутого наружу (рис. 46, 5). Как правило, это маленькие мисочки с диаметром устья 6-8 см. Подвид «б»: венчик утолщенный, круглый в сечении, выдается наружу (рис. 46, 6). Диаметр устья 14, 17 см. Подвид «в»: венчик в виде округлого края сильно выступает наружу (рис. 46, 4). Диаметр устья около 20 см. Подвид «г»: венчик специально профилирован (рис. 46, 3). Диаметр устья 22 см. Сосуды этого подвида единичны.

Миски вида 2 для памятников эталонного района не характерны. Одна подобная мисочка происходит из Черняховского могильника (Петров, 1964 а: 98, рис. 8, 7), другая – из Переяслава-Хмельницкого (Гончаров 1955: 38, рис. а, третья слева; Гончаров, Махно 1957: 135. табл. 1, 3). В то же время в античной краснолаковой посуде эта форма обычна и разработана во многочисленных вариантах. Очевидно, появление таких сосудов в сероглиняной керамике степных памятников — прямой результат античного влияния.

Род реберчатых мисок характеризуется ярко выраженным перегибом корпуса, ниже которого сосуд сужается. Степень резкости перегиба варьирует от довольно мягкого и даже округлого до резкого перелома, когда сосуд имеет четко выраженную биконическую или цилиндрикоконическую форму.

Вид 1. Шейка низкая, до 2 см высотой, в профиле дуговидная. Максимальный диаметр

на плечиках, ниже которых сосуд резко сужается. Диаметр устья от 20 до 30 см (изредка от 10 до 20 см). Подвид «а»: венчик представляет собой скругленный край стенки (рис. 47, 1, 5, 6). Подвид «б»: округлый венчик слегка утолщен и отогнут наружу (рис. 47, 3, 4). Подвид «в»: такой же венчик выделен изнутри ложбинкой. Подвид «г»: слегка утолщенный округлый венчик поставлен вертикально (рис. 47, 2). Сосуды этого вида представлены на каждом памятнике. Это одна из основных форм мисок, среди открытых реберчатые – наиболее массовая.

Миски вида 1 обычны на памятниках Среднего Поднепровья. Они известны на Масловском (Петров 1964 б: рис. 6, 11; 11, 14; 14, 16) и Черняховском (Сымонович 1969 а: рис. 2, 2; Петров 1964 а: рис. 3, 15) могильниках, в Переяславе-Хмельницком (Гончаров 1955: 38, рис. а, верхняя и крайняя справа; рис. в, крайняя справа; Гончаров, Махно 1957: 135, табл. 1, 4, 7), в Ягнятине (Махно 1949: табл. 11, 3). В Тире аналогичные миски многочисленны и богаты вариантами (Гудкова 1979: рис. 2, 11-16, 18, 20-23).

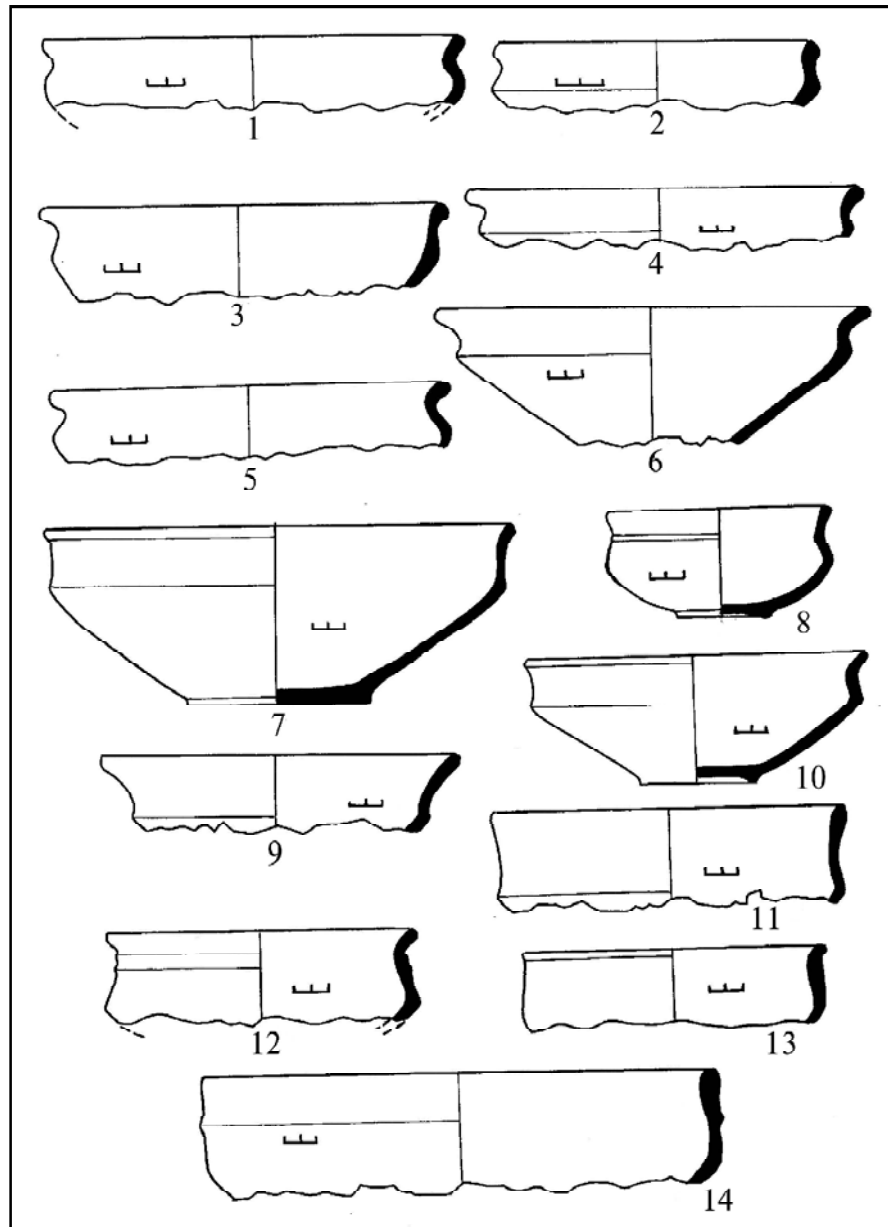
Вид 2 подобен виду 1, но шейка более 2 см, и, хотя и с легким изгибом, но вытянута по вертикали. Размеры такие же, как у вида 1. Подвид «а»: венчик представляет собой скругленный и отогнутый наружу край стенки (рис. 47, 9, 10). Подвид «б»: такой же венчик слегка утолщен (рис. 47, 7, 8). Этот вид имеет широкое распространение.

Открытые реберчатые миски вида 2 обычная столовая посуда в Среднем Поднепровье. Они известны в могильниках Черняхово (Петров 1964а: рис. 3, 12; 4, 6, 8, 11, 20; Сымонович 1967 в: 18, рис.5, 3, 11), Ромашки (Брайчевский 1960: табл. 1, 6), Маслово (Петров 1964 б: рис. 13, 18, 27; 14, 16), Ризино (Кропоткин 1971: рис.1, 2). Э.А.Сымоновичем на памятниках Поднепровья учтено очень большое количество этих мисок. Однако, он полагал, что наиболее массовы они на степных памятниках Нижнего Днестра (1983: рис. 3, 27, 29-58).

Вид 3. Шейка высокая 3-5 см, диаметр устья и максимальный обычно равны. Сосуд биконический или цилиндрикоконический. Венчик слегка утолщен. Преобладающий диаметр устья более 20 см (рис. 47, 11-14). Эти сосуды обычны, но распространены умеренно. Наибольшее их количество происходит с поселения Фурмановка I.

Открытые реберчатые миски вида 3 известны в Черняховском (Петров 1964 а: рис. 6, 12) и Масловском (Петров 1964 б: рис. 11, 11; 13, 13) могильниках, однако, в их материале они принадлежат к числу довольно редких форм, хотя по общему облику и стилю не выпадают из черняховского керамического комплекса в целом. Одна подобная миска найдена в Переяславе-Хмельницком (Гончаров, Махно 1957: 135, табл. 1, 1). Очевидно эту форму следует счи-

Рис. 47. Гончарная столовая керамика черняховской культуры: миски открытые реберчатые.

тать черняховской, но не очень массовой.

Класс закрытых мисок.

Род округлых мисок. Форма подобна сегменту шара, но устье слегка стянуто.

Вид 1. Миски без шейки. Известен один подвид: с округлым в сечении иногда утолщенным венчиком, загнутым внутрь (рис. 46, 7, 8). Эти сосуды единичны.

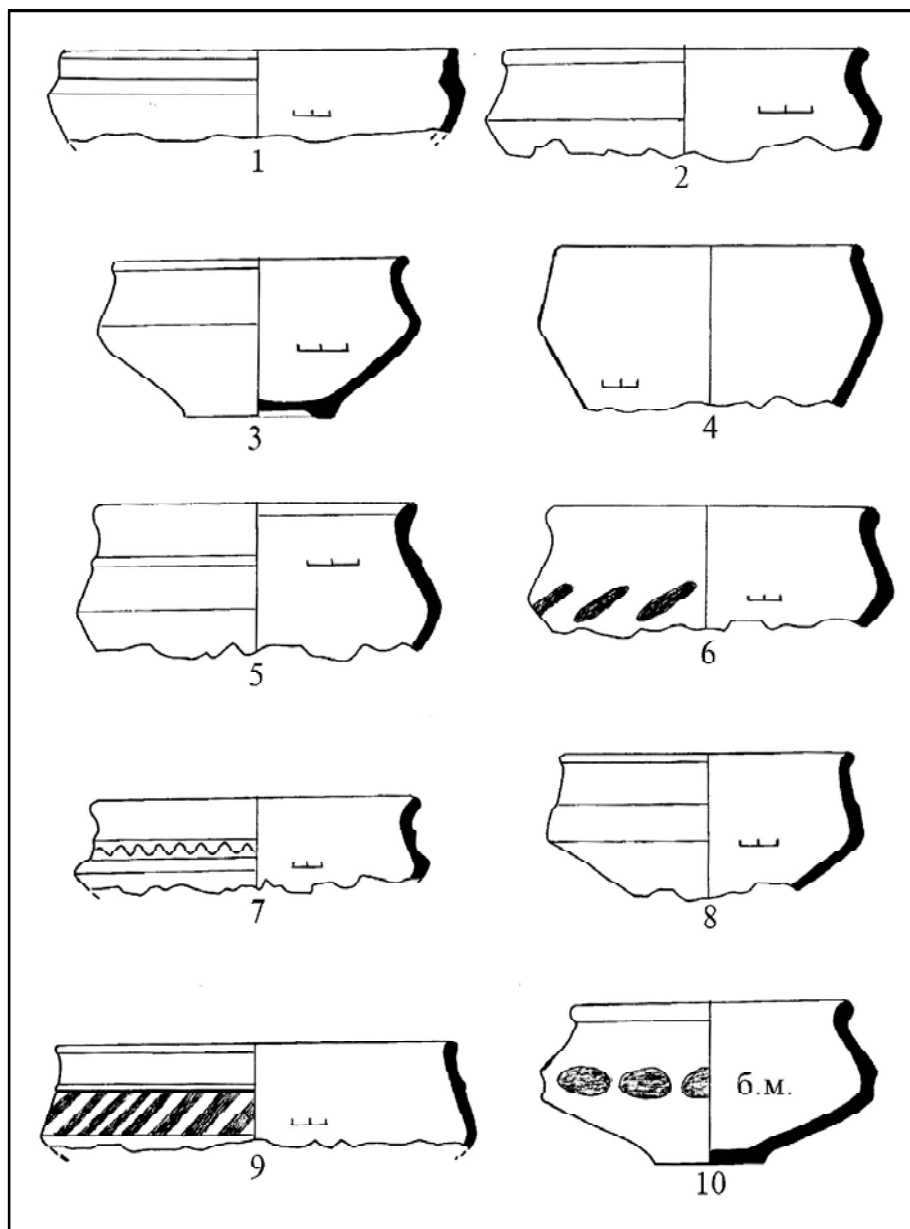
Миски вида 1 редки и на памятниках Среднего Поднепровья. Такая красноглиняная миска найдена в Ромашках (Брайчевский 1960: табл. III, рис. 8). В Черняховском могильнике имеется такой сероглиняный (?) сосуд (Сымонович 1969 а: рис. 1, 14). Такие миски часто встречаются в Тире (Гудкова 1979: 103-204, рис. 3, 12, 15-18, 21) и массовы в Ольвии (Гудкова, Крапивина 1985: рис. 1, 2, 3, 5, 8, 18). На античных городищах Северного Причерноморья они распространены среди красноглиняной и крас-

нолаковой керамики на протяжении всего их существования. Эту форму надо считать античной, спорадически проникавшей к варварам, но не характерной для черняховского комплекса в целом (Брайчевский 1960: 133).

Вид 2. Шейка не выделена. На корпусе миски имеется слабый перегиб в том месте, где почти цилиндрическая верхняя часть переходит в округло-коническую нижнюю. Диаметр устья около 15 см. У единственного подвида венчик представляет собой скругленный край стенки (рис. 46, 9). Миски вида 2 — форма редкая, но встречается по всему региону. По общему облику она вполне соответствует черняховской столовой посуде.

Вид 3. Шейка низкая, слабо намечена. Корпус округлый, иногда с зачатком реберчатого перегиба. Диаметр устья в пределах от 15 до 20 см. Выделен подвид с венчиком, имеющим вид

Рис. 48. Гончарная столовая керамика черняховской культуры: миски закрытые реберчатые.

скругленной закраины стенки (рис. 46, 10-11). Сосуды единичны.

Миски вида 3 со слабо выраженной «мягкой» низкой шейкой обычны на памятниках Среднего Поднепровья. Они представлены в Черняховском могильнике (Петров 1964 а: 87, рис. 3, 18; с. 89, рис. 4, 3, 4, 7, 10), Ромашках (Брайчевский 1960: 113, табл. 1, 3). Создается впечатление, что их можно считать нормальным элементом черняховской столовой посуды. Они одинаково представлены как на среднеднепровских, так и на степных памятниках. Сложение этой формы на основе керамики античных городов вряд ли было возможно.

Род реберчатых мисок. В большинстве случаев перегиб тулова оформлен как острое ребро, но может быть и скругленным, и даже сильно. У отдельных экземпляров эта скругленность достигает такой степени, что сосуд можно опреде-

лить и как округлый, и как реберчатый.

Вид 1. Шейка в 2-3 см высотой, слабо выделена, имеет дуговидный профиль. Диаметр устья в массе не превышает 20 см. Подвид «а»: венчик в виде округлой закраины (рис. 48, 1). Подвид «б»: венчик слегка утолщен и отогнут наружу (рис. 48, 2, 3).

Вид 2. Шейка не выделена. Сосуд имеет резко выраженную биконическую форму. Диаметр устья от 15 до 20 см. Форма довольно обычная, обнаружена почти на всех степных памятниках. Создается впечатление, что на разных поселениях количество этих сосудов различно. Их много в Кисёлове и на поселении Викторовка II. Для этих мисок характерно частое применение линейно-пролощенного орнамента и косых каннелюр, валиков, уступов, углубленные поля орнамента, хорошего лощения. Острое ребро придает сосуду подчеркнuto «металлический» об-

лик. Подвид «а»: венчик в виде округлого края стенки (рис. 48, 4). Подвид «б»: венчик слегка утолщен в верхней части и отогнут наружу (рис. 48, 6, 7, 9). Подвид «в» подобен подвиду «б», но венчик изнутри выделен ложбинкой или уступом (рис. 48, 5). Подвид «г»: венчик резко профилирован, муфтообразный с плоским горизонтальным краем (рис. 48, 8, 10).

Закрытые биконические реберчатые миски обоих видов практически присущи всем черняховским памятникам как в эталонном районе, так и в лесостепи за его пределами, и на степных объектах. Трудно назвать памятник, на котором бы они не были представлены в том или ином количестве и разных модификациях формы. Это типично черняховская посуда. Такие миски присущи, прежде всего, черняховской столовой посуде, и являются ее характерной особенностью.

Вазы. По основным элементам формы к закрытым реберчатым мискам следовало бы отнести сосуды с ручками (вазы), однако их большое своеобразие и необходимость использовать для их классификации иные признаки заставляет выделить их в особую группу ваз. По количеству ручек они разделены на три типа:

Тип с одной ручкой (рис. 49, 1, 2). Форма очень редкая. Венчик плоский, горизонтальный, слегка скошенный наружу, с ложбинкой на плоскости. Венчик сложно орнаментирован. Поддон плитчато-кольцевой.

Тип с двумя ручками (рис. 49, 3) представлен целым сосудом из погребения у с. Сычавка (Федоров, Рошаль 1979: рис. 2, 3). Венчик плоский горизонтальный слегка скошенный наружу, с ложбинкой на плоскости. Он сильно выдается внутрь сосуда и меньше – наружу. Поддон плитчато-кольцевой. Венчик сложно орнаментирован.

Тип с тремя ручками весьма единообразен. Все виды имеют ленточные ручки с несколькими продольными желобками, прикрепленные к венчику и перегибу тулова. Только на одном сосуде (рис. 49, 5) известны ручки-ушки, прикрепленные верхним концом к нижней части шейки, а нижним – к плечу. Дно плоское на кольцевом поддоне или плитчатое.

Вид 1. Сосуды с едва намеченной шейкой или без нее. Подвид «а»: плоский венчик сильно выдается наружу и внутрь сосуда (рис. 49, 8, 9). На нем бывают круговые рельефные валики. Подвид «б»: венчик выступает только наружу (рис. 49, 6). На нем может быть круговая ложбинка.

Вид 2. Вазы с шейкой, подчеркнута отделенной от плечиков. Она слегка сужается кверху. Подвид «а»: венчик в виде округленного края стенки слегка отогнут наружу (рис. 49, 5).

Миски-вазы характерный элемент черняховской керамики во всем ее ареале. Двуручные экземпляры найдены в Бырлад Валя Сяжэ в Румынии (Palade 1980: fig. 16). Степные памятники отличаются крайней редкостью сосудов

с округлым перегибом тулова (Сымонович 1983 а: 33). Б.В.Магомедов совершенно правильно связывает происхождение этих сосудов с пшеворской культурой, отмечая, что в лепном варианте они распространены в культурах Центральной и Восточной Германии и Польши (1987: 56-57; Магомедов, Левада 1994). Однако его предположение о том, что сосуды южных памятников связаны с причерноморским гончарством и даже ольвийским производством требует дальнейшей разработки.

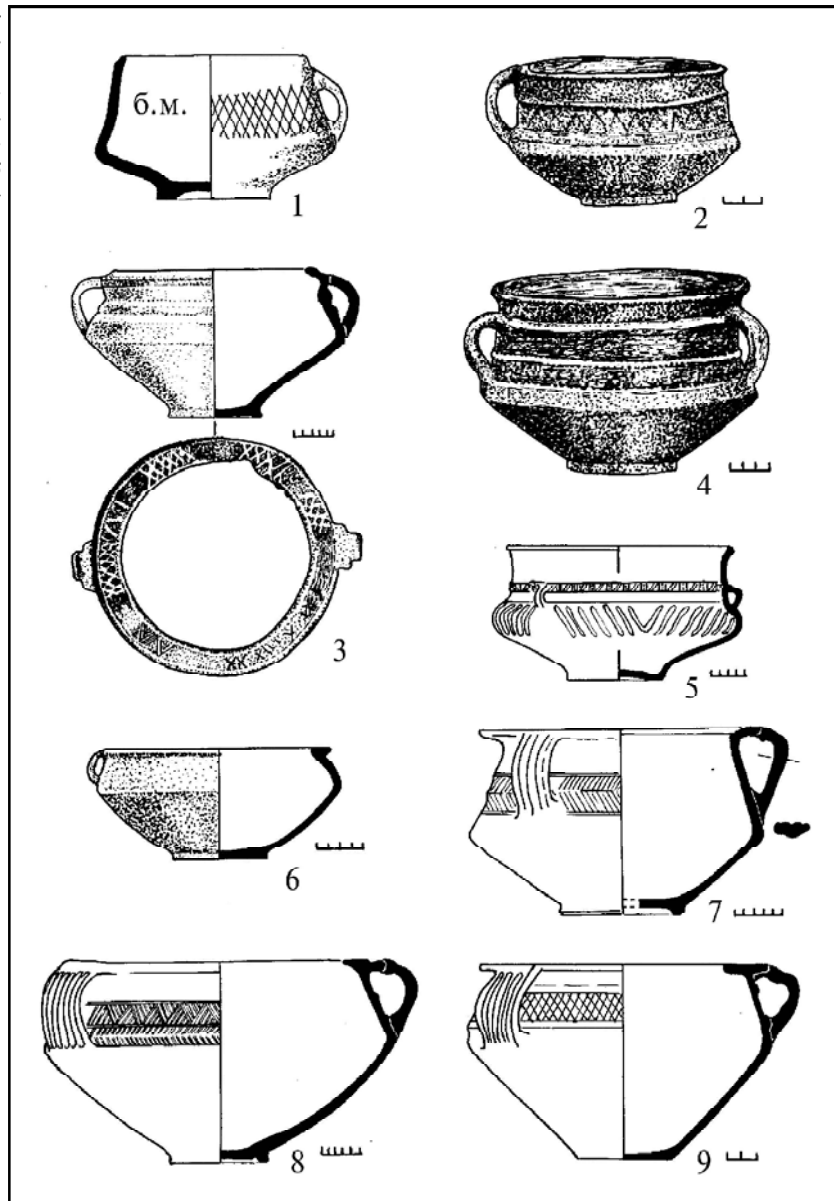
Кувшины присутствуют на многих степных памятниках, но представлены небольшим количеством экземпляров. Традиционная классификация этих сосудов построена на учете количества ручек (Петров 1964 а: 160; Сымонович 1983 а: 36). Это действительно удобно при изучении целых сосудов, но для фрагментированного материала поселений этот признак не применим. Кроме того, он не отражает принципиальных особенностей формы. Поэтому более продуктивно членение кувшинов на два класса по форме тулова: округлобокие и биконические. Б.В.Магомедовым по этому принципу разработана подробная многоуровневая классификация, оказавшаяся весьма удобной (1973: 80-87). Малое количество достаточно целых форм на памятниках степи не позволяет применить ее к этим материалам во всем объеме. Приходится ограничиться членением сосудов на округлобокие и биконические. Размеры сосудов чрезвычайно вариabельны и усреднению не поддаются.

Класс округлобокие (рис. 50, 1-6). Корпус сосуда близок к шаровидному. Сосуды бывают без ручек, с одной или двумя ручками, прикрепленными под венчиком и на плече. Дно плоское плитчатое или на кольцевом поддоне. Горловина, за редким исключением, цилиндрическая, часто декорирована горизонтальными валиками в верхней и нижней части. Ручки в сечении ленточные или овальные с одной или двумя продольными ложбинками. Орнаментация применялась изредка. Известны экземпляры со сливом, сжатым с боков (рис. 50, 6), и подражания металлическим образцам с косо канеллированной поверхностью (рис. 50, 4). Кувшины этого класса – сравнительно распространенная форма.

Среди типов округлобоких кувшинов, выделенных Б.В.Магомедовым, единичное соответствие находим только его типу 16, который определен как западноукраинский. Аналогии ему Б.В.Магомедов видит в керамике даков латенского времени. Им установлено, что округлобокие кувшины преобладают в западной части Украины. Широко они распространены и в Днестровско-Прутском междуречье (Рикман 1975б, рис. 22; с. 179-181). В пределах степи их тяготения к какому-либо району не наблюдается.

Класс биконические (рис. 50, 7-11, 13). Корпус сосуда имеет подчеркнутое ребро. Экземпляры без ручек и с двумя ручками не известно.

Рис.49. Гончарная столовая керамика черняховской культуры. Вазы: 1 – пос. Киселово, б.м.; 2,4 – мог. Коблево; 3 – погр. Сычавка; 5 – мог. Городок; 6 – мог. Холмское; 7-9 – мог. Каборга IV.

Ручки прикреплены на венчике или под ним и на плече. В сечении они овальные или ленточные с продольным желобком. Поддоны плитчатые или кольцевые. Известны экземпляры со сливом, сжатым с боков (рис. 50, 12). Пролощенный орнамент встречается чаще и более богат и разнообразен, чем у округлобоких сосудов. Реберчатые кувшины известны только на нескольких памятниках: поселение Главаны I, могильники Фурмановка и Каборга. Формы сосудов индивидуальны настолько, что трудно говорить об аналогиях.

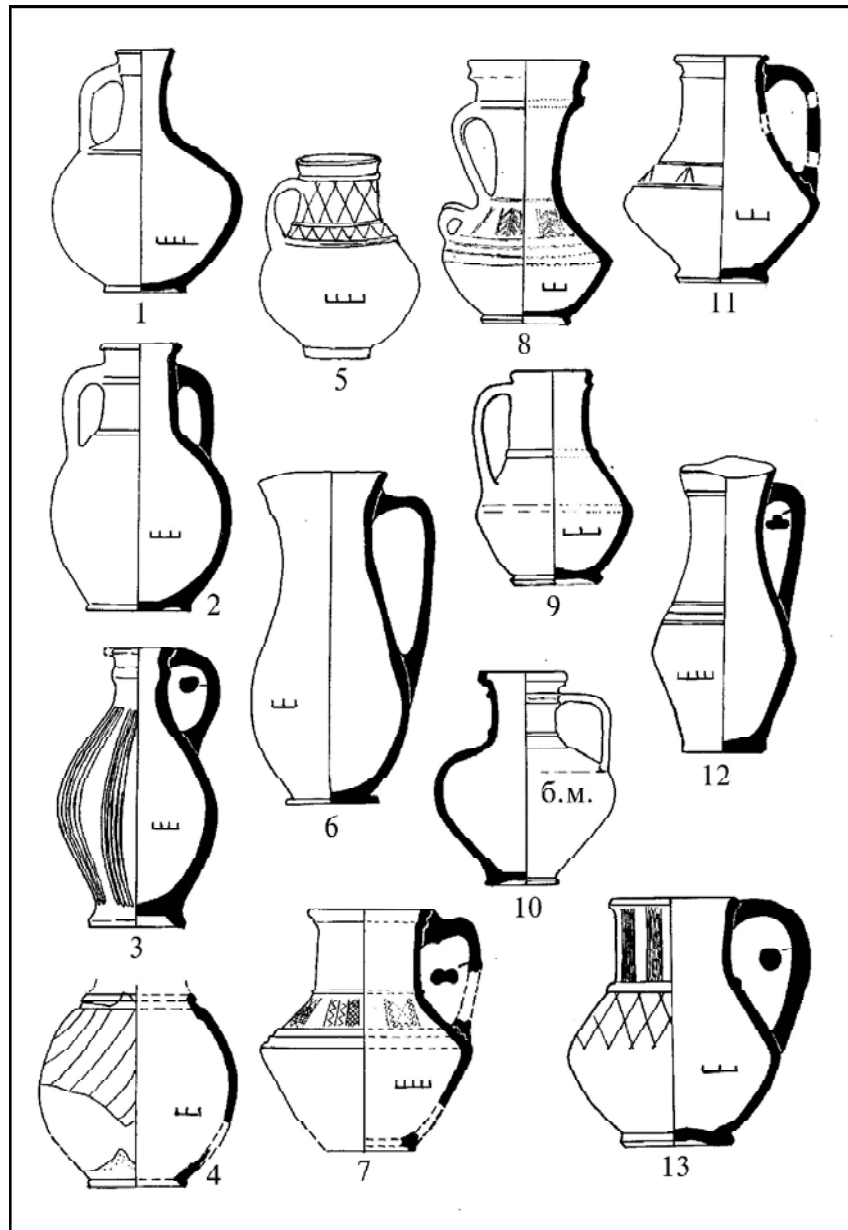
Реберчатые кувшины – обязательная принадлежность черняховской столовой посуды. Они преобладают в Среднем Поднепровье и Подолии (Магомедов 1973: 84).

Наличие сливов на черняховских сосудах, как округлобоких, так и биконических, известно почти исключительно в западной части ареала

культуры (Рикман 1875 б: 180; Баран 1981: табл. 17, 11). В Причерноморье кувшины со сливом характерны для Буджака (могильники Фурмановка, Холмское, Нагорное II). Относительно часто они встречаются также на памятниках Румынии (Mitrea, Preda 1966: fig. 42, 2; 63; 96, 2; 127, 7; 178, 3; 181, 3; 182, 5; 196, 5; 210, 6; 223, 7; 228, 4, 6; 249, 6; 262, 3,4). Вероятно, кувшины со сливом изготавливались под воздействием провинциально-римских образцов, красноглиняных и металлических.

Горшки. Типологию форм черняховских горшков разрабатывали В.П.Петров (1964 а: 88, 90), Э.А.Сымонович (1981) и В.Д.Баран (1981: 87-88). В.П.Петров построил свою одновременно для столовых и шероховатых кухонных сосудов, а Э.А.Сымонович как для гончарных, так и для легких. Поскольку наша типология строится для каждой из этих групп отдельно, нам удалось

Рис. 50. Гончарная столовая керамика черняховской культуры. Кувшины: 1, 2 — пос. Сычавка; 3 — мог. Приморское; 4, 7-9, 11 — мог. Каборга IV; 5 — мог. Коблево; 6 — мог. Холмское; 10 — пос. Киселево, б.м.; 12, 13 — мог. Фурмановка.

использовать готовые схемы лишь частично. Наиболее подходящим для рассматриваемого материала оказалось членение В.Д.Бараном горшков на округлобокие и реберчатые биконические. Целые формы горшков представлены в основном на могильниках. Их выделение и классификация по материалам поселений в какой-то мере условна. Число горшков невелико. Лощеные и гладкие горшки не употреблялись для приготовления пищи: на них никогда нет ни нагара, ни накипи на горловине внутри. Крупные толстостенные экземпляры, видимо, служили зерновиками (рис. 51, 2).

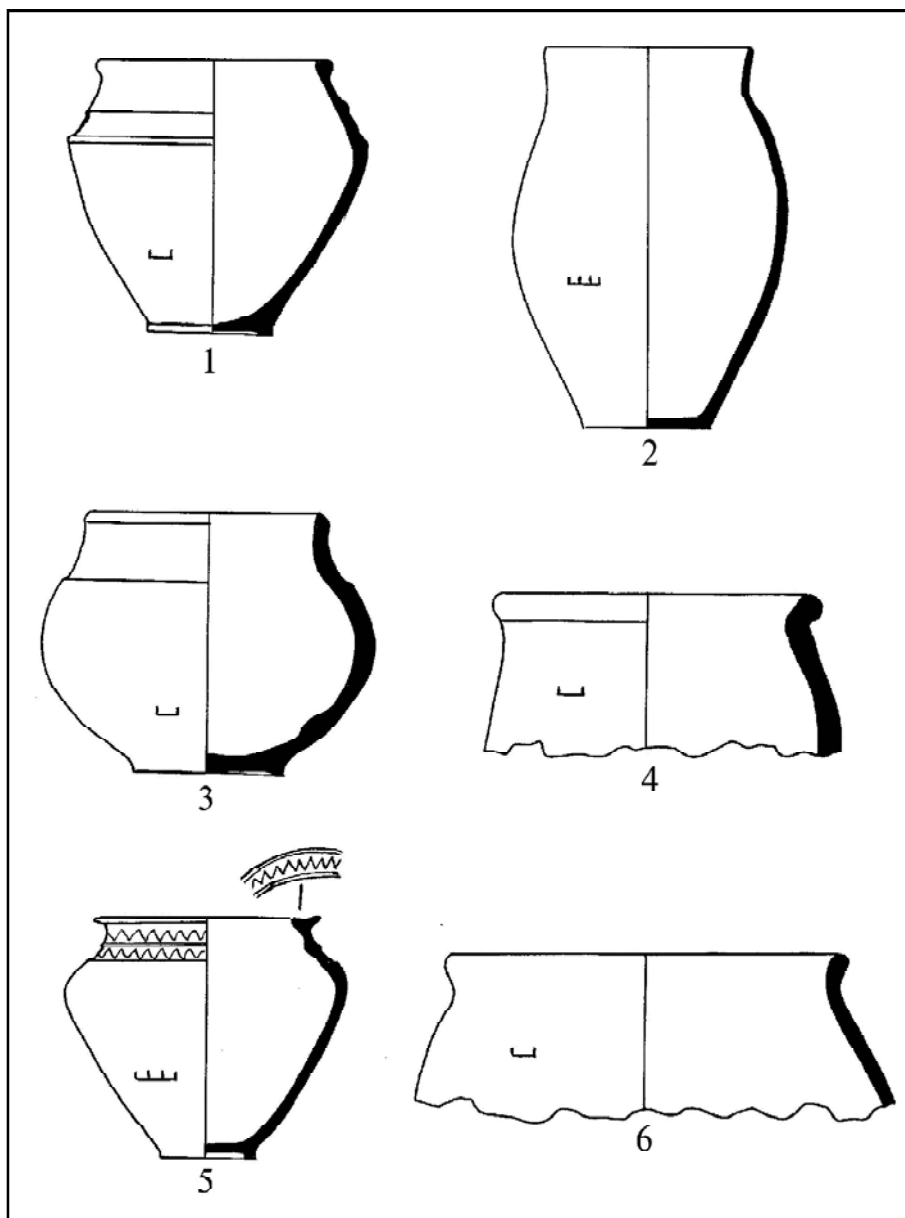
Класс округлобокие характеризуется мягкой формой без резких перегибов тулова. Округлобокие горшки с развитым плечом известны в черняховской культуре повсеместно и в частности в Среднем Поднепровье (Сымонович, 1981а, рис. 5).

Род с выпуклым плечом. Вид 1 с венчиком в виде округлой закраины (рис. 51, 3). Целые экземпляры имеют кольцевой поддон. Размеры сосудов не велики: высота колеблется от 10 до 20 см, диаметр венчика от 8 до 16 см.

Вид 2 со слабой профилировкой венчика за счет его утолщения и выступающего наружу (рис. 51, 6). Судя по диаметру венчика (15-18 см), это были небольшие сосуды.

Род с покатым плечом (рис. 51, 2, 4). Шейка отсутствует или слабо намечена. Венчик в виде округлой закраины или выступает наружу. Малое количество экземпляров и отсутствие целых форм делает дробную классификацию невозможной. Сосуды вытянутой формы с покатыми плечами в эталонном районе на гончарном круге почти не изготавливались. Эта форма свойственна лепным изделиям (Сымонович 1981: рис. 3).

Рис. 51. Гончарная столовая керамика черняховской культуры. Горшки: 1 – пос. Нерушай; 2 – пос. Рипа; 3 – мог. Первомайское; 4 – пос. Холмское I; 5 – мог. Городок; 6 – пос. Главаны I.

Класс биконические. Тулово горшков имеет в верхней части резко выраженный перегиб, иногда оформленный как острое ребро.

Род без шейки объединяет все известные сосуды этого класса. Сильно развитые плечики сосуда непосредственно заканчиваются лежащим на них венчиком.

Вид 1. Венчик слабо отогнут наружу, горизонтально уплощен (рис. 51, 1). Размеры сильно варьируют: диаметр венчика от 20 до 48 см.

Вид 2. Со сложно профилированным в горизонтальной плоскости венчиком (рис. 51, 5). Его ширина достигает нескольких сантиметров. Он всегда сильно выступает наружу, иногда и внутрь – у разных экземпляров по-разному. Горизонтальная плоскость венчика может иметь дополнительную профилировку валиками – по краям и ложбинкой — в середине. На нее часто наносили пролощенный орнамент. Эти вен-

чики во фрагментах часто не отличимы от венчиков мисок-ваз и встречаются довольно часто. Размеры: высота 18-20 см, диаметр венчика 16-22 см. Биконические горшки Среднего Поднепровья в массе характеризуются положением ребра на середине высоты сосуда. Горшки с его высоким положением, подобные рассмотренным, редки (Сымонович 1981а: рис. 4).

Кружки найдены на многих памятниках, но везде они редкая форма. От ваз с одной ручкой они типологически отличаются тем, что высота у них превосходит диаметр устья и не бывает венчика с горизонтальной плоскостью. Особенность этих биконических сосудов – расположение перегиба стенки в нижней трети высоты.

Род округлые. Тулово имеет слабо выраженную биконичность, но ребер нет, перегиб мягкий, округлый (рис. 52, 4, 8, 9). Горловина слабо намечена. Ручка прикреплена к горловине и на

перегибе корпуса.

Род реберчатые с резким перегибом тупова.

Вид 1. Шейка отсутствует (рис. 52, 3). Ручка прикреплена к венчику и над ребром. Диаметр венчика 5,5 см, высота сосуда около 13 см.

Вид 2 со слабо выраженной шейкой (рис. 52, 1, 2). Ручка прикреплена на шейке и на ребре. Размеры: диаметр венчика — 15 см, общая высота — 20 см.

Как общая тенденция выглядит преобладание реберчатых сосудов на памятниках степи и округлых в лесостепи. Реберчатые широко представлены на памятниках Румынии (Mitrea, Preda 1966: fig. 10, 5; 42, 4; 49, 3; 70, 1; 121, 4; 167, 4; 169, 1; 181, 6; 229, 4; 261, 4-6). Вопрос о сложении этой формы исследован В.М.Корпусовой (1971), пришедшей к выводу о ее кавказском происхождении. Их распространение на запад она связывает с продвижением сармато-алан-

ских племен и считает, что на Боспоре эта форма посуды появилась не ранее III в. Однако в сарматских памятниках Причерноморья подобных кружек не известно. Сосуды с мягким перегибом корпуса близки гончарным кружкам или кувшинчикам из сарматских погребений Румынии и Молдавии. Э.А.Рикман полагал, что эти изделия изготовляли гончары-профессионалы из числа осевших сарматов или же их приобретали у местного оседлого населения (1975б: 58-59). Существует так же мнение, что черняховские кружки (речь идет об округлых) могут восходить к вельбаркско-цельским (Каспарова, Щукин 1979: 161; рис. 12). Э.А.Сымонович видел два истока сложения форм кружек — зарубинецкий и южно-степной, связанный с сармато-аланским миром.

Кубки для степной зоны не характерны (Сымонович 1983а: 37). Они обнаружены в ее восточной части в Каменке-Днепровской, Гаврилов-

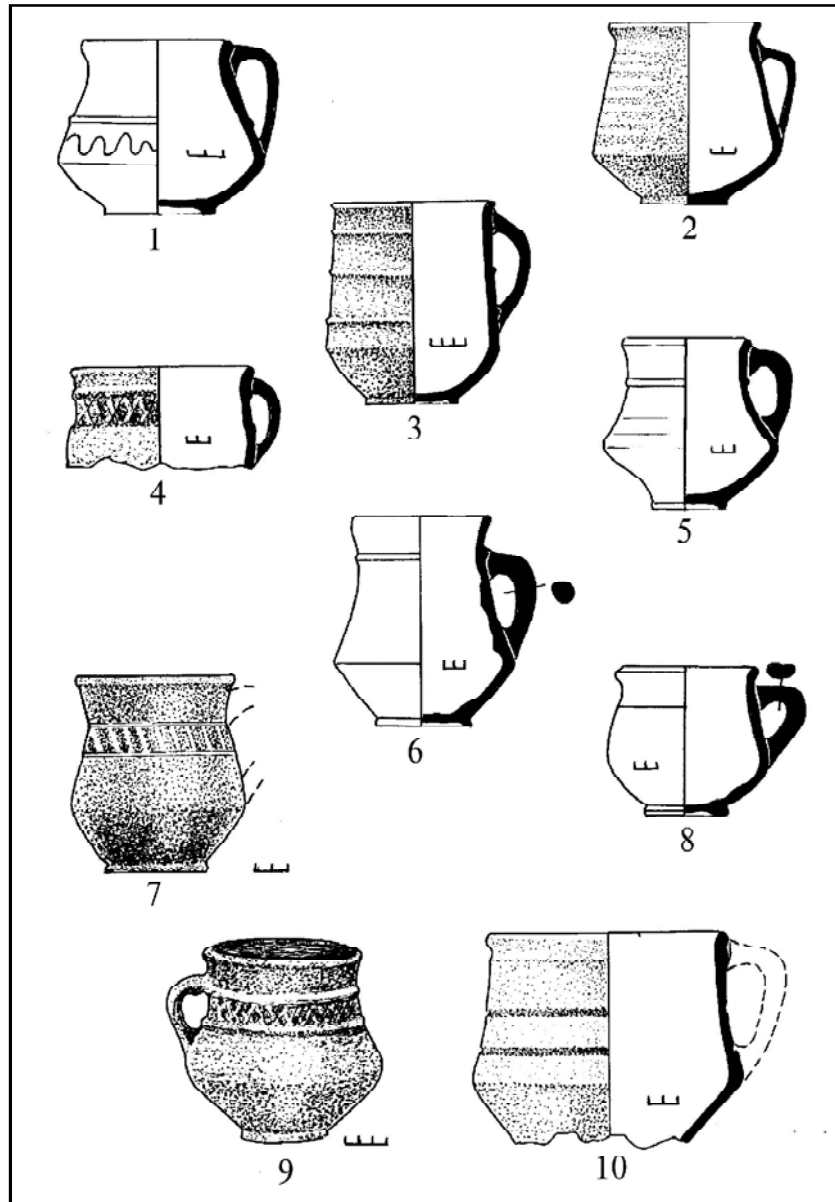

Рис.52. Гончарная столовая керамика черняховской культуры. Кружки: 1 — мог. Беленькое; 2 — мог. Холмское; 3 — пос. Холмское III; 4 — пос. Фурмановка; 5,6,8 — мог. Фурмановка; 7 — пос. Нерушай; 9 — мог. Коблево; 10 — мог. Каборга IV.

ке (Сымонович 1955: рис. 2, 7; 8, 8, «а» и «б»; 10, 9; Сымонович 1960, табл. III, 8, 10; IX, 2, 4, 5, 8), Каборге (Магомедов 1979 б: рис. 3,4; 7, 5; 16, 4, 6) и Чубовке (Гребенников и др. 1982: 140, рис. 3). В Буджаке они не известны. Материала со степных памятников для разработки классификации слишком мало.

Наблюдения над гончарной столовой посудой можно завершить следующими выводами. В целом она заметным образом не отличается от керамики эталонного района ни по формам, ни по степени их распространенности. Для мисок, ваз и горшков это наблюдение не имеет исключения. Кружки в степи в массе своеобразного облика. Исследователи связывают их происхождение с сармато-аланским миром. Конкретный путь сложения и распространения этой формы еще требует дополнительного изучения. Малое распространение кубков формирует предварительное предположение о том, что они весомо представлены в основном на тех могильниках, где присутствуют культурные признаки северо-западного происхождения.

Орнамент. Рассмотрение столовой посуды не будет полным без анализа применявшегося на ней орнамента. М.А.Тиханова считала орнамент на черняховской керамике одним из признаков для выделения ее локальных вариантов (Тиханова 1957: 170). Даже, если его этнический характер смазан и затемнен, можно думать, что отдельные его особенности указывают на направление связей. В этом случае их выявление будет способствовать изучению региональных особенностей культуры. В целом для черняховской культуры этот материал уже был предметом специального исследования. Работа Э.А.Сымоновича (1964 б) не потеряла своего значения и по сей день. Хотя он и полагал, что «все основные виды... орнамента... встречаются в общем на всей территории распространения черняховских памятников», тем не менее выделил тяготеющие к определенным районам: Побужью, Приднестровью и западным областям (1964 б: 272). В 1964 г., когда вышла эта работа, степные поселения с черняховским керамическим комплексом были еще мало известны и археологи сомневались в возможности их отнесения к черняховской культуре. Э.А.Сымонович использовал из этой зоны материалы лишь с памятников степного Поднепровья, черняховская принадлежность которых была очевидна. При анализе степного материала оказывается целесообразным использовать терминологию и систему классификации орнаментов, разработанную им на основе техники их исполнения.

Подавляющее большинство столовых сосудов покрывалось снаружи лощением, целиком или частично. Венчик обычно покрыт лощением, заходящим и на его внутреннюю сторону. В отдельных случаях чередование залощенных и матовых горизонтальных полос на сосудах, не

имеющих другого орнамента, приобретает самостоятельное значение (рис. 53, 1, 2). Внутри посуду никогда не лощили. Относительно малое количество столовых сосудов лощения не имело, а их поверхность хорошо заглажена. Ангобирование не применялось, а в римских слоях Тире и Ольвии оно довольно обычно.

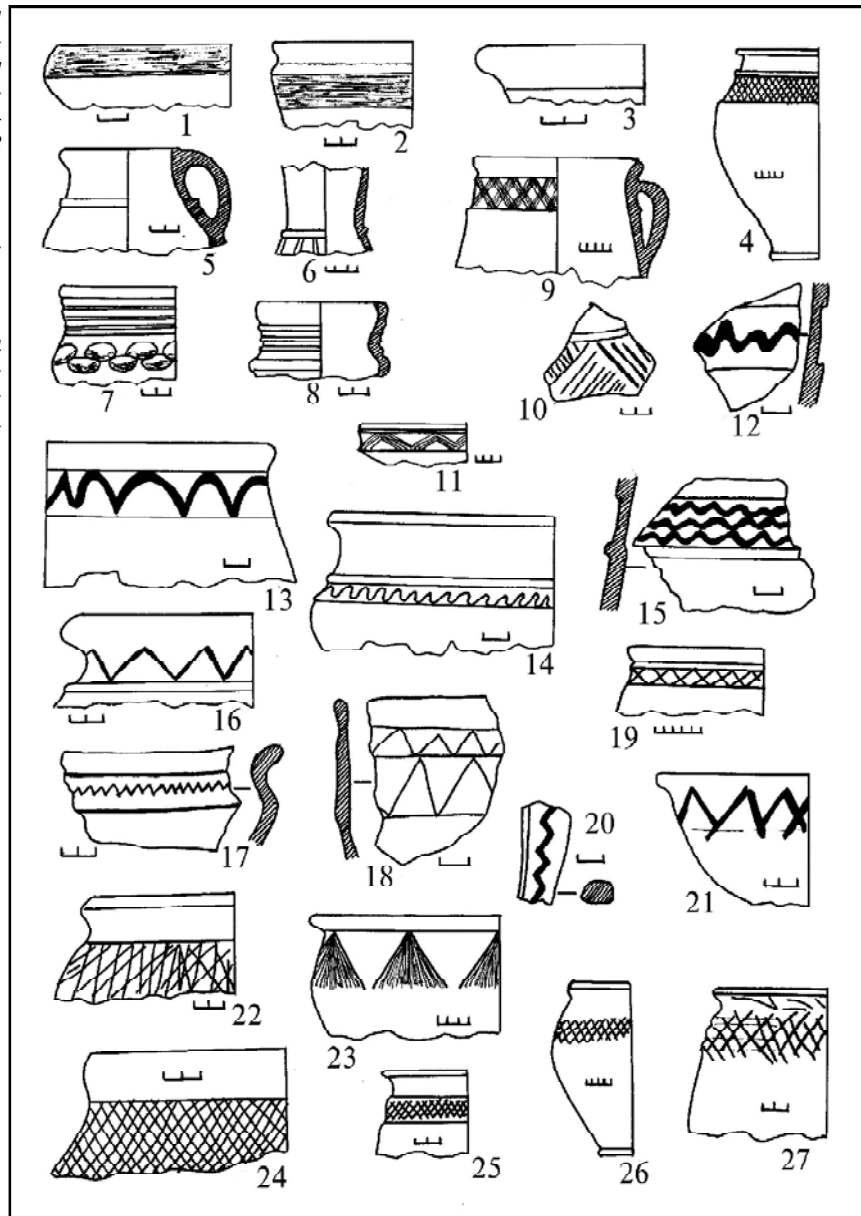
Лощение бывает трех типов: полосчатое, сплошное и зеркальное. В двух первых случаях оно выполнено тупым орудием с очень узкой рабочей частью, ширина которой не превышает 2 мм. Это была палочка или кость с тупым концом. В абсолютном большинстве случаев лощение наносили по горизонтали и только отдельные кувшины залощены по вертикали.

Полосчатое лощение наиболее распространено. При его нанесении поверхность обрабатывали не сплошь. Чередуются без определенной системы лощеные и нелощеные полосы. Расположение лощеных таким образом, что они часто находят друг на друга и не параллельны, указывает на то, что они выполнены не на гончарном круге. Зеркальное лощение встречается редко. В частности оно присуще сосудам с очень темной, иногда черной внешней поверхностью. Не исключено, что эту темную окраску получали специально, но не путем ангобной обработки. Следов лощения в этом случае не наблюдается. Такое лощение могли выполнять на гончарном круге. Из-за редкости применения его нельзя считать характерным для региона. Широкое распространение полосчатого лощения и редкость зеркального совпадает с нормой культуры в целом.

Пластичный орнамент, выраженный в рельефе, представлен валиками (рис. 51, 5), уступами (рис. 53, 3, 4) и углубленными полями (рис. 53, 12). Весь пластичный орнамент исполнялся на гончарном круге. В то время, как валики и уступы были характерны для всей культуры, углубленные поля распространены в меньшей степени и Э.А.Сымоновичем не отмечены. В керамике Северо-Западного Причерноморья они довольно обычное явление, однако целых сосудов с этим орнаментом не сохранилось. Углубленные ложбинки, ограничивающие как и валики, орнаментальный пояс, применялись очень редко.

Лощеный орнамент всегда линейный и, как правило, состоит из одинарной линии. Лишь изредка более широкие полосы состоят из нескольких проведенных вплотную друг к другу линий (рис. 53, 9, 11). Заштрихованные внутри фигуры встречаются очень редко (рис. 53, 10), вертикальные залощенные широкие полосы-разделители в орнаментальной зоне (обычно на кувшинах) (Сымонович 1964 : 303, 304), известные в других местах черняховского ареала, в степной керамике встречаются редко. Линейный орнамент располагается на сосудах горизонтальными полосами и выполнен по матовому полю, ограниченному сверху и снизу лощены-

Рис. 53. Орнаменты гончарной сероглиняной керамики черняховской культуры: 1, 7, 9, 12 – пос. Фурмановка; 2 – пос. Дракуля; 3, 16 – пос. Арцыз; 4, 6, 11, 19, 23 – пос. Рипа; 5 – пос. Холмское I; 8, 17, 18, 20, 22, 24, 27 – пос. Главаны I; 10 – пос. Карналеевка; 13, 14 – пос. Нагорное III; 15 – пос. Хаджидер; 25, 26 – мог. Холмское.

ми зонами. Изобразительные мотивы могут быть сведены к нескольким простейшим схемам: волна (рис. 53, 12-15; 54, 1, 2), зигзаг (рис. 53, 9, 16-21), сетка, почти исключительно косая (рис. 53, 22-27). Редкие орнаменты: крестики (рис. 54, 8), вертикальная и горизонтальная ёлочка (рис. 54, 6, 7), вертикальные, горизонтальные и наклонные параллельные линии (рис. 54, 9-14), сочетание вертикальной ёлочки с такими же линиями (рис. 54, 15), вписанные друг в друга дуги (рис. 54, 4, 16), косой крест (рис. 54, 17), вертикальная волна (рис. 54, 18). К числу редких относятся растительные сюжеты, в которых можно видеть листики (рис. 54, 3-5) и цветы. Сосуды с таким орнаментом происходят с памятников Буджака. К индивидуальным орнаментам принадлежат композиции на трехручной вазе и кувшинах из погребений 1 и 5 с кремацией из

Каборги (Магомедов 1979 б: табл. III, 6, 9; табл. VI. 5). Кроме орнаментальных фигур, на вазе имеются изображения животных. Форма одного из упомянутых кувшинов с высоким горлом и биконическим туловом редка для степных памятников. Сюжетные изображения на черняховской керамике Э.А.Сымонович связывал по происхождению с поморской и пшеворской культурами (1983б: 139). Материалы Каборги IV указывают на появление здесь элементов культуры германских племен из Южной Прибалтики и Повисленья (Магомедов 1979: 62).

Лощеные овальные и округлые углубления применялись редко (рис. 53, 7; 54, 19, 20). Очевидно, это связано с тем, что таким образом обычно украшены кубки, мало распространенные в степи. В нескольких случаях такой орнамент зарегистрирован на мисках.

Дополнительная профилировка: срезы грани тулова встречается редко (рис. 54, 21, 22), а косые каннелюры применялись довольно часто (рис. 54, 23-25). Их сочетание с другими видами орнамента встречается редко (рис. 54, 10),

например, на вазе с ушками из могильника Городок (Магомедов 1979 а: рис. 2, 17). Известны отдельные случаи дополнительной профилировки овальными срезами (рис. 54, 27) на резко выступающем валике. Сравнение пролощенно-

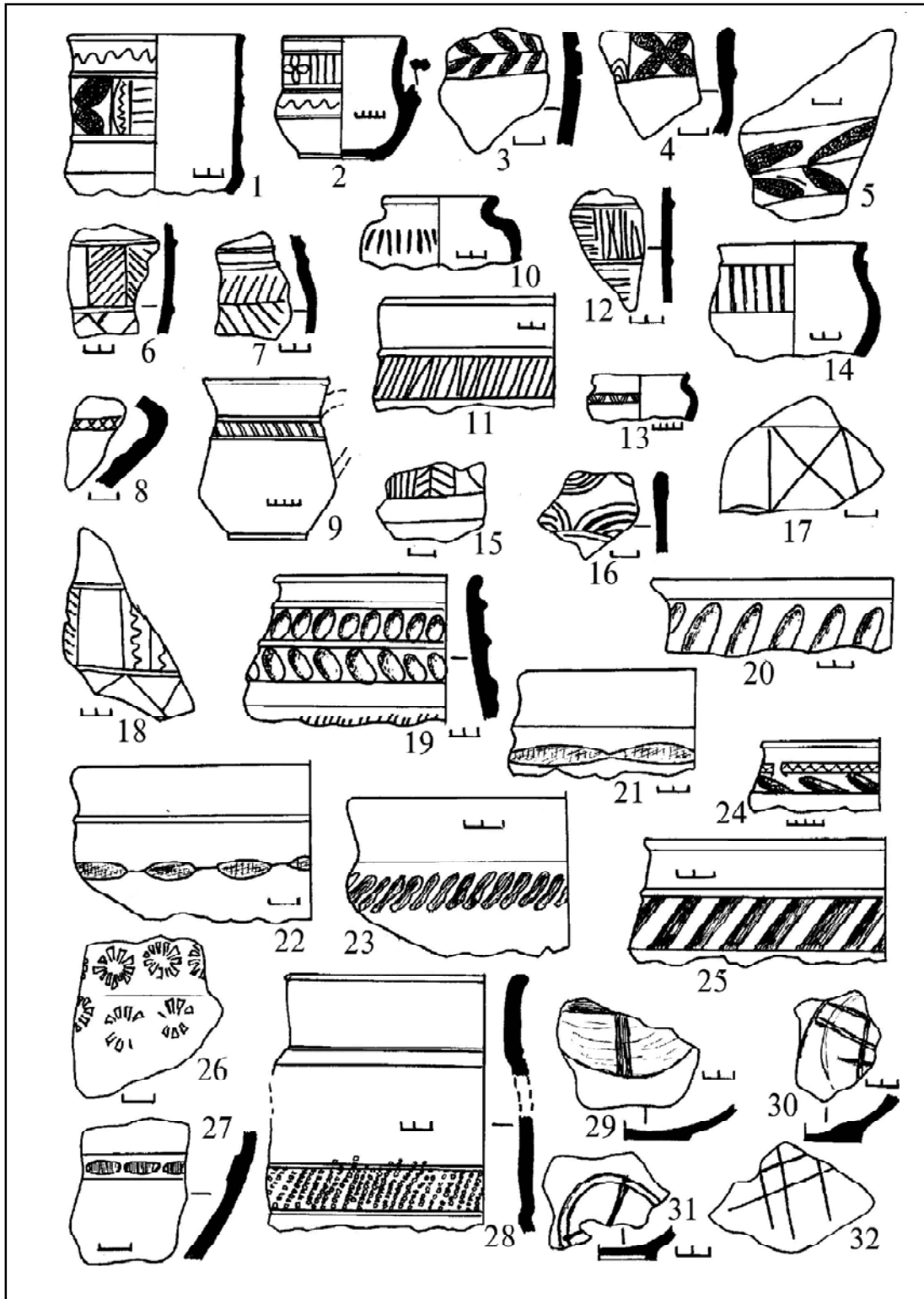

Рис. 54. Орнаменты гончарной сероглиняной керамики черняховской культуры: 1,3-5,7,8,10-12,14-17,19,20,26-32 – пос. Главаны I; 2 – мог. Бельенское (по Э.А.Сымоновичу); 6,21,22 – пос. Нагорное II; 9 – мог. Нерушай (по Н.М.Кравченко); 13,24, – пос. Дракуля; 18 – пос. Нагорное IV; 23 – пос. Арцыз; 25 – пос. Холмское I.

го орнамента с материалами, собранными Э.А.Сымоновичем для всей черняховской культуры, показывает, что простейшие элементы орнамента, представленные в рассматриваемом регионе, распространены в черняховской культуре повсеместно. Однако в целом орнаментация более бедна, в ней редки сложные композиции. Почти нет богато орнаментированных кубков, трехручные орнаментированные вазы редки. Представлены не все типы узоров, имеющие широкое распространение. Очень редок чеканно-штампованный орнамент. Известны лишь единичные орнаменты, выполненные зубчатым колесиком (рис. 54, 28), со штампом в виде розетки (рис. 54, 26), а в приемах дополнительной профилировки редка обработка стенок сосудов в виде плоскостей и каннелюр, овальные срезы на грани тулова единичны. Количество орнаментированной керамики невелико.

По набору орнаментов, видимо, существовали некоторые особенности на керамике поселений в Буджаке. Здесь нет орнаментов, непосредственно указывающих на северные связи и влияния, но они очевидны на памятниках к востоку от Днестра. Редкость чеканно-штампованного орнамента на памятниках Буджака свидетельствует об определенных особенностях культурных связей этого района. Такое явление наблюдается и на ряде памятников Молдавии (Делакеу, Солончены, Малаешты, Будешты) (Сымонович 1964б: 331, табл. 1). Здесь чеканно-штампованный орнамент известен лишь на некоторых вазах и кубках (Рикман 1975 б: 178-179). Этот орнамент и дополнительная профилировка развиваются в западно-европейских гончарных мастерских еще до сложения черняховской культуры. Здесь же широко применялись орнаменты, выполненные зубчатым колесиком. В черняховской культуре эти приемы орнаментации распространяются с северо-запада, из бассейна Вислы.

Анализ орнаментов демонстрирует некоторое отличие Буджака от междуречья Днестра и Днепра. Пока только на востоке известны материалы, прямо указывающие на северо-западные и северные связи и влияния. В целом же в Причерноморье нет явлений, не свойственных другим частям черняховского ареала. Отметим лишь в пластичном орнаменте углубленные поля. Однако представлены не все типы узоров, имеющие широкое распространение. Очень редок чеканно-штампованный орнамент. Известно всего несколько фрагментов с отпечатками зубчатого колесика (рис. 54, 28), со штампом в виде розетки (рис. 54, 2). В приемах дополнительной профилировки обработка стенок сосудов в виде плоскостей и каннелюр, овальные срезы грани тулова единичны. Лощеный орнамент более прост и беден, почти лишен сложных индивидуальных композиций. Количество орнаментированной керамики невелико.

Э.А.Сымоновичем при изучении орнамента

был сделан вывод о том, что в раннечерняховское время (Ломоватое I, Грушевка) лощеный орнамент прост, пунктирная орнаментация мало распространена, овальные срезы грани тулова не характерны, штамп неизвестен. Лишь позднее в развитой черняховской культуре появляются разнообразные и сложные орнаменты, для чего «потребовался какой-то определенный сдвиг в развитии производительных сил» (Сымонович 1964 б: 336-340). Посмотрим, насколько это предположение согласуется с материалами степи. Большая часть рассматриваемых нами памятников относится к IV в. На них удастся выявить две тенденции в распространении определенных орнаментов на керамике. Наиболее сложные орнаменты, применение штампа и зубчатого колесика тяготеют к восточной части региона, начиная с Каборги IV. Эти орнаменты наиболее выразительны на материалах могильников, на которых присутствуют северо-западные культурные черты. Возникает гипотеза о том, что такие орнаменты связаны с недавними переселенцами. Противоположную картину дает Буджак, памятники которого относятся к наиболее позднему времени (о дате см. ниже). Чеканно-штампованный орнамент здесь редок, а линейно-лощенный прост и беден. Это все поздние памятники. Таким образом идет развитие от сложного к простому.

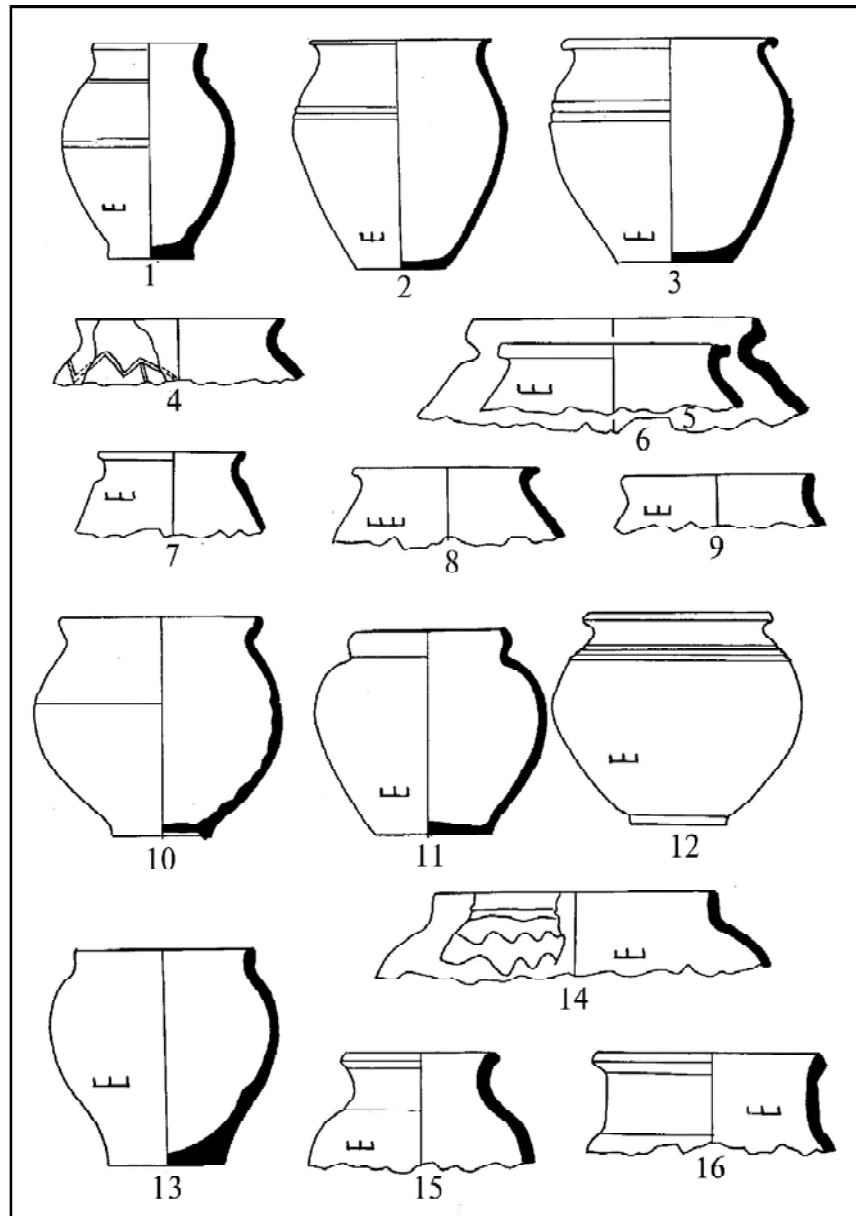
Гончарная хозяйственная посуда.

Горшки — численно преобладающая форма посуды. Их типология разработана В.Д.Бараном на материалах Верхнего Днестра и Западного Буга (1981: 90). Из выделенных им основных типов лишь один с яйцевидным туловом представлен в рассматриваемом материале. По форме тулова выделены классы, по форме горловины — роды, по наличию или отсутствию профилировки венчика — виды и по деталям его оформления — подвиды (рис. 55).

Класс с яйцевидным туловом. Максимальный диаметр корпуса выше середины его высоты. Нижняя часть сосуда вытянутая, стенки ровно (без выпуклости) сходят ко дну (рис. 55, 1-3). *Род с округлой возгнутой низкой горловиной.* Вид 1. Венчик — округлая закраина, слегка отогнутая наружу (рис. 55, 1, 2). Вид 2. Венчик резко профилированный, угловатый, отогнут наружу вниз, изнутри имеет ложбинку (рис. 55, 3). Вероятно, необходимо выделение подвидов, поскольку известно большое количество форм округлых (рис. 55, 4, 7-9) и резко профилированных (рис. 55, 5, 6) венчиков. Однако фрагментарность материала не позволяет этого сделать. Максимальный диаметр корпуса находится в верхней его половине, но близко к середине высоты. Стенки сходят ко дну выпукло. В результате тулово имеет круглую форму.

Род с округлой очень низкой или едва намеченной шейкой в виде перехвата под венчиком. Вид 1. Венчик имеет вид округлой закраины, слегка наклонен внутрь (рис. 55, 10-12). Вид 2.

Рис. 55. Шероховатая хозяйственная керамика черняховской культуры. Горшки: 1, 13 – пос. Первомайское; 2, 10, 11 – мог. Каборга IV; 3 – пос. Нагорное II; 4, 5, 14 – пос. Викторовка II; 6, 9, – пос. Главаны I; 7, 8, 15, 16 – пос. Киселово; 12 – мог. Викторовка II.

Венчик угловатый, подтреугольный (рис. 55, 12).

Род с цилиндрической шейкой. Вид 1. Венчик имеет вид округлого края стенки (рис. 55, 13, 14). *Вид 2.* Представлен лишь верхними частями сосудов и поэтому выделен условно. Шейка сравнительно высока, а венчик в виде закраины, скошенной с внешней стороны, слегка отогнут наружу (рис. 55, 15, 16).

Класс шаровидные (рис. 55, 1-3). Максимальное расширение тулова на середине его высоты. Стенки до самого дна выпуклые. Шейка слабо выраженная, низкая. Венчик угловатый, резко профилирован.

Большое количество верхних частей сосудов с вариантами профилей венчиков, остается вне классификации, так как форма целых сосудов не известна.

У шероховатых горшков преобладают плит-

чатые (дисковидные) поддоны, резко выступающие снаружи и отграниченные перехватом от корпуса (рис. 56, 4). Вторым по массовости является простое плоское дно, никак снаружи не выделенное (рис. 56, 5, 6). Кольцевые поддоны встречаются редко (рис. 56, 7).

Миски не многочисленны, по форме не отличаются от лощеных. Могут быть классифицированы по той же схеме.

Класс открытые, род округлые, вид 1, подвид «а» (рис. 56, 10) — самая распространенная форма. *Род реберчатые, вид 4* (для столовых мисок не выделялся). Шейка отсутствует. Верхняя часть сосуда цилиндрическая, округлый венчик сильно отогнут наружу (рис. 56, 9). Перегиб на ребре резкий.

Класс закрытые, род реберчатые, вид 2, подвид «б» (рис. 56, 8). Эта форма тоже явно

навеяна столовыми образцами.

Кувшины встречаются редко, но на многих поселениях. В погребениях они не известны. По форме являются подражанием столовым сосудам (рис. 56, 11, 12).

Отделка поверхности шероховатых горшков сводится к уступу, резе валику на горловине или перегибе тулова и врезной спирали или несколькими параллельными линиями на плечиках, выполненным на круге. Шероховатые миски и кувшины вообще не орнаментировались. Такова шероховатая керамика во всем ареале черняховской культуры. Полагаем, что ее облик сложился под воздействием товарного характера производства этой посуды.

Особое явление представляет кухонная посуда группы поселений на берегах оз. Кагул. Употреблявшиеся и, видимо, производившиеся их обитателями шероховатые горшки по форме

обычны для черняховской культуры, но отличаются богатством и своеобразием орнамента. Их венчик украшен по краю защипами. На плечиках полоса орнамента в виде волнистой линии, прочерченной гребенкой (рис. 57, 9, 17, 18) на вращающемся сосуде, или ряд угловатых вдавлений, форма которых варьирует на разных сосудах (рис. 57, 16, 19). Прямые и волнистые линии, сделанные гребенкой на гончарном круге, могут сочетаться. Орнаментированная таким образом шероховатая посуда ни в других частях Буджака, ни за его пределами на черняховских памятниках не известна. М.А.Тиханова, рассматривая подобный орнамент на кувшинах окисного обжига с поселения Журы, указывала на его связь с прикарпатско-дунайской керамикой и датировала III в. н.э. (1955: 97, рис. 36, 13-15).

Сравнение форм грубоглиняной хозяйственной посуды степных памятников и поселений

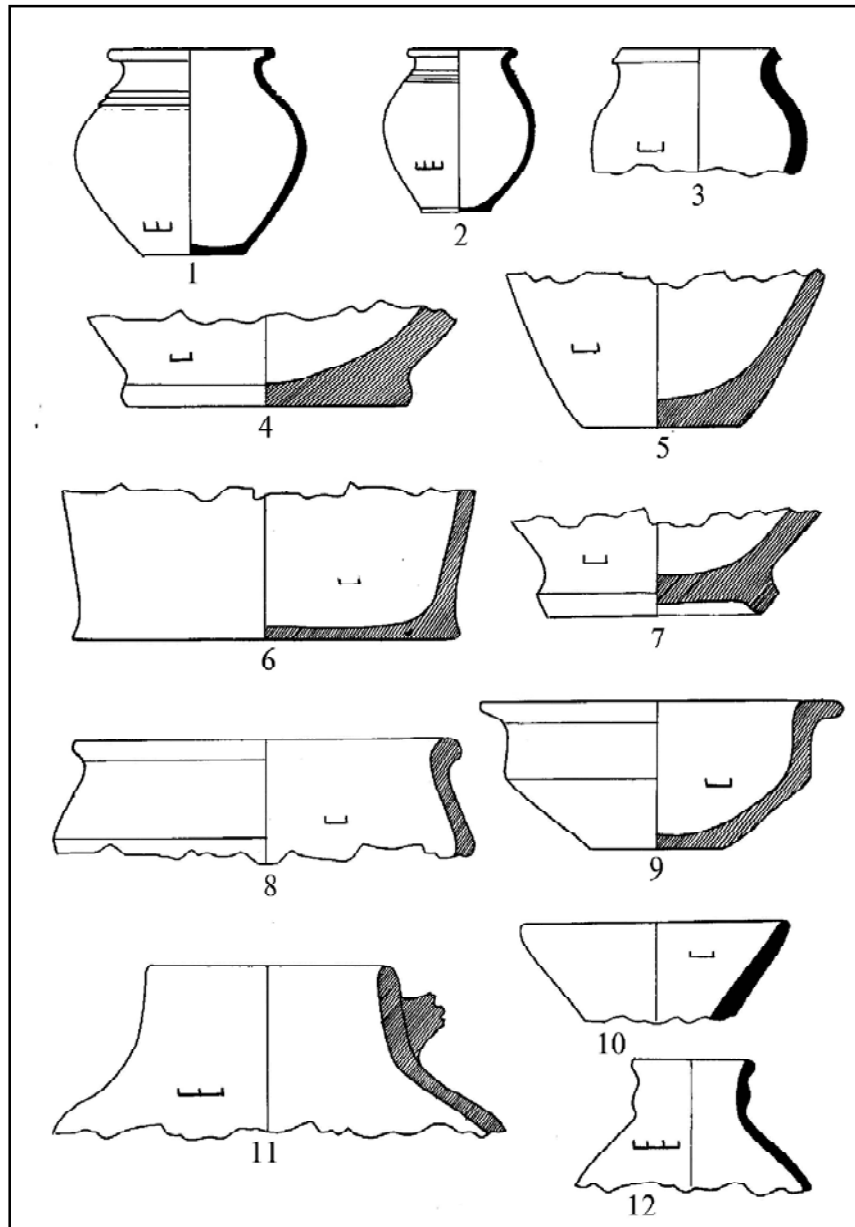
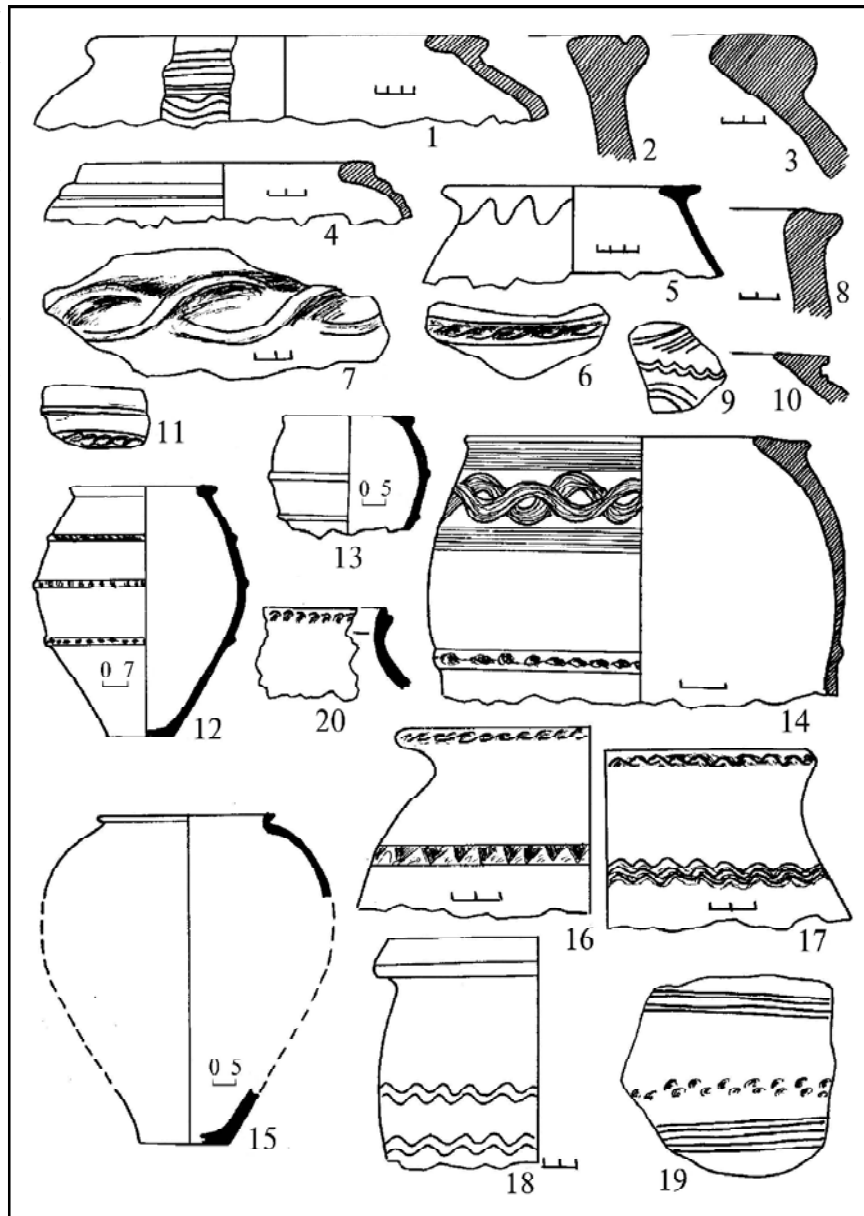

Рис. 56. Шероховатая хозяйственная керамика черняховской культуры: 1 – мог. Каборга IV; 2, 9, 10 – пос. Главаны I; 3, 5, 6, 8 – пос. Викторовка II; 4, 11, 12 – пос. Фурмановка.

Рис. 57. Шероховатая хозяйственная посуда черняховской культуры; зерновки (1-15) и горшки (16-20); 1 – пос. Арцыз; 2, 5, 7, 11 – пос. Викторовка II; 3 – пос. Алтестово; 4 – пос. Затока; 8, 6, 10 – пос. Главаны I; 9, 16-19 – пос. Нагорное II; 12 – пос. Рипа; 13 – пос. Киселево; 14 – пос. Фурмановка; 15 – пос. Каборга IV; 20 – пос. Нагорное III; 19 – б.м. (по Кравченко Н.М.).

Среднего Поднепровья дополняет сведения, полученные при сравнении столовой посуды. Горшки с яйцевидным туловом обоих видов являются практически обязательной принадлежностью всех черняховских поселений и могильников в Поднепровье (Петров 1964 а: 91, рис. 5, 1, 2, 7; 1964 б: 141, рис. 6, 7; с. 146, рис. 9, 2; с. 154, рис. 13, 10; Брайчевский 1960; табл. 11, 8). Округлобокие горшки, возможно, не столь массовы, но тоже распространены достаточно широко (Брайчевский 1960: табл. 11, 1, 4; Петров 1964 а: 91, рис. 5, 5; Махно 1949: табл. 11, 2; Смиленко, Брайчевский 1967: 52, рис. 14, 3, 5). Более редкая форма шаровидные сосуды, но и они имеются на памятниках Поднепровья (Петров 1964 а: 91, рис. 5, 17; Смиленко, Брайчевский 1967: 54, рис. 14, 8, 9). Шероховатые миски и кувшины как отдельные находки известны во

всем ареале черняховской культуры, но их типология пока еще не разработана.

Зерновки (рис. 57, 1-15). Сосуды большой ёмкости для хранения припасов массовы на степных поселениях. Они отличаются небольшой варианностью форм. По абрису тулова их можно разделить на два класса, внутри которых варьируют только детали профилировки (рис. 57, 1-8, 10-15). Сосуды обоих классов не имеют шейки и венчик лежит прямо на плечах.

Класс шаровидные. Максимальный диаметр корпуса примерно на середине ее высоты. Стенки по всей высоте выпуклые (рис. 57, 13). Устье стянутое, венчик горизонтально уплощенный. Размеры относительно сохранившегося экземпляра: высота, вероятно, около полуметра, диаметр устья примерно 33 см.

Класс грушевидные. Максимальный диа-

метр корпуса находится в верхней четверти его высоты. Сразу от венчика корпус резко расширяется (рис. 57, 12, 15). Диаметр дна значительно меньше диаметра устья.

Класс бочковидные. Найдена верхняя часть одного сосуда (рис. 57, 14).

Зерновики обязательная принадлежность черняховских поселений независимо от района. Их специально исследовал Э.А.Сымонович (1981 а: 44-46), и сравнение обобщенного им материала и находок со степных паятников указывает на их идентичность. То же следует сказать и о формах зерновиков с Верхнего Днестра и Западного Буга (Баран 1981: 91-92). Их орнаментация представляет значительный интерес. Существуют два типа орнамента, часто употреблявшиеся совместно. Полосы, прочерченные гребенкой, могут быть прямые, волнистые или образующие плетенку (рис. 57, 14). Тулова сосудов опоясывают несколько массивных накладных горизонтальных валиков (рис. 57, 11-13). Иногда они спарены и могут сочетаться с гребенчатым прочерченным орнаментом. Во всех случаях они покрыты различными вдавлениями или косыми насечками. Насечки на спаренных валиках наклонены в противоположные стороны, образуя горизонтальную «ёлочку».

Анализируя орнаментацию и форму зерновиков Э.А.Сымонович выделил зоны распространения отдельных их типов (1956 б: рис. 1). Сосуды, украшенные «многорядными врезными и волнистыми линиями», распространены в западной части черняховского ареала. Теперь можно к нему присоединить и зону степей между Днестром и Дунаем. По Южному Бугу Э.А.Сымоновичем был выделен район распространения зерновиков, «украшенных валиками с вдавлениями и наколами в виде елочки». М.Ю.Брайчевский считал, что наlepной орнамент присущ только зерновикам Побужья (1964: 143). Рассмотренные материалы показывают, что такое ограничение района распространения этого орнамента неправомерно. Такие же сосуды обнаружены в большом количестве на поселениях Буджака. Полагаем, что Побужье является крайним восточным районом распространения западного обычая украшать сосуды-хранилища орнаментом, прочерченным гребенкой, и накладными расчлененными валиками. В этом отношении показательно наличие такой же орнаментации на памятниках Западной Украины (Комаров, Черепин) (Сымонович 1964 б: рис. 3, 4, 6; 8, 5). Прочерченный гребенчатый орнамент присущ зерновикам и в верхнем течении Днестра и Западного Буга, но накладных расчлененных валиков там не известно. В Поднепровье подобная орнаментация не встречается.

Шероховатая хозяйственная посуда и тара являются характерным элементом черняховского керамического комплекса, однако не только его. Она возникает в провинциальных гончарных мастерских Подунавья и Фракии ранее сло-

жения черняховской культуры (Poczy 1956: рис. 8, 9, 11; Султов 1976: 42; Brukner, 1981). Позднее в уже сложившемся виде ее усваивают носители черняховской культуры. Получает она распространение и в других культурах первой половины I тыс. н.э. — у свободных даков на севере и западе их ареала, в древностях района Иголомь-Тропишев (Diaconu 1970: 249), в культуре Милитарь-Киля (Bichir 1984; 37-38; pl. 23, 1-7; 30, 11, 15; 60). Распространение этой посуды у черняховского населения — прямой результат воздействия на его гончарство провинциально-римской моды. Ее появление фиксируется с самого начала существования черняховской культуры (Смиленко 1970: 76-77). В Тире и Ольвии обломки шероховатых горшков, явно отличающихся от обычной античной кухонной посуды, встречаются в очень небольшом количестве. Не удается пока точно установить, когда она там появилась, но она встречается в культурном слое, синхронном черняховской культуре. Оба эти центра не могли быть источником ее распространения у черняховских племен (Гудкова, Крапивина 1990: 17-18). У поздних скифов на Днестровском лимане (Молога, Веселое) присутствует шероховатая посуда. Обломки зерновиков в Тире единичны, в Ольвии встречаются в верхнем слое. Поскольку они обнаружены в самых верхних слоях, они могут быть связаны с появлением черняховского населения.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Могильники, раскопанные к настоящему времени, расположены тремя скоплениями. На Днестре это Николаевка Козацкая (Ebert 1913; Сымонович 1967, 1969 б), Каменка (Сымонович 1955), Гавриловка (Сымонович 1955; 1960), Берислав (Махно, Мізін 1961); в междуречье Ю.Буга и Тилигула — Викторовка (Сымонович 1966 а, 1967 б), Каборга IV (Магомедов 1979 б), Каменка-Анчекрак (Магомедов 1978: 1980), Коблево и Ранжевое (Сымонович 1967 а, 1979 б), Городок (Магомедов 1979а), Чубовка и Большая Корениха (Гребенников и др. 1982), Васильевка (Белогорский 1965) и Фрунзовка (Кравченко А. 1967). Третья группа в Буджакской степи: Приморское (Сымонович 1979 а), Беленькое (Сымонович 1981 б; Блаватская 1981; Гудкова 1991 в; Росохацкий 1990, 1991), Фурмановка (Сымонович 1975, 1976, фонды ОАМ), Холмское (Гудкова, Фокеев 1984 а: 58-85), Виноградовка (Черняков, Субботин 1971), Нагорное II (Гудкова 1991, 1994). В степной Молдавии засвидетельствовано около двух десятков случайных находок погребений в основном с труположениями (Рикман 1975 б). В центральной части региона известны лишь несколько случайных находок захоронений у сел Фрунзовка (Кравченко А. 1967), Васильевка (фонды ОАМ), Кисёлово (Равевский 1955: 46; фонды ОАМ). Перечисленные памятники сильно различаются по степени сво-

ей информативности. Она весьма невелика у отдельных случайных находок. Из небольших памятников более значимы, но все же ограничены по своим возможностям могильник Городок (9 погребений и 3 ямы), Чубовка (4 погребения), Приморское (4 погребения). Все они дают материал лишь для датировок и некоторые сведения об обряде. Остальные представляют собой значительные могильники, раскопанные целиком или частично. Расчеты Н.А.Рычкова показывают, что минимальной представительной выборкой являются 20 погребений (Рычков 1982). Такая мера принята и Г.Ф.Никитиной (1985: 23). Из рассматриваемых материалов этому требованию соответствуют могильники Каборга IV, Коблево, Фурмановка, Ранжевое, Холмское и неизданные Каменка-Анчекрак, Беленькое и Нарное II.

Топографические условия расположения черняховских могильников в степи не отличаются от того, что известно для других частей ареала культуры. Они находятся не более, чем в нескольких сотнях метров от поселения выше него по склону или на плато. Расположение могильника на склоне противоположного по отношению к поселению берега ручья (Б. Корениха) не исключение. Подобные случаи известны и в других местах, например, Балцаты II (Рикман 1975 б: 263). Как всегда, могильники не имеют внешних признаков. Далеко не при каждом поселении удастся найти могильник. Возникает вопрос, всегда ли это связано с тем, что он не виден на поверхности. Нами были предприняты специальные поиски могильников у поселений Главаны I и Дижма, около которых нет современных построек, а особенности рельефа ограничивают возможность выбора места для захоронений. Кроме визуальных наблюдений при разном состоянии полей, был снят бульдозером пахотный слой. Могильники не были обнаружены. И, хотя это не исключает полностью их существования при этих селищах, тем не менее можно усомниться в том, что каждое маленькое или небольшое поселение имело свой могильник. Этнографические данные свидетельствуют, что при родо-племенной структуре общин существовали родовые кладбища, на которых погребали членов рода, живших даже на значительном удалении. Это могло иметь место и у обитателей отдельных поселений в Буджаке. В то же время около крупных долговременных селищ, например, Будешты, найдены большие могильники. Показательно, что в микрорайоне Будешты из 86 памятников только 6 являются могильниками (Рикман 1975 б: 72).

О планировке могильников можно судить на основании Ранжевого, Коблева, Каборги и Холмского. На всех этих памятниках отмечено существование центра могильника. В Холмском (рис. 58) это захоронение 56, самое крупное и полностью огражденное погребальное сооружение могильника. Вокруг него в радиусе 7-8 м нет

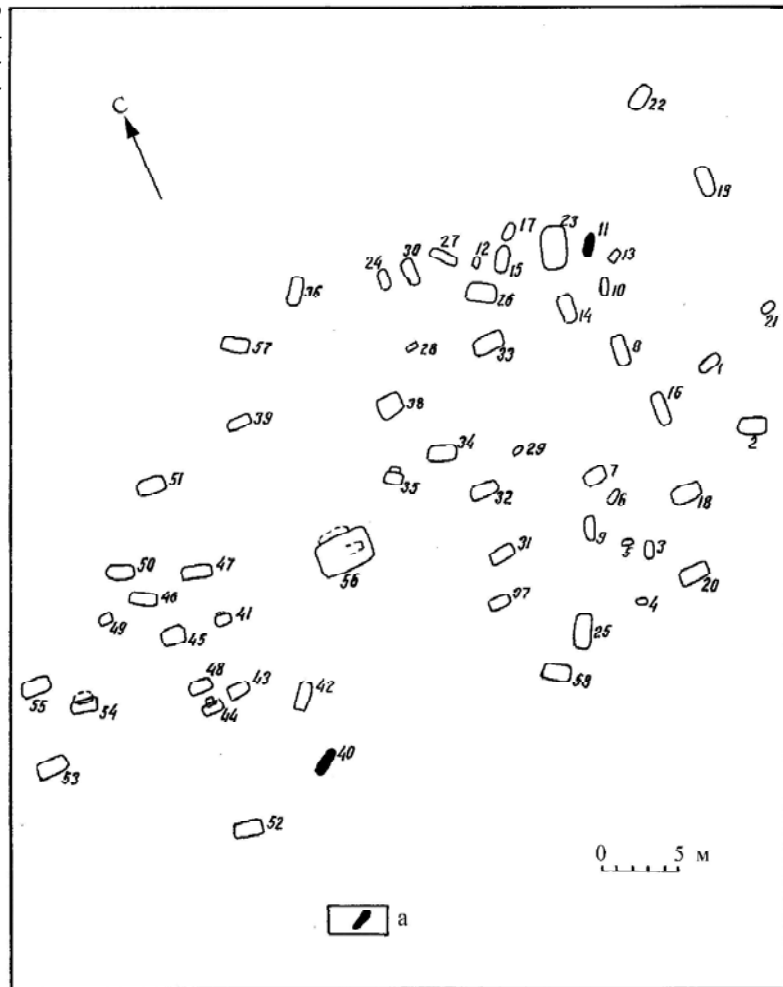
могил, кроме одного детского погребения (рис. 58). Другого такого «организованного» пространства на могильнике нет. В Коблеве в центре находились две большие огражденные в древности могилы, рядом с которыми погребений не было (Сымонович, 1979б: 65). В могильниках Ранжевое (Сымонович 1979 б: рис.18) и Каборга (Магомедов 1979 б: 25, рис. 2) в центре находилось пустое место с культовой ямой. Это явление известно и на памятниках лесостепи. Так в центре Раковецкого могильника было пустое место, не занятое могилами (Винокур, Островский 1967: рис.1). В Будештах два наиболее богатых погребения занимали центральное место (Рикман 1967 б: рис. 3).

Второй элемент упорядоченности могильника проявляется в некотором территориальном разграничении погребений разного типа. Картины территориального взаимоотношения захоронений с кремацией и ингумацией дают только два могильника, поскольку на остальных погребения с сожжением единичны. В Каборге зона погребений с кремацией почти полностью обособлена. Они занимают в основном юго-восточную часть памятника. На могильнике Коблево 6 захоронений из 8 с кремацией найдены в западной части могильника на его окраине. В Гавриловке в центре могильника трупосожжения и трупоположения расположены вперемешку. На северо-восточной окраине представлены только первые, а на юго-западной — только вторые (Сымонович 1960: 196, рис. 4). Территориальное обособление погребений с трупоположением не является обязательной чертой черняховских могильников, но известно на некоторых из них. В Косаново погребения с кремацией расположены в южной и центральной части могильника, но отсутствуют в северной. При этом в юго-западной они преобладают (Кравченко 1967 а: рис. 3). На сохранившейся части Ружичанского могильника обряды территориально четко разграничены (Винокур 1979: рис. 1).

Определенная закономерность наблюдается и в размещении захоронений с трупоположением, ориентированных на север и на запад. В Холмском северные погребения концентрируются в основном в восточной части могильника. В Коблеве захоронения с северной ориентировкой, хотя и расположены вперемешку, но тяготеют к северной и центральной части территории. В Ранжевом захоронения с северной ориентировкой занимают южную часть могильника, а с западной — северную. Лишь по одному погребению попало на «чужую» площадь. Территориальное разграничение погребений с северной и западной ориентировкой в разной мере, но как устойчивая тенденция, наблюдается на многих черняховских могильниках. На наиболее южных оно отмечено на Гавриловке (Сымонович 1960: 196, рис. 4) и в Будештах (Рикман 1967 б: рис. 3).

Таким образом по всем элементам плани-

Рис. 58. План черняховского могильника Холмское: а — погребение неопределенной культурной принадлежности.

ровки в степном регионе отклонения от средней черняховской нормы не наблюдается.

Иное дело количественное соотношение погребений с кремацией и ингумацией. Анализируя его в культуре в целом. Г.Ф.Никитина пришла к выводу о том, что казавшееся очевидным единство обоих способов погребения доказывается на статистическом уровне рядом присутствующих им общих элементов обряда (1985: 86). Она считает, что сожжения и труположения существовали в черняховской культуре параллельно, а их количественное соотношение может быть хронологическим показателем. Уже рядом исследователей отмечено, что в Причерноморье более распространена ингумация.

Погребения с труположением. Основные формы могилы: простая грунтовая яма, яма с подбоем, катакомба и яма с углублением (канавкой) в дне. Для последней конструкции мы также применяем как синоним термин яма с заплечиками или с уступами.

Простые ямы как погребальное сооружение преобладают только в Гавриловке, где в таких могилах совершено 88,9 % всех ингумаций. В Каборге и Фурмановке простые ямы составляют примерно половину. На остальных могильниках их доля значительно меньше. Захороне-

ния в простых грунтовых ямах обычны в черняховской культуре и, вероятно, могут рассматриваться как всеобщий признак (Никитина 1985: 46). На могильниках Среднего Поднепровья они являются основной формой могилы: 32,1 % при 42,5 % непрослеженных ям (Гей 1980 б: 43). Установлено, что форма простой ямы (прямоугольная, овальная, со скругленными углами) принципиального значения не имеет (Никитина 1985: 44). Однако в некоторых случаях обнаружены детали, которые стоит отметить. В Коблево и Фурмановке известно по одной яме с нишей. В последнем случае ниша в короткой стенке у ног погребенного имела значительные размеры и в ней были размещены сосуды. В Коблево и Ранжевом по пять ям, в Николаевке — одна имели каменные заклады. В Коблево эти захоронения сгруппированы в восточной части могильника, а в Ранжевом три находятся в центре и одно — на северной окраине. Каменные заклады обычны в позднескифском погребальном обряде. В Беленьком в ногах погребенного был поставлен на ребро большой плоский камень. Установка большого камня на торце в качестве опознавательного знака известна в позднескифских захоронениях Золотой Балки (Вязьмитина 1972: 105-106).

В целом можно констатировать, что простые грунтовые ямы, хотя и присутствуют на всех степных памятниках, но в целом в регионе менее распространены, чем в других частях ареала культуры, где они являются ведущим могильным сооружением. Простые грунтовые ямы как форма погребального сооружения наименее информативны, ибо они могут быть наследием культуры сразу трех этносов: сарматов, готов, как это уже отмечал Б.В. Магомедов, и поздних скифов.

Погребения в ямах с подбоями в северных районах черняховской культуры встречаются спорадически. Они засвидетельствованы в лесостепи всего в 6 могильниках: Черняхов — 1, Будешты — 2, Журавка — 1, Кантемировка — 1, Компанийцы — 1, Переяслав-Хмельницкий — 2. На могильниках Среднего Поднепровья такие захоронения составляют 1,7 % (Гей 1980 б: 43). В Степном Поднепровье одно подбойное погребение имеется в Гавриловке. Их распространение на могильниках Причерноморья выглядит по-иному. Здесь подбойные захоронения составляют 14,6 %. Установленная Г.Ф. Никитиной преимущественная связь подбоев с погребениями детей (1985: 49) не наблюдается, поскольку детские захоронения составляют лишь треть общего количества. В целом преобладают подбои, расположенные с западной стороны входной ямы. Но это усредненное представление, скорее всего, превратное, так как на разных могильниках выявляются локальные традиции размещения подбоев. В Каборге они все находятся с востока, в Коблеве — с запада, в Холмском — с севера. В последнем случае все подбои связаны с погребениями широтной ориентации, что в культуре в целом наблюдается как исключение (Никитина 1985: 49). Единичность южного размещения подбоя соответствует норме (Никитина 1985: 49). Очевидно, узлокальной особенностью каждого могильника является соотношение размеров входной ямы и подбоя и их конфигурации. В Коблеве в восьми подбоях, в Ранжевом в трех, в Николаевке Козацкой в трех, в Гавриловке в одном обнаружены каменные конструкции. Обычно это заклады плитами входа в подбой. В отдельных из этих погребений отмечено наличие единичной каменной плиты. Один из подбоев Николаевки имел каменный заклад (погребение 1А). В одном из подбоев Фурмановки обнаружены остатки дерева. Территориального обособления захоронений с подбоями ни на одном могильнике не наблюдается.

Происхождение подбойных захоронений в черняховской культуре традиционно связывают с сарматским влиянием (Федоров 1958: 234; Седов 1976: 95; Рикман 1975 б: 319; Магомедов 1980: 84). О.А. Гей первоначально полагала, что происхождение подбоев связано исключительно с сарматами (1980 б: 52). Затем она сочла возможным видеть их истоки и в позднескифс-

ком погребальном обряде, поскольку они известны в Золотой Балке и у тавро-скифско-сарматского населения Крыма в Инкермане и Заветном (1985: 28). С этим трудно согласиться, так как нет никаких данных о скифском происхождении таких погребений на этих могильниках. Скорей, они тоже указывают на сарматское влияние (Вязьмитина 1972: 162). Подобные конструкции применялись на протяжении всей позднесарматской культуры (Скрипкин 1984: 67) на всей ее территории и характерны для сарматов на территории Украины.

Сооружение на могильниках катакомб не характерно для черняховского населения лесостепи. Они известны только на могильниках Причерноморья: Коблево, Фурмановка, Беленькое, Николаевка Козацкая. На двух первых памятниках катакомбы сходны. Они имеют меридиональную ориентировку с возможным легким отклонением к северо-востоку — юго-западу. Форма входной ямы и камеры или овальная (Фурмановка, Коблево погребения 12 и 31), или подпрямоугольная со скругленными углами (Коблево, погребения 16, 38, 46). Площади входной ямы и камеры частично перекрываются. Вход в камеру в Коблево в четырех катакомбах был закрыт каменными плитами. Отмечены случаи подмазки дна камеры там, где лежал погребенный, зеленоватой глиной. На обоих могильниках захоронения в катакомбах были одиночными. В Коблево территориального выделения катакомб не наблюдается. В Беленьком в первый год раскопок вскрыто 10 катакомб. Преобладают ориентированные широтно, с входной ямой с востока. Обе части погребального сооружения имели прямоугольную форму. Площади входных колодцев и камер не перекрываются. Лишь в погребении № 2 были захоронены двое: взрослый и ребенок. Входы в камеры закрывали каменными плитами. В Николаевке Козацкой катакомба 1М ориентирована по направлению запад-северо-запад (Ebert 1913: 90-93. Abb. 99, 101, 105). Расположение камеры и колодца продольное, колодец — с востока-юго-востока. Входная яма прямоугольная, камера реконструирована как округлая. Погребенный лежал ногами ко входу. Погребение одиночное. Общим для всех могильников является продольное расположение входной ямы и катакомбы, сводчатый потолок, положение погребенных ногами ко входу, в вытянутой позе на спине. Глубина катакомб в среднем более 2 м.

Происхождение катакомб явно связано с традициями населения Причерноморья. Э.А. Симонович, анализируя катакомбы Коблевского могильника, связал их с подобными сооружениями на позднескифских могильниках в Николаевке Козацкой, Золотой Балке, Неаполе Скифском (1967 б: 219) и отметил некоторые черты отличия: индивидуальный характер погребения, иная ориентировка по отношению к входной яме, метод использования камня (1971: 69-72).

Б.В.Магомедов сопоставляет черняховские катакомбы с античными, признавая отличие черняховских в одиночном характере захоронения и упрощенной конструкции входной ямы вместо дромоса. В черняховских катакомбах он видит «регрессивное подражание греческим склепам» и связывает их с эллинизированным местным населением. Основу этого населения, по его мнению, составляли сарматы, но присутствовали в нем и поздние скифы (1980: 86). О.А.Гей первоначально полагала, что катакомбы могильника Коблево имеют явные черты сходства с античными склепами Ольвии и Пантикапея, которые отличаются лишь наличием дромоса вместо входной ямы. В античных склепах погребенные лежат на одной оси с дромосом, а не перпендикулярно, как на позднескифских могильниках. Из этого делался вывод о происхождении черняховских катакомб Причерноморья на основе подобных сооружений античных центров и позднескифских могильников (1980 б: 52). Позднее исследовательница пришла к выводу о том, что их тип II, характерный для черняховских погребений и встречающийся на позднескифских могильниках, имеет сарматское происхождение (1985 а: 17, 20). Основой для этого суждения послужили формы сарматских катакомб Поволжья и Приуралья.

Типологически сопоставление черняховских катакомб с античными склепами действительно возможно. Однако обосновать исторически генетическую связь между ними весьма затруднительно. Для сарматов погребальное сооружение в виде катакомбы – явление столь исключительное, что вряд ли при любой степени эллинизации сарматы Причерноморья могли их заимствовать из погребального обряда античных городов. Они могли передать в черняховскую культуру собственный обычай сооружения катакомб без античного или скифского влияния. Обосновать возможность такой передачи до последнего времени мешало отсутствие сарматских катакомбных погребений в Причерноморье. Они были известны лишь в Поволжье и на Северном Кавказе (Смирнов 1972). Положение кардинально изменилось после того, как в Буджакской степи были обнаружены сарматские катакомбы на могильниках Чауш, Фрикацей, Владычень и Градешка (Гудкова и др., 1981, 1984). Они относятся к III – началу IV в. (Фокеев 1986: 160). Связь катакомб Беленького с сарматскими прототипами наблюдается в характере расположения входной ямы и камеры. Однако преобладающая ориентировка погребенного головой на запад необычна для поздних сарматов. Катакомбы в Коблево и Фурмановке более сходны по форме и устройству с позднескифскими. Основное различие заключается в том, что позднескифские катакомбы обычно служили коллективными усыпальницами. По мере необходимости склепы открывали и совершали в них новые захоронения. Кроме того, у позднескифских

склепов расположение входной ямы и камеры поперечное и погребенные, как правило, лежат боком ко входу. В Николаевке Козацкой и Золотой Балке позднескифские катакомбы имеют меридиональную ориентировку, погребенного клади головой на север. В Неаполе устойчивой ориентировки не наблюдается. Катакомбы Беленького отличаются от позднескифских прямоугольной формой и отсутствием перекрытия друг другом площадей ямы и камеры.

Таким образом, в целом черняховские катакомбы объединяют в себе сарматские и позднескифские признаки, причем в каждом конкретном случае в разных пропорциях. Для окончательных суждений материала пока мало, но предварительно можно констатировать, что в Буджаке сильнее выражено сарматское влияние, а к востоку от Днестра – позднескифское. Применение в катакомбах каменных закладов, возможно, связано с позднескифскими обычаями, если не возникло самостоятельно.

Есть мнение о том, что происхождение черняховских катакомб может быть объяснено на основе подобных сооружений на могильниках античных центров. Основанием для этого служит то, что в античных склепах погребенные лежат на одной оси с дромосом, а не перпендикулярно, как на позднескифских могильниках (Гей 1980 б: 52). Типологически сопоставление черняховских катакомб с античными склепами действительно вполне возможно. Однако обосновать исторически генетическую связь между ними весьма затруднительно.

Черняховские погребения в могилах с углублением в дне или с заплечиками выделены нами как особая группа по признаку, взятому Г.Ф.Никитиной (1985: 48): глубина земляного вместилища для трупа не превышает 70 см. Этот вид погребального сооружения в Причерноморье является весьма распространенным. Он составляет немногим более половины всех погребений с труположением. Количество ям с углублением на разных могильниках различно. Оно колеблется от незначительной доли (в Николаевке 1 из 8, в Фурмановке 3 из 26) до полного преобладания (в Каменке-Анчекрак 28 из 33, в Холмском 40 из 56). Отмечены следующие детали устройства этих могил: обвод уступом углубления в дне по всему периметру (23) или только с трех сторон, одной короткой и двух длинных (2); наличие ниш по уровню dna углубления сбоку (2), в ногах (2), в изголовье (5). Существует мнение, что в некоторых случаях уступы по краям углубления являлись опорой перекрытия из камня или дерева (Никитина 1985: 48). Действительно, каменные перекрытия выявлены во всех могилах с углублением в Коблево и Ранжевом. Остатки деревянного перекрытия, сохраняющегося значительно хуже, отмечены в погребении № 20 из Николаевки и в отдельных погребениях в Каборге. Редкими по своему характеру являются деревянные конст-

рукции в погребении № 12 в Коблево и № 18 в Гавриловке, где углубление не только было закрыто деревом, но и имело обкладку по бокам. В четырех погребениях могильника Холмское на уступах был зарегистрирован коричневый волокнистый тлен, возможно, остатки циновки. В остальных захоронениях следов перекрытия не отмечено.

Г.Ф.Никитиной установлено, что могильные ямы с углублением в культуре в целом присущи погребениям с западной ориентировкой (1985: 49). По материалам могильников Коблево, Ранжевое и Холмское это явление столь очевидным не выглядит. Лишь немногим более половины погребений с углублением ориентировано на запад и значительная их часть сопровождается инвентарем, помимо украшений и принадлежностей костюма.

Основное количество могильников с захоронениями в могилах, имеющих углубления, находится в степи и на пограничье с лесостепью в могильниках Будешты и Балцаты II. В лесостепи они представлены в Журавке, Даниловой Балке и Романковцах (Никитина 1985: 16). Г.Ф.Никитина относит эту конструкцию могильной ямы к условно-локальным признакам, значение которых она оценивает низко, так как «в них заложена неопределенность, требующая дальнейшей корректировки, например, проверки при увеличении выборки» (1985: 31).

Происхождение этой формы могильной ямы проанализировано Б.В.Магомедовым статистическим методом. Он пришел к выводу о том, что захоронения в ямах с заплечиками, с одной стороны, восходят к сарматским могилам с уступами, с другой — к античной погребальной традиции. В целом же для Северо-Западного Причерноморья носителем этого обычая он считает «эллинизированное местное население сарматского происхождения» (1980: 82-83). Связь с сарматскими могилами представляется очевидной. Однако, констатируя ее, Б.В.Магомедов оговорил, что на территории Украины сарматские могилы с уступами встречаются редко. В последнее время в Северо-Западном Причерноморье выявлено значительное число таких сарматских захоронений (Гудкова, Фокеев 1984: рис. 2, 1; 3, 1, 7; 4, 1, 4; 5, 1, 7, 8, 19; 6, 1; 10, 6; 11, 3, 8, 11; 14, 3; 16, 11). Симптоматично, что в некоторых из них имеются ниши в узких стенках ямы, так же, как в черняховских погребениях. В связи с этим следует обратить внимание на конструкцию отдельных черняховских ям, объединяющих разные сарматские признаки. В могильниках Холмское (погребение № 56) и, видимо, Ранжевое (погребение 2) сочетаются углубление в дне и подбой. В погребениях №№ 51 и 53 Холмского имеется углубление с высоким уступом вдоль одной из длинных стенок. Последнее явление присутствует и в погребении № 17 Коблева. В части могил с углублением уступы расположены не по периметру, а

только вдоль длинных стенок ямы, то есть так, как это принято в сарматских погребениях с уступами. Перекрытие углублений известно не только каменное, но и деревянное, как это практиковалось у сарматов. Все это укрепляет представление о генетической связи черняховских погребений с углублением с сарматскими могилами с уступами. Сомнительно, что сарматы, применявшие такое устройство могил в более раннее время в Поволжье (Скрипкин 1984: рис. 18, 1, 2, 4), в Причерноморье восприняли его от обитателей античных городов, и не в самих городах, а на поселениях степи.

Заимствование из античной среды, пожалуй, можно видеть в сооружении каменных ящиков. В одном из погребений Каменки-Анчекрак ящик был сделан из тщательно отесанных плит (Магомедов 1980: 84). В Викторровке и Ранжевом зафиксирована обкладка стенок углубления в дне могилы небольшими камнями. Известно применение подтесанного камня для перекрытий (Сымонович 1967 б: 222, 229).

Погребениям с ингумацией в Причерноморье свойственно широкое применение камня в качестве строительного материала. Каменные конструкции (заклады, перекрытия, обкладки) широко представлены в Коблево (26), Ранжевом (18), Гавриловке (14) и Бельском в катакомбах. И хотя в могильниках Холмское, Фурмановка и Нагорное каменных конструкций вообще нет, а в Викторровке и Каборге они присутствуют только в отдельных могилах, в целом они оказываются характерными для степи. За ее пределами каменные устройства обнаружены в Оселевке (10) на Среднем Днестре. Балцаты и Будешты на пограничье степи дают сравнительно большое количество погребений с каменными конструкциями (8). Одако это исключение. В целом же для памятников лесостепи нормой является сооружение могильной ямы без каких-либо каменных устройств (Никитина 1985: 51). Поскольку в сарматском погребальном обряде каменные заклады, и тем более, иные каменные приспособления, не встречаются, источником их появления в черняховских степных могильниках мог быть позднескифский обычай. Каменные заклады подбоев и входов в катакомбы, перекрытие могил камнями были обычным явлением на позднескифских могильниках. В то же время нельзя полностью сбросить со счета и традицию каменных конструкций в вельбаркской культуре. Когда они четко оформлены и имеют вид каменных колец, их довольно легко отличить от позднескифских форм употребления камня. Но в обеих культурах бывают редуцированные, а иногда и сходные по внешнему виду формы употребления камня, тогда их трудно различить, тем более, когда они на памятниках черняховской культуры уже потеряли первоначальные четкие признаки.

Г.Ф.Никитина делит применение камня на конструктивное (заклад подбоя, перекрытие

плитами углубления в дне могилы, каменный ящик) и символическое (заваливание умершего слоем камня в заполнении могилы, камни на груди погребенного, отдельные камни в погребении, прослойка камня в засыпи могилы) (1985: 51), но это тоже не дает критерия для размежевания в сложных случаях позднескифской и вельбаркской традиции. Вероятно, в черняховской среде степей происходило их совмещение. Удастся зафиксировать лишь отдельные случаи, когда северные обычаи довольно очевидны. Это каменное кольцо вокруг безынвентарного погребения № 4 в Чубовке, а в Гавриловке, возможно, детское захоронение 98 в неожиданно большой яме 2 × 2,15 м. Камни находились не только в заполнении ямы. Их развал неправильно округлой формы выходил по уровню древней дневной поверхности за пределы ямы на 0,3-0,7 м и имел неправильно округлую форму. Символическое или ритуальное присутствие в погребениях отдельных камней и заваливание умершего камнями Г.Ф.Никитина считает характерным для северных районов черняховской культуры (1985: 52). В Причерноморье эти явления единичны.

Известны два случая (Ранжевое, погребение № 12; Холмское, погребение № 42) присутствия большого грубо обработанного плоского камня с ассиметрично расположенным отверстием. Камни из Ранжевого Э.А.Сымонович считал якорями (1967б: 225). Подобная находка известна также и в Раковецком могильнике (Винокур, Островский 1967: рис. 14, с. 152). Пока эти явления удовлетворительной интерпретации не имеют.

Применение на могильниках деревянных конструкций в Причерноморье встречается редко (Никитина 1985: табл. ХУ).

Известная на ряде степных могильников подмазка дна могилы зеленоватой глиной засвидетельствована в отдельных позднескифских захоронениях в Золотой Балке (Вязьмитина 1972: 33), Николаевке Козацкой (Сымонович 1969 б: 75-79), Красном Маяке (Гей 1987: 61) и Неаполе (Сымонович 1983: 61).

Анализ могильников с точки зрения ориентировки погребений относительно частей света, их преднамеренного разрушения и наличия инвентаря не показывает существенных отличий от закономерностей, установленных Г.Ф.Никитиной для всей культуры. Северная ориентировка в среднем преобладает. На отдельных могильниках доминирует западная или северная. Преднамеренное разрушение фиксируется для погребений как с северной, так и западной ориентировкой. Г.Ф.Никитина допускает, что обычай разрушать могилы — явление хронологическое (1985: 40). Материалы анализируемых могильников этому предположению не противоречат.

Наличие инвентаря в основном наблюдается в погребениях северной ориентировки. Зна-

чительно реже он встречается в захоронениях, ориентированных на запад. Такое его размещение не отличается от средней нормы всей культуры.

Главный результат анализа погребений с труположением — выявление широкого распространения среди них черт, происхождение которых связано с сарматскими и позднескифскими традициями. Как единичные явления эти черты известны на могильниках лесостепи, но массовы они только для Причерноморья. Это заключение вполне согласуется с наблюдениями наших предшественников. Поскольку новые материалы усиливают обоснование этой точки зрения, то, очевидно, можно считать, что эти взгляды соответствуют реальности. Попытки найти в погребальном обряде элементы античного влияния представляются нам необоснованными и с исторической точки зрения неоправданными. Второе общее наблюдение: в степи в целом нет ведущей формы погребального сооружения. Местное предпочтение наблюдается на каждом могильнике свое, то есть в каждой отдельной микрогруппе населения, имевшей свое поселение. Это указывает на очень большую смешанность традиций. Отдельные группы населения, разные по происхождению, сохранили свои обычаи. Таким образом анализ погребальных сооружений, показывает, что полной культурной интеграции не произошло.

Погребения с трупосожжением по подсчетам Б.В.Магомедова составляют на могильниках Северо-Западного Причерноморья около 12% всех захоронений, тогда как в Среднем Поднепровье на долю кремации приходится 25% (1981: 8). О.А.Гей разделила могильники Причерноморья на две группы: с резким преобладанием ингумации и биритуальные (1980 б: 44). В действительности картина значительно сложнее. Уже отмечалось, что в Николаевке, Каменке-Анчекрак, Ранжевом и Холмском кремация отсутствует. На небольшом могильнике Берислав представлены только сожжения, в Каменке-Днепровской они составляют 91,7 %, в Городке — 66,7%. Следует обратить внимание на то, что это все небольшие могильники, а в Городке раскопано только 9 захоронений. В больших могильниках число сожжений не достигает и половины. Относительное и абсолютное количество кремаций убывает с востока на запад. Всего больше их на Днестре.

Сожжения, как обычно в черняховской культуре, делятся на урновые и ямные (безурновые). В пределах каждой из этих групп наблюдаются виды со своими особенностями, которые весьма многочисленны и касаются различных признаков. На сегодня нет единства взглядов по поводу смысла и значения многих из них. Количественное соотношение ямных и урновых сожжений неустойчиво. Общая тенденция — преобладание ямных.

Все урновые захоронения, за исключением

погребения во Фрунзовке, чистые. Значительная их часть покрыта черепками или мисками. В Коблево погребение № 1 совершено в двух сосудах, а № 9 — в трех, в Каменке Днепровской в погребениях № 38 и 49 и в Гавриловке № 66 — в двух сосудах. Инвентарь при урновых погребениях редок, несколько чаще отмечается присутствие разрозненных черепков. В некоторых погребениях (подробней об этом ниже) урны вторично обожжены.

Ямные погребения представлены на всех могильниках, где обнаружена кремация. За одним исключением (Каборга, погребение № 5) все они чистые. Инвентарь, как правило, весьма скудный. Исключение — Каборга, где он чрезвычайно обилен, разнообразен и во всех случаях присутствует вторично обожженная посуда. Покрытие праха черепками отмечено в Коблево и Каменке-Днепровской.

Единичность случаев погребения кальцинированных костей вместе с остатком погребального костра соответствует черняховскому обряду кремации в целом. Г.Ф.Никитина установила, что на южных памятниках этот принцип мало распространен (1985: рис. 22).

Попытка осмысления степных сожжений с точки зрения отражения в них в целом каких-либо закономерностей и общих явлений упирается в то, что на сегодня их характеристики нельзя считать не только достаточно полно осмысленными, но, видимо, даже и целиком учтенными. Работа затрудняется и тем, что сожжения, находящиеся обычно на небольшой глубине, часто оказываются нарушенными. Так, например, в Каборге они все были затронуты плугом. Сохранность кремаций в массе хуже, чем захоронений с ингумацией. В результате, хотя погребения и фиксируются, и из них получены материалы, часть характеристик оказывается утраченной безвозвратно. Поэтому невозможна четкая их классификация по всей сумме избранных для нее признаков. С этим мы столкнулись, когда попробовали применить к степным сожжениям систему Н.М.Кравченко. Ею разработаны две системы классификации сожжений. Одна из них построена на материале всей культуры Черняхов-Сынтана де Муреш (1970). Вторая — на материалах черняховских могильников с территории СССР (Сымонович, Кравченко 1983). Они различаются тем, что в одной классификации группа признаков находится на верхнем, основном уровне, то есть она является основной, а в другой — те же признаки занимают более низкий уровень. Это делает обе системы плохо сопоставимыми, к тому же в них есть различия и на нижних уровнях. Нами сделана попытка применить вторую систему 1983 года как более детально разработанную. К сожалению, в ее структуре имеется ряд недостаточно четко разработанных положений. Так, например, сожжения, в которых присутствуют вещи, связанные только с костюмом (украшения, застежки), рас-

сматриваются как безынвентарные и по этому признаку выделяется первая из трех основных групп (высший уровень классификации). При этом не учтена такая принадлежность черняховского костюма, как мешочек у пояса, в котором обычно носили мелкие предметы туалета (например, пинцеты и др.) и индивидуальные орудия труда (иглы, шилья, бронзовые ножики). Но эти вещи могли быть и приношениями. Это же — признак третьей группы. Неясно, как интерпретировать гребни. Методический прием выделения I группы как «безынвентарной» оказывается не очень удачным еще и потому, что идет вразрез с принятой в литературе манерой описания сожжений. Обычно все исследователи включают такие погребения в число содержащих инвентарь. В результате сопоставление с описаниями и разработками других исследователей оказывается очень затрудненным или невозможным. Кроме того, часто практически не удается в нарушенных погребениях отличить, принадлежат ли черепки «приношениям» (III группа) или же разбитым и сохранившимся частично урне или сосуду-покрытию. В ряде случаев нельзя определить, все ли кальцинированные кости находились в урне или же часть была вне ее. Мы описываем все это столь подробно потому, что все-таки попытались применить классификацию Н.М.Кравченко к нашим материалам, и в результате не всегда есть уверенность в том, что погребения разнесены по группам правильно. Кроме того, вне классификации оказались захоронения в открытой яме без инвентаря. По логике системы их следует включить в первую группу, но сплошная нумерация типов делает систему формально закрытой. Хотя, конечно, возможно поместить десятый новый тип в I группу.

Результаты разработки сожжений по системе Н.М.Кравченко следующие. Некоторые погребения по разным причинам оказались неопределенными. Н.М.Кравченко попыталась наполнить выделенные ею типы сожжений этническим содержанием. В первой, «безынвентарной» группе типы 1 и 2 определены как гето-дакийские, причем тип 2 рассматривается как очень ранний, связанный с начальной стадией черняховской культуры. Эта группа объединяет на степных могильниках около половины погребений, причем тип 2, ранний, в ней составляет тоже около половины. Захоронения «безынвентарной» группы сконцентрированы в междуречье Днепра-Днестра. В связи с последним наблюдением надо однако оговорить, что количество сожжений в Буджаке вообще очень мало и выборка для этого района оказывается мало представительной. Погребения второй группы «с приношениями», связанные почти целиком с традициями зарубинецкой культуры, почти полностью отсутствуют. Два из них, принадлежащие типу 4, объединяющему признаки липицкой и зарубинецкой культур (Звенигород, Болотное)

представлены на могильнике Городок.

Наиболее крупной оказалась третья группа «с тризной». В ней преобладает пшеворское и присутствует пшеворско-липицкое культурное наследие. Эти погребения имеются почти на всех (за исключением Викторовки) представительных памятниках междуречья Днестра и Днестра. Первая и третья группы сочетаются на одних и тех же памятниках, а в Городке поровну представлены все три группы.

Очевидный вывод из приведенного анализа: в степных сожжениях практически отсутствует влияние зарубинецкой культуры, но достаточно выражено пшеворское и гето-дакийское. Особое значение может иметь тот факт, что гето-дакийские черты сконцентрированы не в Буджаке, а в восточной части региона. Кроме того, в погребениях с гето-дакийскими признаками могут присутствовать липицкие черты. В свете этого наблюдения возникает представление о перемещении на юг населения, практиковавшего обряд сожжения, с северо-запада, из района верховий Днестра и Западного Буга. Истоки гето-дакийских черт связаны с этим районом.

Важной особенностью многих сожжений является присутствие в них *вторично обожженной керамики*. Очевидно, надо разграничивать вторично обожженные урны и вторично обожженные разрозненные фрагменты керамики. Первые, надо думать, стояли в погребальном костре, проходя обряд очищения огнем. Вторые могли попадать в костер во время тризны. Вторично обожженная керамика в кремациях Северо-Западного Причерноморья не редкость. Так в Каборге она представлена во всех сожжениях. В Гавриловке в погребении 30 была вторично обожженная урна, а в погребениях 28 и 31 — черепки. В Каменке вторично обожженная керамика найдена в погребении 39, в Коблево — в погребении 11 урна имела следы огня. В Городке оба ямные погребения содержали вторично обожженные черепки. Существует мнение, что присутствие в погребениях вторично обожженной керамики указывает на повышенное или подчеркнутое значение культа огня (Никитина 1985: 76-77). Но и не только. Г.Диакону по материалам Румынии высказал мысль о том, что погребения со вторично обожженной керамикой (урны и черепки) присущи германскому племени тайфалов (Diaconu 1965:115). Возможно, это действительно свойственно тайфалам, но не только им. Письменные источники не фиксируют этого племени в Причерноморье. Очевидно, для этой зоны надо предполагать какие-то другие германские связи.

Сравнение основных признаков погребений с трупосожжением показывает, что могильники Каменка, Гавриловка, Каборга IV и Городок характеризуются не только их большим количеством, но и большей развитостью обряда. Создается впечатление, что в среде населения, оставившего здесь погребения с кремацией,

этот обряд жил во всей своей яркости. Это наблюдение хорошо согласуется с тем, что в Каборге погребения с кремацией на могильнике территориально обособлены. Кроме того, их инвентарь явно связан с культурами нижней Вислы и Прибалтики (Магомедов 1979 б: 62; 1980: 85). В Каборге в зоне распространения погребений с кремацией находится ритуальная яма № 1, заполненная камнями и незначительным количеством угольков и костей животных. Б.В.Магомедов определил, что она аналогична культовым ямам на могильниках Любомль и Брест-Тришин (1979 б: 55). Материалы погребений с кремацией на могильниках Городок и Каборга выглядят идентичными. Создается впечатление, что они принадлежат пришлому населению, еще не утратившему своеобразия своего погребального обряда. По иному выглядят немногочисленные и упрощенные сожжения на остальных могильниках. Убедительным представляется мнение о том, что практика погребений с сожжением была привнесена в Причерноморье в основном германскими племенами (Магомедов 1980: 85; Гей 1980 б: 51). В основном это были носители вельбаркской культуры, но имела и пшеворская примесь. В Буджаке же некоторую роль сыграл этулийский погребальный обряд.

Анализ могильников Северо-Западного Причерноморья показывает, что погребальный обряд степных памятников в целом является черняховским. Об этом свидетельствует планировка могильников, обычная для черняховской культуры, биритуализм, параллельное существование трупоположений с северной и западной ориентировкой и обычное их различие по инвентарю, наличие урновых и ямных захоронений с кремацией, преобладание «чистых» сожжений. Своеобразие региона проявляется в следующих особенностях: наличие могильников без кремации; малое количество сожжений там, где они представлены, и преобладание среди них безурновых захоронений, имеющих, как правило, бедный инвентарь; широкое распространение каменных конструкций; большое количество погребений с трупоположением в ямах, имеющих углубление в дне, и в ямах с подбоями; применение катакомб. В целом региону свойственна большая, чем где-либо выраженность скифских и, особенно, сарматских черт. Как единичное явление они известны и на могильниках лесостепи, но массовыми являются только на юге. Это заключение вполне согласуется с наблюдениями наших предшественников. Новые материалы подтверждают их. Очевидно, эти взгляды соответствуют реальности.

Сравнение характеристик могильников Буджакской степи и степей к востоку от Днестра выявляет их некоторое различие. На востоке в погребениях с ингумацией чаще применялся камень, известна подмазка дна могилы зеленой глиной, катакомбы имеют по преимуществу по-

зднескифские черты. Захоронения с кремацией более распространены, имеют большую вариантность, широко практикуется помещение праха в урны-сосуды. Именно в этих захоронениях найдена посуда северо-западного происхождения (трехручные вазы, иногда уникальные, керамические кубки, ритон-сапожок). Инвентарь сожжений, количество обломков керамики часто обильны. Нередко встречается вторично обожженная керамика. Обряд кремации выглядит развитым и ярким. На могильниках Буджака камень применяется редко и его употребление не имеет столь ярко выраженной связи с какими-либо культурами предшествующего времени; а вельбаркские признаки в каменных конструкциях вообще отсутствуют. Катакомбы имеют по преимуществу сарматские признаки. Захоронения с кремацией мало распространены. Среди них преобладают ямные. Инвентарь сожженных беден или вообще отсутствует. Вторично обожженной керамики не встречается. Обряд кремации в целом редуцированный, выраженных вельбаркских или пшеворских черт в нем нет. Различия в обряде сожжения в обоих районах выглядят как хронологические, эволюционные.

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ

Определение времени существования черняховских памятников степного Причерноморья базируется на материалах как поселений, так и могильников. Их датирующие возможности не одинаковы. На поселениях находки хронологически определенных вещей очень редки и не объединены в комплексы. Поэтому каждая отдельная находка свидетельствует о том, что какая-то часть времени функционирования поселения совпадает, как минимум, с частью периода бытования вещи. Логически рассуждая, следует думать, что на поселениях могут встречаться вещи, несколько более ранние, чем на могильниках. Проходило некоторое время, пока возле поселения разрасталась кладбище. Хотя находки с поселений не дают столь четкой даты, как погребальный инвентарь, они дополняют и уточняют общую картину, особенно, когда есть возможность изучать селище в комплексе с его могильником. Из захоронений наибольшее значение для исследования хронологии имеют те, в инвентаре которых сочетаются минимум две датирующие вещи. Но и весь комплекс находок с могильника, включая и единичные, дает представление об общей длительности и времени его существования.

Почти все датирующие комплексы с могильников уже неоднократно рассматривались исследователями. Если сложившиеся представления о дате того или иного памятника или погребального комплекса не требуют, с нашей точки зрения, уточнения, то они подробно здесь не рассматриваются. Однако нами предлагается ряд новых датировок, что заставляет дать подробный

анализ ранее опубликованных комплексов.

Первые определения нижнего хронологического рубежа памятников в степях между Днестром и Днестром в пределах II и первой половины III в. по мере увеличения точности хронологических разработок к настоящему времени не подтвердились. Многие ранние даты были предложены Э.А.Сымоновичем, исходившим при этом часто из своих общеисторических концепций. Могильник **Каменка Днепроовская** был им определен как один из самых ранних памятников в Причерноморье и продатирован II-III вв. (1955: 306). Датирующий материал из него весьма ограничен, так как из 12 погребений 11 были с сожжением. В захоронении 6 с ингумацией найдены две подвязные фибулы, которые А.К.Амброз использовал как эталон для выделения второго варианта бронзовых прогнутых фибул с подвязной ножкой, датируемого им IV в. К этому же варианту принадлежит и обломок фибулы из погребения 66 (Амброз 1966: 64). В погребении 4 найден обломок нижней части амфоры инкерманского типа (Сымонович 1955: рис. 4, 4). Эти сосуды долгое время датировали второй половиной III-IV вв. (Щукин 1968: 42; Шелов 1978: 19). Обнаружение новых комплексов с такими амфорами и новейшая разработка крымских материалов сужают эту датировку до IV в. (Айбабин 1984: 114), что полностью согласуется с наблюдениями над распространением этих сосудов на памятниках Сынтана де Муреш (Scorpan 1977: 269, 270, рис. 1, 2). Из слоя могильника происходит безщитковая округлая пряжка (Сымонович 1955: рис. 7, 18). Никаких дополнительных признаков она не имеет. Ее, скорей всего, можно отнести к серии Е по Е.Л.Гороховскому, которую он считает характерной для выделяемой им 5-й журавской стадии культуры (375-380 — 420-430 гг.) (Гороховский 1988: рис. 7, 18; с. 45). По типологии В.Б.Ковалевской эта пряжка ближе всего к типу, бытование которого начинается с IV в. (Ковалевская 1979: табл. III, № 3). Таким образом на могильнике нет четких материалов III в. О.А.Гей первоначально продатиовала Каменку IV в. (Гей 1985: 7), затем III-IV вв., определив в частности обломки амфор как принадлежащие сосудам инкерманского типа (Гей 1986: 78). Позднее она объединила Каменку с Каборгой IV в так называемый «южный блок» памятников, начальная стадия которого продатиована 240-270 гг., а вторая — 270-300 гг. Вызывает сомнение прием смешения в одном «блоке» двух памятников, особенно, если учесть замечание самих его исследователей о том, что для южного блока «первая фаза... выделяется с трудом. Вероятно, к ней следовало бы отнести только один комплекс — погребение 21 Каборги» (Бажан, Гей 1992: 149).

Все изложенное приводит к заключению о том, что нижняя хронологическая граница Каменки, если и находится в III в., то лишь в са-

мом его конце. В основном могильник функционировал в IV в. Определить дату более узко невозможно. Отметим лишь отсутствие вещей позднего IV в. Не исключено, что памятник не дожил до финала культуры.

Могильник Гавриловка (Овчарня совхоза Приднепровский) определен исследовавшим его Э.А.Сымоновичем как поздний памятник, в частности более поздний, чем Каменка-Днепровская и продатирован III-V вв., возможно, для V в. речь должна идти о его начале (1955: 306; 1960: 237-238). Этот крупный могильник (42 кремации и 54 ингумации) дал достаточно обильный материал для датировки. Косвенным свидетельством его длительного функционирования являются четыре случая перекрывания погребений друг другом (Сымонович 1960: 208, 211), при этом хронологическая последовательность с обрядом погребения не связана.

Подвязные *фибулы* из погребений 32, 33 и 45 описаны А.К.Амброзом как 2 вариант подвязных фибул (1966: 63-64). К ним следует прибавить фибулу из погребения 47. Этот вид относится к IV в. Фибулы из погребений 6, 12, 68, 106 и из культурного слоя относятся к 3 варианту середины — второй половины IV в. Фибула из погребения 5 — это 4 вариант, для которого она в классификации А.К.Амброза служит эталоном и указывает на IV-начало V в. Двухпластинчатые фибулы из погребений 28 и 88 и воинская фибула из погребения 31 принадлежат IV в. (Амброз 1966: табл. 10, 12; 13, 12, 13). Таким образом фибулами хорошо документирован весь IV в. Только фибулы 2 варианта более ранние и могут указывать и на конец III в. Однако для погребения 33 с такой фибулой эта дата не приемлема. Оно должно быть отнесено к IV в., ибо в его инвентаре имеется гребень третьей типа по Г.Ф.Никитиной и железная безщитковая овальная пряжка с утолщением переднего края.

Поясные бронзовые пряжки (одна представлена лишь язычком) найдены в 13 погребениях (№№ 5, 12, 18, 26, 35, 42, 79, 45) и три происходят из культурного слоя могильника. Характерной особенностью этих, как щитковых, так и безщитковых, округлых и овальных пряжек является хоботковидный (с загнутым концом) язычок, имеющий уступ сзади. Этот признак и утолщение передней части рамки указывают на их позднюю дату в пределах середины — второй половины IV в. По Е.Л.Гороховскому, пряжки с такими особенностями появляются в качестве хроноиндикатора с 3-й фазы культуры, то есть со второй трети IV в. (Гороховский 1988: рис. 1). В погребении 47 обнаружена D-образная безщитковая пряжка с язычком, имеющим перехват у конца. Эта пряжка, скорей всего, сопоставима с пряжкой из Косаново, погребение 5, отнесенной Е.Л.Гороховским к 3-й фазе культуры (вторая треть — третья четверть IV в.). Таким образом, поясные пряжки принадлежат периоду, который начинается со второй трети IV в., то есть это 3-я

фаза культуры по Е.Л.Гороховскому.

Четыре *костяных гребня* (из погребений 5, 12, 33, 79) принадлежат типу 3 по Г.Ф.Никитиной (1969; в дальнейшем определение гребней дается по этой работе). Один из этих гребней Г.Ф.Никитина использовала в качестве эталона для датировки этого типа, который она относит к IV в.

Стеклянные кубки найдены в погребениях 5, 35, 47, 68, 79, 82, 93. Дата целого сосуда из погребения 5 и нижняя часть подобного ему кубка из погребения 79 из зеленоватого прозрачного стекла, украшенного желобками, рядом овалов и четырьмя рядами угловатых шлифованных плоскостей не дискуссионна: конец IV — начало V в. (Сымонович 1977: 181-182; Rau 1972: 167). Из погребения 35 происходит конический кубок из прозрачного светлого-зеленого стекла, украшенный двумя углубленными опоясывающими линиями. Край слегка отогнут. Этот сосуд синхронен выше описанному кубку с фасетками (Rau 1972: 167) и является признаком финальной фазы культуры (Гороховский 1988: т. IV, рис. 76). Кубки из погребений 68 и 82 — это тип Эггерс-220. Г.Рау пришел к выводу о принадлежности этих сосудов к 1 типу фасетированных кубков, основное время бытования которых 325-375 гг. (Rau 1972). И.Тейрал доводит их существование до грани периодов C1 и C2 (Tejral 1986 б: 182). О.В.Шаров использовал эти кубки как хроноиндикатор (1992: 175; 1995: 8). В могильнике Косаново в погребении 9 такой кубок найден вместе с гребнем типа II B2 и воинской фибулой с ромбической ножкой и щитком на головке (Кравченко 1967 а: 87). Это погребение Е.Л.Гороховский оценил как эталонное для фазы 3 черняховской культуры, которую он датирует второй третью — третьей четвертью IV в. (1988: 4; рис. 1). Таким образом кубки датируются самое раннее со второй половины IV в.

Импортная керамика, на наш взгляд, не очень значима, так как амфоры представлены малопонятными обломками. Краснолаковый кувшин из погребения 68 не может сам по себе дать узкую дату, но вместе с ним найден стеклянный кубок Эггерс-220.

Датировка могильника Э.А.Сымоновичем подверглась уточнению. М.Б.Щукин полагает, что наиболее ранние материалы на нем относятся к самому концу III в. (Щукин 1979: 71). О.А.Гей писала, что к III в. можно отнести лишь кубки из погребения 68 и 82 (тип Эггерс — 120) и признала, что основное время функционирования могильника приходится на IV в. (1986: 78). Поздней она поместила начальную фазу могильника в самый конец III — начало IV в. (Бажан, Гей 1992: 152).

Итак, все датирующие материалы из погребений Гавриловки указывают на IV в. Только в двух погребениях 32 и 45 подвязные фибулы второго варианта могут существовать и в конце III в. Поскольку дата погребений с этими фибу-

лами не может быть сужена из-за отсутствия в них других датирующих вещей, их с таким же основанием и по той же причине можно отнести и к первой половине IV в. На могильнике нет ни одного комплекса, который бы указывал хотя бы на позднюю часть III в., что и заставляет исключить его из датировки памятника. Выделение на нем первой фазы конца III — начала IV в. не убедительно (Гей, Бажан 1992: рис. 22, с. 153). Бронзовые пряжки во всей своей совокупности указывают на вторую половину IV в. О том же свидетельствуют и костяные гребни. Стекланные кубки представлены выразительными формами только середины — второй половины IV в. После новейших хронологических разработок стало ясно, что кубки Эггерс-200 не могут указывать на III в. Исходя из всего этого, можно полагать, что могильник начал функционировать не ранее IV в., и его существование продолжалось до конца черняховской культуры в степи. Основная масса датирующего материала относится ко времени, начиная с середины IV в. Скорей всего, могильник возник именно в это время.

Могильник черняховской культуры **Николаевка Козацкая** находится на территории одноименного позднекифского могильника. Первые раскопки на нем проводил в 1912 г. М.Эберт, который и выделил из числа позднекифских захоронения последующего времени 1А, 1Н, 1J, 1L и 1М (Ebert 1913). Работы на могильнике продолжил Э.А.Сымонович в 1966 (1969), 1969 (1969) и 1972 годах (Сымонович, Кравченко 1983). Из вскрытых им погребений три содержали черняховский инвентарь. Всего обнаружено 8 захоронений черняховской культуры. Исследователи могильника, начиная с М.Эберта, понимали его как однослойный и принадлежащий аборигенному населению. Э.А.Сымонович не воспринял поздние погребения как самостоятельное культурное явление, а лишь отметил присутствие в них черняховских черт. Датируя черняховские памятники в этом районе со II в., он сомкнул их с позднекифскими и пришел к выводу о «...мирном характере сосуществования неоднородных в этническом отношении групп племен, живших на нижнем Днепре... в римское время» (Сымонович 1969: 80). Значительно позднее он включил соответствующие погребения Николаевки в свод памятников черняховской культуры (Сымонович, Кравченко 1983 б: 70, № 274). Четкое разграничение двух групп погребений было произведено М.Б.Щукиным, который пришел к выводу о том, что «... на могильнике намечаются две достаточно четкие хронологические группы, между которыми оказывается разрыв от середины II до середины III в. н.э.» (Щукин 1970: 60). Однако расчленение памятника на две не связанные между собой части не было доведено до конца, поскольку М.Б.Щукин полагал, что позднекифская культура в Нижнем Поднепровье непосредственно перехо-

дит в культуру поселений с каменным домостроительством (Берислав, Дудчаны, памятники низовий Буга, Ингула и Ингульца). На фоне такого предположения хронологический разрыв между позднекифскими и черняховскими погребениями, естественно, вызывал недоумение и исследователю не удалось отказаться от представления о непрерывности использования могильника. Окончательное хронологическое и культурное разграничение двух горизонтов могильника было произведено О.А.Гей (1985 а: 19-20).

Датировка черняховских погребений, разработанных М.Эбертом, разработана М.Б.Щукиным. Все они относятся ко времени с середины IV в. Погребение № 20 на основании гребня дунайского варианта и калачиковидной пряжки тоже принадлежит второй половине IV в.

Датировка могильника **Каборга IV** имеет свою историю и, не исключено, еще не устоялась. Его исследователь Б.В.Магомедов выделил две фазы его функционирования, различающиеся обрядом (появление кремации во второй фазе) и ранние погребения первой фазы 9, 13 и 21, которые первоначально продатировал первой половиной III в. (1979 б: 81; 1987: 88). Такая ранняя дата вызвала обоснованные возражения и передатировки (Гороховский 1985: 21; 1988: т. 4, 45; Гей 1985 а: 9). Очевидно, это заставило Б.В.Магомедова позднее пересмотреть время совершения погребений первой фазы и отнести их ко второй половине или концу III в. — началу IV в., подчеркнув сарматский облик инвентаря из погребения 9 (Баран, Гороховский, Магомедов 1990: 54, 64).

Погребение 13 дает мало оснований для прочной датировки, ибо ничего, кроме бисера, оно не содержало. В результате оно не стало предметом дискуссии. Погребение 21 содержало трехчастный гребень с округло-подтреугольной спинкой типа 1В2 и бронзовую прогнутую подвзную фибулу варианта I по А.К.Амброзу. Гребень датируется широко III-IV вв. Фибулы I варианта А.К.Амброз продатировал второй половиной II — большей частью III в. За 20 лет, прошедших с момента появления его работы, возможность отнесения таких фибул в черняховских комплексах ко II — началу III в. не подтвердилась. Е.Л.Гороховский полагает, что они являются в черняховской культуре диагностирующими для второй трети — третьей четверти III в., а погребение 21 он отнес ко второй фазе черняховской культуры (последняя треть III в. — первая треть IV в. (1988: 45). О.А.Гей и И.А.Бажан на основании этой же фибулы отнесли погребение 21 к первой фазе «южного блока», которая, по их представлениям, соответствует 240-270 гг. (1992: 149). О.А.Гей так же отмечает, что самые ранние материалы из Каборги принадлежат середине III в. (Славяне и их соседи...: 150). Итак, фибула из погребения 21 является основой для определения нижней хронологической границы памятника, которую, скорей всего,

следует поместить в середину – начало второй половины III в. Единичность этой вещи делает датировку несколько неуверенной.

Погребение 9 Е.Л.Гороховский отнес ко второй половине III — началу IV в. (1985: 21). На наш взгляд, возможна его совсем иная интерпретация. Оно расположено на самом краю могильника и полностью разрушено пахотой. Весь инвентарь был перемещен. Известно лишь, что погребенный лежал головой на север на спине. Происходящие из него лучковая двучленная фацетированная фибула и бронзовая серьга из витой проволоки с овальным щитком полностью аналогичны таким же вещам из сарматского погребения в урочище Носаки Запорожской области (Бидзиля и др. 1977: рис. 32, 3, 8), которое датируется краснолаковым фигурным сосудом в виде барана. Такие сосуды бытовали во II – первой половине III в. (Клейман 1985 б: 61). Стекланные бусы из погребения 9 представляют собой набор, относящийся в основном ко II–III вв. Часть из них аналогична бусам из того же погребения в Носаках и сарматского погребения III в. в Фокшанах (Моринц 1959 б: 456). Важна датировка круглых сердоликовых бус, выделенных Б.В.Магомедовым на Каборге в тип 17. Он ссылается на находку таких бус в Венгрии в I – первой половине II в. На фоне этой аналогии даже для предложенной им самим ранней датировки погребения 9 эти бусы выглядят анахронизмом. Судя по разработке таких бус у Е.М.Алексеевой (1982: 14–15), для их более точной датировки необходимо учитывать особенности технологии их изготовления. Они многочисленны в I и II вв., но продолжают использоваться и в III в.

Все изложенные наблюдения позволяют предположить, что погребение 9 является сарматским, более ранним, чем черняховский могильник. Подобная ситуация не редкость. Она известна с погребением 21 на черняховском могильнике Ранжевое (Сымонович 1979: 110). Отдельное сарматское погребение найдено без видимых следов кургана на том же поле, что и черняховский могильник Холмское (Гудкова, Фокеев 1984: 21). Такие захоронения могли быть связаны с небольшими распаханymi курганами. В оценке погребения 9 на Каборге мы полностью солидарны с И.Ионицей, который полагает, что оно никакого отношения к черняховской культуре не имеет (1991: 80).

Итак, складывается впечатление, что возникновение могильника Каборга не может быть продатировано раньше середины III в., но дата точно не фиксирована и «плавает» в пределах второй половины III — начала IV в. Представление о двух фазах могильника в том виде, как его сформулировал Б.В.Магомедов, не подтверждается.

Поселение **Каменка-Анчекрак** по нижней дате своего существования, предложенной исследовавшим его Б.В.Магомедовым, стоит в

регионе совершенно особняком. Исследователь отнес его возникновение ко II в. н.э., то есть ко времени ранее сложения черняховской культуры. Основой для этого послужили два обломка двустольных ручек амфор I в. до н.э. – I в. н.э. и трех фрагментов красноглиняных сильнопрофилированных ручек с глубоким желобком по внешней стороне, принадлежащих амфорам II в. н.э. (1991: 16). Поскольку амфоры этих двух типов не сосуществуют, то двустольные ручки к предложенной дате вообще никакого отношения не имеют. Предположение о возникновении черняховского поселения во II в. само по себе не реально и требует основательного рассмотрения. Тем более, что других материалов этого времени не обнаружено, а ранняя часть памятника, по мнению Б.В.Магомедова, находилась в стороне от раскопов. Очевидно, что ранние амфорные ручки к поселению отношения не имеют. Пока нет основания использовать их для его датировки, тем более, что часть из них найдена не в слое, а на материке. Опыт наших многолетних работ по берегам причерноморских лиманов показывает, что здесь повсеместно и довольно часто встречаются обломки самых разных античных амфор, не связанные ни с какими конкретными памятниками. Вероятно, это результат деятельности древних пастухов. Кроме того, нельзя исключить и возникновение поселения Каменка-Анчекрак на месте, обжитом в предшествующее время, но материалы раскопок не дают об этом сведений. Очевидно пока поселение надо датировать полученной из раскопов импортной керамикой, достаточно обильной и выразительной, которую Б.В.Магомедов отнес к IV — началу V в. (1991).

Могильник **Викторовка** исследован Э.А.Сымоновичем, который отнес его к первой половине IV в. (1966 а; 199). О.А.Гей, определяя дату могильника, опирается на мнение М.Ф.Болтенко о времени существования поселения Викторовка и полагает, что могильник возник не ранее конца IV в. (1986: 81).

Из погребения 5 происходит амфора инкерманского типа, диагностирующая, как уже указывалось, IV в. и две бронзовые фибулы. Одна из них подвязная прогнутая с жаловидной ножкой (рис. 59, 15) (Амброз 1966: табл. 12, 11), другая — прогнутая подвязная с обильным фацетированием на спинке и ножке, третьего варианта (рис. 59, 17) (Амброз 1966: табл. 11, 15). Обе бытовали в IV в. не ранее его середины. Две подвязные фибулы из погребения 6 (рис. 59, 18, 19) — того же варианта (Амброз 1966: 61, табл. 11, 13, 14) и, следовательно, датируются от середины — второй половины IV в. Из погребения 13 происходит двучленная воинская фибула IV в. (Амброз 1966: табл. 10, 18, 19) (рис. 59, 16). Таким образом нет никакого основания относить возникновение могильника к концу III в. Все материалы свидетельствуют о функционировании могильника в середине — второй

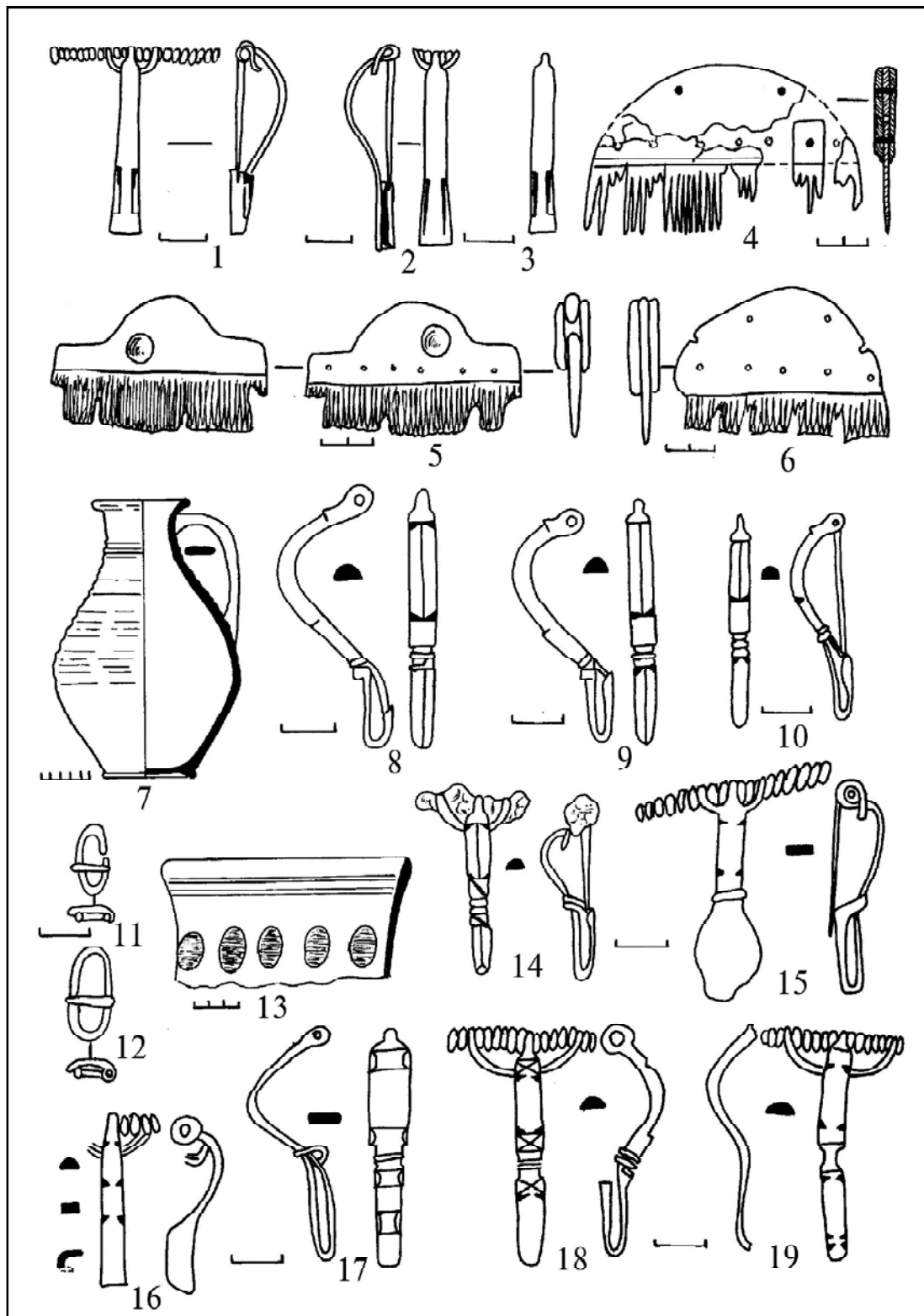

Рис.59. Датированный инвентарь из черняховских могильников: 1-4 – Городок; 5-14 – Коблево; 5-19 – Викторовка.

половине IV в.

Могильник **Городок** возле одноименного черняховского городища на Буге известен по 9 погребениям, из которых только одно (№ 3) имело датирующий инвентарь – трехчастный гребень с полукруглой спинкой, три воинские фибулы и, так называемая, булавка или часть шкапулки, по Э.А.Сымоновичу (1975). Б.В. Магомедов продатировал это погребение по фибулам IV в. (1979а). Можно попытаться сузить эту датировку. Трехчастный гребень с полукруглой спинкой (рис. 59, 4) принадлежит типу IB1. Г.Ф.Никитина в свое время не располагала данными для узкой датировки и отнесла его ко второй половине III – IV в. М.Б.Щукин и Т.А.Щербакова отнесли такой гребень в Данчанах ко второй половине III — первой половине IV в. (1986: 191). О.В.Шаров по материалам Ружичанки и Косаново помещает такие гребни в пределах III и IV фазы черняховской культуры (1992). Е.Л.Гороховский по материалам Косаново использовал его как хроноиндикатор для 4-ой фазы черняховской культуры (350-400 гг.) (1966; 1988: рис. IV, 71). Таким образом датировка гребней этой формы пока не устоялась. Воинские фибулы относятся к IV в. (Амброз 1966: 70-71, табл. 10, 17) (рис. 59, 1-3). Е.Л.Гороховский отнес их к той же 4-ой фазе, что и гребень. Возможно, некоторую ясность в датировку погребения вносит «булавка», которая, по нашим предварительным наблюдениям, в комплексах второй половины IV в. не встречается. В совокупности можно отнести погребение 3 примерно к середине или самому началу второй половины IV в.

Могильник Коблево дал значительный датирующий материал, но только в двух погребениях обнаружено по две вещи, поддающиеся хронологическому определению. Раскапывавший этот могильник в комплексе с поселением Э.А.Сымонович пришел к выводу о том, что они существовали в III-IV вв., не исключая конца II в., при отсутствии материалов конца IV-V вв. (Сымонович 1979 б: 93).

В погребениях 7 и 20 найдены две однотипные безщитковые пряжки (рис. 59, 11, 12), овальнорамчатые без утолщения переднего края. Их язычки слабо загнуты и не имеют ни прогиба, ни уступа сзади. Длина около 20 мм. По всем этим признакам их следует отнести, скорее всего, к серии Ж по Гороховскому (1988: 42). Он полагает, что они характерны для второй фазы черняховской культуры (около 270-330 гг.). Из погребения 17 происходит бронзовая прогнутая подвязная фибула (рис. 59, 10) первого варианта первой серии по А.К.Амброзу. Как уже указывалось, они датируются в пределах второй трети – третьей четверти III в. (Гороховский 1985: 21). В захоронении 26 найдены гребень с полукруглой спинкой типа IB1 (рис. 59, 6) второй половины III-IV в. и краснолаковый кувшин (рис. 59, 7), который Э.А.Сымонович отнес по анало-

гии с кувшином из Танаиса к III в. (1967 а: 232). В погребении 25 найдена верхняя часть стеклянного кубка типа Ковалк (рис. 59, 13). Э.А.Сымонович полагал, что он не мог существовать позднее III в. (1967 а: 233-234). По мнению Г.Рау, сосуды этого типа были распространены в конце III – начале IV в. (1975: 479). Перечисленные находки свидетельствуют, что могильник мог начать функционировать во второй половине III в. К более поздним вещам принадлежат пирамидальная костяная подвеска и гребень с полукруглым выступом на спинке типа III B1 (рис. 59, 5), относящийся, по уточнению Е.Л.Гороховского, к последней четверти IV в. (1985). Есть мнение, что бытование таких гребней заходит и в V в. (Щукин, Щербакова 1986: 191). Подвески в массе датируются IV в. и известны и в V в. (Diasopu 1962: 443; Щукин, Щербакова 1986: 199). Фибулы из погребений 28 и 57 однотипны (рис. 59, 8, 9) и относятся к третьему варианту (Амброз 1966: 64-66, табл. 11, 13). Они датируются IV в., но не заходят в его последнюю четверть (Гороховский 1985 б: 21). В погребении 46 найден гребень типа III B1 (рис. 60, 1), относящийся к последней четверти IV в.

О.А.Гей полагает, что большинство находок из Коблевского могильника свидетельствует о его функционировании в IV в., хотя не исключен и III в. На наш взгляд, наиболее ранние материалы показывают, что он мог возникнуть во второй половине III в., скорее, даже в его последней трети или четверти. Это заключение подтверждается и находками из культурного слоя поселения Коблево, которому принадлежит могильник. Здесь были обнаружены бронзовая прогнутая подвязная фибула (рис. 59, 14) второго варианта, датируемая концом III — первой половиной IV в. (Амброз 1966: 61-63, табл. 11, 10). Найдены также обломки тонкостенных кубков из прозрачного стекла, украшенных шлифованными овалами. По мнению Э.А.Сымоновича, их следует датировать временем не позже III в. (1967 а: 234).

Окончание функционирования могильника Коблево происходит во второй половине IV в., возможно, ранее исчезновения черняховской культуры, до появления позднейших типов стеклянных кубков конца IV-начала V в.

В погребениях у сел **Чубовка и Большая Корениха** (Гребенников и др. 1982: рис. 1, 6; 5, 7) на Буге обнаружены трехчастные костяные гребни типа III (рис. 60, 10, 11), появляющиеся во второй половине IV в. (Гороховский 1985: 22). В Чубовке гребень сочетается с двумя подвязными фибулами плохой сохранности с гладкой довольно массивной спинкой шириной в 0,5 см (рис. 60, 12, 13). Этот последний признак позволяет отнести их к IV в. Они наиболее сопоставимы с фибулами второго варианта (Амброз 1966: табл. 10, 10), бытовавшими в это время (конец III – первая половина IV в.). Из разрушенных при земляных работах погребений в Чубов-

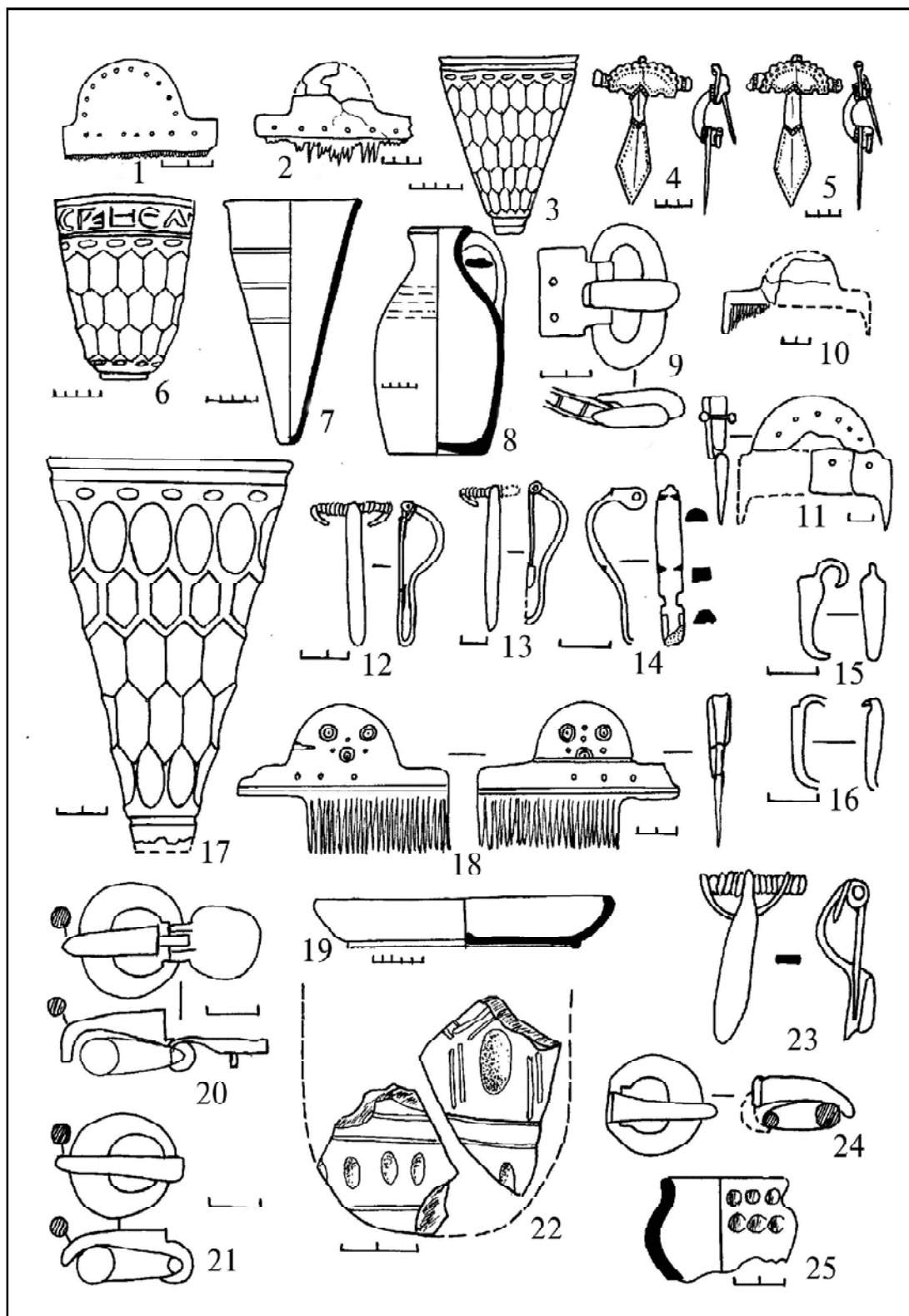

Рис.60. Датирующие материалы из черняховских могильников и с поселений: 1 – Коблево; 2-8 – Ранжево; 10,12,13 – Чубовка; 11 – Б.Корениха; 14-16,20-22 – Фрунзовка; 17 – Киселево; 18,19 – Сычавка; 23,24 – Первомайское; 25 – Мирное.

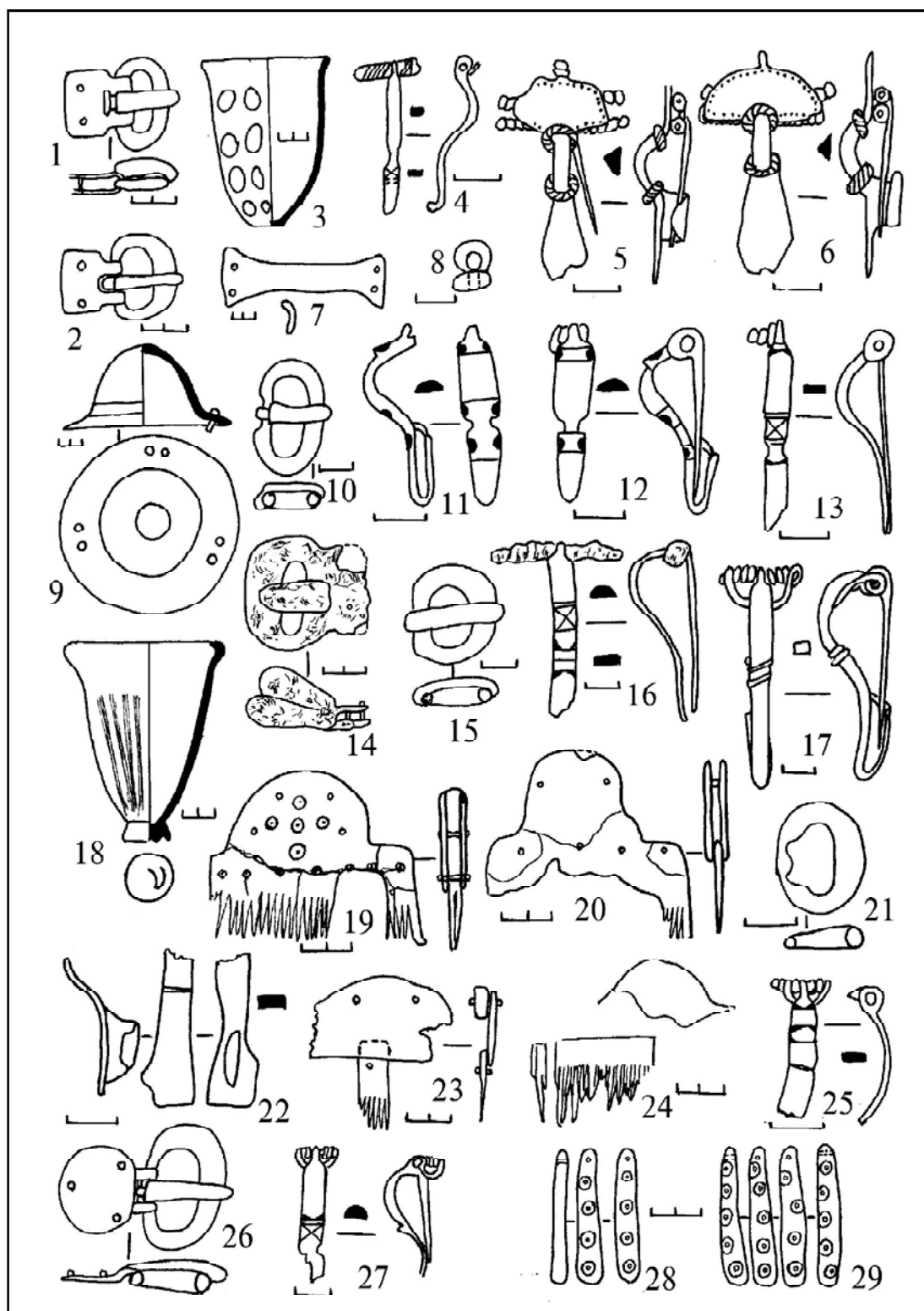

Рис.61. Датированный инвентарь из черняховских могильников: 1-9 – Бельное; 10-29 – Фурмановка.

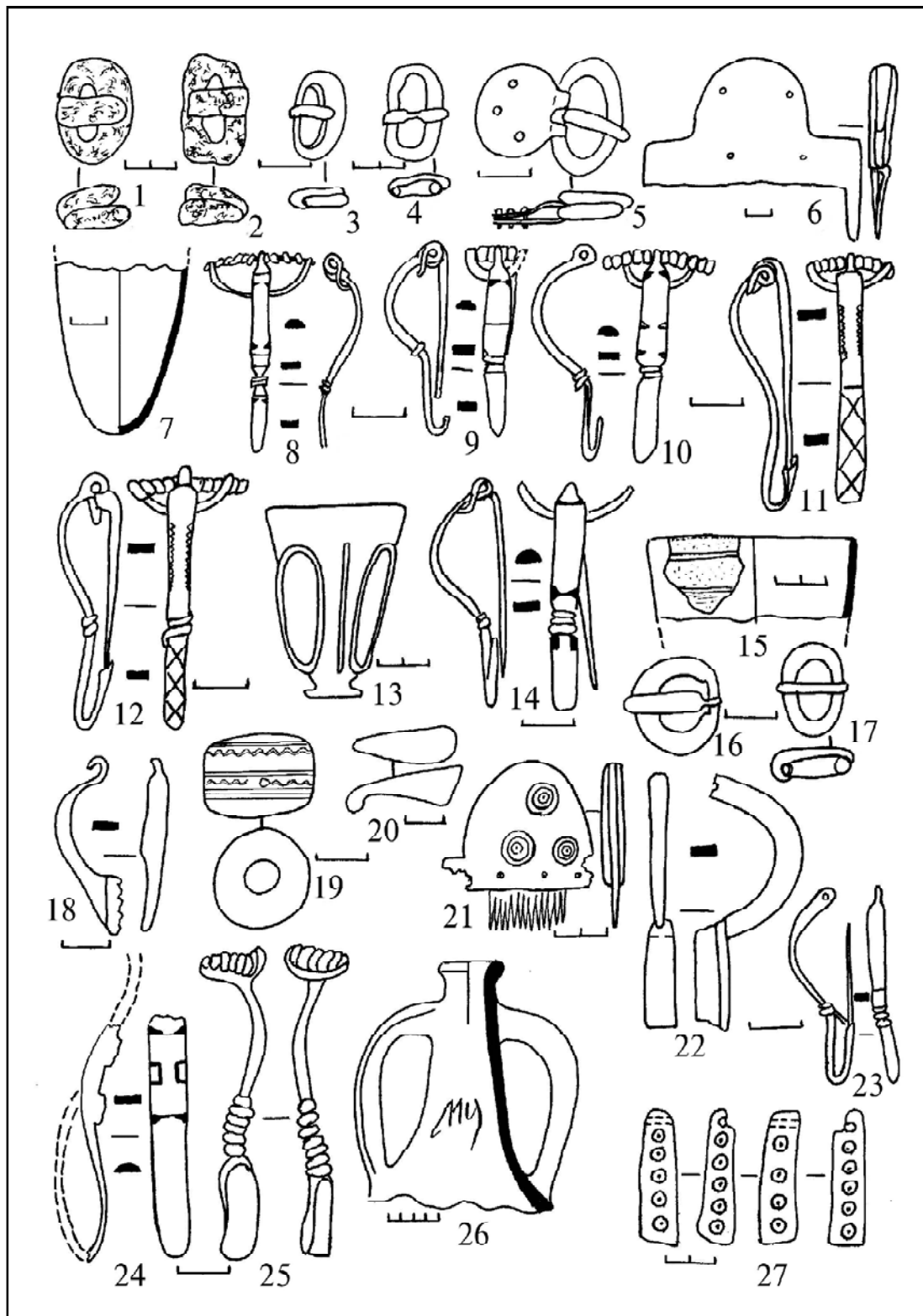

Рис.62. Датирующие материалы из черняховских могильников и поселений: 1-13 – мог. Холмское; 14,15 – пос. Холмское III; 16,17 – мог. Виноградовка; 19-21 – пос. Дракуля; 22 – пос. Нерушай; 23,27 – пос. Нагорное III; 24 – пос. Нагорное II; 25,26 – пос. Главаны I.

ке происходят три амфоры инкерманского типа (Гребенников и др. 1982: рис. 5, 2, 3). Таким образом, эти находки могут быть отнесены к IV в.

Могильник **Ранжевое** (Сымонович 1967; 1979 б) дал большое число хорошо датирующихся и хронологически однородных вещей. Э.А.Сымонович определил время его функционирования второй половиной IV — началом V в. В эту дату можно внести только мелкие уточнения. В погребении 8 лежал трехчастный гребень типа III B1a (рис. 60, 2), который Е.Л.Гороховский относит к последней четверти IV в. (1985). В погребении 12 сохранился стеклянный конический кубок с желобком и рядом горизонтальных овалов под венчиком, сплошь покрытый ромбовидными фасетками (рис. 60, 3). Такие кубки отнесены Э.А.Сымоновичем к наиболее поздней группе сосудов конца IV — V в. (1977: 181-182). По Г.Рау, они датируются второй половиной IV в. — первыми десятилетиями V в. (1972: 167). В погребении 14 найден кубок, две крупные серебряные фибулы и большая серебряная поясная пряжка. Фибулы (рис. 60, 4, 5) двупластинчатые, четко датируются IV — началом V в. (Амброз 1966: табл. 13, 12, с. 77, 82). Их даже считают диагностирующими для черняховских комплексов последней четверти IV-начала V в. (Гороховский 1985). Пряжка овально-рамчатая с прямоугольным щитком (рис. 60, 9), обычна для лесостепных черняховских могильников (Кравченко 1967 а: 109-110). На юге они обычно сочетаются с вещами раннего IV в., например, в погребении 8 в Извоаре (Vulpe 1957). Показательно их частое сочетание с двупластинчатыми фибулами. В степной зоне на позднескифских и сарматских памятниках до IV в. они не известны. Это позволяет отнести пряжку к IV в. Кубок на поддоне имеет слабо выраженную коническую форму (рис. 60, 6). По верхнему краю идет надпись, а тулово сплошь покрыто ромбическими фасетками. Э.А.Сымонович отнес этот сосуд к группе кубков, которую он определил как наиболее позднюю в черняховских памятниках Поднепровья-Причерноморья и датировал концом IV-V вв. (1977: 181-182). Из погребения 18 происходит конический кубок с поясками из горизонтальных линий (рис. 60, 7). Такие сосуды распространены достаточно широко. По Г.Рау, они синхронны коническим кубкам с ромбическими фасетками лишь частично, в пределах рубежа IV и V вв. (1972: 167). В погребении 12 обнаружен краснолаковый кувшин (рис. 60, 8), аналогии которому Э.А.Сымонович нашел в Керченских склепах IV-V вв. (1967 а: 232). В целом весь комплекс вещей столь поздний, что, видимо, позволяет несколько уточнить и сократить датировку могильника, отнеся его к финальной стадии культуры, то есть к последней четверти IV-первой трети V в. (Гороховский 1988: 45; Tejral 1972: 127).

Возле с. **Фрунзовка** (районный центр Одесской области) при прокладке дороги был нару-

шен грунтовой могильник (Кравченко А. 1967). В труположении, ориентированном на юго-восток, были найдены две пряжки и язычки еще от двух, часть стеклянного кубка, корпус амфоры инкерманского типа. Фибула подвязная (рис. 60, 14) с площадками и фасетками на спинке и ножке, скорее всего, второго варианта (Амброз 1966: табл. 11, 10) должна быть отнесена к IV в. Пряжки округлорамчатые, одна — с круглым щитком (рис. 60, 20), другая — без щитка (рис. 60, 21), характеризуются резким утолщением передней части рамки и хоботковидным язычком с уступом сзади. Таковы же и отдельно найденные язычки (рис. 60, 15, 16). Такие пряжки следует отнести ко второй половине IV в. (Ковалевская 1979: табл. 5, 1; Амброз 1971: 103; рис. 2, 7, 8). Найдена часть кубка типа Эггерс-220, что, как уже было показано при рассмотрении материалов Гавриловки, указывает на IV в. не с самого его начала. Е.Л.Гороховский оценил погребение во Фрунзовке как эталонное для второй половины IV в. (1985: 22).

В с. **Первомайское** на Днестре при строительстве уничтожен черняховский могильник. В нем обследованы три погребения (Руссев, Росохацкий 1981). В одном найдена воинская фибула IV в. (рис. 60, 23), а в другом — круглорамчатая бесщитковая пряжка (рис. 60, 24), аналогичная такой же из Фрунзовки. Видимо, погребения из Первомайского относятся к IV в.

На поселении **Кисёлово** под Одессой обнаружена пирамидальная костяная подвеска с циркульным орнаментом IV в. и характерный корпус амфоры типа Комаров-Делакеу (Зеест-100) (Раевский 1955: рис. 1, 5; 3, 3). Эти сосуды Э.А.Рикман отнес к IV в. в целом (1967 а: 134), а В.В.Кропоткин — к его второй половине (1970: 69; рис. 32,7).

Рядом с поселением А.В.Добровольским было найдено впускное погребение, сопоставимое с черняховскими труположениями (Махно 1960: 71). Сопровождающий материал — нижняя часть краснолакового кувшина, железный наконечник копья и конический кубок, покрытый ромбовидными фасетками (рис. 60, 17), аналогичный сосуду из погребения 12 в Ранжевом. Им определяется время погребения: конец IV-начало V в.

Возле с. **Сычавка** Коминтерновского р-на Одесской обл. на обрыве морского берега случайно найдены остатки погребения с труположением (Федоров, Рошаль 1979), в котором вместе с черняховской сероглиняной посудой, которую Г.Б.Федоров отнес к IV в., находился гребень типа III B1 (рис. 60, 18), что согласуется со временем бытования гребня.

В с. **Васильевка** Фрунзовского р-на Одесской области при рытье погреба найдено захоронение с труположением, ориентированное на северо-запад. В его инвентаре были несохранившиеся бусы и две фибулы, а также поступившие в Одесский археологический музей се-

роглиняные черняховские сосуды и амфора инкерманского типа (фонды ОАМ).

Итак, датирующий материал с памятников междуречья Днестра и Днепра показывает, что здесь нет черняховских древностей начальной фазы культуры. Черняховские памятники в причерноморских степях стали возникать, скорее всего, в самом конце III в. Это, прежде всего, нужно сказать о могильниках Каменка-Днепровская (конец III в.) и Коблево (последняя треть III в.). Данные Каборги IV по этому вопросу менее определены и указывают на всю вторую половину этого века и начало IV в., то есть, видимо, вписываются в общую картину. Самые ранние погребения весьма немногочисленны. Таким образом, в последних десятилетиях III в. только начинается обживание степей черняховским населением. К середине IV в. этот процесс набрал полную силу. По каким-то внутренним причинам (признаков внешних катаклизмов нет) некоторые памятники перестают функционировать еще до финала культуры. Таковы Каменка на Днестре, Викторовка, Городок (если 9 погребений правильно отражают хронологию всего могильника), Коблево. В то же время пять памятников документирует финал культуры: Гавриловка, поселение Каменка-Анчекрак, Ранжевое, Кисёлово (курган). Таким образом существование черняховской культуры в регионе длится с конца III в. до ее исчезновения, время которого попытаемся определить после рассмотрения хронологии памятников Буджака, так как эта проблема относится ко всей территории от Днестра до Дуная.

Подробная разработка хронологии памятников Буджакской степи в пределах Одесской области издана нами несколько лет назад (Гудкова 1991 а: 65-73). Никаких новых материалов, корректирующих это исследование не появилось. Нет и возражений на предложенные нами датировки. Для степной части Молдавии, которая в позднеимское время в археологическом отношении была частью рассматриваемой историко-культурной зоны, имеются соответствующие публикации исследователей конкретных памятников, но и по их поводу дискуссий тоже не возникло. Все это позволяет изложить хронологические наблюдения над памятниками этого района в более обобщенной форме, чем для междуречья Днестра и Днепра. Определение времени жизни некоторых памятников, предложенное их исследователями, на наш взгляд, требует уточнения. Б.В.Магомедов полагает, что поселение Чабанское II на Будацком лимане существовало в первой половине III в. (1987: 88; рис. 35, 12). Основой для такой датировки служит обломок ножки светлоглиняной амфоры, которую исследователь определяет как «танаисскую». Даже, если принять, что такой небольшой фрагмент позволяет правильно установить этот тип амфоры, остается возможность для сомнения по поводу столь ранней датировки.

Д.Б.Шелов датировал эти сосуды первой половиной III в. (1978). В Танаисе их бытование действительно заканчивается временем разгрома города варварами в середине III в. Но поскольку их производство не связано с мастерскими Танаиса, их импорт в Причерноморье не прекратился с гибелью города. Появляются материалы, свидетельствующие об их употреблении и в последующее время. Так они обнаружены в позднейших сарматских комплексах: рубежа III-IV вв. на Дону (Ильюков 1987: 138) и в сарматском могильнике Градешка второй половины III-первой половины IV в. в Буджаке (Гудкова, Редина, в печати). Следовательно, ранняя датировка поселения Чабанское не может быть принята.

В литературе предложена датировка поселения **Нагорное II** на восточном берегу оз.Кагул с середины III в. (Скакун, Романова 1987: 215). В качестве основания для нее названы амфоры, стеклянный игровой «жетон, обломки стеклянной чаши с каплями синего стекла». Однако игральные жетоны не датируются узко, а чаши, декорированные каплями синего стекла, присущи позднейшим памятникам черняховской культуры (Гороховский 1988: рис., № 77). При поселении нами полностью раскопан могильник, на котором вскрыто 88 погребений. Все они относятся к позднему и позднему этапу развития культуры. Таким образом, пока представляется маловероятным, чтобы поселение существовало с середины III в.

Поселение **Делакеу** (Рикман 1967 а) на севере Буджака в Молдавии дало серию датирующих вещей. Прежде всего, — это амфора типа Делакеу (тип 100 по И.Б.Зеест), две подвязные фибулы, скорей всего, 4 типа по А.К.Амброзу, фрагменты стеклянных кубков с пришлифованными овалами и ромбами. На основании этих находок Э.А.Рикман датировал поселение IV в. Археомангнитный анализ образцов из пода очага дал вторую половину IV в. (Рикман 1967 а: 196).

Итак, можно сделать вывод, что в Буджаке основная масса датирующих материалов относится к IV в., тяготея к его середине — второй половине. Практически отсутствуют вещи, которые бы указывали на III-начало IV в., но неоднократно встречаются бытующие в конце IV — первых десятилетиях V в. Таким образом, массовое появление черняховского населения в Буджакской степи происходит поздней начала IV в., ближе к его середине. Хронологического различия между поселениями с каменным и каркасным домостроительством не наблюдается. Очевидной оказывается разница нижней даты для памятников Буджака и междуречья Днестра и Днепра, которое черняховское население начало осваивать на полстолетия раньше. В обоих районах отсутствуют самые ранние памятники конца II — первой половины III в., известные в лесостепи Западной Украины и междуре-

че Днестра и Прута (Рикман 1975 б: 242; Этнокультурная карта... 1985: 179).

Время окончательного прекращения существования черняховских памятников во всей степной зоне, очевидно, было одинаковым. Оно документируется вещами конца IV в. — начала V в.: прогнутыми подвязными фибулами 4-го варианта (Гавриловка), двупластинчатыми фибулами (Гавриловка, Ранжевое, Беленькое, Нагорное II), кубками с ромбическими фасетками (Гавриловка, Ранжевое, курган Кисёлово), коническими прозрачными кубками иногда с опоясывающими ложбинками (Гавриловка, Холмское поселение и могильник, Нагорное II могильник), кубками типа Эггерс-220 (Гавриловка, Фрунзювка), кубками с ножкой и накладными овалами (Холмское). Кроме того, значительное количество памятников датируется концом IV в. Археологические данные, то есть вещи, бытовавшие до конца IV в., и вещи, существовавшие не только в конце IV, но и в начале V в., не дают возможности ответить на вопрос, в одно ли время перестали функционировать поселения и могильники с теми и другими наборами вещей. Формально можно полагать, что какая-то часть памятников существовала в начале V в. Историческое осмысление этого явления дается в заключительной главе настоящей работы.

Определение хронологической позиции памятников Буджака показывает, что они представляют собой своеобразное явление. Они в этом отношении не уникальны. Их хронологическим аналогом оказываются памятники Сынтана де Муреш в Трансильвании. Третьей зоной распространения поздних памятников является Мунтения, в основном придунайская (Mitrea, Preda 1966). Подробный анализ этой проблемы показал, что удается выделить большую зону, где концентрируются поздние и позднейшие памятники черняховской культуры (Гудкова 1992). Здесь поздние материалы представлены в чистом виде, ибо черняховское население на этих территориях появляется с уже сложившейся культурой. При хронологическом единстве развитие культуры в разных частях этой зоны имело свои особенности в зависимости от того, с какими местными условиями и с каким местным населением столкнулись расселявшиеся черняховские племена. К западу от Прута в Румынии произошло мощное наслоение фракийского суперстрата. В Мунтении во время появления черняховцев продолжало обитать местное гетодакийское население. Его культура Милитарь-Килия просуществовала вплоть до первых десятилетий — первой половины IV в., которые можно связать с вторжением переселенцев (Bichir 1984: 93, 94). Процесс слияния двух групп населения, хотя и не завершился, но шел весьма активно. В частности это проявилось в смешении в погребениях с кремацией черняховских и местных дакийских черт. В результате этого на поздних могильниках Мунтении кремация

довольно распространена, чего не наблюдается ни в Буджаке, ни в Трансильвании. Это смешение наглядно видно в том, что временами трудно определить, какому населению принадлежат конкретные погребения с сожжением. Это в частности проявилось в трудности этнокультурной интерпретации разных групп сожжений на Тыргшоре (Diaconu 1965: 31; Ioniță 1986: 307). В Трансильвании выделены группы черняховских памятников с ярко выраженным римским, карпским и сарматским влиянием (Horedt 1982).

В Буджаке во второй половине III — первой половине IV в. обитала позднейшая группа сарматов-аланов (Фокеев 1991). Их памятники хронологически стыкуются с черняховскими. Археологически удается проследить, что это привело к ассимиляции сарматов черняховцами в форме оседания сарматов на землю (Гудкова, Фокеев 1993).

* * *

Последовательный анализ отдельных категорий археологических источников позволил прийти к ряду частных выводов по каждой из них. Их сопоставление и совокупный анализ может и должен вывести, если не на решение, то, по крайней мере, на постановку археологических проблем более высокого уровня. Из них мы рассмотрим четыре: этнокультурные процессы, выделение локальных вариантов, эволюцию погребального обряда и взаимоотношения черняховского населения с Тирой и Ольвией. Для анализа этнических проблем в черняховской культуре, которые длительное время привлекают внимание всех занимающихся ею исследователей, на наш взгляд, требуются новые методические подходы. Для работы в этом направлении понятие субстрата нами дополняется понятием суперстрата и дается их разграничение. Под *субстратом* мы понимаем культурные ингредиенты, из которых черняховская культура возникла первоначально. Естественно, они принадлежат времени ее становления и локализируются на территориях, где этот процесс происходил. Автор исходит из представления о его моноцентризме. Это утверждение — само по себе проблема. Не вдаваясь в нее, отметим лишь, что существует представление и о полицентризме генезиса черняховской культуры. Под *суперстратными* явлениями мы понимаем включение в состав черняховской культуры новых этнических компонентов в процессе распространения уже сложившейся культуры на новые территории или при появлении в ее ареале новых этнокультурных образований, вступивших с ее носителями в активные отношения. При этом надо учитывать, что субстратные и суперстратные составляющие могут иметь один (по большому счету) этнокультурный источник, повлиявший на черняховскую культуру не только во время ее возникновения, но и позднее. Так, например,

сарматы и фракийцы вливались в состав носителей черняховской культуры не один раз. Суперстратные явления возникали не единожды, поэтому они как бы многослойны во времени и могут различаться в разных районах. При этом наслоения из одного (по большому счету) источника могли повторяться, что делает их различение порой нереальным. Пример тому возникновение и распространение формы лепного скифоидного горшка (тип 1). Совершенно очевидно, что были и субстратные, и суперстратные группы фракийцев и сарматов, и в развитии черняховской культуры они играли разную роль. Чем поздней были суперстратные явления, тем ярче они проявляются.

Носители черняховской культуры продвинулись в Причерноморье из лесостепи с северо-запада и севера. На юге они неминуемо должны были вступить во взаимоотношения с местным населением, которое приняло участие в развитии культуры на новой для нее территории. Эти процессы взаимодействия носили для черняховской культуры суперстратный характер.

Однако вряд ли есть основание думать, что в контексте всей культуры произошло обособление населения в Причерноморье. О.А.Гей полагает, что, поскольку между Средним Поднепровьем и Северным Причерноморьем существовал сравнительно слабо заселенный район, то он может «...служить косвенным подтверждением того, что этногенетический процесс протекал в каждой из этих областей самостоятельно» (Гей 1980: 50). Скорей всего, можно говорить о локальной особенности суперстратных процессов. Однако при постоянном притоке черняховского населения из лесостепи единство культуры не нарушалось.

Изучение взаимодействия с поздними скифами следует начать с определения хронологического взаимоотношения обеих культур. Этот вопрос рассматривался рядом исследователей. Э.А.Сымонович твердо придерживался мнения о том, что мигрировавшее на юг черняховское население долгое время сосуществовало здесь с поздними скифами и усвоило многие элементы их культуры. М.Б.Щукин представляет себе судьбу северной и южной группы нижнеднепровских городищ по-разному. Первая гибнет в I в., и лишь в IV в. здесь появляются черняховские памятники. Вторая перерастает в культуру поселений с каменным домостроительством типа Кисёлово и существует непрерывно по IV в. включительно. Б.В.Магомедов полагает, что в Причерноморье черняховская культура возникла в среде местного позднескифского населения и оседавших сарматов. Пришельцы из лесостепи, носители черняховской и вельбаркской культур, включились в этот процесс несколько позже. Такой взгляд вообще снимает постановку вопроса о хронологическом разрыве. По мнению О.А.Гей, позднескифская и сарматская культуры в Северном Причерноморье прекратили

свое существование в первой половине III в., а наиболее ранние черняховские материалы относятся здесь к середине III в. Следовательно, налицо хронологическое смыкание. При выработке этой точки зрения ею учтены все новейшие данные, в том числе ключевые для проблемы памятники — могильники Красный Маяк (Бизюков Монастырь) и Николаевка Козацкая. Прекращение функционирования отдельных позднескифских памятников может различаться от конца I до середины III в., но в целом тенденция, видимо, такова, как ее представляет О.А.Гей. Северная группа позднескифских городищ Нижнего Днепра (Знаменка, Золотая Балка и Любимовка) перестала существовать в конце I — начале II вв. (Щукин 1970: 61; рис. 1). Последние позднескифские захоронения в Николаевке Козацкой совершены не позднее II в., а черняховские относятся к IV в. Перерыв в функционировании могильника составляет, примерно, полстолетия или несколько больше (Щукин 1970: 60-61, 71-73). Могильник Красный Маяк, целиком позднескифский, перестал функционировать во II — начале III в. (Гей 1985: 9). Дольше всего существовали поселения на периферии Ольвии и Тиря. Время гибели городища Золотой Мыс относится к началу — последней трети III в. (Гороховский и др. 1985: 36). Жизнь на Козырском городище прекратилась около середины III в. (Бураков 1976: 5). В это же время запустевают Молога и Роксоланы. Есть мнение, что формирование черняховской культуры в Причерноморье завершилось в середине III в. (Гей 1986: 83) или даже в его последней трети (Гороховский и др. 1985: 37). Следовательно, разрыв между ней и позднескифской культурой не превышает нескольких десятилетий. Не исключено, что были отдельные позднескифские памятники, на которых он вообще не имел места (Берислав, Дудчаны, Каиры, некоторые поселения на Ингульце), но этот вопрос требует специальных полевых исследований. В итоге очевидно, что эволюционного развития позднескифской культуры в черняховскую не наблюдается. Произошел перерыв постепенности, связанный, надо думать, с массовыми миграциями, достигшими апогея в эпоху «скифских» войн. Права О.А.Гей, полагая, что смена культур произошла скачкообразно, в результате чего памятники переходного типа отсутствуют (1985 а: 15). Очевидно для их возникновения не было ни времени, ни условий. Однако сохранение в черняховской культуре значительных элементов позднескифской показывает, что носители последней не исчезли физически и вошли в состав черняховского населения. Связь черняховской и позднескифской культур наблюдается по разным категориям археологических источников. Каменное черняховское домостроительство, не являясь копией позднескифского, наследует ряд его черт. Это — сама традиция применения камня, частично строительные приемы, планиро-

вочные принципы, устройство интерьера. В целом же черняховское жилище более упрощено. Показательно, что практика возведения каменного жилища убывает с востока на запад. Именно на востоке находятся городища с каменными строениями. На поселении Каменка-Анчекрак обнаружена усадьба с каменной застройкой и внутренними дворами. Такая планировка известна на позднескифских городищах, но чужда черняховским поселениям. На востоке же черняховским домам присущи и элементы более высокого уровня домостроительной культуры и сохранение позднескифских обычаев. Видимо, очагом сложения каменного домостроительства была зона массового расселения поздних скифов. В Буджакскую степь эта традиция принесена из-за Днестра. Скифское влияние ощутимо и в лепной керамике: скифоидные горшки составляют примерно треть всех лепных сосудов. Их равномерное распространение в черняховской культуре в целом, отсутствие их тяготения к поселениям с каменным домостроительством, скорее всего, указывает на то, что были параллельные истоки появления этой формы. Это — и позднескифская керамическая традиция на юге, и собственно скифская, опосредованная через зарубинецкую культуру, — скорей, через потомков ее носителей, — в лесостепи. Обнаружение на восточных памятниках лепных мисок на высоком поддоне связано с зарубинецкой струей в позднескифской керамике Нижнего Днепра. В погребальном обряде признаки позднескифского наследия — это часть катакомб в Коблево и катакомба в Николаевке Козацкой, каменные заклады, отдельные большие камни в погребениях, подмазка дна могилы зеленоватой глиной.

Итак, поздние скифы вошли в состав черняховского населения как этнический суперстрат. Их культура сплавилась с культурой иных варваров и влилась в черняховскую. Этот процесс происходил в приморской зоне от Нижнего Днепра до Днестровского лимана, то есть был узко локальным. В этой зоне позднескифское культурное наследие сохранилось вплоть до финала черняховской культуры.

Вопрос о взаимодействии в Буджаке черняховского и этулийского населения нов, и его изучение пока недостаточно обеспечено материалами. Датировка обеих групп памятников показывает, что между ними должны были существовать контакты. Черняховцы, переселяясь на запад, за Днестр, застали здесь появившихся на этой территории еще ранее этулийцев. Фон отношений, видимо, был мирный. Не известно ни одного разгромленного этулийского поселения. Однако с появлением черняховцев какие-то изменения в расселении этулийцев все же произошли. Зафиксированы случаи перекрытия этулийских поселений черняховскими. Такова, например, Волчья Балка. Те из этулийских поселений, на которых найдены римские монеты

второй половины IV в., явно сосуществовали с черняховскими. Об этом же свидетельствуют и материалы этулийских поселений Чалык и Конгаз I. Здесь, в отличие от остальных селищ, массово применялась гончарная шероховатая посуда. На Конгазе она составляет 50 %, а лепная лишь 14,6 %. Поскольку этулийское население развитым ремесленным гончарством не владело, эту керамику следует рассматривать как привозную черняховскую. Импорт из Тиры предположить нельзя, так как тирские мастерские шероховатой посуды не производили. Поселение Конгаз выглядит поздним и отражающим контакты с черняховцами. Значительно более высокий социально-экономический уровень развития черняховского населения по сравнению с этулийским должен был обусловить при мирном взаимодействии ассимиляцию этулийцев. При этом сохранившихся элементов их культуры, фиксируемых археологически, не могло быть много. Тем не менее его как будто удается уловить. Это бедные ямные погребения с кремацией на черняховских могильниках. В целом же ассимилированные этулийцы заметного влияния на черняховскую культуру не оказали.

Наличие в черняховской культуре фракийского субстрата, проявляющегося в растворенном виде повсеместно, и суперстрата (гето-дакийское наслоение на территории Румынии) само по себе сомнения не вызывает. Спорна попытка связывать появление фракийского культурного наследия только со степным Причерноморьем. Вероятно, на стадии становления черняховской культуры определенную роль сыграла и северо-восточная окраина фракийского мира.

Как было показано при рассмотрении важнейших категорий источников, на черняховских памятниках степи явно видны суперстратные сарматские черты, связанные с позднейшими сарматами. Этот вопрос представляет собой часть более крупной проблемы взаимоотношений оседлого и кочевого населения в регионе. Пока констатируем очевидное проявление сарматского влияния и в лепной керамике, и в погребальном обряде, и, в некоторой мере, в формах жилища.

Оформление на основе археологических исследований представлений о вельбаркской культуре, отождествляемой с готами, и о движении ее носителей на юг, выявление на пути их следования памятников типа Брест-Тришин, обнаружение на степных памятниках материалов северо-западного происхождения — все это позволило впервые создать по археологическим данным более или менее связную картину переселения на юг населения из Прибалтики и с территории Польши (Этнокультурная карта..., 1985: 68-75; Археология Украинской ССР 1986, т. III: 133-134; Баран и др. 1990: 46-56; Гей 1993: 163, 169, 170). Однако подробности передвижения мигрантов и их расселения в степях, их пос-

ледующая историческая судьба в Причерноморье во многом еще не ясны. Археологически эти процессы фиксируются по распространению или отсутствию материалов вельбаркско-пшеворского и в некоторой мере добродзеньского облика. В итоге на сегодня складывается следующая картина. В степях не только не известны поселений, принадлежащих выходцам с северо-запада, но и таких селищ, на которых бы признаки соответствующей материальной культуры были представлены в концентрированном виде. Нигде не найдено жилищ вельбаркского типа, подобных тем, которые раскопаны, например, в Великой Слободе (Козак, Журко 1983; Козак 1984 а) или на пограничье лесостепи и степи в Будештах (Щербакова, Чеботаренко 1973). Не встречается и лепная вельбаркская керамика, хотя она найдена недалеко от Будешт на могильнике Данчены (Рафалович 1986 б). Несколько более информативны находки на могильниках. Показательны на Днестре Каменка, Гавриловка и далее на запад Каборга, Городок и Чубовка. В Каменке из 9 погребений 8 совершены по обряду кремации. Найдены трехручные вазы с Х-видными ручками, обломки хрупчатых сосудов, присутствует вторично обожженная керамика. Орнамент на вазах и кубках указывает на пшеворские связи (Сымонович 1964 б: 337). В Гавриловке, где процент сожженных тоже велик, найдены фрагменты ошершавленных сосудов со стянутым устьем, обломки вторично обожженной керамики. В материалах Каборги яркие элементы северо-западного происхождения очевидны (Магомедов 1979: 62). Таковы погребения с сожжением, содержавшие в частности вторично обожженную керамику. Специфический погребальный инвентарь обнаружен как в захоронениях с кремацией, так и с ингумацией. Это вазы с Х-видными ушками, металлические подвески треугольной формы, в виде ведерка или корзинки, фибулы с зернеными кольцами, фибула одного из вариантов серии *Vügelknopffibeln*. К явлениям того же круга принадлежат и жертвенные ямы типа, обычно на вельбаркских могильниках. Все эти материалы свидетельствуют о весомой примеси вельбаркско-пшеворского элемента среди населения, оставившего могильники.

На могильнике Городок (Магомедов 1979 а) из 9 погребений 6 совершены с кремацией. В них присутствует вторично обожженная керамика. Найдена лепная ваза с ручками-ушками. По мнению исследователя, некоторые детали оформления сближают ее с сосудами пшеворской культуры и синхронных культур на территории Восточной Германии. Одна из полусферических масок имеет аналогии на могильнике Дитиничи и на подобных памятниках в Горькой Полонке, Борсуках, Косанове и Заячивке. В могильнике Чубовка безынвентарное погребение в яме с подбоем было окружено каменным кольцом.

На все эти могильники следует распространить вывод, сделанный Б.В.Магомедовым по материалам Каборги, о том, что по наличию и характеру северо-западных элементов они сходны с памятниками порожистого Днестра (1979 б: 62). Материалы того же типа обнаружены и в погребениях возле с.Башмачка. Здесь урной служил горшок со стянутым устьем (Смиленко 1979: 20; рис. 5, 5). Общим для всех этих памятников является не только наличие на них вельбаркско-пшеворских признаков, но и то, что эти признаки нигде не доминируют и разбросаны в общей массе материала совсем иного происхождения. Так, например, на Каборге, при всей ее выразительности в этом отношении, основная масса погребенных связана с местным причерноморским населением. Хотя бы более или менее чистых вельбаркских памятников, как и поселений, в степной зоне нет. Таким образом можно констатировать, что вельбаркской культуры в степях как самостоятельного явления не было. Признаки северо-западных культур находились в состоянии постепенного растворения в инокультурной среде, хотя и были еще достаточно «живыми». Это, скорее всего, свидетельствует о смешанности населения, в котором отдельные группы и индивиды еще не утратили своего изначального культурного самосознания.

К западу от Днестра, в Буджакской степи четких элементов погребального обряда вельбаркско-пшеворского происхождения не известно. Редкие ямные погребения с кремацией есть все основания связывать с наследием этулийской группы. Вещи северо-западного происхождения почти не встречаются. Выразителен лишь лепной горшок со стянутым устьем из Беленького. Находка в этом же могильнике щита с умбоном и пластинчатой ручкой не может быть интерпретирована однозначно с этнокультурной точки зрения. В Буджаке такой же умбон найден и в сарматском погребении могильника Курчи (Гудкова и др. 1983). Предметы вооружения в рассматриваемую эпоху в известной мере были надкультурными. Подобные щиты в IV в. известны и в совершенно иной этнокультурной среде, например, в Абхазии (Воронов 1979 б: рис. 2, 33). Если отдельные находки не подкрепляются наличием иного вельбаркского или пшеворского материала, то нет основания связывать их обязательно с этими культурами. Тем более, что в погребальных сооружениях Беленького явна сарматская, а не вельбаркская струя.

К характеристике памятников Буджака с рассматриваемой точки зрения следует добавить, что гончарная сероглиняная керамика памятников этого района бедна признаками северо-западного происхождения. Здесь нет круглых орнаментированных кубков, не известны вазы с Х-видными ушками. Почти отсутствует чеканноштампованный орнамент. На могильниках Буджака не найдены и специфические украшения, например, янтарные грибовидные подвески,

фибулы с зернеными кольцами и пр. Все это заставляет констатировать, что археологические проявления вельбаркско-пшеворского облика в степях более или менее интенсивно распространены лишь между Бугом и Днестром. К западу от Буга они почти не известны. В это же время в лесостепном междуречье Днестра и Прута на многих памятниках элементы вельбаркской и пшеворской культур широко распространены. Весьма рельефны они на памятниках, находящихся у границы степи (поселение и могильник Будешты, могильник Данчены), начиная еще со II в. (Ханска Лутерия). Это усадьбы с характерными домами в Будештах, погребения с кремацией соответствующего типа, изделия из металла, лепная вельбаркская керамика.

Отсутствие в западной части рассматриваемого региона выраженных признаков северных культур, конечно, можно объяснять тем, что они пока не найдены. Но при этом непонятно, почему они найдены на сопредельных территориях. Во всяком случае, такое объяснение не может быть предметом научного анализа. Теоретически рассуждая, можно предположить, что мигранты из бассейна Вислы в своем распространении на юг обошли западную часть степи с востока по Бугу, а с запада — в Попрутье. Археологически причина этого явления не определяется. Может быть, это концентрация здесь сарматов. Когда около середины IV в. в Буджаке появилось черняховское население, вошедшие в его состав вельбаркско-пшеворские группы уже утратили характерные особенности своей культуры. Процесс этой утраты начался еще на Волыни и в Подолии, где в вельбаркском погребальном обряде уже исчезли характерные каменные сооружения. Археологический аспект изживания у мигрантов черт их материальной культуры еще во многом не изучен. На разных территориях и у разных групп населения он, надо думать, шел по-разному (Этнокультурная карта... 1985: 69-70, 74). Об этом свидетельствует то, что основное количество вельбаркских памятников на Украине существовало от последней четверти II в. до начала IV в. (Этнокультурная карта... 1985: 73), то есть в поздней части они синхронны черняховской культуре.

Почти полное отсутствие на западе степей черт вельбаркской культуры согласуется с тем, как археологически фиксируется путь расселения готов на юг. Картографирование памятников с соответствующими признаками (Раковец-Чесновский, Косаново, Рыжевка, Журавка, Компанийцы и др.) показывает, что их путь шел из Волыни и Полесья по Южному Бугу в междуречье Буга и Днестра (Баран и др. 1990: 65-66). Это предствление дополняется новыми находками на Южном Буге. В его верхнем течении П.И.Хавлюком открыты ранние вельбаркские поселения, а Б.В.Магомедов исследовал поселение Шершни и поселение и могильник Курники с ярко выраженными северо-западными чертами ма-

териальной культуры (1988)

В степной зоне на Буге расположены черняховские могильники с вельбаркскими материалами: Городок, Чубовка, Каборга. Очевидно, Буг был водной дорогой на юг, в Причерноморье. По наблюдениям А.И.Журко распространение каркасного жилища германского типа с Волыни в Среднее Поднестровье шло, огибая верховья Днестра с выходом на территорию Днестро-Прутского междуречья и на Дунай. А другой путь вел с Волыни к Днестру и вдоль него с выходом в Левобережье (1983: 18). Присутствие в районе Днепровской Луки и в южном степном Поднестровье населения северо-западного происхождения, шедшего через Волынь, хорошо известно (Кухаренко 1955: 152; Тиханова 1957: 157, 176; Смиленко 1984: 70). В верховьях Днестра появления вельбаркской культуры не отмечено. Очевидно, здесь была какая-то помеха. Ею мог быть достаточно плотный массив местного населения.

Итак, характер распространения признаков вельбаркско-пшеворской культуры в степях показывает, что их носители смешались в Причерноморье с численно, вероятно, превосходящим их местным населением сарматского и скифского происхождения. В этих условиях пришельцы быстро растеряли остатки своеобразия своей материальной культуры, тем более, что процесс ее исчезновения начался еще ранее. Носители вельбаркской культуры появились в Причерноморье уже в синкретическом состоянии, в основном утратив свою лепную керамику, своеобразный тип каркасного жилища, а в погребальном обряде каменные конструкции. Обряд же кремации оказался очень устойчивым, но не сохранился в чистом виде, в нем объединились признаки погребений с сожжениями разных культур. Ставшая синтетической традиция сожжения умерших (имеется в виду включение фракийских элементов) распространилась в степях под воздействием пришельцев с севера. Однако она не стала массовой. Пока нельзя определить, была ли кремация усвоена частью местного населения или же ее применяли только потомки пришельцев. Таким образом в формировании облика черняховской культуры в степи вельбаркская культура оказалась лишь одним из компонентов, а ее роль не была ведущей. Материалы Причерноморья не дают основания рассматривать черняховскую культуру в качестве последней ступени развития вельбаркской, как это предлагал М.Б.Щукин (Szczukin 1981: 158). То население, которое еще частично сохраняло вельбаркское культурное наследие, было лишь частью северных мигрантов, принесших черняховскую культуру в Причерноморье. В целом они представляли собой сложный конгломерат на основе аборигенного населения лесостепи междуречья Днестра и Днестра, в котором не последнюю роль играли потомки зарубинецких племен. С ними, — очевидно, в первую оче-

редь – связаны лепные горшки общечерняховского типа. Столь же показателен и общий облик гончарной сероглиняной керамики. А.Т.Смиленко полагает, что в Поднепровье происходило распространение в степь черняховского населения (1984: 69-71). Частное проявление этого она видит в появлении на юге углубленных жилищ (Бургунка). Убедительно мнение о том, что, кроме собственно готов, носителей вельбаркских и пшеворских культурных признаков, на юг продвинулись и черняховские племена лесостепи. Да и сами вельбаркцы-готы к этому времени частично усвоили их культуру (Баран 1976: 57; Магомедов 1980: 87; 1984: 61).

Выявление своеобразия этнического суперстрата черняховской культуры в степях предопределяет возникновение представления о существовании здесь *локального варианта культуры*. В принципе такая постановка вопроса не нова. Проблема существования локальных вариантов черняховской культуры со всей остротой была поставлена в середине 50-х годов М.А.Тихановой. Но, поскольку в то время южные памятники не воспринимались безоговорочно как черняховские, то они практически и не анализировались ею с точки зрения возможности определения их в качестве локального варианта. Г.Б.Федоров рассматривал как два локальных варианта памятники Молдавии и побережья Черного моря. Последние были выделены им в основном по наличию каменного домостроительства, но вопрос подробно не разрабатывался (1960: 70). Углубленное исследование проблемы и аргументация выделения варианта культуры в Причерноморье стали возможны лишь с момента признания южных памятников черняховскими. Но, хотя развернутое обоснование такого их определения принадлежит Э.А.Сымоновичу, постановка вопроса о локальном варианте оказалась для него невозможной, ибо он всегда исходил из представления о монолитности и единстве черняховской культуры. Лишь признание ее полиэтничности дало возможность В.Д.Барану по-новому не только выделить локальные варианты, но и охарактеризовать их особенности (1981: 164). По его мнению, существуют три своеобразные группы памятников: в Северо-Западном Причерноморье; в междуречье Днестра, Прута и Дуная; и основная — в лесостепной Украине. Признаки первой группы — каменное домостроительство, захоронения преимущественно с ингумацией, значительный процент импортной гончарной посуды, а в лепной — преобладание форм скифо-сарматского происхождения.

Проблемой особенностей южных памятников специально занимался Б.В.Магомедов (1981, 1984). Он полагает, что существует большое сходство черняховских древностей Причерноморья и других областей распространения культуры, однако ряд особенностей требует выделения причерноморских памятников «в

особую локальную группу» (1984: 61). Обычно он пишет о памятниках причерноморского типа, которые локализует в приморской зоне Херсонской, Николаевской и Одесской областей. К северу они распространяются по долинам рек Днестра, Ингульца, Ингула и Южного Буга. В качестве их особенностей Б.В.Магомедов рассматривает преобладание каменных построек специфической планировки, на могильниках — труположений в ямах сложной конструкции, в лепной керамике — местных форм. В среде, оставившей памятники причерноморского типа, исследователем выделены три группы населения: «прежнее скифо-сарматское с сильным налетом эллинизации»; сарматы; группа, родственная племенам более северных, в основном лесостепных районов распространения культуры (1981: 20). Поскольку эти группы исследователем территориально не локализованы, надо думать, что предполагается их смешанное обитание. Очевидно, все они были носителями черняховской культуры в ее причерноморском варианте.

О.А.Гей на основе изучения погребального обряда выделила северо-причерноморскую зону черняховской культуры (1980 б), включающую памятники на Днестре, начиная с Надпорожья. На западе ее пределы простираются до р. Тилигул (Ранжевое). Более западный материал ею не рассматривался. Особенности погребального обряда в этой зоне она объясняет спецификой местной основы формирования черняховской культуры. По мнению исследовательницы, причерноморская зона делится на две локальные группы. Первая, с преобладанием труположений, локализуется на побережье Черного моря и возникает на позднескифской основе при очень сильном античном влиянии. Вторая группа распространена в районе Нижнего Днестра и испытала сильное влияние пшеворской и вельбаркско-цецельской культур, мигрировавших с севера.

Так или иначе, все исследователи, занимавшиеся рассматриваемым вопросом, сходятся на необходимости выделения причерноморского локального варианта черняховской культуры, и это выделение представляется вполне обоснованным. Однако расширение источниковедческой базы позволяет поставить вопрос о выделении степного локального варианта черняховской культуры с внутренним его подразделением на территориальные группы. Под локальным вариантом мы понимаем наибольшую территориальную единицу в составе культуры. Локальные варианты отличаются друг от друга наличием особенностей во всех основных категориях археологических источников. Действительно в степном регионе наблюдаются их местные особенности. Поселения, как нигде в ареале культуры, малы по размерам. Своеобразие жилищ проявляется в господстве наземных каркасных и каменных домов при минимальном

значении полуземлянок, являющихся в большинстве случаев подсобными строениями на усадьбах. В лепной керамике — это широкое бытование форм скифского и сарматского происхождения, малая распространенность сосудов с широким устьем, с биконическим корпусом, характерных для Днепро-Днестровского междуречья, редкость обнаружения, — да к тому же и в малом количестве, — посуды, связанной с вельбаркской и пшеворской культурами. В сероглиняной гончарной керамике своеобразие региона проявляется в деталях набора форм, количественном соотношении категорий и типов сосудов, некоторых особенностях орнаментации. Необычно большое распространение имеют округлые миски, своеобразны кувшины при почти полном отсутствии их изошренных форм. Широко распространены кружки и сравнительно мало — вазы и кубки. Имеются горшки вытянутых пропорций с покатыми плечами. Украшение посуды лощеным орнаментом по сравнению с эталонным районом Среднего Поднепровья отличается большей простотой, редкостью чеканно-штампованных узоров. Редка дополнительная профилировка плоскостями, срезами и каннелюрами. Зерновики по орнаментации тяготеют к западной части черняховского ареала и заметно отличаются от сосудов-хранилищ Среднего Поднепровья. В погребальном обряде особенности проявляются в сравнительно редком применении кремации и существовании могильников только с ингумацией; в широком распространении погребений в ямах с подбоями или с дополнительным углублением в дне; в существовании катакомб. Однако, при наличии всех этих особенностей в каждой категории источников, средняя норма традиций культуры не нарушается, и присутствуют все ее основные черты. Это позволяет считать, что степные памятники представляют собой вариант черняховской культуры. В него входят территориальные группы, обладающие более мелкими особенностями. Основой их выделения является ярко выраженная специфика в какой-либо даже одной важной категории источников или характеристике. Трудно допустить, что для всех групп она окажется одна и та же.

Существование второго, более низкого по отношению к локальному варианту уровня неоднородности черняховских памятников ощущается не только автором настоящей работы. В.Д.Баран уже отметил, что внутри выделенного им локального варианта лесостепной Украины имеются группы со своими особенностями. О.А.Гей разделила по погребальному обряду северопричерноморскую зону на две части. Определение и изучение территориальных групп со временем приблизит нас к пониманию этнокультурной структуры носителей черняховской культуры. В степном регионе эта структура связана в первую очередь с этническим суперстратом, а во вторую — с внешними взаимодейст-

ями. Вопрос этот во многом не ясен, и потому членение на территориальные группы имеет предварительный характер. Пока представляется очевидным, что в междуречье Днепра и Днестра надо разграничить две группы: с вельбаркско-пшеворскими и позднескифскими чертами. Территориальная граница между ними зыбкая, так как та часть северных мигрантов, которая обладала вельбаркско-пшеворскими культурными чертами, частично проникла в зону, где у черняховского населения было ярко выражено позднескифское культурное наследие. Как это могло произойти, мы попытаемся рассмотреть в последнем разделе настоящей работы. В контактной же зоне этих двух групп поселения как будто различаются тем, что население с вельбаркскими чертами не строило каменных домов. Показательны в этом отношении поселения Каборга с каркасными домами и его могильник с северо-западными особенностями, поселение Ранжевое с каменными жилищами и могильником без таких признаков. Все это пока гипотеза. Во всяком случае, очевидно, нужно разграничить в приморской зоне памятники с каменным домостроительством и в Надпорожье, по Днепру и до Буга памятники с отдельными вельбаркско-пшеворскими чертами. Эти две группы частично взаимопроникают. Совершенно очевидно, отдельную территориальную группу составляет Буджакская степь, отличающаяся почти полным отсутствием ярких вельбаркско-пшеворских признаков. Она связана на севере с черняховским населением не лесостепного междуречья Днестра и Днепра, а с черняховскими племенами лесостепной Молдавии. На востоке же для части обитателей Буджака очевидны связи с позднескифской территориальной группой. Кроме того, Буджак выделяется хронологически. Сочетание каменного и каркасного домостроительства в районе в целом, но не на одних и тех же памятниках, указывает, что заселение этой территории происходило по двум направлениям: из степей к востоку от Днестра и лесостепи между Прутом и Днестром. В материальной культуре обеих групп населения, продвинувшихся в Буджак, пока не удается уловить иного различия, кроме типа жилища. Это может свидетельствовать о том, что в IV в. сложение облика черняховской культуры в основных чертах уже завершилось. Более того: ее носители-выходцы из различных районов, видимо, осознавали свое единство, поскольку мирно селились бок о бок. Выделение четко датированной и обособленной группы в черняховской культуре имеет значение не только для воссоздания истории ее развития, но значимо и с методической точки зрения. Оно как эталон будет способствовать дальнейшему хронологическому расчленению черняховских древностей.

Закономерен вопрос, оказывается ли почти полное отсутствие в Буджаке вельбаркских черт явлением хронологическим или иного порядка.

Изучение этого вопроса на материалах только Буджака нереально. Однако оба возможных ответа на него указывают, что вельбаркская примесь не определяла облика степного варианта культуры в целом. Вельбаркские элементы выражены слабее, чем позднескифские и сарматские, и ограничены определенной территорией.

Выделение памятников Буджакской степи как определенного хронологического единства, соответствующего позднейшей фазе черняховской культуры, позволяет рассмотреть некоторые аспекты ее эволюции. Особенность этих памятников — их в хронологическом отношении «чистый» характер. Практически на всей территории Украины, в том числе и в степном междуречье Днепра и Днестра, черняховские памятники смешаны. С одной стороны, соседствуют разновременные, по времени существования частично совпадающие друг с другом; с другой стороны — многие памятники функционируют достаточно долго, и их материал (при отсутствии на поселениях четкой стратиграфии) представляет совокупно разные фазы культуры. При изучении крупных могильников, где погребения совершались в течении длительного времени, приходится затрачивать массу времени и исследовательской изобретательности для выделения разновременных комплексов. Создание относительной хронологии погребений на больших могильниках находится в процессе становления. В этих условиях Буджак, где практически нет памятников ранее середины IV в., дает возможность изучения позднейших материалов в чистом виде, возможность в какой-то мере использовать их как эталон. Конечно, памятники этого района имеют не только хронологическое, но и региональное своеобразие. В связи с этим оказывается чрезвычайно важным и интересным то, что удается выделить еще два поздних района, тоже имеющих свои особенности, но в совокупности позволяющих выявить общие для всей культуры поздние явления. Таковыми оказываются Трансильвания и южная придунайская часть Мунтении. На могильниках Трансильвании, бывшей до 271 г. частью Римской Империи, полностью отсутствуют материалы III в. (Taskenberg 1930). К.Хоредт, много лет изучавший древности этого района, полагает, что памятники Сынтана де Муреш относятся здесь ко второй половине IV в., и в большинстве тяготеют к его последней четверти (Horedt 1982: 115). С этой поздней датой соглашаются и другие румынские исследователи (Ioniță 1966: 251).

Памятники южной Мунтении датируются IV в. (Mitrea, Preda 1966). Эта дата хорошо обоснована в частности хронологическим соотношением культуры Милитарь-Киля и Черняхов-Сынтана.

Могильники всей очерченной зоны поздних черняховских памятников позволяют проследить эволюцию погребального обряда. В Буджаке фиксируется изживание традиции погребения с трупосожжением. И это не местное яв-

ление. С одной стороны, оно присутствует на востоке на могильнике Каменка-Анчекрак и на совсем позднем Ранжевом. С другой — его удастся проследить и на западе. На могильниках Тыргу Муреш и Сынтана де Муреш в публикациях сожжений не отмечено. По личному сообщению К.Преда и И.Ионицы нам стало известно, что в музейных коллекциях хранятся остатки кремаций. Очевидно, они были настолько не массовы и невыразительны, что не привлекли в свое время внимания исследователей. Больше нигде в Трансильвании погребений с кремацией не встречается.

В придунайской Мунтении картина значительно сложнее и, можно сказать, в чем-то интересней и показательней. Здесь хорошо видно, как конкретные местные особенности искажали общекультурный процесс изживания кремации. В этом районе при ассимиляции местного населения черняховскими племенами произошло смешение двух традиций трупосожжения: гето-дакийской и германской. Попытка этнической интерпретации сожжений была предпринята Г.Диакону, который по материалам Тыргшора разделил их на две большие группы по наличию вторично обожженных керамики и урн. Первую группу с побывавшей в огне посудой он связал с пришлым германским населением, вторую — без такой керамики — с местным гето-дакийским (Diaconu 1965: 137). Оба вида сожжений встречаются в Мунтении повсеместно, но те, что содержат керамику со следами погребального костра, как будто более распространены на севере и западе (Diaconu 1965 б: 115). С таким прямолинейным этническим определением групп сожжений согласны не все исследователи. Так И.Ионица полагает, что в Тыргшоре кремации без вторично обожженной керамики были черняховскими (Ioniță 1985: 307). По количеству погребений с сожжениями могильники Мунтении являют очень пеструю картину. Здесь в пределах середины-второй половины IV в. для некоторых могильников удастся наметить относительную хронологию. Спанцов и Изворул более поздние, чем Олтарь и Индепенденца (Mitrea, Preda 1966). В Изворуле сожжений не обнаружено, в Спанцове они составляют 14,3 %, в Индепенденце — 22, 89 %, причем относятся к ранней части этого могильника. Ойнак содержит 43,1 %, Гересэнь — 50 %, Могошань — 56 %, Олтарь — явление уникальное — 87,18 % сожжений. В целом исследователи полагают, что для могильников Румынии характерно преобладание обряда трупоположения (Mitrea, Preda 1985: 31), связанное с изживанием кремации (Ioniță 1971: 56; Horedt 1982: 137-143).

Все изложенное, на наш взгляд, подтверждает представление о том, что биритуализм черняховского погребального обряда эволюционировал во времени. Практика применения кремации шла на убыль. В середине IV в. стали появляться моноритуальные могильники с тру-

поположениями. На могильниках Буджака видно, как, кроме того, обряд кремации постепенно упростился, и в преобладающих ямных, и в урновых погребениях инвентарь стал беден или вообще исчез. Их вариантность значительно меньше, чем в Причерноморье к востоку от Днепра и в Мунтении.

Выяснение подробностей процесса изживания кремации потребует в дальнейшем специальных исследований и, прежде всего, разработки относительной хронологии погребений на представительных могильниках. Однако уже сейчас ясно, что этот процесс не был ни простым, ни линейным. Обряд сожжения, принесенный в Причерноморье готами, не имея здесь местных истоков, стал в новых условиях постепенно исчезать. Однако это происходило неравномерно. В Буджаке кремации, скорей всего, не вельбаркско-пшеворского, а этулийского происхождения. В отдельных случаях, возможно, имела место внешняя подпитка этого обряда за счет спорадического притока с севера новых групп населения, практиковавшего его. Возможно, свидетельством такого позднего притока являются находки на отдельных памятниках (могильник Каборга, поселение Дижма и некоторые др.) фрагментов глиняных ситул добродзеньского типа. В Мунтении же сохранению и развитию трупосожжения в отдельных местах способствовало смешение черняховского и гето-дакийского населения. Причем буквально на каждом отдельном поселении этот процесс мог идти с разной степенью активности. Поэтому и возникли такие могильники как Олтень с явным преобладанием сожжений. И, видимо, для каждого крупного могильника исследовать степень значимости гето-дакийского суперстрата следует отдельно.

Для изучения могильников интересно проанализировать распространение погребений с ингумацией, имеющих западную ориентировку, поскольку ее появление после исследования Э.А.Сымоновича (1963: 59-60) устойчиво связывают с распространением в варварской среде христианства. Теоретически рассуждая, естественно ожидать, что христианизация в IV в. должна была проявляться ярче, чем в предшествующее время, тем более на территориях, прилежащих к лимесу. Практически, по данным археологии все это оказывается не так. Совершенно очевидно, что не наблюдается увеличения числа погребений с западной ориентировкой в связи с более близким расположением могильника к границам Римской империи. В Буджаке лишь Холмское дает преобладание широтной ориентировки, а в расположенном значительно западнее могильнике Нагорное II она редка. Почти полностью она отсутствует и в Тыргшоре, на что уже и обратил внимание К.Хоредт (1982: 115). В Спанцове и Индепенденце она существует параллельно с меридиональной, которой явно уступает в количестве. На мо-

гильнике Сынтана де Муреш всего 10 таких захоронений. Описанную ситуацию гипотетически можно связать с тем, что позднее заселение Буджака и Трансильвании черняховскими племенами произошло за счет притока населения из районов, удаленных от границ Рима, где христианство, — если и появилось, — то было мало распространено. Показательна в этом отношении также Каборга, в материалах которой явна готская струя и полностью отсутствует западная ориентировка. На фоне высказанного предположения интересную картину дает поздний могильник Ранжевое, синхронный памятникам Буджака и Трансильвании. На нем преобладает западная ориентировка.

В целом выявляется весьма мозаичная картина распространения обеих ориентировок. Она отражает далеко не прямолинейный путь распространения христианства в варварской среде. Постепенность распространения нового вероучения нарушается спорадическим притоком новых групп населения из отдаленных от римского пограничья районов. Так в Трансильвании имеются погребения с чуждыми вещами (деревянные ведра с железными обручами, железные топоры). Их связывают с поздним проникновением с севера чужеродного населения (Horedt 1982: 119-123). Пришельцы смешивались с племенами, ранее обитавшими на юге. При этом в обрядах и материальной культуре возникали неожиданные явления, например, наличие инвентаря в погребениях с западной ориентировкой (Horedt 1982: 117). Вероятно, с группами населения, уже обжившегося на юге, связаны могильники с преобладанием западной ориентировки (Ранжевое, Холмское). Отсутствие на могильниках четкого территориального размежевания погребений с разной ориентировкой может указывать на полную веротерпимость по отношению к иноверующим соплеменникам. Возможно, это проявляется и в смешанном расположении на могильниках погребений разного обряда. Нельзя, однако, не отметить, что все эти рассуждения имеют значение только в том случае, если западная ориентировка действительно связана с христианством.

Все исследователи черняховской культуры единодушны в признании большого, если не сказать огромного, значения для ее формирования античного влияния. Конкретные районы, откуда оно происходило, определяют по-разному, но всегда значительная роль приписывается античным центрам Северного Причерноморья, Тире и Ольвии. На уровне разработки конкретных источников этот вопрос рассматривали М.А.Тиханова (в основном по материалам Лепесовки), Э.А.Рикман (по памятникам Молдавии) и Б.В.Магомедов (для Причерноморья). Ими собран большой и бесспорный материал, который однако нельзя однозначно связать с Тирой и Ольвией. Проведенное нами рассмотрение каменного домостроительства таких непосред-

ственных связей не выявляет. Не видно их и в погребальном обряде. Но, пожалуй, наибольшее значение для проблемы имеет определение роли гончарства Тире и Ольвии в сложении черняховской гончарной сероглиняной посуды, в частности памятников степи. Сравнительный типологический анализ черняховской посуды и сероглиняной гончарной керамики из Тире и Ольвии проведен автором настоящей работы и В.В.Крапивиной (Гудкова, Крапивина 1990). Для этого исследования нами были использованы практически все имеющиеся музейные коллекции сероглиняной столовой и хозяйственной керамики обоих городов. Не пересказывая подробно этого исследования, приведем основные выводы, доказательную базу которых читатель может найти в указанном издании. Сравнение выявило разное количественное соотношение форм сосудов. Ряд форм городской посуды с черняховскими не сопоставим или же для черняховского керамического комплекса не характерен. Например округлые миски с загнутым внутрь краем, массовые в городах, мало распространены на черняховских памятниках. Биконические миски, столь характерные для черняховской культуры, редки в городах и генетических корней в их гончарстве не имеют. Формы черняховских кувшинов с изделиями городских гончаров не сопоставимы. В черняховской культуре нет сероглиняных тарелок, а в городах отсутствуют кубки. Вазы или трехручные миски для городов не характерны и генетически связаны с Центральной и Северной Европой.

Орнамент кажется одинаковым лишь на первый взгляд по причине общего типологического сходства. Линейно-лощеный орнамент более беден на черняховской посуде, а платичный — на античной. Редко встречается на ней и дополнительная профилировка. Черняховской керамике не свойственно покрытие черным ангобом, а для открытых сосудов лощение и орнаментация внутри, но эти приемы обычны в городах. В античном сероглиняном комплексе нет четких исходных форм для зерновиков со всеми их особенностями. Шероховатые кухонные горшки не характерны для Тире и Ольвии и практически в

городах не производились. Здесь господствует античная кухонная посуда. Полностью подтвердилось мнение Э.А.Сымоновича о том, что значительно больше совпадений наблюдается с провинциально-римской традицией, чем с северо-причерноморской (Сымонович 1964: 352). Зерновики (не античные пифосы) в Тире и Ольвии редки. Те их формы, которые свойственны западной и южной части черняховского ареала, возникли на основе опосредованной кельтской традиции и их распространение на степных памятниках с Тирой и Ольвией не связано. В целом выясняется, что посуда Ольвии дает меньше возможностей сопоставления с черняховской, чем тирская. Значит, характер связей обоих городов с черняховским населением был в чем-то различен. Только детальное изучение на обоих городищах позднейшего слоя конца III-IV вв. может прояснить это явление.

Вопрос о том, существовала ли связь между сероглиняной керамикой Тире, Ольвии и черняховской культуры, не может решаться без учета времени появления черняховского населения в степях Причерноморья. Изложенные выше хронологические наблюдения свидетельствуют о том, что непосредственный контакт между черняховскими племенами и городами начался в эпоху войн, а в мирной форме развивался после них, когда Тира и Ольвия уже перестали существовать как античные центры. При этом надо подчеркнуть, что черняховское население появилось в Причерноморье с уже сложившимся керамическим комплексом.

Итак, можно утверждать, что Тира и Ольвия прямого и непосредственного воздействия на формирование черняховской керамики не оказали. Истоком античного влияния в этой сфере были гончарные мастерские дунайских провинций. Их влияние распространялось в обход Карпат с севера. В то же время, поскольку провинции, естественно, оказывали воздействие и на причерноморские города, нельзя исключить параллельного и независимого распространения некоторых явлений в черняховской культуре и в Тире и Ольвии. Вероятно, пример тому — проникновение в города сероглиняной шероховатой кухонной посуды (Гудкова, Крапивина 1993 б: 104).

ИСТОРИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ. (Вместо заключения)

Проведенный анализ археологических источников служит базой для восстановления характера и направления исторического развития степного региона в первой половине I тыс н.э.. Специфика археологических источников такова, что реконструкция на их основе исторической действительности, с одной стороны, может быть доведена до восстановления бытовых деталей, а с другой, – при рассмотрении ряда вопросов исследователь натывается на полное отсутствие информации, вследствие чего, решение многих конкретных проблем остается гипотетичным. Однако опасение допустить ошибку не удерживает от формулировки гипотез, иначе научный поиск может оказаться дорогой в никуда. Степень достоверности и конкретизации исторического осмысления археологических явлений значительно возрастает, если их сопоставить с историческими. Незаменяемыми в этом отношении оказываются древние письменные источники, синхронные эпохе или близкие к ней. Однако их возможности для степного региона в римское время весьма ограничены. Попытаемся все же соотнести сведения древних авторов с этнокультурными образованиями, охарактеризованными на основе археологических материалов. Начнем с поздних скифов.

В «Естественной истории» Плиния сведения о северном побережье Черного моря и прилегающих к нему областях от Дуная до Дона частично отражают современную этому автору действительность, а частично восходят к ионийским географам VI-V вв. до н. э. (Скржинская 1977: 85).

На первый взгляд заманчиво использовать сообщение Плиния о тирагетах, обитающих в устье реки Тиры (Плиний, IV, 82; Скржинская 1977: 44). Однако, поскольку их первым упоминает Страбон, в «Географии» которого отражено распределение населения в степях Причерноморья, сложившееся через несколько столетий после Геродота (Скржинская 1977: 38-39; Карышковский, Клейман 1985: 9), можно думать, что у Плиния упоминание тирагетов соответствует ситуации до рубежа эр. С этим согласуется и то, что в низовьях Днестра с середины III в. до н.э. до конца I в. н.э. отсутствуют археологические памятники, которые можно было бы приписать тирагетам.

Между устьем Дуная и Ольвией Плиний знает четыре населенных пункта: Кремниски, Эполий, Тира-Офиуса, Гавань Ордес (Плиний, IV, 82). Из порядка их перечисления ясно, что два первых находятся на побережье между Дунаем и Днестром, а Ордес – к востоку от Днестра. Отождествление этих поселений с археологическими памятниками возможно лишь при ус-

ловии определения времени их существования, чего, исходя из текста Плиния, сделать нельзя. Кремниски и Эполий, судя по названиям, были основаны греками (Скржинская 1977: 55). С этим выводом согласуется то, что Кремниски упомянуты у Артемидора, автора II-I вв. до н.э. (Карышковский, Клейман 1985: 8). Археологических эквивалентов этим двум поселениям в римское время не известно. Ордес Плиния в этой же транскрипции называет Птолемей (SC, I, 232). Его обычно отождествляют с поселением Одессос, упоминаемым Аррианом (II в.) и анонимным периплом Черного моря (VI в.) (Карышковский, Клейман 1985: 89). Вопрос о его локализации имеет свою значительную историографию (Синицын 1960 б: 12-16), однако окончательно не решен и по сей день. Представляется, что это невозможно без определения времени существования этого поселения. Только при этом условии станет ясно, с какими археологическими пунктами можно пытаться его идентифицировать. Именно так подошел к этому вопросу М. С. Синицын (1960 б). Однако он молчаливо исходил из допущения, что время существования древних населенных пунктов, упоминаемых в источниках, в основном соответствует или близко времени жизни авторов, писавших о них, что не выдерживает никакой критики. Кроме того, современного исследователя не может удовлетворить принятое у М.С.Синицына хронологически слишком широкое отнесение памятников к скифо-сарматскому времени. Тем более, что в пределах этого времени археологически установлены большие перемены в составе обитателей и существовании населенных пунктов в Северном Причерноморье. Таким образом работы М.С.Синицына по идентификации названных пунктов не дали результатов.

Итак, рассмотрение сведений римских авторов о низовьях Днестра и Дуная пока не могут быть связаны с археологическими реалиями первых веков нашей эры на этой территории.

Обратимся к районам, лежащим к востоку от Днестра. Клавдий Птолемей знает на Нижнем Днепре и Ингульце (?) 9 городов, не ведомых Страбону. Их отождествляют с позднескифскими городищами (Погребова 1958: 103-104). Что же касается позднескифского населения в приморской зоне от Днепра до Днестра, то сведения о нем не удастся выделить с несомненностью. Довольно многочисленные и неконкретные упоминания рядом авторов на этой территории скифов серьезного значения не имеют. Этноним «скиф» в римское время превращается в собирательное и условное обозначение различных народов, обитавших в припонтиских степях и никакого отношения к истинным

скифам не имевших (Ременников 1954б: 9; Буданова 1982: 162). Это хорошо понимали сами римские авторы. Плиний писал: «В целом к северу от Истра все племена скифские, однако места, прилегающие к побережью заняли разные народы; в одних находятся геты, которых римляне называют даками; в других – сарматы..., в третьих – выродившиеся и произошедшие от рабов скифы или троглодиты, затем аланы и роксаланы. Название «скифы» постоянно переходит на сарматов и германцев» (Плиний, IV, 80). Эта выдержка говорит сама за себя. Исследователи древних авторов единодушны во мнении о том, что в позднеантичных и средневековых сочинениях термин «скифы» не реальный этноним, а дань литературной и исторической традиции. Так могли бы представлять интерес упомянутые Плинием выродившиеся скифы, но пока нет основания помещать их непосредственно в Причерноморье. Правда, в устье Дуная троглодитов знает Птолемей (Птолемей, III, 10, 4), а Арриан здесь же называет скифов (Скржинская 1977: 43). Однако расплывчатость локализации не позволяет связать эти племена с конкретными археологическими фактами.

Казалось бы для нашей темы интерес в приморской зоне между Днепром и Днестром представляют асиаки (исиаки) на реке Асиак (Аксиак) и истриане. Они известны Страбону, Помпонию Меле, Плинию Старшему и Арриану. Однако представление о том, что термин «асиаки» появляется в античной литературе не ранее рубежа эр (Скржинская 1977: 45), является заблуждением. Гавани исиаков и истриан отмечены в периплах IV–III вв. до н.э. и II в. до н.э. (Карышковский, Клейман 1985: 15). Кроме того, на древнюю традицию указывает причисление Эфором (IV в. до н.э.) асиаков к «справедливым народам». Такая морализирующая оценка присуща сочинениям эллинистического времени (Ельницкий 1961: 176). Все это заставляет усомниться в том, что асиаки и истриане – это население Причерноморья первых веков нашей эры. Они были реальностью во времена Атея.

Птолемей на прибрежной территории от Днепра до Днестра помещает город гарпиев Гарпис (Птолемей, III, 10, 7). В этом этнониме обычно видят карпов. Однако в настоящее время нет археологических материалов, указывающих на обитание карпов в этом районе.

В целом создается впечатление, что римские авторы имели весьма смутное представление о черноморском побережье между Днестром и Днепром и не располагали сведениями об обитавшем здесь оседлом варварском населении. Таким образом, письменные источники не дают реального представления о поздних скифах. Их изучение возможно только археологическим путем.

Попытка отождествления этулийского населения с конкретным народом базируется на Певтинговых таблицах – римском дорожнике,

известном по копии XIII в. (Itineraria..., 1916). Их составитель, кроме огромного массива вenedов в Прибалтике и в центре Восточной Европы, знает небольшой вenedский островок на юге между Дунаем и рекой Агалинг, которую устойчиво отождествляют с Днестром (Tomaschek 1894: Kol. 777; Петров 1962). Только Б.А.Рыбаков видит в ней р.Когыльник (Рыбаков 1982: 36). Однако и такое отождествление приемлемо для нас, поскольку Когыльник находится в Буджакской степи. Следовательно южная группа вenedов локализуется в зоне распространения этулийских древностей. Возможность предлагаемого отождествления должна быть проверена с хронологической точки зрения. Как и все географические сочинения древних, Певтинговые таблицы объединяют сведения, отражающие реальности разного времени. Довольно полная сводка мнений о времени возникновения дорожника и последующих интерполяций в его тексте сделана Г.Ловмянским (Lowmiański 1964, T. 1: 183). К.Миллер, выполнивший факсимильное издание Певтинговых таблиц и их капитальное исследование, полагал, что они составлены в 365–366 гг. (Itineraria..., 1916: S. XXX–XXXII). В новейших работах более или менее утвердилось представление о том, что в основе Певтинговых таблиц лежит географическое сочинение I в. В середине же IV в. они были подвергнуты редакции и дополнены новыми данными (Kubitschek 1919: Kol. 2127; Gesinger 1938: Kol. 1405–1406). Г. Ловмянский допускал, что сведения о вenedах в низовьях Дуная были вставлены во второй половине IV в. (Lowmiański 1964, T. 1: 180–181). По мнению Э.А.Рикмана время жизни всех племен, упомянутых дорожником в низовьях Днестра и Дуная, ограничивается серединой III – концом IV в. (Рикман 1975 б: 307). В целом же не только хронология, но и суть сообщения о группе вenedов в низовьях Дуная мало изучены.

До сих пор не было известно никаких археологических материалов, с которыми можно было бы связать вenedов в низовьях Дуная. Обнаружение памятников типа Этулия создает такую возможность (Щербакова 1985: 65–66; Гудкова 1989: 37–40; 1990а). Прав был Ф.Гезингер, когда писал, что именно археология может раскрыть содержание многих деталей и географических названий Певтинговых таблиц, неизвестных в других источниках (Gesinger 1938: Kol. 1407). Возможность отождествления этулийского населения с группой вenedов к северу от низовий Дуная представляет собой интерес в связи с присутствием в этулийской лепной керамике протопражских форм. Славянская принадлежность пражской керамики общепризнана. Это позволяет считать, что в составе рассматриваемой группы вenedов имелись предславянские или раннеславянские элементы. Таким образом возникает реальная возможность для обоснования гипотезы о том, что массовому

переселению славян на юг в V-VII вв. предшествовало передвижение и просачивание в этом направлении их отдельных групп. Есть мнение, что венецы на юге появляются в связи с сильным натиском варваров в Подунавье во время маркоманских войн, начиная со 160-х годов. Путь восточной группы венецов на юг предполагается восточней Карпат (Мачинский, Тиханова 1976: 76). Отождествление этулийцев с восточной группой южных венецов позволяет считать, что этим археологически засвидетельствовано самое раннее появление славян у границ Римской империи, ранее вторжения в эти области готов. Б.А.Рыбаков полагает, что появление славян-венецов в низовьях Дуная и бассейне Тисы «объясняет многое в позднейшей истории Подунавья в гунно-аварское время» (Рыбаков 1982: 36). Интерес в этой связи представляют исследования Д. Теодора (Teodor 1984), который не видит славянских черт в культуре Костиша-Ботошань V-VII вв. в Молдове. Однако в ее керамике существуют формы, истоки которых, возможно, находятся в лепных горшках этулийского типа.

Проблема отождествления носителей черняховской культуры с конкретными народами, известными древним авторам, имеет обширную историографию. Однако она касается культуры в целом и в основном лесостепной части ее ареала. По отношению же к населению степей Причерноморья этот вопрос, если и рассматривался отдельными авторами, то лишь на уровне выявления археологических связей. Представляется, что понимание черняховской культуры, как явления полиэтничного, требует регионального подхода к этому вопросу и делает оправданным и необходимым его изучение применительно к припонтийским черняховским племенам.

Накануне и во время существования в степях черняховских древностей античные авторы знают здесь два народа, которые по своим масштабам и локализации могут быть соотнесены с носителями черняховской культуры – это «скифы» и «готы». Поэтому попытки определения этноса обитавшего здесь черняховского населения неминуемо требуют выяснения реального содержания этих обозначений применительно к III-IV вв. Выше уже было показано, что в римское время название «скифы» потеряло реальное этническое содержание. В зарубежной историографии отождествление черняховского населения степей, как и всей черняховской культуры, с готами воспринимается как само собой разумеющееся и не имеющее серьезной альтернативы (см. обзор историографии: Баран и др. 1990: 33-35, 39). В отечественной науке вопрос о древностях готов в степях Причерноморья долго оставался открытым. Памятники черняховского типа с ними не без основания прямо не связывали. Лишь общие успехи археологического изучения готов в последние десятиле-

тия создали реальную базу для исследования этого вопроса. Стало складываться в довольно общей форме представление о том, что в числе носителей культуры в Причерноморье были и готы (Корсунский, Гюнтер 1984: 216; Магомедов 1979б: 63). Б.А.Рыбаков полагает, что они обитали в узкой приморской полосе, где еще до их прихода сложился плотный массив местного населения (Рыбаков 1982: 41). Однако изучение конкретного содержания понятия «готы» для этой территории еще мало разработано, хотя такое исследование явно перспективно. В диссертационной работе О.А.Гей черняховское население Причерноморья осторожно сопоставлено с грейтунгами и «соседними скифами» (1985а: 21).

Для времени кануна появления в степях памятников черняховской культуры сведения письменных источников о составе населения Причерноморья связаны исключительно с описанием «скифских» или «готских» войн, длившихся с 232 по 270 гг. Конкретный состав варваров, войны с которыми сотрясали Римскую империю полвека, не всегда был известен современникам этих событий, а у ранневизантийских авторов представления о нем часто корректировались реальным положением вещей в их время. При описании войн с варварами доминирует их определение в качестве скифов, относительно часто упоминаются готы (реже их конкретные племена и объединения). Термин «скиф» оказывается собирательным и выступает в качестве синонима понятиям «варвар», «враг». Часто, но отнюдь не обязательно допускается смешение «гото-скифы». Как тенденция выявляется, что оно наблюдается преимущественно при описании войн Империи с готами в 253-275 гг. и во второй половине IV в., причем в III в. это в основном обитатели Северного Причерноморья, а в IV в. – левобережья Истра (Буданова 1980: 152). В целом же в каждом конкретном случае необходимо уяснение, какие реальные народы обозначены как скифы (Буданова 1980: 149-150). А.М.Ременников, изучая борьбу племен Северного Причерноморья с Римом в III в., не рассматривал этнической структуры этих племен и анализа термина «скифы» не производил (1954). Без специального обоснования он неоднократно упоминает скифо-сарматские войска, скифо-сарматские племена, скифо-сарматский мир, скифо-сарматский флот (1954: 58, 76). Очевидно, исходя из общеисторической ситуации и данных археологии для II-III вв., надо согласиться с его представлением о том, что в объединении различных народов Причерноморья присутствовали реальные сарматы. Подтверждением этого может быть упоминание о них в триумфе Галлиена, посвященном завершению войны 263 г. (Ременников 1954: 105). Этноним же «скифы» остается у него неконкретным.

Употребление в римских и византийских ис-

точниках термина «готы», хотя и соответствует реальной действительности, тем не менее оказывается и очень сложным, и неоднозначным. В.П.Буданова, исследовавшая этот вопрос, пришла к выводу о том, что конкретное содержание этого этнонима часто зависит «от автора, времени и места написания, характера и цели сочинения» (1980: 146). Он может обозначать варваров вообще, может более тесно связываться с разными германскими племенами или же соответствовать именно готам.

В безбрежном море исследований о готах более всего «не повезло» готам Причерноморья в III-IV вв., что особенно затрудняет сопоставление сведений древних авторов с археологическими фактами. Из крайне многочисленных упоминаний готов в связи с войнами варваров с Римом удается отобрать не так много сведений, могущих иметь отношение к Причерноморью. В начале III в. часть готского населения ушла из Повисленья на Дунай и Балканы, минуя Северное Причерноморье, и их историческая судьба с ним не связана. Для нас представляет интерес другая их часть, двинувшаяся через Волынь и Подолию в Приазовье. Иордан сообщает: «Мы читали, что первое расселение (готов) было в скифской земле около Меотийского болота...» (Иордан, 38, 39). С этим согласуется ряд письменных источников, анализ которых позволяет установить, что морские походы на Рим в 156-157 гг. имели своей базой и отправной точкой район Меотиды. Для римлян это было настолько очевидно, что враги, борьбу с которыми император Клавдий поручил Аврелиану, именуется меотийцами. А.М.Ременников полагал, что эти походы были организованы местным населением, а не готами (1954: 91). Однако, В.П.Буданова, привлекая дополнительные источники, показала, что под «скифами» этих походов надо понимать остготов (1982: 168). Таким образом Приазовье оказывается районом стабильного обитания готов в Причерноморье. Часть их могла переместиться в середине III в. из Меотиды в Подунавье (Буданова 1982: 168, 174; 1983: 13). Археологически готы Приазовья пока четко не выделены.

Хотя присутствие готов в Причерноморье от Дона до Дуная представляется очевидным, по древним сочинениям невозможно составить сколько-нибудь конкретное представление об их размещении на этой территории. Население этого района впервые упомянуто у Зосима под названием «соседние скифы» (Ременников 1954: 96). Они оказываются соседними по отношению к «скифам», совершившим два первые морские похода, в которых участвовали бораны и герулы нижнего Подонья. Следовательно, «соседние скифы» должны были обитать к западу от них. Нет никаких данных для определения того, какие народы скрываются под названием «соседние скифы» и можно ли в них видеть готов. Ясно лишь, что к западу от обитате-

лей Приазовья находилось значительное население. А.М.Ременников полагал, что строительство флота для похода 258 г. происходило в устье Днестра (1954: 97).

В.П.Буданова на основании ряда косвенных наблюдений предполагает, что в морском походе варваров 263 г., о котором сообщает только Иордан, участвовало население Западного Причерноморья, в частности готы-грейтунги. В скифах этого похода надо видеть местные причерноморские племена. Если все это реально, то речь может идти об изучаемом нами регионе или его западной части.

У Зосима население Северо-Западного Причерноморья второй раз упоминается в связи с морским походом варваров 268-270 гг. Это был не просто военный поход, а попытка коалиции племен Северного Причерноморья переселиться с семьями и имуществом на территорию Римской империи. Эта коалиция включала певкинов, грейтунгов, австроготов, тервингов, визи, гепидов, герулов и загадочных *celtae* (Буданова, 1982: 172). Невозможно определить, насколько все эти народы вместе могли быть названы «соседним скифам», но и исключить хотя бы частичное соответствие нельзя: оба события разделены всего 10 годами. Местом подготовки похода, по сообщению Зосима, была Тира, где строились суда и собирались дружины различных племен (Ременников 1954: 129-130). Общее число собравшихся здесь варваров составляло 300-320 тыс. человек (Ременников 1954: 130).

Четких археологических соответствий этим событиям мало. Да и трудно предположить, чтобы от массовых перемещений разных народов могли остаться следы обитания. Если что-то и осталось, то это – следы разрушения и уничтожения. И они действительно есть: Это гибель Ольвии со всеми укреплениями ее периферии, разгром на западе – Тиры, на востоке – Танаиса и прекращение жизни на поселениях поблизости от них.

Характеризуя в целом события середины – второй половины III в., можно констатировать, что в это время в Причерноморье готы были активной военно-политической силой. Центр их обитания находился на Нижнем Дону, у Меотиды. Однако морской поход 269 г. показывает, что они размещались (жили?) по всему Причерноморью. В III в. готы выступают здесь в основном под своим общим названием. Об их делении на остготов и вестготов для этого времени можно говорить лишь условно (Буданова 1982: 156). Кроме того, в Причерноморье обитало и местное население. В Приазовье это были бораны и герулы (гелуры, элуры). Первые представляли собой, скорее всего, скифо-сармато-аланское население (Ременников, 1954). Герулов Приазовья нельзя отождествлять с германским племенем, которое в Причерноморье никогда не появлялось. Стефан Византийский в V в. именует

их народом «скифским» (Скржинская 1960: 266-267, № 370). Исследователи полагают, что они были местного происхождения (Васильев 1921: 266; Шелов, 1972: 303-304). На запад от боранов и герулов находились «соседние скифы», конкретный состав которых, как уже сказано, неясен. В.П.Буданова, исходя из терминологии Зосима, полагает, что они представляли собой коалицию племен. Не известно ни одного письменного сообщения древних авторов, которое бы позволяло отнести их к готам (Буданова 1982: 169). В низовьях Дуная жили певкины. Сарматы во время войн III в. почти полностью исчезли из номенклатуры народов Северного Причерноморья. Слабый отголосок их существования имеется у автора более позднего времени Константина Порфирородного, писавшего в связи с рассматриваемыми событиями о сарматах (савроматах) у Меотийского моря (Васильев 1921: 288).

После окончания скифских войн и наступления мирного периода в Причерноморье резко возрастает количество археологических свидетельств обитания здесь оседлого населения, но и столь же резко сокращаются сведения о нем в древних сочинениях. Эта лакуна приходится как раз на время господства в регионе черняховской культуры. Современники начинают опять интересоваться варварами лишь в последней трети IV в. в связи с новым обострением политической и военной обстановки. Естественно, материалы этого времени попали и в сочинения более поздних авторов. Имеющиеся сведения позволяют наметить схему расселения отдельных групп готов (или того населения, которое по традиции продолжают именовать готами). Еще в начале своего движения с территории современной Польши на юг готы разделились на два потока, которые, видимо, и легли в основу образования их двух больших групп – вестготов (визиготов) и остготов (остроготов). Существует представление, что их окончательное разделение оформилось к концу IV в. (Буданова 1982: 156).

Параллельно применялись еще два названия – грейтунги и тервинги. Еще недавно грейтунгов отождествляли с остготами. Однако это не всегда верно. В III в. эти племена являются двумя самостоятельными образованиями, которые за время совместных походов и войн могли слиться к середине IV в., когда их отмечает Аммиан Марцеллин (Буданова 1982: 170). Впервые вместе все четыре группы готов упоминаются при описании похода 269 г., но для двух первых представлены древние формы их названий: визи и австроготы. До этого источники именуют готские племена в основном совокупно готами, скифами или гетами.

Имеется мнение, что самостоятельное существование грейтунгов и тервингов оформилось в связи с военными столкновениями в среде варваров (Wolfram 1979: 59, 61). Есть возмож-

ность попытаться их локализовать. Этимологически этноним «тервинги» связывают со словом «лес», это племена, обитающие в лесах, «лесовики». Термин «грейтунги» восходит к слову «песок», «глина», они связаны со степью, они «степняки» (Рыбаков 1982: 41). По многим текстам, в которых есть сведения о взаимном размещении разных народов выявляется, что тервинги территориально близки к вестготам, а грейтунги – к остготам (остготам), то есть первые занимают западную, а вторые – восточную позицию по отношению друг к другу, что вполне увязывается с этимологией их названий. Тервингов исследователи единодушно помещают к западу от Днестра. Х.Вольфрам уточняет: к западу от Верхнего Днестра и низовьев Прута (Wolfram 1979: 59). В то же время на карте он показывает смешанное обитание тервингов и грейтунгов в Буджаке (Wolfram 1979: Karte 3), Молдавская же лесостепь, румынская Молдова и Мунтения обозначены им как зона расселения только тервингов. Грейтунги во время войн III в. локализируются в Северном Причерноморье (Буданова 1982: 170). На Дону они сражаются с аланами и каким-то другим народом (Wolfram 1979: 97-98). На западе они достигли дунайской границы Империи. Известно, что в 280-282 гг. император Проб переселил на римскую территорию во Фракии большое количество варваров, в том числе грейтунгов (SHA, Флавий Вописк Сиракузский, Император Проб, 18). Потом они надолго исчезают из источников. В IV в. о них сообщает Аммиан Марцеллин. В связи с нашествием гуннов он упоминает «аланов, которые сопредельны с грейтунгами» (Аммиан Марцеллин, XXXI, 3, 1). Чрезвычайно важно его сообщение о походе Валента в 365 г. на тервингов во главе с Атанарихом, с которым он воевал уже третий год (Аммиан Марцеллин, XXVII, 5). Из описания военных событий следует, что тервинги размещались к северу от Дуная.

Перейдя Дунай у Новиодунума (современная Исакча), Валент оказался в Буджаке, где у него произошла стычка с грейтунгами. Это сообщение позволяет констатировать, что во второй половине IV в. грейтунги известны к западу от зоны, занятой танаитами в низовьях Дона, до низовьев Дуная. Следовательно, степи Северо-Западного Причерноморья входят в занятую ими территорию.

Валент, продолжая путь на север между озерами Ялпуг и Катлабух и пройдя земли грейтунгов, столкнулся с тервингами, после чего был заключен мир с Атанарихом. Все изложенное свидетельствует, что в низовьях Дуная тервинги обитали севернее грейтунгов. Вопрос об их взаимном размещении на этой территории изучал Р.Вульпе (1969). На основе уточнения перевода Аммиана Марцеллина, он пришел к заключению о возможности отождествления северного Траяного вала с «валом грейтунгов» Аммиана Марцеллина (Аммиан Марцеллин, XXXI,

3, 4-5). В пользу этого отождествления приведены достаточно веские аргументы. Р.Вульпе полагает, что вал не имел исключительно фортификационного назначения и был возведен грейтунгами для демаркации своей территории от земель тервингов. Отметим, что вал проходит по границе степи и лесостепи.

Изложенные наблюдения о местах обитания двух готских племен оказываются сопоставимыми с некоторыми археологическими данными. Тервинги и грейтунги, судя по письменным источникам, должны быть родственными группами населения. Эта родственность археологически проявляется в том, что в степях Причерноморья и Молдавской лесостепи распространены памятники черняховской культуры, обладающие общими ведущими чертами, но распадающиеся соответственно на два локальных варианта: степной и прудо-днестровский. Различие этих двух вариантов наблюдается по ряду признаков и один из них, представляющий наибольший интерес, – это степень присутствия черт вельбаркской, то есть, готской культуры. В степном локальном варианте они наличествуют, – но не являются ведущими на территории от Буга на восток. На запад же до Дуная эти черты почти не фиксируются. На черняховских памятниках молдавской лесостепи вельбаркские признаки обнаружены многократно и на некоторых памятниках весьма значимы. Границей их распространения на юге оказываются пограничье лесостепи и степи, примерно там, где проходит Верхний Траянов вал, то есть вал грейтунгов, если принять интерпретацию Р.Вульпе.

Не рассматривая памятников Молдавии в целом, отметим, что на пограничье степи и лесостепи чрезвычайно показательны поселение и могильник Будешты и могильник Данчены. В Будештах обнаружена усадьба с наземным каркасным домом вельбаркского типа (Щербакова, Чеботаренко 1974: 94, рис. 1), аналогичным дому на вельбаркском поселении Великая Слобода (Козак 1984а: 58, рис. 2). Э.А. Рикман, анализируя материалы раскопок поселения и могильника Будешты, выделил керамические изделия, которые «хорошо сопоставляются с более ранними и позднейшими готскими и восточно-германскими сосудами» (1960а: 212). На могильнике погребения с трупосожжением составляют 36,1 %, при том, что часть их уничтожена распашкой и не вошла в подсчеты. В одном из погребений найдена фибула типа монструозо, который связывают с германскими племенами. Э.А.Рикман пишет, что в Будештах обитало смешанное население, в том числе и готы (1960а: 217). Такую же, если не более яркую, картину дает и могильник Данчены, где выделена группа вельбаркской керамики и многочисленные вещи северо-западного происхождения (Рафалович 1986). Ряд наблюдений дает возможность думать, что этнический состав и история формирования черняховской культуры в

Пруто-Днестровском междуречье и степях Причерноморья были во многом различными, исключая одинаково большую роль сармат.

В результате всего изложенного правомерным представляется вопрос, какое место занимало собственно германское пришлое население в среде обитателей Причерноморья, материальная культура которых представляла собой вариант черняховской. В этой зоне вельбаркские, то есть готские, черты локализуются на огромной территории. Но и на ней они рассеяны в инородной среде. Наиболее ярко здесь проявляется сарматское, а затем позднескифское культурное наследие. Явные признаки, генетически восходящие к населению Украинской лесостепи.

Некоторые возможности для изучения поставленного вопроса дают палеоантропологические материалы. Т.С.Кондукторова считает, что в формировании носителей черняховской культуры принимали участие люди двух физических типов. Один из них является позднескифским. Очень выразительны в этом отношении материалы Золотой Балки (Кондукторова 1972: 111; 1979: 67), которые позволяют прямо говорить о генетической связи. «Второй тип, более долихокраний и высокоголовый, такому четкому определению не поддается. Скорее всего, он подходит к автохтонам Украины, поскольку здесь долихокrania широко представлена еще в бронзовом веке. Сарматская примесь наиболее ощутима в северопричерноморской серии» (Кондукторова 1972: 123). В Николаевке Козацкой ранняя серия (позднескифская) и поздняя (черняховская) по морфологическим чертам четких различий не имеют (Кондукторова 1979: 35, 66). Антропологическая серия из могильника Холмское близка материалам Пруто-Днестровского междуречья (Сегеда, Дяченко 1984: 95). Таким образом в степи черняховским оказывается население, сложившееся на местной полиэтничной основе. Носители вельбаркской культуры приняли участие в его формировании, но не были ведущим компонентом ни в количественном, ни в культурном отношении. Антропологические северо-европейские, германские признаки нигде не фиксируются.

Употребление в письменных источниках по отношению к северопонтийскому населению названия готы в значительной мере связано, скорей всего, с политическими событиями. Естественно предположить, что готы за время переселения выработали жесткую военную организацию и потому смогли возглавить часть походов на Рим. Их предводители оказались во главе первых военно-политических объединений, включавших не только готов, но и различное местное население. Кроме того, надо учитывать литературную традицию, довледшую над позднеантичными авторами. Причерноморское население они традиционно именовали «скифами», хотя и понимали его неоднородность. Его

истинного состава они себе не представляли. Римляне явно знали о существовании пришлого северного населения, отличного от местного, и совокупно именовали его готами. Хотя эти два названия часто путали и переносили на всех варваров, существовало и понимание их различия. В этой связи интересно наблюдение В.П.Будановой на основе текста Поллиона по поводу варварского похода 263 г. о терминологическом противопоставлении «скифов» и «готов». Также и у Зосима они не всегда одно и то же (Буданова 1982: 169). Очевидно, что этноним «готы» утратил в Причерноморье свое первоначальное значение, которое считается применимым для носителей вельбаркско-цецельской культуры. На новой почве он превратился в определенной мере в собирательное обозначение припонтийского варварского населения (Ременников 1954: 9, сн. 3). Однако вряд ли будет исторически оправдано даже в этом собирательном и условном смысле называть носителей черняховской культуры Причерноморья готами.

Ближе к истине как-будто оказывается обозначение грейтунги. Зона их обитания совпадает с ареалом черняховской культуры в степях. Вполне допустимо, что в их состав вошли локализуемые примерно здесь же «соседние скифы». Может быть, именно этим объясняется малое количество вельбаркских черт на черняховских памятниках к западу от Буга. По поводу же их большей выраженности у части черняховского населения лесостепного Пруто-Днестровского междуречья можно высказать гипотезу, безусловно, требующую специальной проверки как на археологических материалах, так и по письменным источникам. На основе рассказа Иордана о событиях, произошедших, когда готы оказались в стране Ойум (Иордан 1960: 27-28), сложилось традиционное представление о том, что в Северном Причерноморье готские племена разделились на две части. Одна — ушла к Меотиде, о другой В.П.Буданова думает, что она направилась на Балканы (1982: 159). Не могло ли это движение на запад пролегать через лесостепь Молдавии и оставить там свой след? В связи с этим особенно интересна ранняя дата начала функционирования могильника Данчены, относящаяся к концу II — первой половине III в. (Щукин 1986: 209) и материалы могильника Ханска-Лутерия (Никулицэ, Рикман 1973).

Важной составной частью истории этнокультурного развития степей Причерноморья является *воздействие* на варварское население *античной цивилизации*. Формы и особенно источники этого влияния различны в первой и второй четверти I тыс., то есть до и после войн середины III в. Первые два с половиной века характеризуются расцветом античных городов и прямым присутствием в регионе римских военных частей. Тира и Ольвия являлись в это время мощными экономическими, политическими и культурными центрами, влияние которых в той

или иной мере сказывалось на многих сторонах жизни населения степей. В этой связи целесообразно рассмотреть вопрос о разделенности поздних скифов Причерноморья на три части. Предположить какие-либо природные причины этого явления невозможно. Приходится думать, что оно связано с политической ситуацией в регионе. Угроза со стороны кочевников-сарматов была в первых веках нашей эры постоянной. В степное Правобережье основная масса сарматских племен переправилась в I в. н.э. (Погребова 1958: 236), но жизнь их здесь долгое время оставалась нестабильной. К западу от Днепра постоянного сарматского населения еще не существовало. Нестабильность проявляется в отсутствии сарматских могильников как более или менее устойчивых мест погребения. Пока известны только одиночные захоронения, случайно разбросанные по степи и часто вглубь в более ранние курганы. Исключение — Усть-Каменка-могильник I-II вв. н.э. у переправы на Днестре (Махно 1960а). Вся эта ситуация может свидетельствовать о военных набегах сарматов, о возможности их нашествия из-за Днепра. Кроме того, в Правобережье нестабильность была связана с постоянными передвижениями и набегами различных племен с запада. Показательно, что где-то в I в. до н.э. — I в. н.э. Гавриловское городище было дополнительно укреплено каменной стеной (Погребова 1958: 237). В этих условиях оседлое сельское население находилось постоянно под угрозой грабежа и уничтожения, и у него естественно возникала потребность в постоянной защите.

Поскольку на Днестре эта потребность не была реализована, городища одно за другим заустели. Очагами оседлой сельской жизни стали хора Ольвии и окрестности Тиры. Именно эти античные центры, превращавшиеся к тому же в военно-политический оплот Римской империи в Северном Причерноморье, смогли предоставить своей сельской округе такую защиту.

Вероятно, более старый, изначальный в степи позднескифский очаг на Нижнем Днестре послужил в значительной мере источником населения, передвинувшегося на Бугский и Днестровский лиманы. Можно предположить, что на нижнеднепровских городищах, скованных территориально своими оборонительными укреплениями, возникла перенаселенность, и когда сложилась слишком большая военная угроза, часть населения ушла на новые земли.

Нижнеднепровские городища издавна находились в очень тесных отношениях с Ольвией, полный характер которых пока еще не изучен. Видимо, они были достаточно прочными и многообразными. Так, предполагается участие ольвийских мастеров в возведении фортификационных сооружений и неординарных зданий, проникновение античных навыков в быт поздних скифов. Остатки черепичной кровли на Знаменке говорят сами за себя.

Воздействие Ольвии на нижнеднепровские городища проявлялось в экономической и культурной сфере. Распространение на городищах ольвийской ремесленной продукции, находки ольвийских монет документируют эти связи. Может быть, о прочности отношений, в которых могла быть заинтересована и Ольвия, свидетельствует возникновение позднескифских поселений на Ингульце.

Контакты между сельскими округами Тиря и Ольвии пока не выглядят активными и прочными. Между ними, как представляется, лежит незаселенное пространство от Сосицко-Березенского до Днестровского лимана. Однако некоторые особенности в материальной культуре Роксолан могут указывать на определенные связи с населением ольвийского региона.

Прямая и непосредственная связь поселений ольвийской хоры с Ольвией очевидна, и в ее изучении сделано уже немало. Менее известно взаимоотношение Тиря с ее округой. Возможно, о северных пределах непосредственного влияния Тиря свидетельствует городище римского времени Удобное на северной оконечности Днестровского лимана. На юге владения Тиря простирались до побережья. На это указывают эпиграфические памятники, найденные у с. Беленькое (Блаватская 1981; Карышковский, Клейман 1985: 131). Экономическое воздействие Тиря распространялось на всю Буджакскую степь. Это видно из присутствия на поселениях типа Этулия тирской гончарной керамики. Очевидно, через Тиру попадали к их обитателям и продукты, перевозимые в амфорах – вино и масло. Число обломков амфор в керамическом комплексе поселений весьма значительно.

Для всего позднескифского населения во всех трех очагах его обитания характерна высокая степень эллинизации. Тира и Ольвия были основными торговыми центрами, с которыми оно оказалось связанным. На всех поселениях встречаются вещи античного производства от обломков кухонных кастрюль до высокохудожественных украшений и культовых предметов, сокровенный смысл которых, возможно, и не был понятен. Можно думать, что в сельской среде жили и потомки эллинов. С. Б. Буйских допускает, что в числе обитателей Козырки были римские ветераны. В целом создается впечатление, что поздние скифы в Причерноморье оказались замкнуты на Тиру и Ольвию и в экономическом, и в культурном, а может быть, и в политическом отношении.

Существование поздних скифов как этнокультурной единицы заканчивается в период войн варваров с Римом в III в. Видимо, они физически не исчезают, а входят в число носителей черняховской культуры, передав ей частичку свои особенности.

Датировка этулийских памятников с рубежа II-III в. свидетельствует об их своеобразной исторической судьбе в Причерноморье. Оказыва-

ется, появившись на юге до готских войн, они пережили в Буджаке этот исторический стресс и уже в следующем периоде оказались в орбите влияния черняховских племен. В их истории чувствуется какой-то необычный консерватизм. В лесостепи, где была родина венедов-этулийцев, они обитали изначально, они не вступили в контакт с вельбаркскими племенами и ушли из родных мест. Очутившись в Буджаке они, видимо, не приняли активного участия в войнах с Римом и тем сохранили себя как этнокультурную единицу. Подпав под влияние более развитого черняховского населения, они однако не растворились в нем полностью и дожили до гуннского нашествия. Их следы надо искать на дорогах Великого переселения народов.

В первых десятилетиях III в. венеды в Буджаке, естественно, оказались втянутыми в существовавшую здесь хозяйственную систему с центром в Тире. Кардинального перелома в образе их жизни и облике материальной культуры это не вызвало, но то, что они включились в местный обмен, — очевидно. Об этом свидетельствует найденная на этулийских памятниках сероглиняная посуда, производившаяся городскими гончарами, обломки красноглиняной и краснолаковой керамики и амфор. Хронологическое разнообразие медных римских монет свидетельствует о существовании внутреннего обмена на протяжении всего III в. Сейчас еще нельзя определить, под влиянием каких гончаров, античных или черняховских, венедские горшечники начали осваивать гончарный круг и горновой обжиг посуды. Важен даже не источник заимствования. Начало освоения гончарного круга знаменует внутренние экономические (а значит, и социальные) сдвиги внутри общества, где этот процесс начинается. Одного лишь знакомства с профессиональным гончарством и употребления «чужой» гончарной посуды, приобретенной на стороне, недостаточно для освоения гончарного круга. Сошлемся в этом на поздних скифов на Нижнем Днепре и в Крыму, которые так и не освоили гончарного круга.

Судить о взаимоотношениях венедов с сарматами практически пока невозможно, так как для этого нет никаких материалов. Очевидно, сам факт сохранения сравнительно небольшой группы оседлого населения в окружении кочевников на протяжении III и половины IV в. свидетельствует о лояльном характере этих отношений. Около середины IV в. соседи венедов в Буджаке изменились, ими стали черняховские племена. Для венедов в этом не было ничего принципиально нового, и потрясения эта смена не вызвала. Дело в том, что в Молдавской лесостепи венеды еще раньше соседствовали с черняховским населением. Венедские и черняховские памятники в междуречье Днестра и Прута в основном синхронны и расположены вперемежку. В Буджаке венеды были частично ассимилированы черняховцами. Этот вопрос

уже рассматривался в главе, посвященной черняховской культуре.

Подпадение Тиры и Ольвии под власть Рима привело к возникновению в Северном Причерноморье зоны, аналогичной прилимесной в Южной и Западной Европе. Хотя римское господство в Северо-Западном Причерноморье носило по преимуществу военно-политический характер, тем не менее появление римских опорных пунктов и дорог не могло не оказать воздействия на развитие региона. Кроме Тиры, местами римского военного присутствия были укрепления у Орловки-Картала (Головкин др. 1965), возле с. Новосельское (Ioniță 1982: 33). Еще один, вероятно, такой же пункт был возле г. Измаила (Ioniță 1982: 34). Из всех этих мест происходят фрагменты римских посвященных надписей и надгробий (Ioniță 1982: 33-34; Карышковский, Кожокару 1992). К Тире из Дакии по крайнему югу Буджака вела сухопутная дорога, которая, огибая с севера Днестровский лиман, шла далее к Ольвии. Ряд авторов рассматривает Нижний Траянов вал как признак господства Рима на юге Буджака. Все это способствовало экономической эксплуатации территории Северо-Западного Причерноморья Римской империей (Карышковский, Клейман 1985: 96-97). Обнаружение на этулийских поселениях медных римских монет является признаком определенного уровня развития внутренних торговых отношений.

В период войн середины III в. рухнуло римское господство в Северо-Западном Причерноморье. Были разгромлены Ольвия и Тира. На востоке в 40-х годах погиб Танаис, чему предшествовало его поспешное укрепление (Шелов 1972: 300-304). Конец его жизни исследователи связывают с появлением в Приазовье готов и объединившихся с ними местных племен (Гайдукевич 1949: 443; Шелов 1975: 140-141). Одновременно прекращается жизнь на нижнедонских городищах. Не позднее 235 г. ввиду крайних экономических и, надо думать, политических затруднений прекратила чеканку своей монеты Ольвия. Это еще не был конец жизни города: в 248 г. в нем находился римский гарнизон (Гайдукевич 1949б: 44). Но вскоре погибли укрепления хоры. Раскопки на городище Золотой Мыс показали, что это произошло в начале последней трети III в. (Гороховский и др. 1985: 36). Видимо, этим же временем надо датировать запустение Козырки. Одновременное прекращение функционирования укреплений хоры — признак крупного военно-политического катаклизма, обрушившегося на Ольвию.

Точная дата разгрома Тиры неизвестна, но сам разгром четко засвидетельствован археологически (Фурманская 1975). Жилые кварталы II-III вв. погибли в огне пожара. П.О.Карышковский и И.Б.Клейман, проанализировав всю сумму археологических данных, пришли к выводу о том, что город был разгромлен варварами в

50-60-х годах III в. (1985: 135). На поселениях Молога, Веселое и Роксоланы следов разгрома нет, но их жизнь прекращается тоже около середины III в. Возможно, слабым отголоском этих событий являются недостроенные склепы на могильнике Никония. В то же время гибнет в пожаре римское укрепление у с. Орловка, которое более не восстанавливалось (Бондарь 1973: 155). В настоящее время нельзя четко определить, что представляла собой Тира после готского разгрома. Жизнь здесь восстановилась еще во второй половине III в. и продолжалась в IV в. (Кравченко, Корпусова 1975; Гудкова и др. 1979; Карышковский, Клейман 1985: 1535-139). Однако фортификационные сооружения цитадели, строения римского гарнизона не были восстановлены. Поверх них возникли жилые сооружения. Новая застройка не имела четкого плана. Дома возникали там, где это было удобно на развалинах. Важные сведения об этом периоде дали раскопки «послеготского дома», в котором в результате его неожиданной гибели сохранился закрытый комплекс находок. Планировка этого дома имеет основные признаки античного безордерного жилища, но схема его нетипична. Кровля не черепичная, а камышовая с глиняной обмазкой. Дом возведен из плохо обработанного камня-плитняка. Качество кладки низкое. Их система приближается к иррегулярной. Комплекс находок из «послеготского дома» содержит вещи и керамику второй половины III-IV вв. Так же датируется несколько других сооружений. Местами зафиксирован культурный слой этого времени. Все материалы последнего этапа жизни Тиры свидетельствуют о существенном изменении облика материальной культуры, экономики и связей. Нет никаких данных о восстановлении власти Рима и присутствии гарнизона. Происходит общая рустификация и отход от античных традиций во всех формах жизни и натурализация хозяйства. Не засвидетельствовано находок бронзовых монет Константина и его династии. Римская монета проникала в Пруто-Днестровское междуречье, минуя Тиру. Вокруг Тиры нет поселений, явно связанных с ней.

При сравнительном анализе сероглиняной керамики черняховских поселений и Тиры было выявлено присутствие в Тире некоторых форм посуды черняховского облика. Это явление нельзя истолковать однозначно, поскольку стратиграфическое положение соответствующих находок в большинстве случаев неопределенно: они происходят из смешанных слоев. Однако есть ряд закрытых комплексов времени после разгрома, в которых такой материал присутствует. Это «послеготский дом» (Кравченко, Корпусова 1975), некоторые сильно разрушенные строения (Карышковский, Клейман 1985: 137) и несколько поздних ям (Фурманская 1979: 17). В то же время не известно закрытых комплексов до разгрома города, в которых бы присутствова-

ла керамика черняховского облика. Таким образом, можно думать, что она появилась в Тире в позднейший период ее существования в связи с появлением в числе обитателей города носителей черняховской культуры (Археология УССР 1986, т. 2: 332). Однако при оценке всех этих явлений надо солидаризироваться с П.О.Карышковским и И.Б.Клейманом, возражающими против мысли о том, что Тира оказалась «включенной в систему экономических связей племенного союза с высоко развитой дифференциацией общественного производства» (Кравченко, Корпусова 1975: 42). Прекращение жизни Тире произошло внезапно во второй половине IV в. Последняя датированная находка на городище – монета Валентиниана, правившего в 364-375 гг. (Карышковский, Клейман 1985: 139).

В недавнее время начал изучаться позднейший античный слой Ольвии последней четверти III — первой половины-третьей четверти IV в. (Крапивина 1993: 155-157). Облик города в это время оставался античным. Пока еще не ясен характер взаимоотношений его обитателей с черняховскими племенами. Хора во время «готских» войн перестала существовать, и на ее территории появились черняховские поселения. Однако сама Ольвия не была занята носителями черняховской культуры. Пока, как и в отношении Тире, по мнению В.В.Крапивиной, нет оснований говорить о том, что «...Ольвия и черняховские поселения составляли единый экономический союз» (1993: 156).

Таким образом, общее состояние античных городов Северного Причерноморья после войн III в. оказывается в целом весьма плачевным. Они перестали быть крупными экономическими и культурными центрами и в таком качестве не сосуществовали с черняховской культурой в степном регионе во второй половине III-IV вв. Механизм же передачи культурного наследия северопонтийских городов в черняховскую культуру не был прямым и непосредственным. Одним из каналов такой передачи могло быть эллинизированное позднескифское население Причерноморья, вошедшее в состав носителей черняховской культуры в степной зоне. Интересная мысль о том, что часть населения разгромленных городов осела в черняховской среде, принеся с собой свои культурные навыки (Магомедов 1985), требует дальнейшей разработки на конкретном материале.

Время прекращения существования черняховской культуры в степях по археологическим данным может быть отнесено к концу IV-началу V в., поскольку в могильниках в самых поздних комплексах представлены вещи, датирующиеся этим временем. Однако это определение требует оценки в историческом аспекте. Наблюдения над монетными находками римского времени в Бужаке позволяют считать, что в V в. здесь постоянного населения не было. На поселении Холмское III найден клад из 93 однотипных серебряных монет императора Констанция II (337-

361). Время их эмиссии – 354 г. (Гудкова, Столярник 1985: 80). Монеты почти не находились в обращении. Клад знаменует момент гибели поселения и был зарыт немного времени спустя после выпуска монет. В междуречье Прута и Днестра поселение у с. Холмское не единственное, предел существования которого определяется подобными кладами. В 1951 г. на черняховском поселении у с. Будеи (Оргеевский р-н Молдавии) найден клад из 126 серебряных монет Констанция II (Нудельман, Рикман 1956: 143-147). Подобный клад из 21 серебряной монеты обнаружен в 1973 году на распаханном черняховском поселении возле г. Кишинева (Нудельман 1974: 191, № 8). Клад мелких бронзовых монет, включающий монеты Констанция II и датирующийся наиболее поздней монетой Юлиана II (361-363 гг.), происходит с черняховского поселения у с. Лукашевка (Оргеевский р-н) (Нудельман 1976: 53, № 6). Время правления Константина I и его преемников широко представлено монетными находками в Нижнем Подунавье. Это бронзовые и медные монеты Констанция II, обнаруженные в окрестностях г. Измаила (Карышковский 1976: 174, № 4, 2) и г. Килии (Кропоткин 1966: 89, № 92/1813), бронзовая монета с римского укрепления у с. Орловка Одесской обл. (Бондарь, Булатович 1982: 160, № 27). Девять монет императора Константина I и его сыновей найдены в Болградском р-не Одесской обл. в заполнении южного рва Нижнего Траянова вала (Федоров, 1960: 180.). Среди единичных находок в этом районе зарегистрирована медная монета Констанция II (Карышковский 1963: 62, № 3). В Придунайской степи, в частности в Саратовском (Кропоткин 1961: 70, №765) и Татарбунарском (Карышковский 1976: 174, № 7) районах Одесской области и в Вулканештском районе Молдавии (Кропоткин 1966: 95, № 174) так же зарегистрированы отдельные экземпляры монет Констанция II. Следует отметить, что среди единичных монетных находок IV в. – 42,2 % приходится на монеты Констанция II (Нудельман, 1982: 131, 132). После третьей четверти IV в. в Бужаке наступает безмонетный период. В сопоставлении со временем образования кладов такое явление, несомненно, указывает на крупный военно-политический катаклизм, в результате которого прекратилась жизнь черняховских поселений и вообще исчезло оседлое население в этом районе. Таковым могло быть гуннское нашествие. Изложенное явно противоречит утверждению В.П.Петрова, который, опираясь на сведения Иордана, полагал, что «гуннское вторжение ограничилось в 375 г. непосредственно Крымом» и не привело к уничтожению черняховской культуры (1970: 69). Если в лесостепи, и особенно в ее северной зоне, часть черняховских поселений пережила гуннское время (Баран 1981: 146-151), то в причерноморских степях после гуннского нашествия оседлого населения не сохранилось.

* * *

Попытаемся конспективно охарактеризовать исторический процесс, происходивший в Северо-Западном Причерноморье в I-IV вв. н.э. Изучение исторических источников и их сопоставление со сведениями древних авторов позволяет составить более или менее связную картину исторического развития региона. Оно непосредственно связано с процессами, протекавшими во всей Восточной Европе. История ее центра и юга в последних веках до нашей эры характеризуется сложением новой этно-культурной ситуации. В это время закрепляются изменения, произошедшие в III – начале II в. до н.э. На огромной территории от Балтийского моря до Черного и от Вислы до Дона складывается та картина, которая отражена для конца II-I вв. до н.э. в этнокарте Страбона. Возникает новое историко-географическое понятие «Европейская Сарматия». Мир кочевых скифов был разгромлен вторгшимися из-за Дона сарматами. В начале нашей эры они появляются в низовьях Дуная, где их знают Овидий и Плиний.

В Восточной Европе сформировались крупные массивы населения, известные почти исключительно по археологическим данным как носители культур пшеворской, оксывской, зарубинецкой и поянешть-лукашевской. В сложении облика большинства из них заметную роль сыграло продвижение на восток кельтов, затухающее к рубежу нашей эры. С этого времени начинают разворачиваться большие культурные и этнические изменения, которые предваряют (и в известной степени подготавливают) великое переселение народов и выход на историческую арену славян. Вторжение сарматов в причерноморские степи и лесостепь Восточной Европы привело к большим изменениям. После крушения Великой Скифии кочевники-скифы отступили в Крым и за Дунай, а значительная часть оседлого населения сохранилась в местах своего обитания и продолжала играть в первых веках нашей эры важную роль в жизни Причерноморья. Превращение поселений на Нижнем Днепре в цепь крупных укреплений, представлявших, скорей всего, единую систему, позволило позднескифскому населению длительное время выдерживать сарматское окружение и продлить свое существование как этнокультурного единства на полтысячи лет.

О драматизме и упорстве борьбы свидетельствует неодновременность гибели городищ. Первыми прекращают свое существование северные, в то время как южные – доживают до первой половины II в. Видимо, часть позднескифского населения аккумулировалась под защитой Ольвийского государства на поселениях его хоры и на сельской округе Тиры. Возле Ольвии в I в. до н.э. возникают укрепленные поселения, в материальной культуре которых выражены позднескифские признаки. Другая часть скифов,

видимо, совсем ушла с насиженных мест. На это указывает появление скифских материалов и погребений на зарубинецких поселениях и могильниках. Если самая ранняя волна сарматов не оставила почти никаких следов в степи к западу от Днепра и известна в основном на Дунае, то уже в I-II вв. сарматы освоили эту территорию. Элементы сарматской материальной культуры проникли в античные города и поселения. Сарматы становятся частью местного населения. Эпизодическое проникновение сарматов на Правобережье Среднего Днепра началось, очевидно, еще до нашей эры, но в массе их памятники здесь появились в I в. н.э. Прямым следствием вторжения сарматов оказалось исчезновение в Среднем Поднепровье зарубинецких поселений.

Одновременно в раннеримское время начинается движение носителей пшеворской культуры из Верхнего Поднестровья и Западного Побужья на юг, юго-восток и восток до Днепра. Прекращение существования зарубинецкой группы в Припятском Полесье привело к расселению зарубинецких племен в Западную Волинь и Подолию. В результате всех этих миграций происходило перемещение населения на огромных территориях. Археологическим следствием этого явилось возникновение сплава культуры пришельцев и аборигенов. «Мода» на отдельные вещи распространилась вне связи с культурной средой, их породившей. Возникли памятники с синкретическим обликом культуры. Таковы древности зубрицкой культуры (более раннее название – волыно-подольский вариант), типа Грини-Вовки. Возникшая со второй половины II в. тенденция унификации культуры в зарубинецко-пшеворском регионе была нарушена появлением на Волини носителей вельбаркской культуры. Произошло становление новых образований – черняховской культуры на базе позднезарубинецких, пшеворских, липицких компонентов, киевской культуры на основе позднезарубинецких, пшеворских и южновских. Во второй четверти I тыс. все эти явления оказали воздействие на исторические судьбы населения степного Причерноморья. Крупнейшим фактором в его истории была также Римская империя. В 70-х годах до н.э. римские легионы появились и очень быстро утвердились на Нижнем Дунае. Во II в. южная часть Причерноморья оказалась под прямым военным контролем Рима.

В первой четверти I тыс. н.э. степи между Днестром и Днепром представляли собой часть позднескифского мира, сохранившегося после крушения Великой Скифии также и в Крыму. Обитавшее здесь оседлое позднескифское население не представляло собой полного этнокультурного единства. Отдельные его территориальные группы заметно отличались этнографически. Взаимоотношения поздних скифов с кочевниками-сарматами носили сложный, часто далеко не мирный характер, хотя отмечает-

ся взаимопроникновение культур. Однако состояние источников не позволяет говорить о слиянии двух этнокультурных массивов и массовой седентеризации сарматов. В этом процессе надо учитывать два направления, значительно различающиеся по сути: проникновение сарматов в города и превращение их в земледельцев. Первый аспект нами не рассматривается. Для изучения второго – археологических данных на сегодня почти нет. Возможно, малое количество сарматских памятников в междуречье Днестра и Днестра указывает на то, что сарматское население не было здесь многочисленным. Основная масса кочевников могла аккумулироваться на западе степей, опираясь здесь в Карпаты и Нижнедунайский лимес.

Не вызывает сомнения, что для восточной части изучаемого региона экономическим, культурным и политическим центром была Ольвия и взаимоотношения с нею имели для всего населения этой зоны очень большое значение.

В Буджаке оседлого населения не было. Этой общей картины не нарушает существование на западном берегу Днестровского лимана позднекиевских поселений. В степи же известны только погребения сарматов. Захоронения I-II вв., впущенные в насыпи курганов первобытной эпохи, обычно единичны, разбросаны по степи и редко образуют могильники. Иной облик у памятников II-III вв., которые представляют собой значительные могильники со сложными формами погребального обряда и признаками социальной и имущественной дифференциации. Появляются сарматские курганы, ранее здесь практически не известные.

В начале III в., – точнее пока определить нельзя, – в междуречье Прута, Днестра и Дуная появляются веныды (этулийцы). Своим происхождением, традициями материальной и духовной, судя по погребальному обряду, культуры они связаны с той частью правобережной Украины, где в первых веках нашей эры происходило сложение памятников зубрицкой культуры и киевской культуры. Перемещение на юг части обитателей этой зоны, вероятно, связано с теми подвижками обитателей лесостепи, которые были вызваны появлением в конце II – начале III в. на Волыни носителей вельбаркской культуры. Памятники типа Этулия довольно пестры по деталям своих культурных характеристик, но присутствия вельбаркских черт на них не установлено. Ряд признаков указывает, что в среде этулийского населения происходили процессы, аналогичные тем, которые привели к образованию киевской культуры. Масштабы этих явлений мы не сравниваем. Видимо, оно включало и часть тех племен, основной массив которых создал позднее пражскую культуру. Сопоставление результатов археологических исследований и сведений Певтингеровых таблиц позволяет видеть в обитателях этулийских поселений группу венов III-IV вв. в низовьях Дуная.

Следует особо отметить, что население Буд-

жакской степи в конце II-IV вв. н.э. было очень неоднородным. Еще ждут изучения и интерпретации памятники, которые пока не могут быть безоговорочно отнесены к этулийским и не являются черняховскими. Не исключено, что при дальнейшем изучении и сами этулийские древности удастся разделить на группы с разными нюансами культурных черт. На это может указывать неоднородность керамического комплекса разных поселений и разнообразие форм жилищ. Культурная пестрота представляется вполне естественной для периода перемещения больших масс населения. Можно ожидать и выявления хронологической последовательности групп этулийских древностей.

В настоящей работе делается попытка развернутого анализа памятников типа Этулия. Изучение далеко не всех аспектов их генезиса и существования достаточно обеспечено археологическими материалами. Поэтому многие из высказанных суждений могут быть проблематичны и даже спорны. Они, безусловно, требуют дальнейшей разработки. Однако не вызывает сомнения и то, что эти памятники представляют собой явление, которое нельзя недооценить. Без его учета и интерпретации в настоящее время уже нельзя рассматривать культурные и этнические процессы в регионе.

Судя по массовости сарматских и этулийских памятников, в Буджаке возник плотный массив населения, находившийся во внутреннем равновесии и потому обладавший определенной устойчивостью. Элементом этого массива была Тира, оказавшаяся для этого района важным экономическим и культурным центром. Ее роль в качестве проводника римского влияния подкреплялась существованием на левом берегу Дуная в его низовьях военных опорных пунктов Римской империи и тем, что через Буджак проходила римская военная дорога. В число названных явлений, скорей всего, должен быть включен и южный Траянов Вал. Реальных данных о политической роли Тиры нет, но она, безусловно, была немалой.

Таким образом история восточной и западной части региона на первом этапе его развития в первой четверти I тыс. н.э. шла сходным образом по пути развития оседлого населения и его сосуществования, мирного и не мирного, с сарматами, при наличии крупного античного центра в каждом районе. Различие заключалось в этнокультурном составе земледельцев и, возможно, большем количестве кочевников в Буджаке.

В конце II – начале III в. в Прибалтике и центральной части Восточной Европы произошли события, отразившиеся позднее на истории Причерноморья. Двинулись на юг готы. Их взаимодействие по пути следования с различным местным населением могло быть разным, но неминуемо сопровождалось в большей или меньшей мере интеграцией носителей различных культур. В своем движении готы увлекли часть пшеворского населения. Это явление

было достаточно масштабным, поскольку пшеворские признаки видны в особенностях жилища, составе керамики и в погребальном обряде. Вельбаркско-цецельские памятники на Воляни появились уже с элементами пшеворской культуры. Показательно существование помимо собственно вельбаркских памятников (Любомль, Могиляны-Хмельник, Боратин I, поселения верховьев Ю.Буга и др.) и таких, в материалах которых сочетаются черты культуры пришельцев и черняховской (Великая Слобода II, Лепесовка, Викнины Великие и др.), уже существовавшей у местного населения лесостепи Днестро-Днепровского междуречья и верховьев Днестра и Западного Буга. Видимо, интеграция и смешение готов с местным населением по мере движения на юг были настолько сильными, что, хотя вельбаркская культура доживает до начала IV в., на юге в степи нет собственно вельбаркских памятников. Здесь элементы этой культуры присутствуют на части черняховских памятников, которые расположены по Бугу и в степном Поднепровье. Это отражает движение готов с северо-запада на юго-восток к Меотиде. Вместе с готами, а возможно, и независимо от них, на юге появляется и население, обитавшее в лесостепи Правобережной Украины. В Прутско-Днестровское междуречье готы попали, скорее всего, через средний Днестр, где известны их поселения (например, Великая Слобода), отсутствующие в его верховьях.

Итак, с 30-х годов III в. в Причерноморье появляется значительная масса пришлого населения, известного под общим названием «готы». Их переселение было составной частью сложного процесса внутреннего развития мира варварских племен, приведшего к их движению на юг и столкновению с Римом. Другая сторона возникшей исторической ситуации – глубокий социально-экономический кризис Римской империи. Начался второй этап развития региона, представляющий собой полувековой период войн, в которые было втянуто все население Причерноморья. В результате в его развитии произошли кардинальные изменения.

Вторжение готов нарушило ход жизни поздних скифов. Они исчезли как самостоятельное этнокультурное явление. Но, по крайней мере, часть их сохранилась физически и оказалась передатчиком культурной традиции в новых условиях и хранителем антропологического типа. Нет основания предполагать полное исчезновение сарматов только на том основании, что они не упоминаются в источниках. Присутствие в черняховской культуре юга мощного пласта сарматских традиций свидетельствует о противоположном. Плотная заселенность Причерноморья явилась причиной того, что готы не образовали здесь не только обособленного вельбаркско-пшеворского массива, но и не смогли создать отдельных поселений. В Буджакской степи вообще не наблюдается их расселения. Очевидно, здесь имело место такое же явле-

ние, как и в верховьях Днестра, куда носители вельбаркской культуры не проникли из-за высокой плотности местного населения. Готы появились в лесостепном междуречье Днестра и Прута, где обитали кочевники-сарматы, но пока ничего не известно о существовании здесь значительного оседлого населения первых веков нашей эры. В Северо-Западном Причерноморье собственно готы как вельбарцы не стали ведущим этно-культурным компонентом. Судя по данным археологии, в состав «соседних скифов» и «грейтунгов» входило большое количество неготского в прямом этническом смысле населения. Сохранение же готских этнонимов, скорее всего, объясняется политической ролью пришельцев, обладавших сложившейся во время переселений военно-потестарной организацией, которая смогла обеспечить им руководящую роль в войнах с Римом.

Важнейшим следствием напора варваров оказалось уничтожение Ольвии и Тире. Хотя жизнь в Тире и продолжалась в последующее время, она уже не играла роли античного города для окружающего варварского населения. Ольвия, хотя и восстановилась как античный населенный пункт, прежнего своего значения и влияния тоже уже не имела.

В среде многокомпонентного варварского населения в период войн приобрел свои характерные черты степной вариант черняховской культуры. Ее суперстратом здесь были сарматы и поздние скифы, интегрировавшиеся с пришельцами, уже весьма синкретическими к этому времени. Степной вариант черняховской культуры в своих особенностях является продолжением и развитием совокупного культурного наследия всех этих племен и народов, а не одного какого-либо компонента. Этот процесс мы понимаем как суперстратный и полагаем, что он протекал в среде носителей уже сложившейся черняховской культуры, распространившейся на юг из лесостепи. Трудно оценить значение каждого из названных компонентов. Ясно лишь, что собственно готский (германский) не был здесь в сфере материальной культуры ведущим. Широкое распространение элементов провинциально-римской культуры играло роль объединяющего и нивелирующего начала. Истоки ее распространения в среде черняховского населения степей многообразны. Причерноморская античная традиция в определенной мере была сохранена позднескифским населением, отдельные группы которого обладали довольно высокой степенью эллинизации. Роль сарматов в этом отношении значительно меньше, но и в их быт в предшествующее время проникли античные влияния. Кроме того, весь конгломерат причерноморских варваров за время «скифских» войн в течение почти полувека, что равно жизни двух поколений, постоянно сталкивался с бытом населения римских провинций, со всей совокупностью материального воплощения античной цивилизации. Все это привело к

сложению единства материальной культуры. Однако абсолютизировать степень этого единства не следует.

В последних десятилетиях III в. и в IV в. вплоть до появления гуннов происходит мирное развитие и расцвет черняховской культуры, характеризующие третий этап эволюции региона. Возможно, – но это только лишь предположение, – именно черняховское население степей Северо-Западного Причерноморья античные авторы знали под именем греитунгов. Степные черняховские памятники представляют собой вариант культуры, особенности которого определяются структурой ее местного суперстрата. Вариант распадается на территориальные группы, которым свойственно определенное своеобразие. Обособляется Буджакская группа. От нее отличаются памятники междуречья Днестра и Буга. Вероятно, в междуречье Днестра и Буга существовала третья территориальная группа, и в нее входят памятники Побужья. Совершенно очевидно отличие степного варианта от древностей Молдавской лесостепи.

Около середины IV в. в Буджакской степи исчезают памятники алан, и район заселяют черняховские племена, пришедшие из степей к востоку от Днестра и из лесостепной Молдавии. Трудно не поставить эти два события во взаимосвязь. Характер могильника в Беленьком, материалы поселения Дракуля позволяют предположить, что часть алан влилась в черняховское население Буджака. Нельзя исключить однако, что другая часть алан ушла с этой территории. Этулийское же население постепенно ассимилировалось черняховским. Отсутствие черт вельбаркской культуры, возможно, свидетельствует о том, что к этому времени они в значительной мере уже изжились. Черняховское население степей не является прямым продолжением готов. В этом отношении чрезвычайно показательны, что засвидетельствованное источниками существование топонима «Готия» на восточном берегу Черного моря, в Крыму и в Добрудже, связано с районами, не входившими в ареал черняховской культуры. Может быть, это указывает на то, что были готы, которые не вошли в черняховскую культуру, и именно они и воспринимались как собственно готы.

Для изучения формирования степного варианта черняховской культуры актуален вопрос о роли в его суперстрате гето-дакийского населения. В первой четверти тысячелетия, то есть до периода готских (скифских) войн, в Тире, в Ольвии и на позднескифских поселениях и городи-

щах была довольно широко распространена керамика фракийского происхождения и фиксируется ряд элементов духовной культуры (в материальном воплощении, конечно) того же происхождения. Распространение фракийских материалов в Причерноморье в это время традиционно связывают с походом Буребисты. Надо отметить, что отдельных гето-дакийских поселений нигде, кроме Орловки на Дунае, не известно. Даже в Буджаке соответствующие древности отсутствуют. Ко второй четверти тысячелетия происходит затухание этого явления. Во время существования черняховской культуры выразительные гето-дакийские материалы нигде не известны. Очевидно, прямой связи с дакийским миром через Буджак не было. В суперстрате степного варианта черняховской культуры, в отличие от культуры Сынтана де Муреш, дакийский элемент практически не фиксируется. Еще раз поясним нашу мысль. Речь идет не о тех фракийских элементах (мы их называем субстратными), которые вошли в черняховскую культуру во время ее сложения в лесостепи. Здесь рассматривается вторичное суперстратное появление фракийских признаков в эпоху стабилизации культуры в пределах ее степного варианта.

Существование на черняховских могильниках Причерноморья разных форм погребений показывает, что полного слияния и нивелировки компонентов культуры не произошло. Очевидно, в одних и тех же поселениях жили люди, еще осознававшие особенности своего происхождения и имевшие свои традиции. Возможность существования селищ со смешанным составом обитателей фиксируется и по материалам Пруто-Днестровского междуречья. Таким образом, выработка полного единства черняховского населения еще не состоялась.

Процесс развития этого единства был насильственно прерван вторжением гуннов. Вся историческая ситуация позволяет думать, что именно гунны в конце IV в. смели земледельческое население степей.

Проведенное в настоящей работе изучение основных этапов развития и поворотных моментов в истории оседлого населения степи юга Украины представляет собой попытку восстановления общего характера и направления исторического развития этого региона и может послужить базой для дальнейшего изучения восточноевропейского населения, непосредственно подтачивавшего Римскую империю и участвовавшего в ее уничтожении.

ЛИТЕРАТУРА

- Абашина Н.С., Гороховский Е.Л. 1975. Кераміка пізньозарубинецького поселення Обухів III. // Археологія. Т.18. С. 61-71.
- Абикулова М.И., Былкова В.П. 1985. Исследования городища Золотой Мыс // Проблемы исследования Ольвии. Тезисы докладов и сообщений семинара. Парутино. 1985. С. 5-6
- Абрамова М.П. 1961. Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н.э. — I в. н.э. // СА. №1. С. 91-110.
- Абрамова М.П. 1962. Взаимоотношения сарматов и населения позднескифских городищ Нижнего Днепра // МИА. №115. С. 274-283.
- Айбабин А.И. 1984. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского времени // СА. №1. С. 104-122.
- Алексеева Е.М. 1975. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г. 1-12. 104 с.
- Амброз А.К. 1966. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ Вып. Д. 1-30. 112с.
- Амброз А.К. 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. №2. С. 96-123.
- Аммиан Марцеллин. 1908. История. Перев. с латинск. Ю. Кулаковского и А. Сонни. К. 293 с.
- Арсеньева Т.М. 1965. Лепная керамика Танаиса // ДНД. М. С. 180-185.
- Арсеньева Т.М. 1969. Лепная керамика Танаиса // Античные древности Подонья-Приазовья. М. С. 173-285.
- Арсеньева Т.М. 1970. Могильник у деревни Новоотрадное // МИА. №155. С. 82-149.
- Арсеньева Т.М. 1977. Комплекс краснолаковых сосудов II в. н.э. из Танаиса // История и культура античного мира. М. С. 13-16.
- Арсеньева Т.М. 1977. Некрополь Танаиса. М. 152 с.
- Археология Украинской ССР 1986. К. Т.2. 592 с.
- Археология Украинской ССР 1986. К. Т.3. 576 с.
- Археологія Української РСР 1971. К. Т.2. 502 с.
- Археологія Української РСР 1975. Ранньослав'янський та давньоруський періоди. К. Т.3. 502 с.
- Бабенчиков В.П. 1957. Некрополь Неаполя Скифского // История и археология древнего Крыма. Вып. 1. С. 94-141.
- Бабенчиков В.П. 1963. Чорнорічанський могильник // АН УРСР. Т. XIII С.90-122.
- Бажан И.А., Гей О.А. 1992. Относительная хронология могильников черняховской культуры // Проблемы хронологии латена и римского времени. СПб. С. 122-257.
- Баран В.Д. 1961. До питання про ліпну кераміку культури полів поховань черняхівського типу у межиріччі Дністра і Західного Бугу // МДАПВ. К. Вип. 3. С. 77-87.
- Баран В.Д. 1970. Етнокультурні процеси у межиріччі Дніпра і Вісли в першій половині I тис. н.е. у світлі археологічних досліджень // УІЖ. №10 С. 44-51.
- Баран В.Д. 1971. Поселення черняхівського типу поблизу с. Дем'янів у Верхньому Подністров'ї // Археологія. Т.І. С. 103-113.
- Баран В.Д. 1974. Пам'ятки черняхівського типу на території Західної Волині та Верхнього Подністров'я (Історія вивчення) // Археологія. Т. 14. С.14-25.
- Баран В.Д. 1976. До питання про підгрунтя черняхівської культури // Дослідження з слов'янсько-руської археології. К. С. 49-64.
- Баран В.Д. 1978. Славяне в середине I тысячелетия н.э. // Проблемы этногенеза славян. К. С. 5-56.
- Баран В.Д. 1981. Черняхівська культура. За матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу. К. 263 с.
- Баран В.Д., Гороховский Е.Л., Магомедов Б.В. 1990. Черняховская культура и готская проблема. // Славяне и Русь (в западной историографии). К. С. 30-78.
- Барцева Т.Б., Вознесенская Т.А., Черных Е.Н. 1972. Металл черняховской культуры. М. 118с.
- Бейлекчи В.С. 1973. Полевой отчет о новостроечных работах в Суворовском районе МССР в 1973г. // НА ОЭИ АН МССР
- Белановська Т.Д. 1960. Розкопки поселення перших століть нашої ери в с. Дудчанах // АП УРСР. Т. IX. С.210-214.
- Белогорский А.А. 1965. Материалы обследования погребения черняховского времени II-III вв. н.э. в с. Васильевка Фрунзенского района Одесской области (1965 г.) // Архив ОАМ. №84159.
- Берлизов Н.Е. 1990. О соотношении позднескифских городищ и катакомбных могильников Нижнего Днепра // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. — V в. н.э.) Тезисы междунар. конф. К. С. 211-212.
- Бидзиля В.И., Болтрик Ю.В., Мозолевский Б.Н., Савовский И.П. 1977. Курганный могильник в урочище Носаки // Курганные могильники Рясные могилы и Носаки. К. С. 61-156.
- Бидзиля В.И., Пачкова С.П. 1969. Зарубинецкое поселение у с. Лютеж // МИА. №160. С. 51-74.
- Блаватская Т.В. 1981. Надгробие и алтарь из села Беленькое. // КСИА АН СССР №168, С. 50-57.
- Бломквист Е.Э., Галицкая О.А. 1967. Типы русского крестьянского жилища середины XIX — начала XX вв. // Русские. Историко-этнографический атлас. М. С. 131-165.
- Бобринский А.А. 1978. Гончарство Восточной Европы. М. 272с.
- Богданова Н.А., Гущина И.И. 1964. Раскопки первых веков нашей эры в Юго-Западном Крыму в 1960-1961 гг. // СА №1 С. 324-330.
- Богданова Н.О. 1963. Могильник I ст. до н.э. — III ст. н.э. біля с. Завітне Бахчисарайського р-ну // Археологія. Т. 15. С. 95-109.
- Болтоненко М.Ф. 1949. Полевой дневник. Раскопки в Викторовке в 1949г. // Архив ОАМ. №921-925.
- Бондарь Р.Д. 1973. Некоторые проблемы нижнедунайского лимеса // ВДИ №3. С. 144-159.
- Бондарь Р.Д., Булатович С.А. 1982. Находки римских монет в Орловке // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. К. С. 154-160.
- Борзаяк И.А. 1984. Раскопки кургана у с. Этулия в 1979 г. // Курганы в районе новостроек Молдавии. Кишинев С. 76-89.
- Брайчевская А.Т. 1955. Раскопки у с. Дудчаны в 1954 г. // КСИА АН УССР Вып.5 С. 49-50.
- Брайчевская А.Т. 1960. Черняховские памятники Надпорожья // МИА. №82. С. 148-191.
- Брайчевский М.Ю. 1960. Ромашки // МИА. №82. С. 100-147.
- Брайчевський М.Ю. 1964. Біля джерел слов'янської державності (соціально-економічний розвиток черняхівських племен). К. 355с.

- Брашинский И.Б. 1970. Опыт экономико-географического районирования античного Причерноморья // ВДИ №2. С. 129-137.
- Бреде К.А. 1960. Розкопки Гаврилівського городища рубежу нашої ери // АП УРСР. Т.9 С. 191-203.
- Бруяко И.В. 1994. Могильник Никония (доклад на заседании ученого совета САМ 4. 05. 1994).
- Буданова В.П. 1980. Готы и система представлений римских и византийских авторов о варварских народах // ВВ. Т.41. С. 141-152.
- Буданова В.П. 1982. Передвижение готов в Северном Причерноморье и на Балканах в III в. // ВДИ. №2. С. 155-174.
- Буданова В.П. 1990. Готы в эпоху Великого переселения народов. М. 232 с.
- Буйских С.Б. 1977. К изучению оборонительных сооружений Петуховского городища // Новые исследования археологических памятников на Украине. К. С. 83-96.
- Буйских С.Б. 1979. Новые материалы по фортификационной технике городищ ольвийской хоры первых веков н. э. // Памятники древней культуры Северного Причерноморья. К. С. 87-96.
- Буйских С.Б. 1984. Оборонительные сооружения Ольвийского государства первых веков нашей эры. Автореферат... кандидата исторических наук. К. 18с.
- Буйских С.Б. 1984. Основные элементы фортификации хоры Ольвии первых веков нашей эры. // Античная культура Северного Причерноморья. К. С. 189-201.
- Буйских С.Б., Бураков А.В. 1977. Античне городище на мису між Березанським та Сосицьким лиманами. // Археологія. Вип. 22. С. 79-90.
- Бураков А.В. 1962. Городище біля с. Козирки поблизу Ольвії // АП УРСР. Т. XI. С. 49-96.
- Бураков А.В. 1966. Известково-гипсовые карнизы и фрески Козырского городища. // Культура античного мира. М. С. 53-62.
- Бураков А.В. 1976. Козырские городища рубежа и первых столетий нашей эры. К. 158с.
- Бураков А.В. 1980. Раскопки городища Скелька. // АО 1979 г. М. С. 258.
- Бураков А.В. 1985. Сельская округа Ольвии в первые века нашей эры // Проблемы исследования Ольвии. Тезисы докладов и сообщений семинара. Парутино. С. 11-12.
- Бураков А.В., Буйских С.Б. 1979. Работы периферийного отряда ольвийской экспедиции. // АО 1978 г. М. 1979. С. 310.
- Вакуленко, 1977. Пам'ятки Підгір'я українських Карпат першої половини I тисячоліття н.е. К. С.140
- Васильев А.А. 1921. Готы в Крыму. // ИГАИМК. Т. I. С. 263-344.
- Веймарн Е.В. 1963. Археологічні роботи в районі Інкермана // АП УРСР Т. XIII. С. 15-89.
- Ветштейн В.И. 1967. Раскопки в центре римской цитадели Ольвии в 1965 г. // АИУ 1965-1966 гг. К. Вып. I С. 134-137.
- Ветштейн В.И. 1960. Розкопки внутрішньої лінії оборонних споруд Гаврилівського городища // АП УРСР. Т.9. С. 204-209.
- Виезжаев Р.И. 1960. Роботи на ділянці "Б" поселення в с. Золотій Балці // АП. Т. IX. С. 166-175.
- Виноградов Ю.А. 1993. Городище Станислав в первые века н.э. Древнее Причерноморье. // КСОГАМ. Одесса. С. 108-109.
- Винокур И.С. 1979. Ружичанский могильник // Могильники черняховской культуры. М. С. 112-135.
- Винокур И.С., Островский М.И. 1967. Раковецкий могильник // МИА. №139 С. 144-159.
- Воронов Ю.Н. 1979. Материальная культура Абхазии I тысячелетия н.э. // КСИА АН СССР. Вып. 159. С. 44-52.
- Вульпе Р. 1960. Верхний вал Бессарабии и проблема греитунгов к западу от Днестра // Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и РНР. Кишинев. С. 259-278.
- Высотская Т.Н. 1972. Поздние скифы в юго-западном Крыму. К. 192.
- Высотская Т.Н. 1979. Неаполь — столица государства поздних скифов. К. 206с.
- Вязьмитина М.И. 1955. Сарматское погребение у Ново-Филиповки // Вопросы скифско-сарматской археологии. М. С. 220-244.
- Вязьмитина М.И. 1969а. Культура населения Нижнего Днепра после распада единой Скифии // СА. №4. С. 62-77.
- Вязьмитина М.И. 1969б. Фракийские элементы в культуре населения Нижнего Днепра // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М. С.119-134.
- Вязьмитина М.И. 1972. Золотобалковский могильник. К. 190с.
- Вязьмитина М.И. 1986. Городища Нижнего Днепра. // Археология Украинской ССР. К. Т. 2. С. 223-240.
- Вязьмитина М.И. 1960. Поселення II-IV століть нашої ери в с.Дудчанах // АП УРСР Т IX. С.215-223.
- Вязьмитина М.И. 1962. Золота Балка. К. 240с.
- Вязьмитина М.И. 1971. Пізньоскіфські городища Нижнього Дніпра. // Археологія Української РСР. К. Т. II. С. 215-244.
- Гаврилюк Н.А. 1991. "Малая Скифия" на Нижнем Днепре. // Древнее Причерноморье. II чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Одесса. С. 10-22.
- Гаврилюк Н.А., Абикулова М.И., 1991. Позднескифские памятники Нижнего Поднепровья (новые материалы). К. Вып I. 48 с; Вып. II. 47 с.
- Гайдукевич В.Ф. 1949. Боспорское царство. М.-Л. 622с.
- Гайдукевич В.Ф. 1951. Новые исследования Илурата // КСИИМК. Вып. 37. С. 196-211.
- Гайдукевич В.Ф. 1958. Илурат // МИА №85. С. 9-148.
- Гайдукевич В.Ф. 1963. Керамический комплекс II века н.э. из Мирмекия // КСИА АН СССР. Вып. 95. С. 25-32.
- Гей О.А. 1980а. Черняховские памятники Северного Причерноморья // СА, №2. С. 45-50.
- Гей О.А. 1980б. Середньодніпровська і північнопричорноморська зони черняхівської культури /за матеріалами поховального обряду // Археологія. Т.34. С.35-52.
- Гей О.А. 1985а. Черняховская культура и скифско-сарматский мир. Автореферат ... кандидата исторических наук. М. 22с.
- Гей О.А. 1985б. Скифсько-сарматські елементи в могильниках черняхівської культури в межиріччі Дніпра та Дністра // Археологія. Т. 50. С. 27-35.
- Гей О.А. 1986. О времени возникновения черняховской культуры в Северном Причерноморье // СА №1 С.77-86.
- Гей О.А. 1987а. Новые раскопки могильника Красный Маяк. // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тез. докл. М. С. 73-74.
- Гей О.А. 1987б. Погребальный обряд поздних скифов на Нижнем Днепре // СА №3. С.53-67.
- Гей О.А. 1993. Черняховская культура. Происхождение и этнический состав. // Славяне и их соседи в I тысячелетии до н.э. — первой половине I тысячелетия н.э. М. С. 162-170.

- Гей О.А. 1993а. Черняховская культура. Хронология. // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. — первой половине I тысячелетия н.э. М. С. 146-155.
- Гей О.А., Бажан И.А. 1993. Захоронение с комплексом вещей круга эмалей на Нижнем Днепре. // ПАВ. СПб. №3. С. 52-59.
- Гершкович Я.П., 1993. Сабатиновская культура Нижнего Поднепровья и северо-западного Приазовья. Канд. дисс. К.
- Головки И.Д., Бондарь Р.Д., Загинаило А.Г. 1965. Археологические исследования у с. Орловка Одесской области // КСОГАМ за 1963 г. Одесса. С. 68-80.
- Гончаров В.К. 1955. Могильник культуры полей погребений у г. Переяслава-Хмельницкого // КСИА АН УССР. Вып. 4. С. 37-39.
- Гончаров В.К., Махно Е.В. 1957. Могильник черняховского типа біля Переяслава-Хмельницького // Археологія. Т. XI. С. 127-143.
- Гороховский Е.Л. 1981. Периодизация массовых категорий ювелирных украшений черняховских памятников Поднепровья и Побужья // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Тезисы докладов республиканской конференции молодых ученых. К. 1981. С.93.
- Гороховский Е.Л. 1982а. О группе фибул с выемчатой эмалью из Среднего Поднепровья. // Новые памятники древней и средневековой культуры. К. С. 115-150.
- Гороховский Е.Л. 1982б. Підковообразні фібули Середнього Подніпров'я з виїмчатою эмаллю. // Археологія. № 38. С. 16-35.
- Гороховский Е.Л. 1985. Хронология могильников черняховской культуры // Тезисы докладов советской делегации на V международном конгрессе славянской археологии. М. С. 21-22.
- Гороховский Е.Л. 1988. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины. // Тр. междунар. конгр. археологов-славистов. К. С. 34-46.
- Гороховский Е.Л. и др 1985. Гороховский Е.Л., Зубар В.М., Гаврилюк Н.О. Про пізню дату деяких античних городищ Ольвійської хори // Археологія. Т. 49. С. 25-40.
- Горюнов Е.А. 1981. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л. 135с.
- Гошкевич В.И. 1913. Древние городища на берегах низового Днепра // ИАК. СПб. Вып. 47. С. 117-145.
- Граков Б.Н. 1954. Каменское городище на Днепре // МИА №36. 240с.
- Грацианская Н.К. 1973. К типологии традиционного народного жилища в украинских Карпатах в XIX — начале XX века. // СЭ. №1. С. 25-37.
- Гребенников, и др. 1982. Гребенников Ю.С., Гребенников Б.В. Черняховские могильники западного побережья Бугского лимана // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. К. С. 136-149.
- Гросу В.И. 1982. Периодизация памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья // АИМ (1977-1978 гг.). Кишинев. С. 4-27.
- Гудкова А.В. 1971. Отчет об археологической разведке по р. Барабой в Овидиопольском и Беляевском районах Одесской области в 1970-1971 гг. // Архив ОАМ. №85691.
- Гудкова А.В. 1972а. Отчет об археологической разведке нижней части системы рек Большой и Малой Свинной на западном берегу Хаджибейского лимана в 1971-1972гг. // Архив ОАМ. №85692.
- Гудкова А.В. 1973. Отчет об археологических разведках в Арцизском и Белгород-Днестровском р-нах Одесской области // НА ИА АН УССР. №1973/78
- Гудкова А.В. 1974. Отчет о раскопках поселения черняховского типа Фурмановка I и разведках в Саратском районе Одесской области // НА ИА АН УССР. №1974/69.
- Гудкова А.В. 1976. К истории культурной атрибуции памятников черняховского типа степной зоны СССР // МАСП. Вып. 8. С. 119-131.
- Гудкова А.В. 1976а. Поселение и могильник римского времени Молога II // АО 1975г. М. С. 319.
- Гудкова А.В. 1977. Раскопки поселения и могильника римского времени Молога II // АО 1976г. М. С.285.
- Гудкова А.В. 1979. Классификация сероглиняной столовой керамики Тиры II-IV вв. н.э. // Античная Тира и средневековый Белгород. К. С. 99-114.
- Гудкова А.В. 1986. Об одном типе каменных домов на причерноморских черняховских поселениях // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. К. С. 161-177.
- Гудкова А.В. 1986а. Орнаментация черняховской сероглиняной керамики с памятников Буджака // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. К. С. 143-159.
- Гудкова А.В. 1987. Могильник IV в. н.э. в с. Беленькое // Новые исследования по археологии Северного Причерноморья. К. С. 56-66.
- Гудкова А.В. 1987. Оседлое население Северо-Западного Причерноморья в первой половине I тыс. н.э. Автореф. докт. дисс. К. 30 с.
- Гудкова А.В. 1987. Полевой отчет о работе Одесской экспедиции по "Своду" в 1965 г. // НА ИА АН УССР. №1987.
- Гудкова А.В. 1989. О классификации памятников III-IV вв. н.э. в Днепро-Дунайской степи. // Археологические памятники степей Поднепровья и Подунавья. К. С. 34-45.
- Гудкова А.В. 1990а. Группа венедов в низовьях Дуная. VI междунар. конгр. славянской археологии. Тез. докл. советской делегации. М. С. 20-23.
- Гудкова А.В. 1991. Сероглиняная керамика Козырского городища. // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон. С. 122-131.
- Гудкова А.В. 1991а. Черняховские памятники Буджакской степи. // Древности Юго-Запада СССР. Кишинев. С. 64-84.
- Гудкова А.В. 1991б. К изучению позднейшего периода черняховской культуры. // Этнокультурные и этносоциальные процессы в конце I тыс до н.э. — первой половине I тыс. н.э. на юго-запада СССР и в сопредельных регионах. Тез. выст. на III сессии школы-семинара. Кишинев. С. 117-119.
- Гудкова А.В. 1991в. Могильник черняховской культуры Нагорное II. // Археология и история нижнего Подунавья. Материалы научно-практической конф. Рени. С. 45-47.
- Гудкова А.В. и др. 1979. Гудкова А.В., Клейман И.Б., Сон Н.А. Раскопки позднеантичной Тиры // Проблемы античной истории и культуры (доклады XIV МКАСС "Эйрене"). Ереван. Т. II С.284-290.
- Гудкова А.В. и др. 1980. Гудкова А.В., Добролюбский А.О., Тощев Г.Н., Фокеев М.М. Отчет о работе Измаильской экспедиции ИА АН УССР в 1980 году. // Архив ОАМ. №88252.
- Гудкова А.В. и др. 1981а. Гудкова А.В., Добролюбский А.О., Тощев Г.Н., Фокеев М.М. Отчет о работе Измаильской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1981 году. // Архив ОАМ. №88255.
- Гудкова А.В. и др. 1981б. Гудкова А.В., Малюкевич

- А.Е., Морозовская Т.В., Росохацкий А.А., Фокеев М.М. Полевой отчет Буджакской археологической экспедиции за 1981 г. // Архив ОАМ. №88250.
- Гудкова А.В. и др. 1983. Гудкова А.В., Охотников С.Б., Субботин Л.В., Черняков И.Т. Справочник археологических памятников Одесской области. // (Архив ОАМ №84338.)
- Гудкова А.В. и др. 1983. Гудкова А.В., Суничук Е.Ф., Тощев Г.Н., Фокеев М.М., Полевой отчет о работе Измаильской новостроечной экспедиции за 1983 г. // Архив ОАМ. №81989.
- Гудкова А.В. и др. 1984. Гудкова А.В., Суничук Е.Ф., Тощев Г.Н., Фокеев М.М., Андрух С.И. Полевой отчет Измаильской новостроечной экспедиции за 1984г. // Архив ОАМ. №81990.
- Гудкова А.В., Бруяко И.В. 1997. Лепная керамика римского времени из Никония. // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса. С. 72-76.
- Гудкова А.В., Крапивина В.В. 1979. Сероглиняная гончарная керамика Ольвии первых веков нашей эры. Проблемы исследования Ольвии // Тезисы докладов и сообщений семинара. Парутино. С. 21-22.
- Гудкова А.В., Крапивина В.В. 1988. Сероглиняная гончарная керамика Ольвии первых веков нашей эры. // Античные древности Северного Причерноморья. К. С. 82-103.
- Гудкова А.В., Крапивина В.В. 1990. Сероглиняная керамика Тирь, Ольвии и памятников черняховской культуры. К. 48 с.
- Гудкова А.В., Малюкевич А.Е. 1994. Варварская сероглиняная гончарная керамика на поселениях Нижнего Поднестровья (I-III вв.). // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. — V в. н.э. Материалы междунар. археол. конф. Тирасполь. С. 251-232.
- Гудкова А.В., Новицкий Е.Ю. 1976. Отчет о разведках в Тарутинском районе Одесской области в 1976 г. // Архив ОАМ. №74487.
- Гудкова А.В., Руссова А.В. 1980. Металлические украшения из могильника римского времени Молога II // Исследования по античной археологии юго-запада Украинской ССР. К. С. 122-135.
- Гудкова А.В., Столярик Е.С. 1985. Комплекс позднеантичных памятников у с. Холмское Одесской области // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. К. С.78-85.
- Гудкова А.В., Субботин Л.В. 1971. Отчет об археологических раскопках на поселении Нагорное II в 1971г. // Архив ОАМ. №86186
- Гудкова А.В., Фокеев М.М. 1982. Поселение и могильник римского времени Молога II // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. К. С. 55-113.
- Гудкова А.В., Фокеев М.М. 1984а. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I-IV вв. н.э. К. 118с.
- Гудкова А.В., Фокеев М.М. 1984б. Поселения первой половины I тыс. н.э. на степной речке Дракуля (низовья Дуная) // Северное Причерноморье. К. С. 67-73.
- Гудкова А.В., Фокеев М.М. 1992. Сармати і черняхівська культура в Буджакському степу. // Археологія південного заходу України. К. С. 93-99.
- Гудкова А.В., Черняков И.Т. 1977. Полевой отчет Измаильской новостроечной экспедиции за 1977г. // НА ИА АН УССР. №1977/21.
- Гудкова О.В. 1972. Розвідка берегів озера Китай // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. К. Вип. IV. С. 357-362.
- Гудкова О.В. 1983. Поселення перших століть нашої ери в степах Північно-Західного Причорномор'я // Археологія. Т. 42. С. 3-10.
- Гушина И.И. 1973. О результатах исследования нового могильника I-II вв. н.э. в юго-западном Крыму // КСИА АН СССР. Вып. 133. С. 80-85.
- Гушина И.И. 1974. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников). // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М. С. 32-64.
- Дашевская О.Д. 1951. Земляной склеп в некрополе Неаполя Скифского // ВДИ. №2 С. 131-135.
- Дашевская О.Д. 1989. Поздние скифы (III в. до н.э. — III в. н.э.) в европейской части СССР в скифо-сарматское время. // Археология СССР. М, С. 125-145.
- Дзиговский А.Р. 1981. Сарматские памятники II-III вв. н.э. в низовьях Днестра // Древности Северо-Западного Причерноморья. К. С. 116-125.
- Дзис-Райко Г.А. 1963. О некоторых итогах разведки левобережья низовьев Днестра и Днестровского лимана // КСОГАМ, 1961 года. Одесса. С. 40-46.
- Дмитров Л.Д. 1949. Белгород-Днестровская археологическая экспедиция Института археологии АН УССР // АП УССР. Т.2. С.39-52.
- Дмитров Л.Д. 1949. Отчет о работе Измаильской археологической экспедиции 1949г. // НА ИА АН УССР. №1949/19.
- Дмитров Л.Д., Зуц В.Л., Копилов Ф.В. 1961. Любимівське городище рубежу нашої ери // АП УРСР. Т. X. С. 78-100.
- Добровольський А.В. 1950. Землеробське поселення перших століть н.е. на р. Інгульці // Археологія. Т.III. С. 167-175.
- Добровольський А.В. 1960. Розкопки ділянок А і Г та могильника Золотобалківського поселення рубежу нашої ери в 1951 і 1952 роках // АП УРСР. Т. IX. С. 141-165.
- Довженко В.И., Линка Н.В. 1959. Раскопки раннеславянских поселений в нижнем течении р. Рось // МИА. №70. С. 102-113.
- Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н.э. // ВДИ. №1. С. 230-284.
- Дудкин В.П. 1971. Дипольно-осевое электропрофилрование в археологической разведке // МАСП. Одесса. Вып. 7. С. 5-21.
- Елагина Н.Г. 1953. Население Нижнего Поднепровья во II в. до н.э. — IV в. н.э. Автореферат ... кандидата исторических наук. М. 19с.
- Елагина Н.Г. 1958. Нижнее Поднепровье в эпоху позднескифского царства // Вестник МГУ, ист.-фил. Серия №4 С. 45-58.
- Ельницкий Л.А. 1961. Знания древних о северных странах. М. 224с.
- Есипенко А.Л. 1951. Петуховская оборонительная система. // КСИИМК. Вып.39. С.19-26.
- Журко А.И. 1983. Жилые сооружения племен черняховской культуры.— Автореферат ...кандидата исторических наук. 27 с.
- Журко А.И. 1984. К вопросу об углубленных жилищах черняховской культуры. // КСИА АН СССР Вып.178.С.51-55.
- Заверняев Ф.М. 1970. Зарубинецкие памятники Верхнего Подесенья // МИА. № 176 С.22-25.
- Загинайло А.Г. 1960. Монетные находки на Роксоланском городище (1957-1963 гг.) // МАСП. Вып.V. С.100-114
- Загинайло А.Г. 1972. Розкопки Роксоланського городища // АИУ в 1969-1972 гг. Вып.IV С.195-200.
- Загинайло А.Г. 1973. Отчет о раскопках Никонийской

- экспедиции в 1973г. // Архив ОАМ. №85169.
- Загинайло А.Г. 1974. Отчет об археологических разведках в Измаильском, Ренийском и Татарбунарском районах Одесской области в 1974 г. // Архив ОАМ. №74493, 74488, 74491.
- Загинайло А.Г. 1976. Работы скифо-античной экспедиции // АО 1975 года. М. 1976. С.323-324.
- Загинайло А.Г. 1977. Работы Никонийской экспедиции // АО 1976 года. М. С.293.
- Загинайло А.Г., Субботин Л.В. 1973. Отчет об археологических разведках в Беляевском, Овидиопольском и Болградском районах Одесской области в 1973г. // НА ИА АН УССР. №1973/60.
- Зеест И.Б. 1960. Керамическая тара Боспора // МИА. № 83. 180 с.
- Зильманович И.Д. 1967. Гончарные печи Луки-Врублевской // КСИА АН СССР. Вып.112. С.112-117.
- Зиневич Г.П. 1975. Очерки палеоантропологии Украины. М. 284 с.
- Ильюков Л.С. 1987. Курганные могильники в междуречье Сала и Маныча. // АО 1985 г. М. С.138.
- Иордан 1960. О происхождении и деяниях гетов. М. 436 с.
- Капошина С.И. 1956. О скифских элементах в культуре Ольвии // МИА. № 50. С.154-189.
- Капошина С.И. 1962. Раскопки Кобякова городища и его некрополя // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону. С.95-112.
- Каришковский П.О. 1962. З історії греко-скіфських відносин у північно-західному Причорномор'ї // АП. Т.ХІ. С.102-120.
- Каришковский П.О., Кожокару В.М., 1992. Сліди римського укріплення на Південно-східному узбережжі оз. Картал. // Археологія Південного Заходу України. К. С. 100-103.
- Каришковский П.О. 1962 а. О надписи из Викторовки // ВДИ. № 3. С.141-154.
- Каришковский П.О. 1962 б. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды // ВДИ. № 3. С.141-154.
- Каришковский П.О. 1963. Находки римских монет в Одесской области // КСОГАМ 1961 года. Одесса. С.60-67.
- Каришковский П.О. 1976. Находки античных и византийских монет в Одесской области // Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины. Киев-Одесса. С.172-177.
- Каришковский П.О. 1982. Ольвия и Рим // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. К. С.6-28.
- Каришковский П.О. 1985 а. Новые находки античных и византийских монет в степной части Прутско-Днестровского междуречья // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. К. С.180-183.
- Каришковский П.О. 1985 б. Новые данные по эпиграфике и просопографии Ольвии в первой половине II в.н.э. // Проблемы исследования Ольвии. Тезисы докладов и сообщения семинара. Парутино. С.34-35.
- Каришковский П.О., Клейман И.Б. 1985. Древний город Тира. К. 160 с.
- Каспарова К.В. 1969. Памятники рубежа нашей эры в Белорусском Полесье. Новые исследования могильников Велимичи II и Отвержичи I // Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej. Wrocław-Warszawa-Kraków, S.258-263.
- Каспарова К.В. 1972 Зарубинецкий могильник Велимичи II // АСГЭ. Вып.14. С.53-111.
- Каспарова К.В. 1976. Новые материалы могильника Отвержичи и некоторые вопросы относительной хронологии зарубинецкой культуры Полесья // АСГЭ. Вып.17. С.35-66.
- Каспарова К.В., Щукин М.Б. 1979. Могильник Могилыны-Хмельник в Ровенской области // ТГЭ. Т.ЧЧ.С.147-168.
- Кетрару Н.А. 1969. Археологические исследования в Кагульском р-не в 1958 г. // Далекое прошлое Молдавии. Кишинев, с.35-54.
- Кетрару Н.А., Рикман Э.А. 1960. Новые данные о памятниках первых веков нашей эры на территории Молдавии // Известия МФ АН СССР. № 4(70). С.3-21.
- Клейман И.Б. 1967. Отчет о командировке в Тарутинский р-н 5.9.1967г. // Архив ОАМ. №80848, 80849.
- Клейман И.Б. 1985. Фигурный сосуд из Тиры с подписью // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. К. С.59-62.
- Клейман И.Б., Ревенко К.І. Археологічні спостереження на західному березі Дністровського лиману // МАСП. Т.2. С.118-121.
- Книга регистрации. Книга регистрации результатов разведок в зоне новостроек МССР сектора новостроечных экспедиций отдела этнографии и искусствоведения АН МССР.
- Книпович Т.Н. 1952. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из раскопок Боспорской экспедиции 1935-1940 гг. // МИА. 825. С.289-326.
- Книпович Т.Н. 1956. Население Ольвии в VI-I вв. до н.э. по данным эпиграфических источников // МИА. № 50. С.119-153.
- Ковалевская В.Б. 1979. Поясные наборы Евразии IV-IX вв. Пряжки // САИ. Вып. Е.1-2. 58 с.
- Ковпаненко Г.Т. 1986. Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге. К. 150 с.
- Козак Д.Н. 1978 а. Пшеворская культура в междуречье Днестра и Западного Буга // Проблемы этногенеза славян. к. С.72-91.
- Козак Д.Н. 1978. Могильник початку нашої ери у с. Звенигород на Львівщині // Археологія Т.25. С.96-107.
- Козак Д.Н. 1983. Памятники рубежа первых веков нашей эры в Поднестровье и Западном Побужье // Славяне на Днестре и Дунае. К. С.77-105.
- Козак Д.Н. 1984 а. Поселение у с. Великая Слобода (к вопросу о памятниках вельбаркской культуры на Волыни и Подолии) // КСИА АН СССР. Вып.178. С.55-60.
- Козак Д.Н. 1984. Пшеворська культура в Верхньому Подністров'ї і Західному Побужжі. К. 95 с.
- Козак Д.Н. 1986. Культурный процесс на западной Волыни в первой половине I тыс. н.э. // Zachodnia strefa osadnictwa kultury czerniachowskiej. Lublin. S.45-69.
- Козак Д.Н. 1987. Поселение у с.Пасеки-Зубрецькие и некоторые вопросы культурного развития племен Поднестровья на рубеже и в первых веках нашей эры // Acta archaeologica carpatica. Т.ХХVI. S.176-208.
- Козак Д.Н. 1991. Етнокультурна історія Волині (I ст. н.е. — IV ст. н.е.). К. 173 с.
- Козак Д.Н., Журко О.І.1983. Поселення поблизу с. Велика Слобідка Пізньоримського часу в Середньому Подністров'ї // Археологія. Т.43. С.62-69.
- Козак Д.Н., Терпиловский Р.В. 1983. Этнокультурные связи племен северной Украины в первой половине I тыс. н.э. (к выделению праславянской культурной области) // Полесье и этногенез славян.

- М. С.20-22.
- Козак Д.Н., Терпиловский Р.В. 1986. Про культурно-історичний процес на території України в першій чверті I тис. н.э. // Археологія. Т.56. С.32-44.
- Кондукторова Т.С. 1958. Палеоантропологические материалы из могильника полей погребальных урн Херсонской области // Советская антропология. № 2. С.69-79.
- Кондукторова Т.С. 1972. Антропология древнего населения Украины М. 156 с.
- Кондукторова Т.С. 1979. Физический тип людей Нижнего Приднепровья. М. 128 с.
- Королюк В.Д. 1976. Перемещение славян в Подунавье и на Балканы (славяне и волохи в VI — сер.VII вв.) // Советское славяноведение № 6. С.43-54.
- Корпусова В.М. 1971. Біконічні посудини перших століть нашої ери з Причорномор'я // Археологія. Т.3. С.75-82.
- Корпусова В.М. 1973. Сільське населення пізньоантичного Боспору // Археологія. Т.3. С.27-45.
- Корпусова В.М. 1983. Некрополь Золотое. К. 183 с.
- Корсунский А.Р., Гюнтер Р. 1984. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение королевств (до середины VI в.) М. 255 с.
- Костенко В.И. 1983. Сарматские памятники Днепро-Донецкого междуречья III в. до н.э. — середины III в. н.э. Днепропетровск. 103 с.
- Кравченко А.А. 1967. Могильник черняховской культуры в селе Фрунзовка // МИА. № 139. С.160-164.
- Кравченко А.А., Кузменко В.И. 1959. Розвідки археологічних пам'яток по Кучурганській річній долині // МАСП. Одесса Вып.II. С.122-125.
- Кравченко Н.М. 1967 а. Косановский могильник (по материалам раскопок В.П.Петрова и Н.М.Кравченко в 1961-1964 гг.) // МИА. № 139. С.77-139.
- Кравченко Н.М. 1967 б. Памятники черняховского типа в Буджакской степи // АИУ 1965-1966 г. К. Вып.1. С.224-227.
- Кравченко Н.М. 1968. Отчет о работе черняховского отряда Днестро-Дунайской экспедиции ИА АН УССР в 1968 г. // НА ИА АН УССР №1968/196.
- Кравченко Н.М. 1970. К вопросу о происхождении некоторых типов обряда трупосожжения на черняховских могильниках // КСИА АН СССР. Вып.121. С.44-51.
- Кравченко Н.М. 1971 а. Работы черняховского отряда Днестро-Дунайской экспедиции // АИУ в 1968 г. К. Вып.III. С.40-43.
- Кравченко Н.М. 1971 б. К изучению памятников черняховского типа в степях Северо-Западного Причерноморья // МАСП. Вып.7. С.51-70.
- Кравченко Н.М., Абашина Н.С., Гороховский Е.Л. 1975. Новые памятники I тыс. н.э. в Киевском Поднепровье // Археология. Т.15 С.87-98.
- Кравченко Н.М., Гороховский Е.Л. 1979. О некоторых особенностях развития культуры населения Среднего Поднепровья в первой половине I тысячелетия нашей эры // СА. №2. С.51-69.
- Кравченко Н.М., Корпусова В.М. 1975. Деякі риси матеріальної культури Пізньоримської Тіри // Археологія. Т.18. С.20-42.
- Крапивина В.В. 1979. Орнаментація серолощеної кераміки римського времени из Ольвии // Памятники древних культур Северного Причерноморья. К. С.96-100.
- Крапивина В.В. 1993. Ольвия. Материальная культура I-IV в. н.э. К. 182 с.
- Криволап Г.И. 1972. Поховання римського часу з Тіри та її околиці // Археологічні дослідження на Україні 1969 р. К. Вып.IV. С.185.
- Кропоткин А.В. 1984. К вопросу о племенных центрах черняховской культуры // СА. № 3. С.35-47.
- Кропоткин В.В. 1961. Клады римских монет на территории СССР // САИ. Вып.Г4-4. 135 с.
- Кропоткин В.В. 1966. Новые находки римских монет в СССР // Нумизматика и эпиграфика. Т.6. С.74-102.
- Кропоткин В.В. 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе // САИ. Вып.Д.1-27. 278 с.
- Кропоткин В.В. 1971. Могильник черняховского типа в с. Ризино Черкасской обл. (К вопросу о происхождении черняховской культуры) // СА. № 4. С.225-229.
- Кропоткин В.В. 1978. Черняховская культура в Северном Причерноморье // Проблемы советской археологии. М. С.147-163.
- Кругликова И.Т. 1966. Боспор в позднеантичное время. М. 224 с.
- Кругликова И.Т. 1969. Некрополь поселения у дер. Семеновка // СА. № 1. С.98-119.
- Крыжицкий С.Д., Бураков А.В., Буйских С.Б., Отрешко В.М., Рубан В.В. 1980. К истории Ольвийской сельской округи // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. К. 1980. С.3-19.
- Крыжицкий С.Д. 1978. Основные объекты работ Ольвийской экспедиции и итоги изучения затопленной части Нижнего города Ольвии // АО 1977 года. М. С.342-343.
- Крыжицкий С.Д. 1982. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. К. 166 с.
- Крыжицкий С.Д., Бураков А.В. 1975. Опыт реконструкции жилых домов поселения первых веков нашей эры у с. Козырка. Ольвия. К. С. 192-219.
- Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В. 1989. Сельская округа Ольвии. К. 240 с.
- Крыжицкий С.Д., Клейман И.Б. 1979. Раскопки Тира в 1963 и в 1965-1976 гг. // Античная Тира и средневековый Белгород. К. С.19-54.
- Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М. 1990. Античные поселения нижнего Побужья (археологическая карта). К. 132 с.
- Крыкин С.М. 1993. Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М. 332 с.
- Кузменко В.И. 1957. Дневник археологической разведки в с. Верхний Куяльник в 1957 г. // Архив ОАМ. №71430.
- Кузменко В.И. 1976. Исследование римских слоев Никония // МАСП. Вып.8. С.218-224.
- Кузменко В.И., Левина Э.А., Секерская Н.М. 1975. Раскопки юго-западной части Никония // АО 1974 года. М. С.308.
- Кунина Н.З., Сорокина Н.П. 1972. Стекланные бальзамари Боспора // ТГЭ. Т.13. С.146-177.
- Кухаренко Ю.В. 1954. К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях (По данным погребального обряда) // СА. Т.XIX. С.111-120.
- Кухаренко Ю.В. 1955. Поселение и могильник полей погребений в с. Привольное // СА. Т.XXII. С.125-152.
- Кухаренко Ю.В. 1959 а. Распространение латинских вещей в Восточной Европе // СА. № 1. С.31-51.
- Кухаренко Ю.В. 1959 б. Чаплинский могильник // МИА. № 70. С.154-180.
- Кухаренко Ю.В. 1961. Памятники железного века на территории Полесья // САИ. М. вып. Д 1-29. 69 с.
- Кухаренко Ю.В. 1964. Зарубинецкая культура // САИ. Д 1-19. 68 с. + 20 табл.

- Кухаренко Ю.В. 1969. Археология Польши. М. 236 с.
- Кухаренко Ю.В. 1978. О так называемых зарубинецких памятниках Подолии // Проблемы советской археологии. М. С.142-146.
- Лапушнян В.Л. 1969. Отчет об охранных археологических раскопках поселения Кокоара III в 1969г. // НА ОЗИ АН МССР. №225. 17с.
- Латышев В.В. 1947. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947 – №1-4; 1948 – №1-4; 1949 – №1-4.
- Леви 1964. Итоги раскопок Ольвийского теменоса и агоры (1951-1960 гг.) // Ольвия. Теменос и агора. М. С.5-26.
- Магомедов Б.В. 1973. До навчання черняхівського гончарного посуду // Археологія. Т.12. С.80-87.
- Магомедов Б.В. 1977. О происхождении форм черняховской гончарной керамики // Новые исследования археологических памятников на Украине. К. С.111-113.
- Магомедов Б.В. 1978. Могильник Каменка-Анчерак в Николаевской области // Археологические исследования на Украине в 1978-1977 гг. Тезисы докладов XVII конференции ИА АН УССР. Ужгород. 1978. С.89-90.
- Магомедов Б.В. 1979 а. Могильник у городища Городок на Южном Буге // Памятники древних культур Северного Причерноморья. К. С.105-114.
- Магомедов Б.В. 1979 б. Каборга IV (раскопки 1973-1974 гг.) // Могильники черняховской культуры. М. С.29-63.
- Магомедов Б.В. 1980. Культурно-этнические компоненты черняховского населения Северо-Западного Причерноморья по данным погребального обряда // Славяне и Русь. К. С.78-88.
- Магомедов Б.В. 1981. Черняховские племена Северо-Западного Причерноморья. Автореферат ... кандидата исторических наук. К. 1981. 23 с.
- Магомедов Б.В. 1983 а. О культурно-хронологическом соотношении черняховских памятников Причерноморья и лесостепи // Славяне на Днестре и Дунае. К. С.135-155.
- Магомедов Б.В. 1983 б. Напівземлянки черняхівських поселень Причорномор'я // Археологія. Т.44. С.85-91.
- Магомедов Б.В. 1984. Черняховские памятники причерноморского типа // КСИА АН СССР. Вып.178. С.60-66.
- Магомедов Б.В. 1985. Ольвия и черняховская культура // Проблемы исследования Ольвии. Тезисы докладов и сообщений семинара. Парутино. С.47-49.
- Магомедов Б.В. 1987. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. К. 110 с.
- Магомедов Б.В. 1988. Черняховские памятники Южного Побужья. // ТР. МКАС. К. Т. 4. С. 144-148.
- Магомедов Б.В. 1991. Каменка-Анчекрак. Поселение черняховской культуры. К. 48 с.
- Магомедов Б.В., Гудим-Левкович А.Н. 1990. Поселение с каменным домостроительством у с. Луговое. // Тез. докл. юбил. конф. "Проблемы археологии Северного Причерноморья". Херсон. Ч.3. С. 3-4.
- Максимов Е.В. 1960. Памятники зарубинецкого типа в с. Суботове // КСИА АН УССР. Вып.9. С.29-42.
- Максимов Е.В. 1969. Новые зарубинецкие памятники в Среднем Поднепровье // МИА. № 160. С.39-45.
- Максимов Е.В. 1971. Зарубинецкие городища Пилипенкова гора // Археологія. Т.4. С.41-56.
- Максимов Е.В. 1972. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. К. 182 с.
- Максимов Е.В. 1978. Взаємовідносини зарубинецьких та степових племен Подніпров'я // Археологія Т. 28. с.45-54.
- Максимов Е.В. 1982. Зарубинецкая культура на территории УССР. К. 183 с.
- Максимов Е.В., Орлов Р.С. 1974. Поселение и могильник второй четверти I тыс. н.э. у с. Казаровичи близ Киева // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л. 1974. С.11-21.
- Малюкевич А.Е. 1988. Торговые связи поселений Нижнего Поднестровья в I-III вв. // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. Тез. докл. IV конф. молодых ученых ИА АН УССР. М. С. 61-62.
- Малюкевич А.Е. 1989. Культурные предметы из могильника Молога II. // Проблеми історії давнього населення Української РСР. Тези доп. К. С.137-139
- Малюкевич А.Е. 1989а. К вопросу о погребальном обряде могильника Молога. // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. обл. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. Б.Н. Гракова. Запорожье. Т. 1. С. 79-80.
- Малюкевич А.Е. 1990. Новые исследования на поселении Молога II // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. Тез. науч. конф. Белгород-Днестровский. С. 51-53.
- Малюкевич А.Е. 1991. О торговых контактах поселений нижнего Поднестровья в первые века нашей эры. // Северо-Западное Причерноморье — контактная зона древних культур. К. С 71 -82.
- Малюкевич А.Е. 1991а. Исследование поселения Веселое III // Тез. второй обл. историко-краевед. конф. Одесса. С. 125-127.
- Малюкевич А.Е. 1992а. Новый памятник позднескифской эпохи на берегах Днестровского лимана. // Киммерийцы и скифы. Тез. докл. конф. памяти А.И. Тереножкина. Мелитополь. С. 54-55.
- Малюкевич А.Е. 1992б. Феномен позднескифской культуры. Северо-Западное Причерноморье. // Ритмы культурогенеза. Тез. докл. семинара. Одесса. С. 52-54.
- Малюкевич А.Е. 1992в. Фракийский элемент в культуре позднескифского населения Днестровского лимана. // Археологический вестник. Запорожье. №3 С. 30-32.
- Малюкевич А.Е. 1994. Обряд паренталий Моложского могильника. // Древнее Причерноморье. КС ОАО. Одесса. С. 200-204.
- Малюкевич А.Е. 1994а. Комплекс погребально-поминальных тризн Моложского могильника. // Тез. докл. междунар. конф. "Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья". Запорожье. С. 119-121.
- Малюкевич А.Е. 1994б. Лепная керамика из поселения Веселое III. // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. V тыс. до н.э. — V в. н.э. Тез. междунар. археол. конф. Тирасполь. С. 253-254.
- Малюкевич А.Е. 1995. К вопросу о полуземляночных постройках Моложского некрополя. // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. Тез. докл. науч. конф. Белгород-Днестровский. С. 34-36.
- Маркова А.В. 1968. Типы сельского жилища Болгарии // Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. М. С.12-86.
- Маркова Л.В. 1974. О проявлении этнической специ-

- фики в материальной культуре болгар // СЭ. № 1. С.45-58.
- Марченко В.В. 1975. Лепная керамика Березани и Ольвии VII-VI в. до н.э. (по материалам раскопок 1963-1970 гг.) // Художественная культура и археология античного мира. М. С.157-165.
- Масленников А.А. 1980. Некрополи городов европейского Боспора первых веков н.э. // Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции "Проблемы античной истории и классической филологии" Харьков. С.77-78.
- Масленников А.А. 1990. Население Боспорского государства в первых веках н.э. М. 231 с.
- Материальная культура компактных этнических групп на Украине. Жилище. 1979. 188 с.
- Махно Є.В. 1949. Поселення культури "полів поховань" на північно-західному Правобережжі // АН УССР. Т.1. С.153-175.
- Махно Е.В. 1960. Памятники черняховской культуры на территории УССР (материалы к составлению археологической карты) // МИА. № 82. С.9-83.
- Махно Е.В. 1960. Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'яні. // АП. Т. IX. С. 14-38.
- Махно Є. В. 1961. Розкопки могильника і поселень поблизу с. Каїри // АН УССР. Т.Х. С.131-154.
- Махно Е.В. 1970 а. Об основных задачах картографирования черняховской культуры в связи с выделением локальных вариантов // КСИА АН СССР. Вып.121. С.60-64.
- Махно Є.В. 1970 б. Знову про локальні варіанти черняхівської культури // Археологія. Т.XXIV. С.49-58.
- Махно Є. В. 1971. Типи поховань та планування компаніївського могильника // Середні віки на Україні. К.Вип.1. С.87-95.
- Махно Є. В., Мізін В.А. 1961. Бериславське поселення та могильник перших століть нової ери // АН УССР. Т.Х. С.114-130.
- Мачинский Д.А. 1981. Миграция славян в I тыс. н.э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии) // Формирование раннеславянских феодальных народностей. М. С.51-81.
- Мачинский Д.А., Тиханова М.А. 1976. О местах обитания и направлениях движения славян I-VII вв. н.э. (по письменным и археологическим источникам) // Acta archaeologica carpatica. Т. XVI. С.59-94.
- Мелентьева Г.М. 1969. Ольвийский керамический комплекс первых веков н.э. // КСИА АН СССР. Вып. 116. С.23-29.
- Мельниковская О.Н. 1967. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М. 196 с.
- Мелюкова А.И. 1969. К вопросу о границе между скифами и гетами // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М. С.61-80.
- Мишулин А.В. 1939. Древние славяне и судьбы Восточноримской империи // ВДИ. № 1. С.290-307.
- Могильников В.А. 1974. Погребальный обряд культур III в. до н.э. – III в. н.э. в западной части Балтийского региона // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н.э. — I тысячелетии н.э. М. С.133-203.
- Монгайт А.Л. 1974. Археология Западной Европы. М. 408 с.
- Моринц С. 1959. Некоторые вопросы сарматского населения в Молдове и Мунтении в связи с фокшанским погребением. // Dacia.Т.III. P.451-471.
- Морозовская Т.В. 1985. Бронзовые пирамидальные колокольчики римского времени в археологических памятниках Северного Причерноморья. К. С.70-78.
- Мошкова М.Г. 1963. Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып.Д 1-10. 116 с.
- Муральт Э.Г. 1850. Древние поселения на северо-западном берегу Черного моря от Дуная до Буга // Записки Санкт-Петербургского археол.-нумизмат. о-ва. Т.2 С.129-146.
- Наливкина М.А.1965. Раскопки юго-восточного участка Танаиса (1960-1961) // ДНД. С.130-168.
- Нидерле Л. 1956. Славянские древности. М. 450с.
- Никитина Г.Ф. 1966. Классификация лепной керамики черняховской культуры // СА. 1966. №4. С. 70-85.
- Никитина Г.Ф. 1969. Гребни черняховской культуры // СА. № 1. С.147-159.
- Никитина Г.Ф. 1974. Погребальный обряд культур племен Средней Европы в I тысячелетии до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в первом тысячелетии до н.э. — первом тысячелетии н.э. М. С.5-132.
- Никитина Г.Ф. 1985. Систематика погребального обряда черняховской культуры М. 208 с.
- Никулицэ И.Т., Рикман Э.А. 1973. Могильник Ханска-Лутерия II первых столетий н.э. // КСИА АН СССР. Вып. 133. С.116-123.
- Нудельман А.А. 1974. Монеты из раскопок и сборов 1972-1973 гг. // АИМ (1973 г.). Кишинев. С.188-229.
- Нудельман А.А. 1976. Топография кладов и находок единичных монет // Археологическая карта Молдавии. Кишинев. Вып. 8. 196 с.
- Нудельман А.А. 1982. Римская монета в междуречье Днестра, Прута и Дуная // Нумизматика античного Причерноморья. К. С.125-133.
- Нудельман А.А., Рикман Э.А. 1956. Два клада и находки отдельных монет (римских и ранневизантийских) из Молдавии // Известия Молдавского филиала АН СССР. № 4/31/С.143-152.
- Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 1991. Среднее Поднепровье и Днепровский Левобережье в первые века нашей эры. М. 175 с.
- Охотников С.Б. 1978. Работы Надлиманского отряда Причерноморской экспедиции. // Архив ОАМ. №87708.
- Охотников С.Б. 1983. Археологическая карта нижнего Поднепровья в античную эпоху (VI-III вв. до н.э.) // Материалы по археологии Северного Причерноморья. К. С. 101-122.
- Охотников С.Б., Пасхина Е.П. 1979. Работы Надлиманского отряда // АО 1978 года. М. С.380-381.
- Паламарчук С.В. 1982. Поселение первых веков нашей эры Волчьей Балки // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев. 1982. С. 125-131.
- Патокова Э.Ф. 1960. Обследование Правобережья Южного Буга // ЗОАО.- Одесса. Т.1/34/. С.202-208.
- Патокова Э.Ф., Дзиговский А.Н., Зиньковский К.В. 1982. Сарматские погребения Маякского могильника // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. С.113-136.
- Пачкова С.П. 1972. Виготовлення кераміки у племен зарубінецької культури // Археологія. Т.5. С.30-40.
- Пачкова С.П. 1978. К вопросу о памятниках позднелатенского времени на Среднем Днестре // Проблемы этногенеза савян. С.57-72.
- Пачкова С.П. 1979. Урнове поховання в с. Гринчук на Середньому Дністрі // Археологія. Т.29. С.113-114.
- Пачкова С.П. 1984. Про культурну належність могиль-

- ника поблизу с. Долиняни на Північній Буковині // Археологія. Т.47. С.93-101.
- Пачкова С.П., Романовская М.А. 1983. Памятники Карпато-Днестровского региона конца I тыс. до н.э. // Славяне на Днестре и Дунае. С.48-77.
- Петерс Б.Г. 1976. Краснолаковая керамика из раскопок Михайловского поселения // КСИА АН ССР. Вып. 145. с.88-90.
- Петров В.П. 1961. До питання про ліпну кераміку з городищ Нижнього Подніпров'я II ст. до н.э. — II ст. н.э. // АП УРСР. Т.Х. С. 155-174.
- Петров В.П. 1962. Из этнонимии Северного Причерноморья // МАСП. Вып. IV. С. 227-234.
- Петров В.П. 1964а. Черняховский могильник // МИА. №116. С.53-117.
- Петров В.П. 1964б. Масловский могильник на р. Товмач // МИА. №116. С. 118-167.
- Петров В.П. 1970. Письменные источники о гуннах, антах и готах в Причерноморье // КСИА АН СССР. Вып.121. С.67-73.
- Пещерева Е.М. 1959. Гончарное производство Средней Азии // ТИЗ АН СССР, нов. сер. Т.42. 395с.
- Плетнева С.А. 1967. От кочевий к городам. М. 198с.
- Плиний Секунд Г. 1904. Естественная история // Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб. Т.II. Вып.1. С.273-317.
- Поболь Л.Д. 1966. Основные итоги изучения памятников позднего этапа зарубинецкой культуры в Белоруссии // Древности Белоруссии. Минск, С.206-217.
- Поболь Л.Д. 1969. Белорусское Поднепровье в I тыс. нашей эры // Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej. — Warszawa. Т.2. S.306-318.
- Поболь Л.Д. 1971. Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры). Минск. 232с.
- Поболь Л.Д. 1973. Славянские древности Белоруссии (могильники раннего этапа зарубинецкой культуры). Минск. 240с.
- Поболь Л.Д. 1974. Славянские древности Белоруссии (свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры с середины III в. до н.э. по начало II в. н.э.) Минск. 424с.
- Поболь Л.Д. 1983. Археологические памятники Белоруссии: железный век. Минск. 456с.
- Погребова Н.Н. 1958. Позднескифские городища на Нижнем Днепре (городища Знаменское и Гавриловское) // МИА №64 Т. С. 103-247.
- Погребова Н.Н. 1961. Погребения в Мавзолее Неаполя Скифского // МИА. №96. С.103-213.
- Погребова Н.Н., Кондрацкий Л.В. 1960. Археологические разведки в степях Тилигуло-Березанского района Николаевской области // КСИИМК. Вып.78. С.74-84.
- Рабинович М.Г. 1969. Древний ландшафт и жилище (о двух типах древнерусского жилища в Волго-Окском междуречье) // СЭ. №2. С.15-23.
- Раевский Д.С. 1971. Скифы и сарматы в Неаполе (по материалам некрополя) // МИА. №77. С.143-151.
- Раевский К.А. 1955. Наземные сооружения земледельцев междуречья Днепра-Днестра в I тыс. н.э. // СА. Т.ХХIII. С.250-276.
- Рафалович И.А. 1986. Данчаны. Могильник черняховской культуры, III-IVвв. — Кишинев, 1986. 230с.
- Ременников А.М. 1954. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке. М. 148с.
- Ременников А.М. 1964. Борьба племен Подунавья и Северного Причерноморья с Римом в 275-279 гг. // ВДИ. №4. С.131-138.
- Рикман Э.А. 1960. Жилища Будештского селища // МИА. №82. С.302-327.
- Рикман Э.А. 1960а. Раскопки у с. Будешты // Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и РНР. Кишинев. С.197-219.
- Рикман Э.А. 1962. К вопросу о "больших домах" на селищах черняховского типа // СЭ. №3 С.121-138.
- Рикман Э.А. 1966. Поздние сарматы Днестро-Дунайского междуречья // СЭ №1 С.68-88.
- Рикман Э.А. 1975а. Памятники сарматов и племен черняховской культуры. Кишинев. 167с.
- Рикман Э.А. 1975б. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М. 336с.
- Рикман Э.А. 1975в. Жилище племен черняховской культуры Днестро-Прутского междуречья // Древнее жилище народов Восточной Европы. М. С.50-87.
- Рикман Э.А. 1976а. Черняховское селище Делакеу (Молдавия) // МИА. №136. С.165-196.
- Рикман Э.А. 1976б. Памятник эпохи великого переселения народов (по раскопкам поселения и могильника черняховской культуры у села Будешты). Кишинев. 136с.
- Рикман Э.А. 1980. О начале расселения и этнических контактах славян на левобережье Нижнего Дуная // Тезисы докладов советской делегации на IV международном конгрессе славянской археологии. М. С.21.
- Романовская М.А. 1969. Об этнической принадлежности населения, оставившего памятники типа Лукашевка // МИА. №150 С.81-95.
- Росохацкий А.А. 1990. Некоторые итоги исследования могильника у с. Беленькое. // Тез. Докл юбил. Конф. "Проблемы археологии северного Причерноморья". Херсон, Ч. 3. С. 4.
- Росохацкий А.А. 1995. О выделении группы памятников черняховской культуры типа Беленькое в Северном Причерноморье. // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. Тез. Докл. Науч. Конф. Белгород-Днестровский. С. 47 50.
- Ростовцев М.И. 1925. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л. 622с.
- Рубан В.В., Буйских С.Б. 1976. Исследование в рочище Дідова Хата. // АО 1975г. М. С.386.
- Руссов Н.Д. 1982. Бусы из могильника Молога II // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. С.113-119.
- Руссов Н.Д. 1986. Геометрические орнаменты из циркульных окружностей на подвесках римского времени // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. С.134-142.
- Руссов Н.Д., Росохацкий А.А. 1981. Черняховские поселения и могильник в с. Первомайское // Древности Северо-Западного Причерноморья. С.126-130.
- Рыбаков Б.А. 1982. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М.590с.
- Рычков Н.А. 1982. Оценка представительности и характера распределения признаков погребальных памятников // Методологические и методические вопросы археологии. С.167-178.
- Сайко Э.В. 1982. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М. 212с.
- Салманович М.Я. 1947. Жилище коренного населения Молдавской ССР // СЭ. №4 С.209-223.
- Самойлова Т.Л. 1978. Основные типы амфор I-IVвв.

- н.э. из Тиры // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. С.254-267.
- Самойловский И.М. 1960. Субботовский могильник // КСИА АН УССР. Вып.9 С.93-95.
- Сегеда С.П., Дяченко В.Д. 1984. Антропологический материал из черняховского могильника у с. Холмское // Приложение в книге: Гудкова А.В., Фокеев М.М. Земледельцы и кочевники в Низовьях Дуная. С.94-105.
- Седов В.В. 1975. Славяне в римскую и ранневизантийскую эпоху // Тезисы докладов советской делегации на III международном конгрессе славянской археологии М. С.21-25.
- Седов В.В. 1976. Ранний период славянского этногенеза // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М. С. 68-108.
- Седов В.В. 1978. Скифо-сарматские элементы в погребальном обряде черняховской культуры // Вопросы древней и средневековой истории Восточной Европы М. С.99-107.
- Секерская Н.М. 1975. Раскопки юго-западной части Никония // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Тезисы докладов. С.112-113.
- Секерская Н.М. 1976. Раскопки Никония // АО 1975 года. М. С.392.
- Секерская Н.М. 1977. Раскопки Никония // АО 1976 года. М. С. 372.
- Секерская Н.М. 1978а. Результаты раскопок в западной части Никония // КСИА АН СССР. Вып.56. С.27-32.
- Секерская Н.М. 1978б. Погребения первых веков нашей эры из Никония // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. С.164-173.
- Секерская Н.М. 1984. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из Никония // Северное Причерноморье, С.129-135.
- Секерская Н.М. 1993. Работы Никонийской экспедиции в 1991 году. // АДУ. 1991 р. Луцьк. С. 112-113.
- Секерская Н.М. 1995. Новые данные по истории Нижнего Поднестровья в первые века н. э. // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. Белгород Днестровский. С. 57-59.
- Силантьева Л.Ф. 1958. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата // МИА. №85. С.283-311.
- Симоненко А.В. 1981. Сарматы в среднем Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья. С. 52-69.
- Симоненко А.В. 1985. Ольвия и сарматы // Проблемы исследования Ольвии. Тезисы докладов и сообщений семинара. Парутино. С.73-75.
- Синицын М.С. 1949а. Дослідження скифо-сарматських пам'яток під Одесою в 1946р. // ИЗОПИ №7. С. 149-156.
- Синицын М.С. 1949б. Дослідження скифо-сарматських пам'яток під Одесою в 1946 р. // АП УРСР. Т.П. С.149-156.
- Синицын М.С. 1950. Следы древних поселений скифо-сарматской эпохи между устьями Днестра и Буга // ИЗОПИ. Одесса. Т.IX. С.51-66.
- Синицын М.С. 1952. Городище у хутора Петуховка Очаковского района по раскопкам 1940, 1949 и 1950 гг. // ВДИ. №2. С.243-249.
- Синицын М.С. 1955. Карта поселень і городищ між гирлами Дністра і Південного Бугу скифсько-сарматського часу // ИЗОПИ Т.Х. С.33-61.
- Синицын М.С. 1959а. Матеріали до археологічної карти узбережжя Хаджебейського лиману, Одеської обл. // МАСП. Вып.2 С.135-150.
- Синицын М.С. 1959б. Петухівське городище // Праці ОДУ, серія істор. наук. Одеса. Вып.7 Т.19. С.13-34.
- Синицын М.С. 1960а. Раскопки Надлиманского и Роксоланского городищ в 1957-1958 г. // ЗОАО. Одесса. Т.1/34/. С.189-201.
- Синицын М.С. 1960б. Спроба локалізації її населення пунктів, згаданих древніми авторами між гирлами П.Бугу і Дністра // МАСП. Вип.3 С.7-24.
- Синицын М.С. 1966. Раскопки городища возле с. Роксоланы Бежяевского района Одесской области в 1957-1961гг. // МАСП. Вып. V. С.5-56.
- Сіськова Т. 1949. Попередній звіт про розкопки в с. Грушівка, Первомайського р-ну // АП УРСР. Т.І. С.184-187.
- Скржинская М.В. 1960. Комментарий к "Гетике" Иордана // Иордан. О происхождении и денях гетов. М. С.183-364.
- Скржинская М.В. 1977. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. 125с.
- Скрипкин А.С. 1977. Фибулы Нижнего Поволжья // СА. №2. С.100-120.
- Скрипкин А.С. 1981. К проблеме хронологии археологических памятников Азиатской Сарматии II-IVвв. // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев. С.73-87.
- Скрипкин А.С. 1984. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов. 150с.
- Славин Л.М. 1951. Отчет о работе Ингулеcko-Снигиревской экспедиции 1951г. // НА ИА АН УССР. №1951/7.
- Славин Л.М. 1952. Раскопки поселений и могильников на Ингульце в 1952 г. // НА ИА АН УССР. №1952/9.
- Славин Л.М. 1954. Поселения первых веков нашей эры на среднем и нижнем Ингульце // КСИА АН УССР. Вып.3. С. 49-59.
- Славин Л.М. 1955. Археологічні дослідження городищ, поселень та могильників ольвійського оточення у1949-1950 рр. // АП УРСР. Т.У. С.127-148.
- Славин Л.М. 1976. Некоторые итоги изучения Ольвийской хоры // Художественная культура и археология античного мира. М. С.180-186.
- Славин Л.М. 1952. Наслідки археологічних досліджень Ольвійської експедиції в 1947 і 1948 рр. // АП. С. 48-58.
- Славин Л.М., Бондар М.М. 1957. Розкопки Причорноморської археологічної експедиції КДУ 1956 року. // Науковий щорічник КДУ за 1956 р. К. 1957. С. 123-125.
- Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. М. 1993.
- Смиленко А.Т. 1970. К хронологии гончарной керамики черняховского типа // КСИА АН УРСР. Вып. 121. с.76-81.
- Сміленко А.Т. 1975. Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II-XIII ст.). К. 212с.
- Смиленко А.Т. 1979. Погребения у с. Башмачка // Могильники черняховской культуры. М. С.13-23.
- Смиленко А.Т. 1980. Славяне и их соседи в степном Поднепровье (история и культура населения во II-III вв.). - Автореферат... доктора исторических наук. 47с.
- Смиленко А.Т. 1984. Особенности памятников черняховской культуры Степного Поднепровья // КСИА АН СССР. Вып.178. С.69-73.
- Смиленко А.Т. 1990. Проникновение славян на левобережье Дуная. // VI междунар. конгресс слав. археологии. Тезисы докл. сов. делегации. М. С.

- 86-88.
- Смиленко А.Т., Брайчевский М.Ю. 1967. Черняховское поселение в селе Леськи близ города Черкассы // МИА. №139 С.35-61.
- Смиленко А.Т., Козловский А.А. 1986. Раскопки в Нижнем Подунавье // АО 1984 года М. С.308-309.
- Смирнов К.Ф. 1972. Сарматские катакомбные погребения южного Приуралья-Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. №1 С.73-81.
- Смирнова Г.И. 1981. Могильник типа Поянешты-Лукашевка у с. Долиняны на Буковине // СА. №3 С.193-206.
- Сон Н.А. 1986. К истории позднеантичной Тире // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. С.142-153.
- Сорокина Н.П. 1976. Позднеантичное стекло из Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. М. С.199-209.
- Сорокина Н.П., Дзиговский А.Н., Трейстер Ю.М., 1986. Бронзовое прямоугольное зеркало в орнаментированном футляре из сарматского погребения у с. Михайловка. // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. К. С. 124-134.
- Субботин Л.В. 1967. Археологическая разведка берегов р. Ташбунар // ЗОАО. Одесса. Т.П. С.235-248.
- Субботин Л.В., Черняков И.Т. 1971. Черняховский бескурганый могильник у с. Виноградовка // СА. №4 С.230-231.
- Суботін Л.В. 1968 Археологічна розвідка берегів оз. Кагул та р. Карасулак // Археологія. Т.ХХІ. С. 227-235.
- Суботін Л.В. 1972. Нові пам'ятки в пониззі Дунаю // Археологічні дослідження на Україні у 1969 р. К. Т. VI. С.362-368.
- Султов Б. 1976. Античные центры керамики в Нижней Мезии. София. 42с.
- Сушко В.И. 1966. Фауна // МАСП. Вып. V. С.142-149.
- Сымонович Э.А. 1952. Памятники черняхівської культури Нижнього Побужжя // Археологія Т.Х. С.150-153.
- Сымонович Э.А. 1955. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья // СА. Т.ХХIV. С.282-318.
- Сымонович Э.А. 1956а. О некоторых типах поселений первых веков н.э. в Северном Причерноморье // КСИИМК. Вып.65. С.131-135.
- Сымонович Э.А. 1956б. Глиняная тара для хранения запасов на поселениях черняховской культуры // СА. Т.ХХVI. С.262-270.
- Сымонович Э.А. 1957. Стеклянная посуда середины I тысячелетия нашей эры с Нижнего Днепра // КСИИМК. Вып. 69. С.22-30.
- Сымонович Э.А. 1958. К вопросу о раннечерняховских поселениях культуры полей погребения // СА. №1. С.248-252.
- Сымонович Э.А. 1959. Раннечерняховское поселение у с. Ломоватое на Днестре // КСИА АН СССР. Вып.8 С.55-59.
- Сымонович Э.А. 1960. Раскопки могильника у овчарни совхоза Приднепровского на нижнем Днестре // МИА. №82. с.192-238.
- Сымонович Э.А. 1960. Черняховское селище Бургунка на Нижнем Днестре // КСИА АН СССР. Вып.162. С.104-109.
- Сымонович Э.А. 1963. Итоги новых работ на могильнике Неаполя Скифского в Крыму // КСОГАМ за 1961 год. Одесса. С.32-40.
- Сымонович Э.А. 1964а. Стеклянные кубки III-IV вв. н.э. из Журавки // КСИА АН СССР. Вып.102. С.8-12.
- Сымонович Э.А. 1964б. Орнаментация черняховской керамики // МИА. №117. С. 270-301.
- Сымонович Э.А. 1965. К вопросу о проникновении населения черняховской культуры в Причерноморье // КСОГАМ за 1963 год. Одесса. С. 182-185.
- Сымонович Э.А. 1966. Погребение I-II вв. н.э. в с. Могильно в Подолии // КСИА АН СССР. Вып.107. С.114-116.
- Сымонович Э.А. 1966а. Перший черняхівський могильник на Північному Причорномор'ї // Археологія. С.196-201.
- Сымонович Э.А. 1966б. Черняховские памятники Северо-Западного Причерноморья // АО 1965 года. М. С.135-137.
- Сымонович Э.А. 1967а. Итоги исследований черняховских памятников в Северном Причерноморье // МИА. №139 С. 205-237.
- Сымонович Э.А. 1967б. Поселения культуры полей погребений в районе города Никополя // МИА №139. С.62-76.
- Сымонович Э.А. 1967в. Новые работы в селе Черняхове // МИА. №139. С.5-27.
- Сымонович Э.А. 1967г. Погребения I-III вв. н.э. Николаевского могильника на Нижнем Днестре // АО 1966 года. М. С.231-232.
- Сымонович Э.А. 1969а. Забытая коллекция В.В. Хвойки // СА №2. С.189-199.
- Сымонович Э.А. 1969б. Раскопки Николаевского могильника на Нижнем Днестре // КСИА АН СССР. Вып. 119. С. 74-80.
- Сымонович Э.А. 1970. Раскопки Черняховского могильника в с. Коблево // АО 1969 года. М. С.262-263.
- Сымонович Э.А. 1971. Культура поздних скифов и черняховские памятники в Нижнем Поднепровье // МИА. №177. С. 63-75.
- Сымонович Э.А. 1971а. Племена Поднепровья в первой половине I тысячелетия н.э. — Автореферат... доктора исторических наук. М. 65с.
- Сымонович Э.А. 1972. Могильник поблизу "городка Миколаївка" на Нижньому Дніпрі // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. К. Вып. IV. С.107-110.
- Сымонович Э.А. 1973. Работы Николаевского отряда в Херсонской и Одесской областях // АО 1972 года. М. с.334-335.
- Сымонович Э.А. 1973. Отчет о работе Черняховского отряда в 1973 г. (разведки в Херсонской и Одесской области) // НА ИА АН УССР. №1073/76.
- Сымонович Э.А. 1974. Разведки в Херсонской и Одесской областях // АО 1973 года. М. С.345-346.
- Сымонович Э.А. 1975. Работы черняховской экспедиции // АО 1974 года. М. С.356-357.
- Сымонович Э.А. 1975. Отчет о работе черняховской экспедиции в Херсонской и Одесской областях в 1975г. // НА ИА АН УССР. №1975/57.
- Сымонович Э.А. 1976. Черняховская экспедиция // АО 1975 года. М. С.397.
- Сымонович Э.А. 1977. Исследования в Поднепровье. // АО за 1976г. С.378.
- Сымонович Э.А. 1977. Стеклянная посуда из поднепровско-причерноморских памятников черняховской культуры // СА. №1. С. 176-186.
- Сымонович Э.А. 1979а. Памятники позднеантичного времени в районе древней Тире // КСИА АН УССР. Вып. 59 С.106-111.
- Сымонович Э.А. 1979б. Коблевский и Ранжевский могильники около Одессы // Могильники черняховской культуры. М. С.63-111.

- Сымонович Э.А. 1980. Придунайский могильник Фурмановка. // Архив ОАМ. №87803.
- Сымонович Э.А. 1981а. Черняхівські горщики Подніпров'я // Археологія. Т.36. С.41-53.
- Сымонович Э.А. 1981б. Находки античного времени из с. Беленькое Белгород-Днестровского района // КСИА АН СССР. Вып.168. с.106-111.
- Сымонович Э.А. 1983 а. Черняхівська кераміка Подніпров'я // Археологія. Т.43. С.26-44.
- Сымонович Э.А. 1983. Население столицы позднескифского царства. 174с.
- Сымонович Э.А. 1983 б. Сюжетные изображения на черняховской керамике // СА. №4 С.132-141.
- Сымонович Э.А. 1983 в. Работы черняховской экспедиции в Причерноморье // АО 1981 года. М. С.324.
- Сымонович Э.А., Гей О.А. 1978. Черняховская экспедиция на Украине. // АО за 1977г. М. С.388-389.
- Сымонович Э.А., Кравченко Н.М. 1983. Погребальные обряды племен черняховской культуры // САИ. М. Вып.Д. 1-22 148с.
- Сымонович Э.А., Яровой А.З. 1968. Поселение Викторовка II в устье Сосицко Березанского лимана (по материалам раскопок М.Ф. Болтенко) // СА. №2 С.169-183.
- Таганова В.И., Козыренко И.И. 1949. Дневник разведки в 1949г. // Архив ОАМ. №69917.
- Терпиловский Р.В. 1984. Ранние славяне Подесенья III-V вв. 124с.
- Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. М. 376с.
- Тиханова М.А. 1957. Локальные варианты черняховской культуры // СА. №4 С.168-194.
- Тиханова М.А. 1963. Раскопки на поселении III-IV вв. у с. Лепесовка в 1957-1959гг. // СА. №2 С.178-191.
- Тиханова М.А. 1973. К вопросу о происхождении гончарной керамики черняховской культуры // Краткие тезисы докладов к научной конференции "Античные города Северного Причерноморья и варварский мир". Л. С.29-31.
- Токарев С.А. 1970. К методике этнографического изучения материальной культуры // СЭ. № 4. С.3-17.
- Третьяков П.Н. 1969. Археологические культуры и этнические общности // Теоретические основы советской археологии. Л. С.28-33.
- Третьяков П.Н. 1974. Древности второй и третьей четверти I тыс.н.э. в Верхнем и Среднем Поднепровье // Раннесредневековые восточные древности. Л. С.40-118.
- Третьяков П.Н. 1982. По следам древних славянских племен. Л. 143 с.
- Фабрициус И.В. 1951. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. К. Вып.1. 131 с.
- Фармаковский Б.В. 1903. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г. // ИАК. Т.8. С.1-70.
- Федоров Г.Б. 1956. К вопросу о сарматской культуре в Молдавии // Известия МФ АН СССР. № 4/31/. С.49-65.
- Федоров Г.Б. 1958. О двух обрядах погребения в черняховской культуре // СА. № 3. С.234-243.
- Федоров Г.Б. 1960. Население Пруто-Днестровского междуречья в I тыс. н.э. // МИА. № 89. 378 с.
- Федоров Г.Б. 1969. Позднесарматский могильник у с. Криничное // Древности Восточной Европы. М. С.248-253.
- Федоров Г.Б., Рошаль М.Г. 1979. Погребение IV в. н.э. у с. Сычавка // СА. № 2. С.265-270.
- Федоров Г.Б., Рошаль М.Г. 1981. Раскопки черняховского могильника у с. Балцаты // АИМ (1974-1976). Кишинев. С.89-106.
- Фокеев М.М. 1982. Поселение первых веков нашей эры. Холмское // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. К. С.119-125.
- Фокеев М.М. 1986. Типы сарматских могильников в Буджакской степи // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. К. С.157-161.
- Фокеев М.М. 1997. К проблеме происхождения жилищ памятников типа Этулия // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса С.295-299.
- Фокеев М.М. 1998. Населення Буджацького степу у I ст. до н.е. – IV ст.н.е. Одеса. 16 с.
- Фурманська А.І. 1957. Археологічні пам'ятки Тіри перших століть нашої ери // Археологія. Т.Х. С.80-93
- Фурманська А.І. 1960. Дослідження на ділянці Золотобалківського поселення у 1952 р. // АП АН УРСР. Вип.9. С.180-190.
- Фурманська А.І. 1959. Раскопки Тиры в 1962-1963 гг. // Античная Тира и средневековый Белгород. К. С.5-19.
- Хавлюк П.І. 1971. Пам'ятки зарубинецької культури на Побужжі // Археологія. Т.4. С.84-95.
- Хавлюк П.І. 1975. Зарубинецька культура Південного Побужжя та Лівобережжя Середнього Дністра // Археологія. Т. XVIII. С.7-19.
- Цалкин В.И. 1966. Древнее животноводство племен Восточной и Средней Азии. М. 158 с.
- Цигилик В.М. 1975. Населення Верхнього Подністров'я перших століть нашої ери. К. 176 с.
- Чеботаренко Г.Ф. 1973. Калфа – городище VIII-X вв. на Днестре. Кишинев. 116 с.
- Чеботаренко Г.Ф., Щербакова Т.А. 1974. Раскопки поселения у с. Этулия // АИМ (1973 г.). Кишинев. С.140-155.
- Черныш Е.К., Черняков И.Т. 1964. Археологические разведки в Подунавье // КСИА АН СССР. Вып.99. С.89-96.
- Черняков И.Т. 1959. Археологическая разведка берегов р. Алкалии // МАСП. Одесса. Вып.III. С.194-200.
- Черняков И.Т. 1960. Археологическая разведка берегов Днестровского лимана // ЗОАО. Одесса. Т.I. С.209-218.
- Черняков И.Т. 1961. Археологические разведки 1960 г. в приморской части междуречья Дуная и Днестра // КСОГАМ.1966 года Одесса. С.9-18.
- Черняков И.Т. 1962. Некоторые археологические находки из Белгородского р-на Одесской области // МАСП. Вып.IV. С.138-142.
- Черняков И.Т. 1963. Археологические разведки 1961 года в юго-западных районах Одесской области // КСОГАМ 1961 года. Одесса. С.47-60.
- Черняков И.Т. 1967. Памятники черняховской культуры в приморской части междуречья Дуная и Днестра (материалы и археологическая карта). // МИА. № 139. С.197-204.
- Шапошнікова О.Г. 1960. Роботи на ділянці В Золотобалківського поселення в 1951 р. // АП УРСР. № 9. С.176-179.
- Шаров О.В. 1988. О хронологии отдельных типов черняховской керамики. // Доклад 29 ноября 1988 г. на первых чтениях памяти М.А. Тихановой. Л.
- Шаров О.В. 1992. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчени и проблема датировки черняховской культуры. // Вопросы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб. С. 158-207.
- Шаров О.В. 1995. Культурно-исторические связи Восточной Европы и Северного Причерноморья в середине III — первой половине IV в. н.э. (древнос-

- ти горизонта Хаслебен и черняховская культура). Автореф. канд. дисс. СПб. 24 с.
- Шелов Д.Б. 1967. Западное и Северное Причерноморье в античную эпоху // *Античное общество*. М. С.219-224.
- Шелов Д.Б. 1972. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М. 350 с.
- Шелов Д.Б. 1975. Северное Причерноморье 2000 лет назад. М. 152 с.
- Шелов Д.Б. 1978. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // *КСИА АН СССР*. Вып.156. С.16-21.
- Шилов В.П. 1968. Позднесарматское погребение у с. Старица // *Античная история и культура Причерноморья и Причерноморья*. Л. С.261-264.
- Шкопил В.В. 1907. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г. // *ИАК*. Вып.25. С.1-66.
- Шмаглий М.М., Черняков И.Т. 1965. Археологічні розвідки 1964 р.в пониззі Дунаю // *Археологія Т.ХІХ*. С.215-221.
- Шмаглий Н.М. 1965. Археологические разведки в зоне строительства Придунайской (Татарбунарской) оросительной системы в 1963 г. // *КСОГАМ за 1963 год*. Одесса С.51-54.
- Шрамко 1971. К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей и лесостепной Скифии // *МИА*. № 177. С.92-102.
- Штительман Ф.М. 1956. Поселения античного периода на побережье Бугского лимана // *МИА*. № 50. С.255-272.
- Шульц П.Н. 1971. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму (Постановка проблемы) // *МИА*. № 177. С.127-143.
- Щапова Т.А.1983. Очерки истории древнего стеклоделия М. 200 с.
- Щербакова Т.А. 1980. Памятники римского времени в зоне Буджакской степи // *АИУ в 1978-1979 гг. Тезисы докладов XVIII конференции ИА АН УССР*. Днепропетровск. С.152.
- Щербакова Т.А. 1980а. Отчет о работе Буджакской новостроечной экспедиции в 1980г. (разведки) // *НА ОЭИ АН МССР*.
- Щербакова Т.А. 1980б. Отчет об охранных археологических раскопках на поселении позднееримского времени у с. Конгаз Комратского района в 1980 г. // *НА ОЭИ АН МССР*.
- Щербакова Т.А. 1981. Могильник первых веков нашей эры у с. Этулия // *АИМ (1974-1976 гг.)*. Кишинев. С.106-116.
- Щербакова Т.А. 1982. Поселения первых веков нашей эры в бассейне оз. Кагул // *АИМ (1977-1978 гг.)*. Кишинев. С.145-160.
- Щербакова Т.А. 1983. Раскопки поселений позднееримского времени у с. Чишмикиой // *АИМ (1979-1980 гг.)*. Кишинев. С.151-171.
- Щербакова Т.А. 1983а. Отчет о полевых исследованиях Томайского отряда Буджакской новостроечной экспедиции на поселении позднееримского времени у с. Томай Чадыр-Лунгского района МССР в 1983 г. // *НА ОЭИ АН МССР*.
- Щербакова Т.А. 1985. Поселения, жилые и хозяйственные сооружения позднескифского времени в зоне Буджакской степи // *Тезисы докладов и сообщений совместной школы-семинара "Этнокультурные и этносоциальные процессы в конце I тысячелетия до н.э. — первой половине I тысячелетия н.э. на юго-западе СССР и сопредельных регионов"*. Ужгород С.63-66.
- Щербакова Т.А. 1987. Жилые и хозяйственные сооружения на поселениях позднееримского времени в зоне Буджакской степи // *Днестро-Дунайское междуречье в I — начале II тыс. н.э.* К. С.42-58.
- Щербакова Т.А. 1991. Памятники типа Этулия, истоки и пути формирования, направленность хозяйственной деятельности. // *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. — V в н.э.)*. К. С. 237-238.
- Щербакова Т.А. 1994. Новые материалы по археологии Нижнего Поднепровья. // *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. — V в н.э.* Материалы междунар. арх. конф. 10-14окт. 1994г. Тирасполь. С.231-232.
- Щербакова Т.А., Власенко И.Г. 1981. Памятники римского времени в степной части Молдавии. Отчет по теме 1978-1980гг. // *НА ОЭИ АН МССР*.
- Щербакова Т.А., Гольцева А.В. 1975. Отчет об охранных археологических раскопках Вулканештской археологической экспедиции в 1975г. // *НА ОЭИ АН МССР*.
- Щербакова Т.А., Чеботаренко Г.Ф. 1973. Усадьба на поселении первых веков н.э. у с. Будешты // *АИМ 1973 года* Кишинев. С.94-104.
- Щукин М.Б. 1968. Вопросы хронологии черняховской культуры и находки амфор // *СА*. № 2. С.41-51.
- Щукин М.Б. 1970. К истории Нижнего Поднепровья в первые века нашей эры // *АСГЭ*. Вып.12. С.54-67.
- Щукин М.Б. 1975. О начальной дате черняховской культуры // *Prace archeologiczne*. Z.22. S.303-317.
- Щукин М.Б. 1979. К предыстории черняховской культуры. Тринадцать секвенций // *АСГЭ*. Вып.20 С.66-89.
- Щукин М.Б., Щербакова Т.А. 1986. К хронологии могильника Данчены // *Рафалович И.А. Данчены*. Кишинев. С.177-212.
- Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тысячелетии н.э. К.184 с.
- Янушевич Э.В. 1986. Культурные растения Северного Причерноморья. Кишинев. 91 с.
- Bichir G.R., Diaconu G.R. 1966. Spätsarmatische Elemente in der Sîntana de Mureş-Tscherniachow Kultur // *Dacia*, NS, T.10- P.357-364.
- Bichir Gh. 1973. Cultura carpică. Bucureşti. 412p.
- Bichir Gh. 1977. Sarmates en Bas-Danube // *Dacia*, NS. T21 167-197p.
- Bichir Gh. 1984. Geto-dacii din Muntenia în epoca romană. Bucureşti. 176p.
- Brukner O. 1981. Rimska keramika u jugoslovonskom delu provincije Donje Panonije. — Beograd. 104s.
- Dąbrowska T. 1976. Początek okresu wpływów rzymskich w Polsce Wschodniej // *Kultury archeologiczne i strefy kulturowe w Europie środkowej w okresie wpływów rzymskich* // *Zeszyty naukowe uniwersytetu Jagiellońskiego*. Warszawa-Kraków. T.422. Zeszyt 22.
- Diaconu Gh. 1962. Despre pandativele prizmatice de os din necropole de la Tîrgşor // *SCIV*. N2. P.441-445.
- Diaconu Gh. 1965 Tîrgşor. Necropola din secolele III-IV e.n. Bucureşti. 153p.
- Diaconu Gh. 1970. Über die scheibengedrehte Keramik in der Sîntana de Mureş-Tscherniachowkultur // *Dacia*, NS, T. XIX. — S.143-250.
- Ebert M. 1913a. Ausgrabungen bei dem Guten Marizyn // *PZ*. B.V. S.1-80.
- Ebert M. 1913b. Ausgrabungen bei dem "Gorodok Nikolajewka" am Dnjepr, Gouv. Cherson // *Pz*. B.V. H. 1-2 S.80-113.
- Gesinger F. Peutingeria // *R. Enc. Stuttgart*. B XIX. Kol. 1405-1412.

- Godłowski L. 1977. Materiały do poznania kultury przeworskiej na Górnem Śląsku // MZW. Warszawa. 255-383.
- Gudkova A.V., Krapivina V.V. 1997. Grautönige Scheibengedrehte Keramik aus Tyras, Olbia und Tschernjachow-Kultur. Vergleichende Analyse // *Mare Nero*. II – 1995/96. Roma-Paris. S.61-84.
- Ioniță I. 1966. Contribuții cu privire la cultura de Sîntana de Mureș-Cerneshov pe teritoriul Republicii Socialiste România // *Arheologia Moldovei*. T.IV. P.189-260.
- Ioniță I. 1982. Din istoria și civilizația dacilor liberi. Dacii din spațiul est-carpatic în secolele II-IV e.n. Iași. 126p.
- Ioniță I. 1991. Die Fibeln mit umgeschlagenem Fuß in der Sîntana-de-Mureș-Cernjachov Kultur. Peregrinatio Gothica — Fredrikstad, Norway. Oslo. S. 77-90.
- Itineraria Romana. 1916. Römische Reisewege an der Hand der Tabula Peutingeriana dargestellt von Konrad Miller. Stuttgart. 992S.
- Kubitschek W. 1919. Karten // *R. Enc. Stuttgart*. B.XX. Kol. 2126-2143.
- Łowmiański H. 1964. Początki Polski. Poznań. T.1. 426 s.
- Macrea M., Rusu M. 1960. Der dakische Bestattungsbrauch in der Spätlatenezeit // *Dacia*, Ns. T.IV. P.201-230.
- Media R. 1977. Spraczkii okucia pasa na ziemiach polskich w okresie rzymskim // *MSW*. T.IV. S.357-409.
- Mitrea B., Preda C. Necropole din secolul al IV-lea în Muntenia. București. 403p.
- Palade V. 1980. Elements géto-daces dans le site Sîntana de Mureș de Bîrlad — Valea-Seacă. // *Dacia*. T. XXIX. P. 223-254.
- Peschek Ch. 1939. Die frühwandalische Kultur in Mittelschlesien (100 bis 200 nach Chr.). Leipzig. 38S.
- Petrescu-Dîmbovița M. 1957. Les principaux résultats des fouilles de Trușești // *Analele științifice ale Universității Al. Cuza din Iași. Secțiunea III (Științe sociale)*. Anul 5.- T.III, 1-2. -P.18-21.
- Póozy Cb.K. 1956. Töpferwerkstätten von Aquineum // *Acta Archeologica*. Budapest. T.VII. F.1. S.73-138.
- Prahistoria,... 1981. Prahistoria ziem polskich. Późny okres latenski // *Ossolineum*. T.V. 460 s.
- Preda C. 1980. Callatis. Necropola romano-bizantina. București 44p.
- Rau G. 1972. Körpergräber mit Glasebeigaben des 4. nachchristlichen Jahrhunderts im Oder-Weichsel Raum // *Acta Praehistorica et Archaeologica*. — Berlin. Vol.3 S.109-214.
- Rau G. 1975. Spätantike Glassfunde im Karpatenraum // *Zeitschrift für Ostforschungen*. 1975. H.3. S.464-485.
- Scorpan C. 1977. Contribution à la connaissance de certains types céramiques romano-byzantins (IV-e - VII-e siècle) dans l'espace Istro-Pontique. // *Dacia*, NS, 1977. T.XXI P.
- Sultov B. 1976. Ancient Potter Centres in Moesia Inferior. Sofia. 24 p.
- Sultov B. 1985. Ceramic Production on the territory of Nicopolis and Istrum (II-nd — IVth century). // *Terra Antiqua Balcanica*. 1. Sofia. — V. LII. 132p.
- Szczukin W. Zabytki wielbarskie a kultura czerniachowska // *Problemy Kultury wielbarskiej*. Słupsk. S.135-161.
- Tejral J. 1972. Die Donauländische Variante der Drehscheiben Keramik mit eingeglattete Verzierung in Mähren und ihre Beziehung zur Tschernjachower Kultur. // *Vznik a počatky Slovanu*. Praha. S. 77-139.
- Teodor D. Gh. 1984. Civilizația romanică la est de Carpați în secolele V-VII e.n. Așezarea de la Botoșana-Suceava. București. 129p.
- Thomas S. 1960. Studien zu den germanischen Kämmen der römischen Kaiserzeit // *Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege*. — Leipzig. S.109-214.
- Tomaschek.1894. Agalingus // *R. Enz. Stuttgart*. B.1. Kol. 717.
- Vulpe R. 1957. Izvoare. Săpăturile din 1936-1948. București. 396p.
- Werner J. 1959. Studien zu Grabfunden des V. Jahrhunderts aus der Slowakei und der Karpatenukraine // *Slovenska archeologia*. — Bratislava. T.VII-2. S.422-438.
- Wołagiewicz R. 1981. Kultura wielbarska — problemy interpretacji etnicznej // *Problemy kultury wielbarskiej*. Słupsk. S.79-106.